

ВОЙНА...
ПОЭЗИЯ
ВСЕРЬЁЗ

Поэты, чьи произведения представлены в антологии, сказали своё слово не только о самой Великой Отечественной войне (1941–1945), но и о памяти этих событий в последующих поколениях. Они – люди разных возрастов и национальностей. Среди них те, чьи имена уже 77 лет связаны воедино со словом «война» на страницах учебников, и не менее значительные авторы, по воле судьбы оставшиеся на втором плане – так сказать, в тени «славных» товарищей.

Показать многоголосье, разноплановость в творчестве не только внутри одного поколения, но и в исторической перспективе – вот одна из задач, которую мы попробовали решить, вдохновляясь словами А.Т. Твардовского «Война всерьёз. Поэзия... всерьёз».

Три поколения русской поэзии... Мы условно назвали авторов отцами, детьми и внуками. Впервые их творчество собрано и представлено столь широко и полно, объединённое одной темой – Великой Отечественной войны и памяти о ней. Хотя правильнее будет сказать – темой войны и мира. Неразрывное единство этих противоположностей пытались осмыслить поэты, а мы – собрать под одной обложкой, чтобы современники и потомки никогда не забывали опыт своих героических многострадальных предков, защитивших не только нас, живущих сегодня в России, но и всё человечество от фашизма.

Мы бы не справились с этой работой одни – без помощи наследников авторов, писателей-подвижников, краеведов, библиотекарей и многих-многих людей, неравнодушных к русской культуре и памяти народа-победителя.

Низкий благодарственный поклон всем соратникам.

ДМИТРИЙ МИЗГУЛИН
ПОЭТ

БОРИС ЛУКИН
ПОЭТ

Литературный фонд «Дорога жизни»

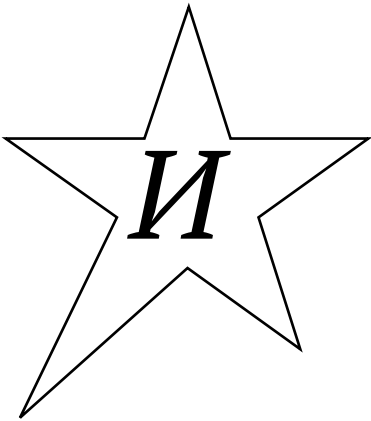
Возрождение **Тобольска**
общественный благотворительный фонд

ВОЙНА

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
(1941–1945)

В РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX–XXI ВВ.

АНТОЛОГИЯ

МИР

Книга XII / С–Я

Авторы с 1946 по 1955 г.р.

УДК 821.161.1 (082.2)
ББК 84(2=411.2) 6-я43
В 65

+14

ВОЙНА И МИР
АНТОЛОГИЯ ПОЭЗИИ
НЕКОММЕРЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
Сайт проекта: www.stihi1941-1945.ru

Издатель: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД «ДОРОГА ЖИЗНИ»
(президент – Д.А. Мизгулин)
Идея проекта: Д.А. Мизгулин
Руководитель проекта – Д.А. Мизгулин
Главный редактор и составитель – Б.И. Лукин

В 65 **ВОЙНА И МИР.** Антология: Великая Отечественная война (1941–1945) в русской поэзии XX–XXI вв./ Идея проекта: Дмитрий Мизгулин. Главный редактор, редактор-составитель – Борис Лукин. В 18 книгах. Кн. XII (Дети; С–Я; дополнения к X–XI книгам, авторы с 1946 по 1955 г.р.). Послесловие – Б.И. Лукин. – Первый ИПХ, 2023. – 520 с.

ISBN 978-5-9288-0300-1
ISBN 978-5-6049330-5-3

«Война и мир» – фундаментальная антология русской поэзии в 18 книгах, посвящённая подвигу народов многонационального Советского Союза в Великой Отечественной войне. В собрание включены стихи, созданные в 1941–1945 годах и в послевоенные десятилетия XX–XXI веков.

Данная мемориальная книга жизни народа, издающаяся в честь Великой Победы над фашизмом, впервые столь полно представляет объединённое общей темой творчество поэтов различных поколений нашей страны. Большинство включённых в издание произведений давно стали классическими, другие только сейчас дождались своего часа и также войдут в сокровищницу русской литературы.

В антологии впервые целю прослежена работа трёх поколений писателей, условно названных нами отцами, детьми и внуками. Тома составлены по возрастному принципу: в I–V книгах (изданы в 2015–2016 гг.) – творчество поэтов, родившихся до 1927 года, в VI–IX – с 1927 по 1945 год (изданы в 2020 г.), в X–XII – с 1946 по 1955 год, в XIII–XV – с 1956 года, XVI–XVIII тома – дополнительные. Для удобства поиска все авторы в каждой возрастной группе расположены по алфавиту.

Неоспоримо историческое значение собранных в антологии произведений участников боёв и тружеников тыла, чьи строки сполна оплачены кровью, потом и слезами, переживших грозное лихолетье детей войны и внуков, в чьи судьбы война вторглась лишь эхом, но грозным эхом генетической памяти. Издание дополнено фотографиями и биографическими данными поэтов.

УДК 821.161.1 (082.2)
ББК 84(2=411.2) 6-я43

ISBN 978-5-9288-0300-1
ISBN 978-5-6049330-5-3

- © Мизгулин Д.А., идея проекта, 2015–2023
- © Мизгулин Д.А., руководитель проекта, 2015–2023
- © Лукин Б.И., редакция, составление, обложка, оформление, тексты, 2015–2023
- © Авторы, наследники, тексты, 2023

ПОСЛЕВОЕННЫМ ПОКОЛЕНЬЕМ
МЫ НАЗЫВАЕМСЯ ТЕПЕРЬ.
А БЫЛИ ПЕРВЫМ ПОПОЛНЕНЬЕМ
НЕВОСПОЛНИМЫХ ТЕХ ПОТЕРЬ.

И, ВИДНО, ИЗ ТАКОГО ПЕКЛА
НАС ВЫДОХНУЛА В ЖИЗНЬ ВОЙНА,
ЧТО В НАШИХ ЖИЛАХ НЕ ПОМЕРКЛА
НИ БОЛЬ, НИ СЛАВА, НИ ВИНА.

Галина Умывакина

ПОБЕДА
1945–2023

САЛОМАТИН ВЯЧЕСЛАВ / 1951–2015

ЛЕЙТЕНАНТ

Он – командир. До умопомраченья
Натаскан наступать и побеждать.
Ни разу он в атаке, в отступленье
Не вспоминал свою и Божью мать.

Своей звезде румяный мальчик верен.
И весь его багаж – не вещи, нет, –
Уставы, по которым он намерен
Сверять свой путь до маршальских побед.

Немало одолеть ему придётся,
Чтобы открылось: Жуковы нужны
Для повидавшей столько бед страны...

Но всё-таки – важнее полководцы,
Что не допустят никогда войны!

*Печатается по антологии «Слово о Великой Победе»
(Екатеринбург, 2020).*

СИДОРЕНКО ИННА / 1946

ВИНТОВКА ДЕСАНТНИКА

Затуплен штык. Заржавлен магазин.
Тогда две пули не достигли цели.
Находка героических глубин
Свинцовой, сорок первого, метели.
Все не успел патроны расстрелять...
Безвестны имена их. Вечно святы.
Чья юная жена, седая мать
У юрты плакала, разбитой хаты?
Он был убит в напористом бою
Десанта. В дивной бухте Кара-Дага.
Они идут, восставшие, в строю
«Бессмертного полка» под алым стягом.

Печатается по альманаху «Новый Енисейский литератор», № 2, 2021.

СИЛКИН ВЛАДИМИР / 1954

ЗВЕЗДА ОТЦА

В небе звёздам нет конца,
Но далёко где-то
Светит мне звезда отца
И ведёт по свету.

Горяча иль холодна,
Знать того не знаю.
Много лет горит она,
Нас соединяя.

На её шагаю свет
В этот век жестокий,
Всё иду за батей вслед
В тот июнь далёкий.

А вокруг свистят шмели.
Или, может, пули?
Если б только мы могли,
То отцов вернули.

Чтоб услышать их сердца,
Чтоб наград коснуться...
Светит мне звезда отца,
Не даёт споткнуться.

1984

ОБЕЛИСКИ

В суровой строгости полей
Идут путём таким неблизким
По тихой Родине моей
С войны солдаты – обелиски.

Они проходят мимо хат,
Полями, рощами проходят.
Пути знакомого назад
Никак ребята не находят.

Сквозь камень их сердца стучат,
Сердца, не звёзды, светят людям,

Идут солдаты по ночам,
Не слыша грохота орудий.

А там, вцепившись в тишину,
В родном краю, где зреют сливы,
Их провожают на войну
Девчонки, плача молчаливо.

Немало их стоит окрест,
Тех обелисков, тех отметин,
И давших клятву ждать невест,
Которым ночью снятся дети.

1975

ЗРЯ?

Вернисажи на Арбате,
Нищета внутри страны...
И за это дрался батя,
Мёрз в окопах полвойны?

Зря, представленный к награде,
Но её не получив,
Без руки вернулся дядя
И сосед остался жив?

Зря лежат на поле брани,
Сжав два русских кулака,
Оба деда из Рязани,
Два рязанских Василька?!

2010

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ

*16 августа 2005 года ушёл из жизни
Шота Шургая, последний Герой
Советского Союза, грузин*

Вот ведь жизнь пошла какая:
Разделила, развела.
Слышал, что Шоту Шургая
Смерть неожиданно забрала.

На повозку погрузила,
Повезла к себе домой,
Но не знала, что – грузина,
Но не знала, что – Герой.

А ведь шла за ним по свету,
Где бы только ни бывал.
Шла, когда стране победу
Над фашистом добывал.

Шла сейчас, не чуя груза,
Шла, его перекрестив,
От Советского Союза
Часть Кавказа отломив.

Шла неслышно, как когда-то,
В город скорби и крестов,
Мимо ярких флагов НАТО,
Мимо чьих-то блокпостов.

Вот и в Грузии не стало
Ни Героя за Берлин.
От кремлёвской ниши Сталин
Честь отдал тебе, грузин.

Может, встретитесь когда-то
Там, где будет Божий суд,
Если только танки НАТО
По могилам не пройдут.

2006

Подборка представлена автором.

СИМАКОВ АЛЕКСАНДР / 1950–2011

МОЁ ФАМИЛЬНОЕ

Был артналёт. Под этим «градом»
сухую землю била дрожь.
Но заглушило канонаду
тысячеустое – «Даё-ё-шь!».
И мир качнуло от аллюра,

слепили высверки подков.
А ну, попробуй-ка, Петлюра,
лихих будёновских клинков!
И в этом гуле эскадронов,
неудержим в семнадцать лет,
и атаманов, и баронов
по-комсомольски бил мой дед...

От гари почернели маки,
и за селом дымилась рожь,
но полк поднялся в контратаке,
рванув победное – «Даёшь!».
«Даёшь Берлин! Даёшь победу!» –
из комсомольских шло сердец.
Так в той войне на смену деду
в солдатский строй встал мой отец
и к ненавистному рейхстагу
шёл до победного конца.
Медаль принёс он «За отвагу»,
на теле – памятки свинца.

...Застыло солнце в небе хмуром.
Мороз такой, что невтерпёж,
но раздаётся над Амуром
моё фамильное – «Даёшь!».

У ПАМЯТНИКОВ НОВОРОССИЙСКА

1

Кровь насквозь пропитала
тельняшку и клёш,
и тяжёлые капли упали в траву.
Но матрос всё твердил
непреклонное:
– Врешь!
Я на свете, братишки,
ещё поживу!.. –
Был приказ лаконичен:
ни шагу назад!
И свинец закипал
в раскалённом стволе...
Им не надо рассказывать
байки про ад,

тем, кто был
в сорок третьем
на Малой земле.
...Потускневший осколок
кладу на ладонь.
Он ещё не остыл,
до сих пор он горяч.
Полыхает на площади Вечный огонь,
где девчонка играет
так весело в мяч.

2

...Ракета!
И встали они в полный рост
в ста шагах от фашистского дота.
Превратятся позиции немцев
в погост –
атакует морская пехота!
Сняв ушанку,
надел бескозырку матрос.
Кто-то крикнул ему:
– Эй, на баке!
Ты зачем бескозырку-то в экий мороз?
– Для атаки, браток,
для атаки.

ЭХО

Мой сынок,
где могила твоя?
Не сказала о том похоронка...
– Воронка...

Где тот край?
Где беда над тобою нависла?
– Висла...

Где твой друг,
что тебя своим телом
закрыв от снаряда?
– Рядом...

Мой сынок,
журавли потянулись
над степью привольной.
– Больно...

А у нас уже осень,
и яблоки бьются
о старую крышу...
– Слышу...

Всё мне кажется ночью:
Не ты ль это хлопнул вдруг дверью?
– Верю...

Мой сынок,
я так часто тебя вспоминаю!
– Знаю...

Отдала б,
если можно тебя воскресить,
я всю кровь до последнего грамма!
– Мама... мама... мама...

ПАМЯТЬ

Ты помнишь, отец, у ворот Будапешта
в сто тысяч стволов громяющий бой,
такой, что невольно слабела надежда
живым-невредимым вернуться домой.

Свинцовой косою покослены травы,
и воздух калёным железом пропах.
И твой помкомвзвода – «хохол з-пид Полтавы» –
лежал возле дота с гранатой в руках...

И вот я сейчас, путь проделав неблизкий
из дальней тайги к голубому Дунаю,
читаю фамилии на обелиске
и голову низко пред ними склоняю.

На том обелиске, дождями омытом,
цветы круглый год украшают гранит.
Никто не забыт и ничто не забыто –
венгерский народ нашу память хранит.

К. Костерину

Сапожник дядя Костя –
известный балагур.
Заглянешь к нему в гости,
он скажет: «Перекур!» –
и в сторону отложит
колодку, молоток.
Как остро пахнет кожей
от туфель и сапог!
Он встанет на култышки,
протянет руку нам.
Возьмём его под мышки,
усадим у окна.
Закурим из кисета
хозяйский горлодёр.
Начнём про то да это
неспешный разговор.
Расскажет нам хозяин
про город Белосток*,
про госпиталь, где в мае
очнулся он без ног.
Расспросим, как ведётся,
о ранах, о врачах,
Но взгляд его споткнётся
на наших кирзачах.
И так неловкость скрутит,
что нам бы – за порог...
А дядя Костя шутит:
– Сапожник без сапог...

Деревенька Ивановка,
восемнадцать дворов.
На лугу за околицей
восемнадцать коров.
Деревенька Ивановка,
восемнадцать домов.
По утрам над деревнею
восемнадцать дымов.

* На северо-востоке Польши. Во время Второй мировой войны дважды переходил к Германии и дважды – к СССР.

Деревенька Ивановка,
восемнадцать семей.
Восемнадцать семей –
тридцать шесть сыновей.
Над деревней Ивановкой
Льёт печаль жаворонок:
тридцать шесть сыновей –
тридцать шесть похоронок.

Подборка представлена автором.

СИНЕЛЬНИКОВ МИХАИЛ / 1946

КАЗАНСКИЙ ВОКЗАЛ

Пойми: я старше пропылённого
Складского здания вокзального,
Проржавленного, отдалённого,
Оплавленного и опального.
И я – ровесник этих росписей,
Победной спеси и державности,
Мои товарищи: кто – в хосписе,
Кто – в нескончающейся давности.
И помню я портрет с лампасами
В бездонном зале ожидания
И робость, сдавленную массами,
Как наше первое свидание.

Думая о воплощеньи,
Как я избрал, не пойму,
В этом своём возвращеньи
Азии пыльную тьму.
В цепкой блокадной метели
Высмотрел мать и отца,
Чтобы они улетели
В царство овцы и волчца.
Выгучил эти названья,
Вызвал пустынь сухостей,
Выбрал страну обитанья
В мысли бессонной твоей.
Выбрал богатство закатов,
Долгих прощаний года...

Надо бы, всё запечатав,
Не возвращаться туда!
Всё остальное – в склонённых
Толпах, усталых на вид,
В свитках Эсхила, в колоннах
И остриях пирамид.

ДЕТСТВО В АЗИИ

– Гоголь-моголь! – кричали с арбы
дребезжащей,
Мы вдогонку бежали, ныряя в пыли,
За напитком, которого не было слаще,
И железки, бутылки и тряпки несли.
Мать горячее пойло из рук вырывала,
Выливала в траву... Почему, почему
Лишь цветенье урюка и глину дувала*
Я любил в этой жизни, текущей во тьму?
Гоголь-моголя жалко... Но, так или этак,
Чьё-то горе проехало и увезло
Проржавелую жесть
и тряпьё пятилеток,
Помутневших пиров и похмелий стекло.

ДОВОЕННЫЕ ПЕСНИ

Эти песни, чуждые печали,
Понимались с вихрем кавполка**
И страну с рассветом извещали,
Как она вольна и широка.
Каторжник от этого мажора,
Пробуждаясь, сбрасывал бушлат,
Трепетали реки и озёра,
И мосты гремели невпопад.
А потом звучали песни глуше,
Но, вобрав земную глубину,
Только ожидание Катюши
Помогало выжить и в плену.

*Печатается по «Литературной газете», № 6777, 24.03.2021,
и журналу «Знамя», № 12, 2002.*

* Дувал – глинобитный или булыжный забор либо кирпичная стена дома в Средней Азии.
** Кавалерийского полка.

СИТНИКОВ ВАСИЛИЙ / 1951

В. Коротяеву

Напевала мать
Мне про Чуйский тракт,
Песней душу
Детскую ранила.
Было, было так,
Только не слышать,
Чтоб ту песню
Спели по радио.

Фронтвик-отец
В песнях тоже спец.
Пел про Порт-Артур
С лёгким вызовом.
Только песню ту
Ни один певец
Не исполнит
По телевизору.

Наша жизнь смешна,
Убегаем в рань
Влиться в новый день
С перегрузками.
Тяжела мошна,
А дела-то дрянь,
Коль забыли мы
Песни русские.

*Печатается по газете «Маяк»
(приложение «Литературный маяк», 18.08.2016).*

СКАРЛЫГИН ГЕННАДИЙ / 1950

ДЕД

Сказали – без вести пропал.
Но я не верю, сводки стёрты.
Ко мне приходит Петрован,
Мой дед, в линиялой гимнастёрке.

Садится с краю на кровать,
Высокий и сорокалетний.
«Устал я, паря, воевать.
Верни меня, внучок, в деревню.

Ты дай мне в руки мой топор,
Ведь я был плотником от бога.
Да и в деревне до сих пор
Моя нужна людям подмога».

ФРОНТОВИКИ

Какие лица смотрят на меня!
Не убежать от этих фотографий.
Какой-то добрый свет живёт во взгляде,
В манере встать и в простеньком наряде,
В морщинах рук, в открытости лица...

Как удалось, пройдя через огонь,
Им сохранить не злобу, не жестокость,
А тихую любовь и даже робость?
И даже нашей жизни однобокость
Не затуманит взгляда у отца.

Такое свойство истинной души,
Овеянной и порохом, и дымом.
Она не ходит тёмным пилигримом,
А каждой пядью жизни дорожит.

КАЛИНА

Зимой простояла калина,
Красным огнём горя.
А вечерами длинными
Она согревала меня.

Сладким с горчинкой соком
Её напоила земля.
И в этом был смысл высокий,
Как всё в этом мире не зря.

Калину к себе я вывез
С бабушкиного двора.
Листьев зелёный вырез –
Слова в них шумят, ветра.

Услышу опять, как прежде,
С хитринкой её говорок.
А меж деревьев вешних
Мелькнёт её рюкзачок.

Когда нахлынули беды,
Осталась она одна.
Для фронта и для Победы
Вязала носки она.

И нас, лоботрясов, выходила –
Бог нам её даровал...
Ухнет в калине выхухоль.
Вздоргнув, зажгу дрова.

Сладким с горчинкой соком
Её напоила земля.
И в этом был смысл высокий,
Как всё в этом мире не зря.

Сколько мудрости в песне народной!
Бесконечны напевы, легки.
То нахлынет струёю холодной,
Как дыханье могучей реки.

То, послушайте, во прибрежных
Она шепчется тальниках.
То зальётся мелодией нежной,
То затихнет. То снова, легка,

Полетит по бескрайнему морю –
По зелёным полям и лугам.

Сколько в ней освежающей боли,
Сколько грусти! И вижу – что там,

На далёких и прежних заставах,
Где тревожные ветры метут,
Мои предки встают не для славы,
Не для радости песни поют.

Что же ты говоришь, говоришь...
Что-то, наверное, важное.
А я витаю далёко, вишь...
Ты продолжай, отважная.

В море слов легко утонуть,
Легко затеряться в их частоколе.
Жить ощущениями как-нибудь
Сложнее того, что глаголем.

Всё же давай помолчим...
Может, не к месту и мысли.
В Каунасе, помнишь, грачи
На проводах нависли.

Помнишь, бродили тогда
Мы у Девятого форта.
Стыли слова. И вода
Была густым аккордом...

Видишь – лист прилепился,
Под ветерком алеет.
Где-нибудь в Саласпилсе*
Ему тревожнее на аллеях.

Сомнут дождевики-стрекозы
Лист на краю Майданека**.
Там давно затвердели слёзы,
Сгнили следы охранников.

Подборка предоставлена автором.

* Саласпилс – город в Латвии, недалеко от которого во время Второй мировой войны находился детский концлагерь «Куртенгоф».

** Майданек – лагерь смерти нацистской Германии на окраине польского города Люблина. В настоящее время – музей.

СКВОРЦОВ ВЛАДИМИР / 1954

НАСЛЕДСТВО

*Степану Емельяновичу Скворцову, прошедшему
всю войну, неоднократно раненному,
награждённому боевыми орденами и медалями*

Помню, как-то сокрушалась
В клубе модница одна:
«Сколько лет уже промчалось,
Как закончилась война!
Что ты пишешь, в самом деле?!
Разве могут до сих пор
Быть осколки в чьём-то теле?
Это, кажется мне, вздор!»
Кто-то встал, с ней спорил рьяно...
И подумалось вдруг мне:
Знают дети ветеранов
Достоверней о войне.
Нам всю жизнь гордиться стоит,
Хоть заслуги в этом нет!
Помню, как отец простонет
Да зажжёт на кухне свет.
Забормочет хриповато
Что-то там – не разберёшь,
До того витиевато:
И про Бога, и про вошь...

Пот со лба смахнёт ладонью
Чёрствой, твёрдой, что кора...
Не пожалуется с болью –
Лишь прокурит до утра...
А бывало, к непогоде,
Как заслышу стон в ночи,
И во мне осколки вроде
Вдруг забродят – хоть кричи!
Пусть плодятся кривотолки –
Это честь, а не беда:
С детства впились мне осколки
Прямо в сердце – навсегда!

*Печатается по книге «Свет Победы» (СПб.: ИИЦ Правительства
Санкт-Петербурга ОАО «Петроцентр», 2015).*

СЛАСТНИКОВ НИКОЛАЙ / 1955–2018

*Я знаю: никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны...
А. Твардовский*

Солдат уходит на войну,
Чтоб искупить свою вину –
Пред теми, кто уже погиб,
Пред теми, что ещё могли б...

Солдат уходит на войну.
Его учили много лет:
Погибнуть за свою страну –
Прекрасней доли в мире нет.

А он ещё совсем юнец,
А он не знает, что к чему.
Его благословит отец,
Мать перекрестит лоб ему.

А после прозвучит приказ.
Патроны старшина раздаст.
И будут в штабе ночь писать,
Как шли ребята умирать.

Взят будет вражеский редут.
Их смерть геройской назовут.
Уходит на войну солдат.
А он ни в чём не виноват.

Все земли священны, что кровью политы.
Все сёла священны и все города.
И всюду, где вижу гранитные плиты,
На всех языках я прочту без труда –

В любую погоду, любую порою
Слова загораются памятью дней:
«В боях за Отчизну... пал смертью героя...»
А память всё ярче, и буквы видней.

ВСПОМИНАЕТ МАЙОР

Отгремела гроза,
отшумела раскатами грома.
Снова солнце встаёт
и плывёт над равниной земной...
Но тревожная память
прожектором аэродрома
ловит тёмные тени
и гасит одну за одной...

Вспоминает майор.
Он сегодня уходит в отставку.
Он своё отслужил,
и пора подытожить года.
Впрочем, к выслуге лет
надо всё-таки сделать поправку:
их легко распознать –
ветеранов войны и труда.

Вспоминает майор.
Вспоминает жестокие годы.
В чёрном цвете Мадрид,
В красном – Ханко,
и в жёлтом – Хинган...
Лишь закроет глаза –
налетают в крестах самолёты,
и кричит лейтенант:
«Батарея! Огонь по врагам!»
Из горящего Бреста
он вышел одним из последних.
Шли по ровенским топям.
Шутил старшина Бутурлин:
«Не тужи, командир!
Мне, однако, приснилось намерении,
что обратным путём
мы шагаем с тобой на Берлин...»
На Смоленской земле
он остался с посмертною славой –
Алексей Бутурлин,
весельчак, астраханский рыбак...

Вспоминает майор,
как своей недолеченной правой
он вписал его имя,

впечатал в разбитый рейхстаг.
Ах, какая весна –
огнекрылая птица Победы!
Как тогда пронеслась
над разбуженным миром она!
А потом – тишина,
непривычные взгляду рассветы.
Только в сердце бои
да погибших друзей имена...

Была война. Была война...
А я хочу её представить.
По книгам – страшная она,
По фильмам – страшная она,
Но не моя живёт в них память.

А я обязан знать её!
Я должен слышать свист шрапнели.
Холодной стали острие
В разгорячённом боем теле
Я должен чувствовать... но мне
Не довелось гореть в огне...

И где найти теперь отвагу,
Чтобы вдохнуть в пятнадцать строк
И боль, и горечь тех дорог,
Что от Кремля вели к рейхстагу?..

ПАМЯТЬ

*Памяти дяди, Д.Ф. Неустроева,
погибшего в 1941 году*

Открою книгу – пёстрые страницы
На миг осветят душу мне, и вновь
Уйдут в туман расплывчатые лица.
Ни выстрела, ни шороха, ни слов...

Мне говорят: пустое это дело,
Да и не грех ли мёртвых «ворошить»
Теперь, когда отвыло, отгремело,
И что не лучше ль днём грядущим жить.

Мол, нет давно страны в тележном скрипе:
Иной разбег, размах теперь иной!..
Но по ночам так громко плачут выпи,
Как будто им опять грозят войной;

Как будто их война осиротила,
В болотных мхах жилища их сожгла,
И резко пахнет горечью тротила,
И вместо леса – серая зола...

...Ушла война за месяцы, за годы.
Теперь лишь гром в небесной вышине.
А то, что дым, так то дымят заводы,
А то, что гул – комбайны на стерне.

Ушла война. В полях шумит пшеница.
Цветут цветы, смеётся детвора.
И если где-то плачут ночью птицы,
Так то у них любовная игра.

Но почему же сердце не на месте
И мысли бродят, бродят невпопад?
Кто мне расскажет о горящем Бресте?
Кто был последний в крепости солдат?..

*Памяти Е.Д. Костюхиной,
участницы Великой
Отечественной войны*

Она была сурова и пряма.
Война её перемолола душу.
Она была радисткой в штабе фронта
И видела лишь кровь и смерть вокруг.

Она так много знала о войне,
Что ничего о ней не говорила.
Все шифрограммы из Верховной ставки
Она хранила в памяти своей.

Давным-давно окончилась война,
И лишь в душе она жила доньше.
Сегодня мы её похоронили.
Её войну и тайны той войны...

Март 2012 г.

Подборка была предоставлена автором.

СЛЕПНЁВ ИВАН / 1948–2018

БАБУШКА

Я была молоденькая,
Но прошли года.
Родина, как родинка,
Раз и навсегда.

Я была богатою
Щедростью земли, –
Немцы вместе с хатою
Жизнь мою сожгли.

Месяц в небе вздрагивал,
Сыпались сады.
Я старинный заговор
Знала от беды.

И звучат как в пропасти
Те слова мои
От испуга, робости,
Пули и змеи.

На заре с подругами –
Только молодей –
Запрягались в плуги мы
Вместо лошадей.

Солнце за берёзами
Гаснет на ветру.
Я перед морозами,
Кажется, помру.

Не боюсь в пустыне той
Даже чёрных ям,
Лишь меня пустили бы
К рóдным сыновьям.

ГОРЕ ВОЙНЫ

Затрещали бинты и ремни,
Донеслось замешательство гула...
Подошло ко мне горе войны
И ревниво в глаза заглянуло.

Из-под нервных обугленных век
Полыхнуло смертельное море:
– Не боишься меня, человек,
Не забыл ты военного горя?!

У суровых солдатских могил
Я, подкошенный, стал на колени.
Нет, война, ничего не забыл,
Ты пылаешь в моём поколеньи!..

И тревоги и тайны полна,
Не подвластна случайному зову.
Но тебя не боюсь я, война,
Проходи подобра-поздорову!

Печатается по книге «Шёл солдат...» (М.: «Современник», 1985).

СЛОБОДЧИКОВ ВАЛЕРИЙ / 1948–2012

ОТЕЦ, МЫ СРАВНЯЛИСЬ ГОДАМИ

Стопка с водкой.
Сверху хлеб, посоленный круто.
На пунцовой парче награды:
два ордена Красной Звезды
(с уголков откололась эмаль),
счёт медалям открывает «За боевые заслуги»...

– Здравствуй, батя.
Сегодня – 9 Мая.
Стол накрыт.
За тобой, как и прежде, первое слово...

Вот только дождёмся к застолью внука... –
Три красных гвоздики к портрету.
Рука молодая пробежалась
по выцветшим лентам колодок медалей...

– Сын, что так пристально смотришь на деда?

– Слышишь, батя,
вы с дедом сравнивались годами...

Выпита стопка.
Затянулась минута молчания.
Память горько-солёной слезой
просочилась сквозь годы...

– Что нам скажешь, отец?

– Спасибо за память.
Идите на площадь,
там люди, там всегда молодая Победа.

Стихотворение было предоставлено автором.

СМЕРТИНА ТАТЬЯНА / 1948

МГНОВЕНИЕ

Сидела с бабкой у окна.
Она латала полотенца.
Иголка бегала, легка...
Кормила рядом я младенца.
Сыночка, первенца пока...
И вдруг – огонь стегнул над лесом,
И осветило нас троих,
И раскатилось – с треском, блеском!
И рухнуло меж тонких ив!
Мгновенно сына заслонив,
Я вся рванулась от окна,
Себя ли, бабку ли спросив:
«Не так ли сгрохает война?»
И бабка взохала на это:
«Сейчас война –
Конец бел света!»

И горбясь в росчерках огня,
Забыла вдруг про полотенца...
Она смотрела на меня,
Я – на младенца.

*Печатается по антологии военной поэзии
«Ты припомни, Россия, как всё это было!..» (М.: «Вече», 2014).*

СМЕТАНИН СЕРГЕЙ / 1952

Я не видел войны. Я боёв не слышал.
Я на ратные темы не спорю.
Мне ли случай винить, что не каждому дал
Испытать на себе это горе?

Не застал меня в Бресте чужой миномёт
И салют средь берлинских развалин:
Мне родиться ещё предстояло за год
До того, как скончается Сталин.

Но, наверно, виновны в том гены отца,
Повидавшего горькие виды,
Что дрожит в моём сердце движенье свинца
Отголоском большой панихиды.

Пусть победы спешат по дорогам весны,
Как дошкольники в праздничном марше,
На суровые годы прошедшей войны
Наши дети – и те будут старше.

Я не видел войны. Я ни грешен, ни свят.
Я не жду ни наград, ни прощенья.
Просто скорбная память погибших солдат
Растянулась на три поколения.

1990

Войну стихами не остановить –
Я это слишком чётко представляю.
Но, рифмую грозя и проклиная,
Того, кто равнодушен, – разбудить,
Того, кто ей доволен, – осудить
И замысла сорвать паучью нить
Способна ты, поэзия родная!

2005

ПАМЯТЬ ВОЙНЫ

*Посвящается советским солдатам,
павшим в годы Великой
Отечественной войны 1941–1945 гг.*

Память войны – это большее, чем ордена.
Ей и в прошедшем, и в будущем жить, не спеша.
Помнишь? В минуту молчанья звенела струна –
Чья-то зовущая, чья-то живая душа?!

– Кто меня спросит, какая мне в жизни цена?
Кто мне ответит, когда я закрою глаза?
В поле ещё громыхает боями война.
В небе горит-догорает ночная гроза.

Время созревшего хлеба. Пора убирать.
Время уснувшей воды молодого пруда.
Кто ж меня знал, что я так не хочу умирать?
Кто ж меня знал, что я выстою здесь навсегда?

Я научился на пули не вскидывать взгляд.
Я научился, как молния, бить наповал.
Что ж из того, что я жив, как полвека назад?
Что ж из того, что я смерти своей не узнал?

1992

ВETERAN

Жизнь упала небом мне на плечи,
Оттого я нынче не в строю.
Самые торжественные речи
Выпали на молодость мою.

Прошлые заслуги и победы,
Кажется, коснулись не меня.
Старые друзья – такие ждеды,
Сплавлены из камня и огня.

«Были мы когда-то рысаками»,
Нашей главной цели не глупей.
Небо с грозowymi облаками
Рушилось над Родиной моей.

Прошлый век по двум известен датам,
Он отмечен красною строкой
Меж семнадцатым и сорок пятым.
Этот век пока что – никакой.

Где ж ты, юность, – нового предтеча?
Скоро ль песнь последнюю спою?
Жизнь упала небом мне на плечи,
Оттого я нынче не в строю.

2012

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Меня порой терзает сон.
К чему видения такие?
Как будто сбилась вся Россия
В один военный эшелон.

Там духота и толчея,
Сквозняк из тамбура по трубам.
Цыган, татарская семья
И казачок с роскошным чубом.

А поезд медленно идёт,
На стыках грузно приседая,
Привычный, давний страх скрывая
Пред тем, что нас назавтра ждёт.

И грустно женщины поют
Из-за вагонной стенки тонкой,
А за окном – деревня, пруд
И машет девочка ручонкой.

2005

Не прошу ни участия, ни доброго взгляда.
Никому ничего не вменяю в вину –
Шар земной, как игрушка из детского сада,
Где пока ещё дети играют в войну.

А война – не игра, чтоб уйти с середины,
А на шарике том – и асфальт, и жнивье.
Посмотри, он расколот на две половины
Через самое сердце – твоё и моё.

И когда к нам врывается Время с экрана
И военная хроника режет глаза,
Эта трещина дышит, как свежая рана,
Как затмившая небо ночная гроза.

Мы отводим глаза, мы находим причины
Оправдать безутешное наше житьё,
И расходится память на две половины
Через самое сердце – твоё и моё.

1990–1992

Чередую пружинящих строчек,
Языками древесной молвы
Рвутся в мир из берёзовых почек
Треугольнички первой листвы.

Будто с грустью ранимых и бранных
Тихо тычутся прямо в глаза
Треугольнички писем военных,
Не нашедших свои адреса.

Будто в мир, где всё пляшет и дышит
И восход не похож на закат,
Из земли к нам всё пишет и пишет
Поколение павших солдат.

Я листок растираю меж пальцев,
Отрясаю нахлынувший стих.
Разве мало солдат и скитальцев?
Я и сам рядовой среди них.

И весной надо мной, оживая,
Точно так же пробьётся росток,
Для кого-то в себе сохраняя
Нежность ясных и ласковых строк.

1995

КАК УМИРАЮТ КОММУНИСТЫ

В простых квартирах умирают коммунисты.
Не в битве века – от болезней вековых.
Обои вытерты. Простынки в меру чисты.
Внук заглянул, и – звон раздался и затих...

Мечтали в юности попасть на баррикады,
А здесь: то капельница, то с микстурой чай!
Эх, коммунисты, где лучи былой бравлады?
Где те высоты, что вы брали невзначай?

Где ваши замыслы, модели и медали?
В глухом углу – ни паутины, ни добра.
Не накопили. Не свершили. Не добрали.
Не дотянули «Подмосковны вечера».

– В грехах покаяться? Попу? Да отвяжись ты!
Неси-ка «Правду». Скоро ль канет враг в овраг? –
Непобеждённо умирают коммунисты,
И ждут – в оконце замаячит алый флаг!

СМЕРТЬ ВЕТЕРАНА

Под старость, кажется, устал:
Всё реже пил и плакал.
Сидел подолгу на скамье,
Ругая времена.
Качал угрюмой головой,
Как битая собака,
Но всё ж была в его плечах
Былая мощь видна.

Когда же к небу возводил,
Грозясь, он череп страшный,
То всем казалось – перед ним
Открыты рай и ад.
Он жизнь вокруг переводил
На русский рукопашный

И пал, губами шевеля,
Неслышной клятве в лад.

2010

Подборка предоставлена автором.

СМИРНОВ НИКОЛАЙ / 1950

ЖУРАВЛИ

Вон –
Длинноногой девочкой с горушки
Сбегает жизнь моя, а за спиной
Избушки, маленькие, как игрушки,
Захлёстывает поле синевой.

В них больше не осталось сердцу дива:
Медаль отцова, деда костыли –
Не зря же, задохнувшейся счастливо,
Привиделись ей нынче журавли?!

Таинственны, как бабушкины боги,
Сошедшие в поля с церковных стен,
Скорей, скорей, они перед дорогой
Присели, чтобы улететь совсем!

Но вдруг встают просторы полевые,
В грудь упираясь девочке моей, –
Ведь это только снопики льняные
Прикинулись стаей журавлей!

Кому расскажешь о таком несчастье?
Куда пропал ты, журавлиный клин?
Зачем тебе немая безучастность
Осенних притаившихся равнин?

И плачет на обманчивой горúшке,
Как взрослая, чтоб слышать не могли
Затопленные синевой избышки,
Медаль отцова, деда костыли.

РЕБЯТКИ

Деревенька тихая, Коровино,
Ты ребяток этих помяни!
Мимо окон так и сяк, нестройно,
На войну протопали они.

Кто кусок жевал, кто веселился,
Кто о красных девках говорил.
Из-под ног-то жаворонок взвился,
Песней сине небо просверлил.

Вдруг старуха вышла растревоженная:
– Пейте, пейте прямо из ведра!
Тут слезами полита дороженька,
Прежде всё ходили некрута*...

То-то матери о вас наплачутся,
Вскормлены-то вы на трудовнях... –
Целый день летели одуванчики,
И метался по дороге прах.

*Печатается по альманаху «Поэзия», №№ 17–18
(М.: «Молодая гвардия», 1976).*

СМОЛИН ЕВГЕНИЙ / 1952

БАЛЛАДА О СТАРОЙ ФОТОГРАФИИ

Дело было в солнечной станице.
Волны моря и садов её
Не перестают доньне сниться,
Возвращая прошлое моё.

На высоте, взмывшей над прибоем,
Подперев флагштоком перевал,
Лагерь наш в безбрежье голубое
Дюжиной палаток уплывал.

Был отряд студентов бесшабашен,
Окрылён любовью молодой.

* Нёкрут – то же что, ре́крут. Лицо, принятое на военную службу по рекрутской (воинской) повинности или найму.

Слыло самым скучным делом нашим
Под гору справляться за водой.

Водоносцем как-то раз дневаля,
У колодца вёдрами звеня,
Слышу вдруг: по имени назвали
От крыльца соседнего меня.

Женщина, порывистым движеньем
Скрыв под платом прядь седых волос,
Будто помолилась:
– Здравствуй, Женя!
Дождалась! Увидеть довелось!

Я, о странной реплике гадая,
Сразу позабыл свои дела.
Женщина, уже немолодая,
Чем-то с мамой схожею была –

То ль благословляющею силой
В душу заглянувших серых глаз,
То ли красотой негасимой,
Что к лицу за годы припеклась...

А хозяйка:
– Хата, видишь, та же,
С вышивками белок и лисят,
С прежними иконками, и даже
Те же фотокарточки висят.

На себя былого посмотри-ка,
Улыбнись фотографу и мне. –
Еле удержался я от вскрика,
Свой портрет увидев на стене.

В гимнастёрке новенькой, без складок,
С ромбиками на воротнике,
Я смотрел на мир из-за лампадок,
В свод святых не вписанный никем.

Тёзка мой, со мною схожий ликом,
Породнясь с китом угловым,
Тем, кто пал в сражении великом,
Оставался вечным часовым.

Будто заблудилась похоронка,
Уберётся младший командир
И читал свои же письма с фронта,
Матерью истёртые до дыр.

Вот закат окошко зарумянил.
Женщина воспряла головой:
– Знаешь что, давай с тобой помянем
Тех, кто только в памяти живой.

И она, перекрестясь о грешном,
Принесла янтарное вино.
Словно бы на солнышке прибрежном
Женщиной настоено оно.

Видно, силу святости имело
Таинство опустошённых чаш,
Если мать продолжила несмело
Разговор исповедальный наш:

– Не подумай, я не заблудилась
В днях, что мы с тобою не вернём.
Но пообещай мне, сделай милость,
В Дни Победы вспоминать... о Нём.

Мы опять взглянули друг на друга –
Парень с фотокарточки и я, –
Будто бы святейшая порука
Породнила наши бытия.

И когда дорогою ночью
Я шагал на песни у костра,
Всё казалось, что идёт со мною
Парень тот, погибший у Днестра.

Взглядом с увеличенного фото
Немо вопрошал меня из тьмы,
Есть ли, кроме лиц, такое что-то,
Чем похожи в юной жизни мы...

*Печатается по книге «Попутные строки»
(Иваново: «Новая Ивановская газета», 2012).*

СНЕГИРЁВ НИКОЛАЙ / 1950–1999

За Коленьку, Мишеньку, Петеньку
С далёких военных полей...
Старушке приносят пенсию,
Как весточку от сыновей.
Пока она, руки вытерши,
По бланку скрипит пером,
Стоит у стола навытяжку
Почтарь с пустым рукавом.

СОЛДАТСКАЯ ВДОВА

Полиняли от слёз рукава,
Побелела от дум голова.
Время за полночь – надо бы спать,
Да в терновых колочках кровать,
Да в холодной подушке – шипы...
Что ж домой не идёшь, милый, ты?
Зарыдать?
Но кричи не кричи...
Две головки видны на печи.
Только молвишь:
«Судьба их храни,
Как на батьку похожи они».
И в душе утихает гроза,
На щеке просыхает слеза.
Возле них, закусивши губу,
Ты уснёшь, пересилив судьбу.

Здесь повыцвели скорбные даты
И трава в человеческий рост.
У калитки составив лопаты,
Входят бабы на тихий погост.
Разбредаются...
Сникнув в сторонке,
Повилику задумчиво рвут.
А невидимые жаворонки
Без умёлку поют и поют.
Будто свадебные колокольца
То ль с небес, то ли из-под земли...

Обручальные медные кольца
В узловатые пальцы вросли.

Отец, метелью припорошен,
На полустанке ждёт меня.
Тулуп залатанный наброшен
На спину взмокшего коня.
Увидел,
Заспешил навстречу,
От радости не чуя ног.
И руку жмёт,
И первой речью:
«Ну как ты, не замёрз, сынок?
Сейчас мы мигом,
Лётом к дому...»
Повесив вожжи на руке,
Заиндеवेशую солому
Поспешно грудит* в передке.
Состав мелькнул за поворотом.
Родная степь.
Белым-бело...
В тулупе, отдающем потом,
Мне по-домашнему тепло.

Гремел сорок пятый по прусской земле
Раскатисто, гулко, сурово.
Забытая всеми, в пустынном селе
Тревожно мычала корова.
Расширены болью два влажных зрачка,
Топорщится грузное вымя.
И сразу у всех сорвалось с языка
Знакомое тёплое имя:
«Бурёнка!»
И вот санитарка – кремень,
Привыкшая к смерти и крови,
Срывает пилотку, суёт под ремень,
Привычно подходит к корове...
Тогда, в ожидании новых атак,
Спокойно, серьёзно, степенно
Взвод пил молоко из помятых баклаг,

* Грудить (диал.) – скупивать, сваливать в грудку, кучу, ворох.

Парное, с дымящейся пеной.
Но только свой голос труба подала,
Взвод выступил дружно и строго...
Горела, дымилась и властно звала
К родимому дому дорога.

*Печатается по книгам «Мой тихий край» (1986)
и «Утро деревенское моё» (2002).*

СОБОЛЕВСКАЯ ЛЮДМИЛА / 1946

А мы и не знали,
 что раны болят...
Отец собирал
 всех дворовых ребят
И шумной гурьбою
 водил нас в леса,
Где «леший нас водит,
 и ждут чудеса»...
Мы в бывших окопах
 могли отсидеться
В любую грозу. Но в безоблачном
 детстве
Ещё не умели
 принять ту вину,
Что с диким азартом
 играли в войну...
Отцы не вернулись
 у многих ребят –
Подарками были
 трофеи солдат.
А в каске дырявой
 прижился цветок,
Нам чудом казался
 барвинка виток.
По ржавому синим,
 головку задрав,
Он к небу тянулся,
 невзгоды поправ.
Присев на корягу,
 на трость опершись,

Отец улыбался:
– Такая вот жизнь... –
А нам – ни-че-го
про войну, про солдат.
Откуда мы знали,
как раны болят.

Стихотворение предоставлено Ю. Перминовым.

СОЗРУКОВ ЮСУФ / 1952–2008

ЖУРАВЛИ ИЗ ПЕСНИ*

*В парке станции Шипуново (Степной Алтай) установлен
obelisk «Журавли» с надписью на постаменте:
«Солдатам, с кровавых не вернувшимся полей»*

Мы птицы, мы птицы, мы неба печальные дети...
Но вы разгадали в нас нашу недавнюю суть.
Так знайте и то, что нас гонят не холод, не ветер,
Не просто от осени крылья нас к югу несут.

Над миром, который без боли никто не оставит,
Над миром, в котором всегда проливается кровь,
Не клином мы держим полёт, не птичьей стаей.
Летим мы заглавную буквою слова «Любовь».

Мы смотрим на мир, что казался когда-то нам вечным,
На жизнь, что при жизни так трудно порой оценить.
О, как в неосознанном счастье своём вы беспечны
И как коротка человеческих радостей нить!

Печатается по книге «Этих дней не смолкнет слава!» (Черкесск, 2005).

* Речь о песне «Журавли» на слова Р. Гамзатова в переводе на русский язык Н. Гребнева, музыка Я. Френкеля. Активное участие в создании песни принял её первый исполнитель – М. Бернес.

СОЙНИ ЕЛЕНА / 1953

БЕЛОМОРЬЕ* – БАЛАТОН**

Поэма

*Памяти моего дяди –
Героя Советского Союза
Прокопия Галушина,
погибшего в 1945 году*

...Рассвет в Бодайке*** – утренняя месса.
Мы с мамой, ночь не спавшие, идём,
забрезжил первым светом окоём,
преображая исподволь предместье.
Над Венгрией ещё такая рань,
и высвечены только обелиски,
и каждая отточенная грань –
как позывные фронтовой радистки...

В душе помора – парус и прибор,
кто б ни был ты, но если ты помор,
живут в тебе, останутся с тобой
и грусть морская, и морской задор.
И я хожу под парусом тайком
от мужа и отца.

Я сознаю,
что муж считает это пустяком,
волнуется отец за жизнь мою –
ведь волны набегают без конца –
не отыскать ни лодки, ни гребца...
А ты идёшь, не ведая беды,
по синему сиянию воды...

* Побережье Белого моря и прилегающих районов.

** Озеро на западе Венгрии, крупнейшее в Центральной Европе.

*** Бодайк – город в Венгрии, где находится мемориал советским воинам с братской могилой.

*Однажды пароход,
на котором служил Прокопий,
пришла провожать молоденькая девушка,
наверное, школьница...
С фронта он посылал ей письма,
но кто она, мы не знаем.*

Из рассказа мамы

Ты провожала старый пароход,
и две трубы, окутанные дымом,
встревоженно гудели над любимым,
не обещая встречи через год.
Твоей любви конец или начало?
На берегу у шумного причала
толпились люди, провожая птиц
и вовсе никого не провожая.
Мелодия какая-то чужая
касалась ненароком юных лиц...
А в Венгрии сиял высокий март,
и завершалось злое лихолетье,
росла трава, и первые соцветья
весенний источали аромат.
Но плеск волны похожим был на стон...

Ты помнишь сорок пятый, Балатон?
Прогремело: «Фердинанд!»
Ход истории назад?
Пересмотр всех рас и карт?
К февралю вернётся март?
А на смену марту ад?
Ненавистный, чей «талант»
создал это – «Фердинанд»*?
Стал голос командира глуше – не разобрать,
всё ближе самоходных пушек чужая рать,
гульба чужого громовержца и мгла вокруг,
и только собственного сердца знакомый стук.
Оно стучит, как бы пророка победный марш,
стучит всё громче, громче, громче в последний март.
А «Фердинанд» идёт, распятым тебе грозя,
и даже некому с проклятьем взглянуть в глаза.
Не подвела бы связка наших ручных гранат!
Взрыв – оглушительный и страшный! Сбит «Фердинанд».

* Немецкая тяжёлая самоходно-артиллерийская установка класса истребителей танков, использовавшаяся в период Второй мировой войны.

Каким бы чудом очутиться в морях родных,
забыть о жуткой веренице зверей стальных,
забыть, как приходилось звёздам слетать с орбит,
и стать ещё хотя бы взрослым... Убит.

Багряный цвет на небе века,
багряный цвет в наряде венгра.
Судьбой и памятью одной
соединились той весной
волна его родного моря
с мадьярской* светлую волной.

На фотоснимке добрый, твёрдый взгляд:
Ильинична – мать девяти солдат.
Так вышло,
мы встречались только раз.
Что помню я?
Взгляд бабушкиных глаз,
её калитки из ржаной муки,
прикосновение тёплые руки...
Конечно, помню сказки о морях,
не о принцессах – о богатырях.
Но мне, трёхлетней, было невдомёк:
зачем носила бабушка платок
лишь чёрный?
Я, сказать начистоту,
хотела сдёрнуть эту «черноту».
Однажды я платок под тюфяком,
проснувшись рано, спрятала тайком.
Бабуля встала, ищет – не найдёт,
другой платок из тумбочки берёт,
такой же чёрный, но ещё черней...
Откуда знать мне – шестерых парней
домой, на берег Северной Двины,
не дождалась Ильинична с войны.

*Печатается по книге «Над растаявшим льдом»
(М.: «Молодая гвардия», 2003) и журналу «Двина», № 2, 2010.*

* Венгерской (мадьяры – самоназвание венгров).

СОКОЛОВ АНАТОЛИЙ / 1946–2010

В землянках стряпают оладьи или драники
С корой берёз и запахом полыни...
Пётр Чаадаев говорил: мы странники –
Хранятся в душах русские святыни.
Нам сроду чужд пьянящий запах выгоды
И гомон рынка с детства ненавистен.
У нас не созревают даже выводы,
Возвышенный обман дороже истин.
Висит угроза самоистребления,
Нет чистых рук для исполненья Слова,
Но светят три божественных волнения,
Запечатлённых гением Рублёва.

Печатается по книге «Крепость» (2001).

СОКОЛОВСКИЙ ГРИГОРИЙ / 1946–2011

ЗАВИСИМ...

Зависим
От земли, где я живу,
От тропки,
Что ведёт к родимому порогу,
Зависим
От всего, что наяву:
Семьи, работы, радости,
Тревоги...
Зависим я
От Замковой горы¹
И от седого полоцкого
Вала²,
И от Ушач, где мужества
«Прорыв»³,
От всплеска
Августовского канала⁴.
Зависим
От Днепра и от Двины,
От крепости, что замерла
Над Бугом,

От Витебских ворот
И старины,
От Мира, что никем
Не был поруган.
Зависим я
От Орши⁵ и «катюш»,
От буйничских⁶ и пламени,
И стыни,
От непокорных партизанских
Душ.
И звона негасимого
Хатыни⁷.
Зависим я
От Вечного огня,
Кургана Славы⁸
И ржаного поля,
От вдов, что верность
До сих пор хранят,
От матерей –
Им кланяюсь я в пояс.
Зависим
От завьюженных годов
И вёрст, что впереди
Ещё остались,
От женщины,
Мне дарящей любовь,
И от друзей, что в горе
Не расстались.
Зависим
От судьбы, что не уйти,
От стука сердца
И биенья пульса,
От грома,
Что в заоблачье притих,
От лика пресветлейшего
Иисуса.
Зависим
От нависшей тишины,
От честного
Купаловского⁹ слова,
Зависим
От триумфа и вины,
Что не вернусь я
В детство своё снова.

Зависим
От распахнутых небес,
От тяготенья счастья
Неземного...
В зависимости
Человечьей весь,
Таков я в жизни.
Нет меня другого!

¹ Замковая гора – исторический холм в центре Киева в Подольском р-не на правом берегу Днепра.

² Вал Ивана Грозного в Полоцке – уникальный памятник военной фортификации и грандиозное напоминание о событиях Ливонской войны.

³ Мемориальный комплекс «Прорыв» находится недалеко от пос. Ушачи Витебской обл. Беларуси. Открыт 30.06.1974 на месте прорыва блокады партизанами Полоцко-Лепельской партизанской зоны.

⁴ Августовский канал – судоходный канал в Подляском воеводстве Польши и в Гродненской обл. Белоруссии, соединяет реки Вислу и Неман.

⁵ Орша – город в Витебской обл. Беларуси. В 1941 г. под Оршей впервые была испытана в бою РСЗО «Катюша».

⁶ Буйничи – ныне агрогородок в составе Могилёвского р-на Могилёвской обл. Беларуси. В 1941 г. буйничское поле стало местом сражения при обороне Могилёва.

⁷ На месте сожжённой карателями деревни в 1969 г. открыт мемориальный архитектурно-скульптурный комплекс «Хатынь» в память сотен белорусских населённых пунктов, уничтоженных нацистами в годы Великой Отечественной войны. На 26 обелисках комплекса, напоминающих опалённые огнём трубы, установлены колокола, которые звонят одновременно каждые 30 секунд.

⁸ Мемориальный комплекс «Курган Славы» расположен в Смолевичском р-не Минской обл. Беларуси, на 21-м км магистрали М2.

⁹ Янка Купáла – классик белорусской литературы.

Печатается по книге «Поэзия русского слова: антология современной русскоязычной поэзии Беларуси» (Минск: «Беларуская навука», 2019; в 2 томах, т. 1).

СОКОЛОВСКИЙ СЕРГЕЙ / 1952

СУД ОФИЦЕРСКОЙ ЧЕСТИ

Я засыпал порой в комбинезоне.
И просыпаясь, видел полигон,
Где сопки, как кровавые мозоли,
А солнце – будто в золоте погон.

Я проутюжил полстраны на танке,
На рубежах все ноги истоптал,
Но чтоб продать Россию за «полбанки»*?!.
Да может, я во времени отстал?

Взгляд у отца на фотоснимке тусклый.
Глаза закрою, отверну лицо.
Под Сталинградом был он и на Курской.
Чтоб за «полбанки» продавать отцов?!

Как говорится на Руси, не сдюжил
Я, выполняя офицерский долг.
Я полстраны на танке проутюжил,
А застрелиться до сих пор не смог!

19.07.2003

Печатается по книге «Звезда отца» (М.: ИД «Граница», 2005).

СОКОЛЬНИКОВ АЛЕКСАНДР / 1947

ВОЙНА

*Воинам-сибирякам,
ушедшим на войну из Верхоленска***

Внезапно ветер
Хлопнет форточкой
В таком фортиссимо
Заставив вздрогнуть
Голову пригнуть пониже
И ордена как бирки
На грузе срочном
По имени Жизнь
В обыденном житействе
Вои Воиничи Войны
В людском скоплении
Незаметны
Лишь на парадах
Когда на буффонаденно
Присыпает снег

* Полбанки – пол-литровая бутылка водки (*разг.-сниж.*).

** Верхолёнск – село в Качугском р-не Иркутской обл.

Вкрученные Красные Звёзды
Гроздьями рябины
И не жалко
Немецких детей
Подростших для войны
В пробитых касках
Распевает ветер
В пустых глазницах
Осыпают пыльцу
Полевые цветы
Своих мы не считаем
В чужих потерях
Не так уж много радости
Герои зарыты вперемежку
В курганах
В скрижалях статистики
Единицы нулями окружены
Как школьница прелестная
Толпою одноклассников
Мы отстранённо понимаем
Живым Живое
И память проявляется
Живительной водой
И вам дожившим до черты
Где бытие
Дружно с небытием
Так хочется в лунном свете
Отмыть руки
От сухой крови
И осушить
Пучком зелёной травы
Проросшей через вас
И не продать
И не предать
Отечество
И наша Россия без вас
Без отчества
Просто Русь
Как у нас в народе говорят

Печатается по журналу «Сибирские огни», № 2, 2020.

СОЛОВЬЁВА ВАЛЕНТИНА / 1949

РОЖДЁННЫЕ В СОРОКОВЫЕ

Тогда не делали аборт
И я – нежданное дитя –
Доверчиво и беззаботно
Возникла из небытия.

В стране рождаемость умножив,
Жила, в две дырочки сопя.
Уже казалось невозможным
Мне мир представить без себя.

И на израненной планете
Вполне уютно было мне.
России требовались дети
Взамен убитых на войне,

Расстрелянных, в печах спалённых,
Беды всеобщей рядовых.
Их было двадцать миллионов,
Красивых, сильных, молодых.

Сопливая, лицо в чернилах,
Карманы, полные стекла, –
Кого из них я заменила?
Чья жизнь в меня перетекала?

Чья боль, спустя десятилетия,
Моей становится судьбой?..
Мы все твои, Россия, дети,
Мы все равны перед тобой.

Те, что победы не дождались,
И те, что выжили тогда,
И те, которые рождались
В послевоенные года.

Мне жизнь спасал солдат суровый,
Хоть вряд ли думал про меня,
Когда танкиста Соловьёва
Он выносил из-под огня.

Споткнись он – я б не закричала,
Ещё не я, не я – уже.
Меня бы даже не включали
В статистику военных жертв.

Но грянул мир, и в годы эти
В голодной выжженной стране
Спешили жить, рождались дети,
Спасённые на той войне.

ОБЕЛИСК

На сером граните
Озябшие тлеют цветы.
Великих событий
От времени стёрлись черты.
Одни только даты
Хранит неподвижно стена.
И может, когда-то,
Впитавшись в гранит, имена
Исчезнут бесследно,
Как в почву уходит вода,
Но в слове «победа»
Не скроется слово «беда».
Минувших событий
В веках затеряется след.
Но детям убитых
Уже не родиться на свет.
Но песен неспетых
Уже не услышать вовек,
И хлопьями пепла
В цветы осыпается снег.

Печатается по книге «Шаги» (Калининград, 1966).

СОРОКАЖЕРДЬЕВ ВЛАДИМИР / 1946

ФОТОГРАФИЯ

Жива ли няня-красотуля?
Я нашу карточку храню:
Стою в фуражечке на стуле,
Я с книгой Сталина стою.

ПАРАД

Не ломит стены лютый враг,
И судьбы юные не шатки.
Печатай, молодость, свой шаг
По исторической брусчатке.

Печатай на весь белый свет!
В одну линейку лица слиты,
И никакой в них тайны нет,
Они доступны и открыты.

Не воевали – ну и что ж!
Бульжник ценит дедов опыт:
Песок с изношенных подошв,
Перешагнувших пол-Европы.

И опыт тот перенимать,
Не сбиться с принятого такта,
И может, главное понять:
Здесь не кончается брусчатка!

МУРМАНСК – ИВАЛО*

Остановка на дикой опушке.
Лес чужой и чужая заря.
Что тревожно так? Снайпер-«кукушка»
Ненароком спугнул глухаря?

Мы хорошие нынче соседи,
Наши встречи порой тороплю.
Я куплю себе финские сети,
Сувенир – оленёнка – куплю.

Отчего же покой мой нарушен
В этой снежной и чистой зиме?
Сколько езжу здесь,
Сколько мы дружим,
А «кукушка» опять на уме.

Ветку памяти снова нагнуло
В глубину той зимы и огня,
И в отца снова метится пуля,
Но, наверное, больше – в меня.

* Посёлок на севере Финляндии.

Силуэты родимого флота,
Непоседливых чаек полёт...
Шла упрямо морская пехота,
Не в обход высоты, а вперёд!

САША КОВАЛЁВ

На подвиги, друзья, я не готов.
Не той закваски я, скажу по-свойски.
Сиротский мальчик Саша Ковалёв
Жил неприметно, а погиб геройски.

Завидую, какой оставил след!
Грудь нараспашку, набок бескозырка.
И ничего особенного нет –
Широкий рот и уши враслопырку.

Слог документа лаконичен, сух.
Но не сказала старая бумажка:
Неужто им высокий правил дух –
Навстречу смерти – грудью нараспашку?

У времени свои причуды, суд.
И именем героя – будь примером! –
Ни поезд, ни корабль не назовут,
На юбилей не примут в пионеры.

О подвигах не надо лишних слов,
Но вспомним ли потом, что жил он с нами,
Еврейский мальчик Саша Ковалёв,
Сиротский мальчик Саша-россиянин?

ВОРОБЕЙ

Чердаки, карнизы – их приют.
На дороге или у окошка
Бродят, задираются, клюют
Червячка ли, зёрнышко ли, крошку.

В суете пернатых храбрецов,
Странников, искателей упорных –
Что-то от военных пацанов,
Битых-перебитых, беспризорных.

Жители развалин, пустырей,
Спутники обозов, танков, кухонь.

В мамином жакете воробей
И пилотке, сдвинутой на ухо.

Эй, солдат, продуктов не жалеи!
И горят глазищи у ребёнка:
Чёрная краюха, миска щей,
А в кармане – ржавая лимонка.

Отомстит за мать, за отца!
Эй, солдат, куда мальчонке деться?!
Памятник бы лить с его лица
Времени подстреленного детства.

Так стучи в окошко, не робей,
Чердаков и пустырей поклонник!
Осторожно смотрит воробей
На скатёрку через подоконник.

Крыльшками бойкими шурша,
Возникает в сумерках осенних –
Словно беспризорная душа,
Детская душа времён военных.

КАЛИТКА

В навигацию свой пароход
Выводил он в студёное море,
За Колгуевым* с Карских Ворот**
Он срывал ледяные запоры.

Потопили его пароход.
Пехотинцем с полей среднерусских
От Орловских и Курских ворот
Гнал врага до ворот Бранденбургских***.

Возвращаясь домой, за порог
Он не сразу попал – вот досада! –
Так устал от войны, что не смог
Даже дверцу открыть палисада...

* Колгу́ев – остров в Северном Ледовитом океане на востоке Баренцева моря, часть Ненецкого автономного округа.

** Карские Ворота – пролив между островами Вайгач и Новая Земля (Россия), соединяющий Баренцево и Карское моря.

*** Бранденбургские ворота – триумфальное сооружение в центре Берлина.

РЕВИЗОРЫ

Не петь о доблести солдатской
Для них в метели огневой,
Не Кошевой* с Космодемьянской**,
А Власов*** – истинный герой.

Им Ленинград отдать бы стоило,
Не возвращать назад Ростов.
Плывёт не той рекой истории
Ладья Курильских**** островов.

Они сомненьями беременны,
Богатство могут понимать.
А может, их в машине времени
К Виссарионичу***** послать?

Держа рубеж московский, выстоять
На задымлённой полосе,
А позади уже не Минское,
Уже Рублёвское шоссе...

Я не скажу, что жили плохо,
На времена обиды нет,
И та советская эпоха
Ещё сердечно машет вслед.

Кому-то – фронтовое знамя,
Кому-то – вымпел трудовой,
А мне – простой платочек мамин,
Как мотылёк над головой.

* О.В. Кошевой – один из руководителей советской подпольной антифашистской комсомольской организации «Молодая гвардия», Герой Советского Союза.

** З.А. Космодемьянская – комсомолка-красноармеец диверсионно-разведывательной группы штаба Западного фронта, заброшенная осенью 1941 г. в немецкий тыл, Герой Советского Союза.

*** А.А. Власов – предатель, бывший советский военачальник, в ходе Великой Отечественной войны перешедший на сторону нацистской Германии.

**** Курильские острова – цепь вулканических островов между полуостровом Камчатка и островом Хоккайдо, чуть выпуклой дугой отделяющая Охотское море от Тихого океана.

***** Имеется в виду Иосиф Виссарионович Сталин.

ПОЛЕ

Бьёт током от таких полей –
Бородино* ли, Куликово**...
Они – листы календарей
И полководческое слово.
Там за Отечество легли,
Там крови пролилось немало.
А без таких клочков земли
Россия наша бы пропала!

Когда беда над родиной летает,
Не только гнев и доброту твори.
Чужих детей в России не бывает,
Сироты есть, и все они – твои.

Не обойди бездомную малютку,
Ручонками откликнется в ответ.
Цепляется не за рукав да юбку,
А за страну, где он увидел свет...

Не отпусти родимого в скитальцы,
Порадуйся, как вместе ест и пьёт!
Прикрой крылом любви, и своих пальцев
Мальчишечка уже не разожмёт.

БЕЗ ВЕСТИ...

Никакой за нами нет вины.
Мы – давно солдаты неживые.
И сейчас выходим из войны,
Осенью, с дождями затяжными.

Мы не помним свой последний час,
Где-то на болоте это было:
Тёмным взрывом придавило нас,
Временем на кости разложило.

* Крупнейшее сражение Отечественной войны 1812 г. между русской армией под командованием генерала от инфантерии светлейшего князя Михаила Голенищева-Кутузова и французской армией под командованием императора Наполеона I Бонапарта. Состоялось 7 сентября 1812 г. у села Бородино, в 125 км к западу от Москвы.

** Место исторического сражения, состоявшегося 8 сентября 1380 г. в районе к югу от впадения реки Непрядва в Дон, на Куликовом поле (юго-восток Тульской обл.). Решающая победа русских войск в Куликовской битве стала важным шагом на пути к восстановлению единства Руси и будущему свержению золотоордынского ига.

Вы забыли нас, а мы явились,
Может, и обиду принесли.
Маршалы на души не скупилась –
Разве этим родину спасли?

Подборка предоставлена автором.

СОРОКИН АЛЕКСАНДР / 1954

ЗА ОТЦА

Ни лагерей, ни пули не отведав,
но в поредевшем не чужой строю,
на дорогих развалинах победы
я за отца навытяжку стою.

Народ молчит. Безмолвны обелиски.
Толпа резвится, праздная салют.
Мы все – в одном неуследимом списке
живых, где впрок побед не раздают.

И в этот строй я встал не для парада,
а ради той победной тишины,
разлитой в сердце русского солдата
с последним залпом праведной войны.

ЕЩЁ НЕ КОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

Как очутился я в краю,
где поредевший строй солдат
спасает Родину мою,
ни шагу не ступив назад?

Вот мой отец в тени ночной,
присев устало на лафет,
пускает в воздух ледяной
дымок трофейных сигарет.

Ещё не пройден Сталинград,
и на обугленный Рейхстаг,
прошитый пулями стократ,
не водружён победный стяг...

Не мог я быть на той войне
и крест нести судьбины той –
всё это вижу, как во сне,
сквозь времени туман густой.

Очнусь – Победа позади,
и нет отца уже давно.
Но свой же брат, того гляди,
гранату бросит нам в окно.

И сердце за отца болит:
за что, за что он воевал!
Да разве знал он, что сулит
сынам – Империи развал...

ОТЕЦ

Придя как слух о без вести пропавшем,
он не скрывал осанки фронтовой
и не искал опоры в мире нашем,
и был спокоен – мёртвый, но... живой.

Припомнив всё, что вынес на плечах,
он оглянулся на свои потери –
и увидел меня...
и, промолчав,
шагнул во тьму сквозь запертые двери...

И как теперь мириться с тишиной,
не поддаваясь жалости и боли?!
Ведь часовые стрелки за стеной
не по моей остановились воле,
и не со мною счёты сведены;
нигде не бьют тревогу об утратах,
никто вокруг не ищет виноватых...
А оправданье – тяжелей вины.

НА ТОЙ ВОЙНЕ

Я в смертный бой вступал во сне,
как будто наяву,
и погибал на той войне,
и до сих пор живу.

Из синевы спускаясь в ад,
в грохочущий разлом,
я знал, что нет пути назад,
и не жалел о том.

Над телом павшего бойца
призывно горн играл,
а я среди живых отца
в смятенье выбирал.

Но вот уже и нет живых –
все полегли в бою,
и канонады гул затих
у мира на краю.

Но вижу: скрыт густой травой
и пулями прошит,
в беспамятстве, полуживой,
один солдат лежит.

Всю ночь я просидел над ним –
настырна смерть, хитра, –
моей молитвою храним,
он бредил до утра.

И вот рассвета час настал!
И отлегло в груди,
когда явился санитар,
как ангел во плоти.

Потом мне снился лазарет
и скальпеля металл.
Хирург, прося прибавить свет,
кроил, кромсал, латал.

Сон обрывался и опять
накатывал волной...
Уже я начал забывать
того, кто звался мной.

Иного воинства уже
небесные послы
бездомной, страждущей душе
благую весть несли.

Но что-то в памяти былой
мешало обретать
всепобедительный покой
и солнечную стать.

И так, плутая в полумгле,
я вспомнил наконец:
на хирургическом столе
мой воскресал отец.

Печатается по книге «Снег тишины» (М.: «Серебряные нити», 2009).

СПЕКТОР ВЛАДИМИР / 1951

Запах «Красной Москвы» –
середина двадцатого века.
Время – «после войны».
Время движется только вперёд.
На углу возле рынка –
с весёлым баяном калека.
Он танцует без ног,
он без голоса песни поёт...

Это – в памяти всё у меня,
у всего поколения.
Мы друг друга в толпе
мимоходом легко узнаём.
По глазам, в коих время
мелькает незваную тенью,
и по запаху «Красной Москвы»
в подсознание своём...

ДЕТСТВО

Дед шил шапки и пел песни.
А я сидел на столе и ел картошку.
Пахло кожей и тёплым мехом.
А на стене висела карта мира.
И два портрета висели рядом.
А на них – два моих дяди,
Одеты в солдатскую форму,
Чему-то задорно смеялись...

Давно дед сшил последнюю шапку.
Давно дед спел последнюю песню.
А со своих портретов
Смеются геройски дяди...
Смеются из моего детства.

Ну что с того, что я там был...

Юрий Левитанский

Ну что с того, что не был там,
Где часть моей родни осталась.
Я вовсе не давлю на жалость...
Что жалость – звёздам и крестам

На тех могилах, где война
В обнимку с бывшими живыми,
Где время растворяет имя,
Хоть, кажется, ещё видна

Тень правды, что пока жива
(А кто-то думал, что убита),
Но память крови и гранита
Всегда надёжней, чем слова.

Ну что с того, что не был там,
Во мне их боль, надежды, даты...
Назло врагам там – сорок пятый!
Забрать хотите? Не отдам.

Из-под снега выглянет асфальт –
Как лицо из-под белил.
Главного ещё я не сказал.
Хоть и много вроде говорил.

Всё старо, как прошлогодний снег.
Да и нынешний уже не нов.
Хоть и близким кажется успех –
Дотянуться не хватает слов.

Поищу их в письмах фронтовых.
Там про снег и про войну.

В лица дядей вечно молодых
Сквозь их строки загляну.

Снег в тех письмах – вечно молодой,
Лучшие слова – одни на всех.
Время между мною и войной –
Утрамбовано, как снег.

Не так уж много лет прошло –
И вот забыты печи.
Из пепла возродилось зло,
А пепел – человеческий...

Отец, ты где на небесах,
В раю? А может, в гетто?
Я знаю, что такое страх,
Здесь, на Земле, не где-то...

Подборка представлена автором.

СПИЦЫНА КСЕНИЯ / 1954

ВТОРОЕ ФЕВРАЛЯ

Я вовсе не военное дитя,
Меня не опалило пламя битвы,
Но тех времён и песни, и молитвы
Баюкали и десять лет спустя.
Рождение второго февраля
Отмечено обильными снегами,
А до меня предсмертными шагами
Отмерена священная земля.
Я в ночь под Сталинградом рождена,
И память поколений неустанна,
И вновь тревожит голос Левитана*,
В котором до сих пор слышна война.

*Печатается по книге «День волжской поэзии»
(Саратов: «Приволжское книжное издательство», 1983).*

* Ю.Б. Левитан – диктор Всесоюзного радио Государственного комитета Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию, народный артист Советского Союза.

СТАВЕР СЕРГЕЙ / 1949–2016

Прощённому – радость, спасённому – рай,
Бессмертью – бессмертье навеки!
В косынках зелёных берёзовый край
Грустит о родном человеке...

Ему не вернуться, он спит у Шексны*,
Где взрывы таранили броды.
Как много отметин прошедшей войны
Сокрыли лазурные воды!

Как много печалей оставлено нам,
Чтоб в тихой молитве осенней
Отцов не забыть горделивым сынам
В последней попытке к спасению.

Ему не вернуться, а он так хотел
Увидеть невесту и маму!
Проклятая пуля... и дом опустел,
На солнце слетели туманы.

Но всю неуютность родных берегов
Я песней признанья украшу...
Берёзы грустят среди милых лугов
И пьют поминальную чашу.

19.08.2004

Брату Павлу

Я к дому родному причалил,
Как луч догоревшей звезды...
Игриво, совсем беспечно
Шумят золотые сады.

Шумят, превращаясь в орнамент,
Ранеточным жаром горя...

* Шексна – река в Вологодской обл., левый приток Волги.

И неба багровое знамя
Над крышей полощет заря.

А где ж те деревья, что братом
Посажены, будто вчера?
В победном году сорок пятом
Надеждой их пела кора.

Надеждой и в будущем, значит,
Но что же тогда на звезду
Так горько и жалобно плачет
Черёмуха в нашем саду?

2001

ПОСЛЕ БОЯ

*Светлой памяти моего отца,
фронтовика-разведчика*

Распласталась пехота средь чёрных аллей,
Плачут пеплом сожжённые вязы...
Никогда не забыть мне смоленских полей,
Мёртвых окон разрушенной Вязьмы*.

Мы отходим, уходим на новый рубеж,
Но клянёмся назад возвратиться!
Из днепровской воды я всплываю в Серёж**
И целую родимые лица.

Не стреляйте по яблоням, сладок их мёд!
Сахарятся зелёные груши...
Пусть поймёт пулемётчик – устал пулемёт.
И солдатский покой не нарушит.

От сибирской черёмухи «белый налив»
Так далёк и так явственно близок!

.....
Спят уставшие парни у розовых лип,
Словно ангелы в солнечных ризах.

07.05.2003

* Вязьма – город в Смоленской обл., в марте 1943 г. в ходе освободительных боёв после фашистской оккупации был практически полностью разрушен, каменные и кирпичные здания взорваны, деревянные – сожжены.

** Река в Красноярском крае России, левый приток Чулыма.

Вновь ворвалась граем в сердце
Прилетевших птиц весна,
Сон приснился: мама, детство,
Голод, Сталин и война,

Отгремевшая недавно,
Инвалидная, без рук!
В вещмешках и чемоданах,
В черноте фабричных труб.

В колосках, ладонью смятых,
В «козьих ножках» и махре!
В откровенье автоматов
На берёзовой коре.

И в картошке – сладкой-сладкой
И рассыпчатой такой!
И желанней шоколадки,
И милее шоколадки –
Двухпудовый куль с мукой.

25.04.2003

Я старше стал тебя, отец,
Два года – тоже срок.
Тебя лупил войны свинец,
Меня – жестокий рок.

Хлебнул ты горяшка сполна,
И мне не привыкать –
Пить жизни грусть-тоску до дна
И к свету путь искать.

Всё просто кажется – возьми
Сотри с глаз пелену!
Стираю – рвётся динамит!
Играет мир в войну.

Стираю дым и копоть зол,
Но пелена темна!

Всё тот же чёрный горизонт,
В душе идёт война.

И бессердечен злобный рок,
Его не умолить...
Ты замурован в чёрный гроб,
Под камень серых плит.

А мой строгаят из тесин
И пилят лес для них...
Но помни, батя, я твой сын
И в чём-то твой двойник.

Я старше стал тебя, родной,
Два года буден – век!
Ведь год небесный – не земной:
Даль ближе, ярче свет.

07.02.2014

РОДИНА

Мы с тобой из Сибири,
Майским солнечным днём
Нас под Прагой убили
Пулемётным огнём.

В сорок первом под Ельней*,
В сорок третьем у Цны**,
Мы в окопах сгорели
На дорогах войны.

Мы погибли у Вены,
Под Варшавой лежим!
Мы во имя Победы
Бились насмерть за жизнь...

Победили, не струсив,
Не вернувшись с полей,
Мы взлетаем над Русью
Островком журавлей...

* Ельня – город в Смоленской обл.

** Цна – река в Тамбовской и Рязанской обл., левый приток Мокши (бассейн Оки).

Чтоб ещё наглядеться
На рассвет и закат
И с простреленным сердцем
Возвратиться назад.

27.03.2009

Мы ушли побеждать... мы, комбат, победили!
.....

Мы убиты вчера... плачет синяя Влтава*...
Нас с тобою, комбат, в одночасье не стало.
Девять граммов свинца... из него смерти льются!
Мы ушли умирать, но с победой вернуться.
А до Праги бросок, только самая малость!
Зажигает свечу мне в Назарово** мама...
А тебе – Красноярск, мой убитый товарищ...
Да невеста твоя в голубой Ванаваре***
Не получит письма, белой весточки сердца...
Не дарите нам марш из весёлого скерцо****.
А сыграйте вальсок или грустное танго...
В наш последний бросок догоревшего танка!
Закатилась звезда, в саван нас обрядили...
Мы ушли побеждать... мы, комбат, победили!

2007

Обо мне не тревожься,
Я вернусь непременно
На родимый порожек
Из фашистского плена.

Не убит я, не ранен,
Ты не плачь – не смертельно!
Я бутоном герани
Расцвету на постели.

* Река в Чехии, левый приток Лабы.

** Город в Красноярском крае.

*** Ванавара – село в Эвенкийском р-не Красноярского края.

**** Часть симфонии, сонаты, квартета или самостоятельная музыкальная пьеса в живом, стремительном темпе.

Алым шёлком на белом
Майской ночью лунной.
Вострубив о победе –
Лепестками по струнам

Золотого далёка,
Что ушло без возврата...
И в свечении окон
Ты увидишь солдата.

Ты не бойся, потрогай,
Я живой... значит, вечен!
И, спасённые Богом,
Наши души излечим,

И опять непременно
Наши встречи продолжим...
Ты ведь мне во Вселенной
Всех родней и дороже!

В фотографиях роясь,
Примечаю одну:
Дядя Саша и поезд,
Что идёт на войну.

С пожелтевшего фото
Улыбаясь, глядит
Не вернувшийся с фронта
Молодой замполит.

Дяде было за двадцать,
Но не будет полста!
Навсегда красноярца
Приняла высота.

Над могилою – небо,
Рядом – пенье Днестра...
Никогда я там не был,
Были мать и сестра.

И священную горстку
Молдаванской земли
Из далёкого края
Мать с сестрой привезли.

С неба солнышко льётся,
Золотая струя...
Он погиб, чтоб под солнцем
Жить сегодня мог я.

1975

Отзвучал весёлый, звонкий
Голос вызревшей весны...
Прокатились похоронки
Плачем смерти и войны.

Звёзды выползли из речек,
Остудив полночный жар...
Впились в сердце человечье
Стрелы молний, пули жал...

Прокатились, мир нарушив,
В горе ввергнув стар и млад...
Стонут яблони и груши,
Бьёт врага отец-солдат.

Нет меня, я буду позже,
А пока я не рождён...
Плачет светлый детства дождик
Рядом с огненным дождём!

Брат убит, дядья убиты,
В медсанбате мой отец...
Он вернётся с поля битвы,
Русский воин и мудрец.

Он вернётся, сын родится,
Ну а дальше – всё пучком!
Дольше жизни память длится,
Чай кипит над костерком.

Нет отца, и мамы нету,
А на мне – веков вина.
Стариком бреду по свету,
За спиной гремит война!

19.06.2013

Подборка была предоставлена автором.

СТАРШОВ ВИКТОР / 1953

ГЕНЕРАЛ

Фото увидали мы в музее:
в люке танка боевой комбриг.
Полчаса стояли и глазели –
неужели это наш старик?

Фёдор Родионович Чекистов,
генерал с геройскою Звездой,
в молодости был лихим танкистом,
был усатый, стройный, не седой.

Вот идёт он с тростью неизменной –
тук да тук в сияющий паркет.
Обращусь, забыв устав военный,
не «товарищ генерал», а «дед»...

Но едва училище построится –
Фёдор Родионыч смотрит строже.
Он бросает трость и вдруг становится
чем-то на Кутузова* похожим.

СКЛОНЯЮСЬ НАД ТРЁХВЁРСТКОЙ

Трёхвёрстка** с грифом. Она секретна.
На ней – армейские письма.
Любая мелочь в пейзаже окрестном
на эту карту нанесена.

* М.И. Кутузов – русский полководец, государственный деятель и дипломат, генерал-фельд-маршал из рода Голенищевых-Кутузовых. Участник русско-турецких войн, главнокомандующий русской армией во время Отечественной войны 1812 г.

** Название географической карты масштаба три версты в дюйме, т.е. 1:126 000 (в 1 см 1,26 км).

Но не отметил топограф-дока
тропинки лужистые, пчелиный гуд,
тревожный голос кукушки далёкой
и наш стожок* на речном берегу.

Мне было двадцать, а ей семнадцать...
Вот тут – по пояс почти трава.
А здесь, в квадрате 17/20,
я в первый раз её целовал.

На этих вот соловьиных опушках
не щели рыть, а зарю встречать.
И оттого мне чужие пушки
на них противно обозначать!

Но я их рисую цветом синим,
а сверху ставлю багровые крестики.
Глядит с трёхвёрстки моя Россия
миллионовёрстная и вся – окрестная.

Любленная и мужиками, и графами,
терзанная тупорылыми «тиграми» Гудериана,
спасённая несведущими в топографии
Петрами, Сидорами, Иванами!

Пятнадцать минут на решение задачи...
«Сокол» – с фронта! «Девятый» – левей!
И тянет в открытую обозначить:
цветы... подберёзовик... соловей...

*Печатается по книге «Солдаты, встанем в тишине»
(Иркутск: «Репроцентр А1», 2019).*

* Большая высокая и округлая или с прямыми сторонами куча плотно уложенного сена, соломы или снопов.

СТЕПАНЕНКО МИХАИЛ / 1945–2013

ИЗ ПАМЯТИ

И никто не вспомнит, только мама скажет,
Что мой сын пришёл домой.
С утра нищие сиротствовали у храма,
Калеки, выброшенные войной,
Подсчитывать слёзы милосердия
От тех, кто не дождался,
Которые в солдатах видели своих.
С утра на плодородные базары
Мы, голоштаные, бегали наперегонки
Послушать ослеплённых, поющих под баян,
Подняв открыто к небу лица,
О горьком возвращении домой.
А вечером по мирным закоулкам,
По диким и полынным пустырям
Мы собирали остатки от закуски
И слышали,
Как они этот злой и проклятый мир
Материли изо всех сил
И плакали,
И выли,
Закрыв лицо руками.

*Печатается по антологии «Русские стихи 1950–2000 годов»
(М.: «Летний сад», 2010).*

СТОЛЯРЕВСКИЙ АНАТОЛИЙ / 1949

Фото на документ, 3x4:
отец в пиджаке,
надетом на голое тело,
отчего шея
кажется длиннее,
под глазами, на веках
неотмытая шахтная пыль,
две глубоких
затенённых морщины –

ходы сообщения
на КП отгремевшей войны
(там, в Карпатах, навеки
осталась дивизия горных стрелков),
губы сжаты, как на допросе.
Всё строго-серьёзно.
И только
младенческий пушок
вместо некогда пышного чуба
кому-то
может показаться
смешным.

Пожелтевшая карточка –
на ней отец
вполовину моложе меня.

*Печатается по книге «Солдаты, встанем в тишине»
(Иркутск: «Репроцентр А1», 2019).*

СТОЯНОВА ЛЮБОВЬ / 1947

РУССКАЯ

Маме

В детстве меня спрашивали:
– Почему ты русая?
В детстве отвечала я:
– Потому что русская!

Все родные – тёмные,
И все – черноглазые.
Кудри закопчённые,
Брови сажей мазаны.

И земля ведь чёрная,
А пшеница – русая.
С солнечными зёрнами,
Как с тугими бусами.

А потом под Курском
Кто-то после боя

Назвал меня не русою,
Назвал меня... седою.

Я в зеркале – украдкою,
И горла – схваткой краткою...
Чего ж не плачешь, русая?
А потому, что русская!

СТАРОЕ ФОТО 44-ГО ГОДА

Мой маленький лейтенант
В пилотке – чуть набекрень.
На гимнастёрке – в обхват –
Широкий тугой ремень.

На худенькой детской ноге –
Тяжёлый чёрный сапог...
Но сколько же силы тебе
Дал от рожденья Бог!

Какой победительный взгляд!
Притихли на миг бои...
Отважный мой лейтенант,
Как хрупки плечи твои...

Великий мой лейтенант!
Из добровольцев страны,
Из тех, кто со связкой гранат
Бросался под танк войны.

Из тех, кто наград не ждал
За скорби святые свои,
Из тех ты, кто не отдал
Ни пяди родной земли!

Подборка предоставлена автором.

СТРУЧКОВА НИНА / 1955

МАТЕРИ

Ну в чём твоя тяжёлая вина,
За что так жёстко жизнь тебя карала?

Суровая, нещадная война
Украла твою молодость, украла!

А после – разве было до красот? –
Стирай, вари и дом держи в порядке,
Дрова руби, выпалывай осот,
Окучивай картофельные грядки.

Молись, чтоб детям Бог удачи дал,
Чтобы мечтали, радовались, пели...
А слёзы – их никто и не видал,
Они в твоих глазах перекипели.

Года бегут, как волны по реке,
А сердце, как платок по ветру, бьётся.
Любой непосвящённый по руке
Судьбу твою прочтёт – не ошибётся.

Осенний цвет зима сожгла дотла,
Лишь в печке угли меркнущие тлеют...
Я знаю, как душа твоя светла.
Но волосы – зачем они светлеют?

Нет, мы не пострадали от войны.
Мы родились спустя десятилетье.
Но без отцов воспитанные дети –
Не ищем в том родительской вины.

А вот солдат, упавший вниз лицом, –
Он мог в живых, наверное, остаться
И матери моей в мужья достаться,
И был бы замечательным отцом.

Душевным ранам долго не зажить,
Болезнь неутихающею болью.
Неразделённой, горькою любовью
Вскормлённые, мы долго будем жить!

Мы, может быть, и были рождены
Из ненависти к тем, кто убивает.
Война – такое зло, что не бывает
Совсем не пострадавших от войны.

Вот фотографии военные.
На них, ещё не убиенные,
На фоне дыма и огня
Заснята вся моя родня.

Они, кто ныне упокоены,
Все были пахари – не воины.
Хранит их память много лет.
А мирных фотографий нет.

ВЕРНОСТЬ

Бабке Наталке не снятся счастливые сны,
Бабка Наталка доньине ждёт мужа с войны.
Смейтесь, кому эту женщину вовсе не жалко, –
Светлую, добрую, верную бабку Наталку.

Вслух не стенает и слёз горемычных не льёт.
Годы проходят, полвека и долее – ждёт!
Время – работе, заботе, печалям и мукам,
Дому, соседям, но только не детям и внукам.

Вроде на людях, а ночью – одна и одна!
Просит поставить кровать у седого окна:
– Старая стала, не слышу, а может случиться –
Муж мой законный, хозяин, в окно постучится.

Вот он, усталый, измученный, к дому придёт,
Стукнет, а я не услышу, и скажет:
– Не ждёт! –
Бабка Наталка, зачем ты так чутко ночуешь?
Если вернётся, так ты его сердцем почуешь!

Бабка Наталка, ты жди и надейся, и верь:
Ветер ворвётся в твою незакрытую дверь,
Явится муж твой – души одинокой опора,
Встретишь, обнимешь, прижмёшься –
теперь уже скоро...

Подборка предоставлена автором.

СУВОРОВ АЛЕКСАНДР / 1946

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

Лицо солдата превратилось в лик.
Над каской нимб возжётся сам собою.
Солдат упал и умер в тот же миг,
И больше не вернётся – мёртвый – к бою.

И больше не вернётся в дом родной,
И так и будет вечно безымянен,
Земляк, одноплеменник наш, землянин,
Из одного села, с Земли одной.

Лежит он в Александровском саду
Под строгим полированным гранитом,
Лежит у всей державы на виду,
И знает вся держава об убитом...

ОТВАГА

Отчаянная смелость сохранит нам
В огне, во тьме и в смертном страхе жизнь.
Вот встанем изваянием гранитным –
И хоть сто лет беда вокруг кружись.

И хоть стреляй в упор из пушек злобы,
Хоть с флангов обходи, кривя душой,
Отвага самой безоглядной пробы
Нас бросит с ходу на окоп чужой.

И пусть – навстречу ненависть и ярость
Свинцового житейского огня,
Нас даже рана в сердце, даже старость
Не остановят... Вечная броня!

Так что пугать и путать нас не стоит.
Трубит труба, опять трубит труба.
И нас в шеренги праведные строит
Пронзительная русская судьба.

НЕИЗВЕСТНЫЕ

В апельсиновом соке заката
Солнце тонет за кромкой лесной.
Жизнь оборвана. Нет вам возврата
В чёрный, кровью отравленный зной.

Разворочен блиндаж в три наката,
Танк дымится. Напротив – другой.
Сколько за день здесь вашего брата
Положил этот бешеный бой!

Нам про вас ничего не известно,
Но забыть невозможно вовек,
Что в земле перепаханной тесно –
Сколько, сколько же в ней человек!

Спят, касатики, в братской могиле
И не ведают, что победили.

РЯДОВОЙ

Мне чудится, я вижу чёрный дым
И слышу вой снарядов перелётный.
На той войне я был бы рядовым
На правом фланге, в точке пулемётной.

Меня бы подавить пытался зло
Артиллерист во вражеском мундире.
Ему на той войне не повезло,
Как и его испытанной мортире*.

Ведь я ему погибели желал,
Стреляя с чувством и, конечно, с толком.
Так я бы до Победы дошагал,
Не тронутый ни пулей, ни осколком.

И не забыл бы до последних дней
Те страшные и яростные годы.
Я – рядовой, и снизу мне видней
Войны и мирной жизни переходы.

Подборка предоставлена автором.

* Артиллерийское орудие с коротким стволом.

СУДАКОВ ВЛАДИМИР / 1952–2021

«Когда началась переправа (260-го стрелкового полка 168-й стрелковой дивизии с побережья Ладоги южнее г. Сортавала на о. Путсаари, а далее на о. Валаам в августе 1941 года. – В. С.) и более 200 лошадей вошли в озеро и поплыли по направлению к Путсаари, единственный в полку маленький жеребёнок остался на берегу, побоявшись войти в воду. Лошади уже проплыли половину пути и были близки к цели. В это время жеребёнок неожиданно заржал. Его мать кобылица, плывшая впереди, вытянула шею, моментально откликнулась на зов и повернула назад... А за ней, как по команде, поплыли все лошади. Многие из них погибли под огнём...»*

С.Н. Борщёв. От Невы до Эльбы (Л.: «Лениздат», 1973)

На Путсаари – зелёная сплошь тишина,
птичья речь, колокольный размеренный звон.
И какая тут может быть, Боже, война:
среди такой благодати –

уродище войн?

Но в недвижности воздуха, скал и небес,
в гуще яростно-скорох и медленных дней
проступает виденье:

укрытие-лес

отпускает на волю пленённых коней.

И вступает в залив, обдавая меня,
и становится строками будущих рун,
и плывёт, выгребая в зарю из огня,
и –

назад поворачивает табун.

2011

ОТЦОВСКАЯ ЛОЖКА

Потемневшая мятая ложка
среди прочих в столе, в уголке.
Черенок её загнут немножко.
– Это чтобы носить в сапоге, –
мне отец объяснил (дрогнул голос)

* Ладога – обиходное название Ладожского озера, расположенного в Республике Карелия и Ленинградской обл.

и на «Зингере»* застрекотал.
Я её, слыша в голосе горесть,
захотел разогнуть
и сломал.

*На смерть Ю.Б. Левитана***

Обезголосела память...

К раструбам чёрным страна
лица вздымала: плакать?
радоваться сполна?
Если от засухи гари –
голос тяжёлый, как злак.
И, торжествуя:
«...Гагарин!»

Ну, а без этого как?
Пауза. «В ходе тяжёлых...»
И – «...измотав...». А потом –
в небе ликующий сполох:
«...заняли...».
Сладостный ком.

Дачное уйское*** лето,
сушатся сети вдоль стен,
лук наливается светом,
чайник остыл на плите.
«Родина» – старый приёмник,
щуря на банку глазок –
ту, что от «фронта второго»,
(плотной тушёнки) –
сурово
медля, прочла
пару строк.

1978

* «Зингер» – швейная машина известной американской марки.

** См. примечание на стр. 64.

*** Уя – название губы и небольшого поселения на западном берегу Онежского озера южнее Петрозаводска. Здесь летом 1944 г. высадились с кораблей наши войска, начавшие освобождение захваченных финнами территорий Карело-Финской ССР.

ЛАДВА*. УЛ. СОВЕТСКАЯ, Д. №...

Высокий дом
вращается в землю.
Он углом кренился,
снизу мхом оброс.
Устало ткнулись в землю
шесть окон,
большие окна...
Бел от спелых рос,
вот дом – для плясок,
тризн и для любви,
для двух семей:
обильны грядки, но
высок забор
и весь вьюнком обвит,
и звёздочка прибита на бревно:
дочь на войне...
И заросла тропа
среди поленниц
к низеньким дверям,
над коими – в окне, –
к стеклу припав,
сидит старуха, что-то говоря.
Подсматривает жизнь
из-за стекла.
И за неслышной, сторбившейся ней
лампадка еле светит из угла.
А крыши край –
в закатном злом огне.
И надо всем –
над огоньком в окне,
над крышею занявшейся её –
кричало и кружило в тишине,
и на конёк садилось
вороньё...

ТРОФЕЙНЫЕ ЧАСЫ

Н.У. Иванову

Снова память летит к близким далям,
где земля в крупных каплях росы...
А привёз-то с войны три медали

* Посёлок в Прионежском р-не Республики Карелия, административный центр Ладвинского сельского поселения, комплексный памятник истории.

да трофейные эти часы –
стрелки тонкие, бой королевский.

...Под метельным обстрелом залёт.
День лежал, всё на левой, в подлесе,
ну а правую руку берёт.
Пригодилась: так жил – не до скуки.
Сын-наследник, что больше хотеть?
Нянчит внуков жена,
он же – руку:

стали пальцы на левой неметь.
Ни поест, ни побрить себя даже.
Злое рукопожатье судьбы.
А часы ходят точно всё так же,
только стали не вовремя бить.
В мастерской – механизма не знают.

...Тесно руку притиснув к груди,
он на них, как они заиграют,
с каждым разом –
всё дольше глядит.

СИНЯВИНО

«Посёлок в Ленинградской области в 9–10 км от юго-зап. побережья Ладожского озера, в 16 км от ж.-д. станции Мга. В сентябре 1941 и особенно в августе – сентябре 1942 г. в районе Синявино происходили ожесточённые бои, связанные с попытками советских войск прорвать блокаду Ленинграда. В январе 1943 (в т.ч. и усилиями 71-й стрелковой дивизии, в начале войны сражавшейся от пос. Вяртсиля до г. Медвежьегорска. – В. С.) блокада была прорвана в районе севернее Синявино, превращённого противником в сильный опорный пункт...»

Большая советская энциклопедия. – М., 1976, 3-е издание. Т. 23.

Сейчас здесь ежегодно проходят работы по поискам останков погибших, в которых участвуют и отряды из нашей республики.

В.И. Дворецкому, К. Ратникову

Тощий лес, первомайская рань,
на земле даже в спальнике зябко.
– В ржавой жиге
здесь вмёрзло «ура!»,
обронили в какой-то атаке.
Не вытаивает. Вода.

Крепит склон,
левый фланг в первой роте, –
мой товарищ уверен. – Ну да,
этих-то мы поднимем. Когда?..
А вот тех, кто в болоте... –
Отчеканилась солнца медаль,
закровянекла облака вата.
– И свинец погулял тут, и сталь,
Здесь слоями солдаты.
Втрамбовались друг в друга тела
новгородца, сябра и казаха,
и истаяла плоть их дотла,
мшаник стал
общей смертной рубахой.
– Ну, пошли? –
встал второй у дверей,
допив чая горячую кружку.
...Что-то до-о-лго
считала кукушка,
кратко ей отвечал соловей.

КИНОХРОНИКА

«И улица накрена, как торпедированный крейсер».

В. Шефнер

Владимиру Иванову

Эх, пехота, пехота!
Добежишь ты пока –
обязательно кто-то
как споткнётся
в снега.
На ничейной – экране –
на любом этаже
наст лицом протаранил
третий, пятый уже...

Эх, пехота!..
На русском,
вся на поле лежит.
Но. Один. Шевельнулся!
Значит, друг
будет жить?

1970-е гг.

КЕСТЕНЬГА *. ПЕРЕЗАХОРОНЕНИЕ

Ах, какой был закат кровавый –
жѣг берѣзы.
На рассвете легли на травы
белые росы.
Росы – от дыхания павших,
сбитых пуль прицельной, шалой...
А к утру над водой – туманище...
За ночь как надышали!
От салюта вздрогнув, над нами
небеса качались мгновенье.
Полпосѣлка огородило глазами
место перезахоронения.

Триста –
в гроб один поместились.
Холмик рос над землѣю раннею.
Вы простите, так получилось:
я ступил на него, выравнивая.
Незнакомец (обратно шли мы)
о войну споткнулся – о проволоку.
Обсудить хотели шутливо
и замолкли:
он – ногу волоком.
...Этот век спотыкался дважды.
Тихим утром – пригнуться? – каждый
слышит, будто встревожен улей:
над землѣй
пролетают
пули.

1973

Подборка представлена автором.

* Кестеньга – посѣлок в Лоухском р-не Карелии. В годы Великой Отечественной был оккупирован фашистскими войсками, там находился немецкий госпиталь (санаторий). В 1942 г. советские войска предприняли Кестеньгскую наступательную операцию с целью освободить посѣлок, но она окончилась неудачей. В огне войны исчезли все деревни Кестеньгского р-на, сама Кестеньга тоже была сожжена и разрушена до основания. Трудом и волей своих жителей возродилась, стала больше и краше, хотя и утратила полностью черты старинного карельского поселения. Рядом с посѣлком находится немецкое кладбище, частично разграбленное чѣрными копателями, частично вывезенное в Германию.

СУРОВЦЕВА ТАТЬЯНА / 1946–2017

Эти старые ленты военных кино –
Чуть наивных, тревожно щемящих...
Словно чёрная тень
Заслонила окно!
Словно посвистом пули летящей
Вдруг наполнился слух!
Словно вот и меня
Ждёт разлука, беда, неизвестность...
Плещут дальние сполохи злого огня
В воспалённых глазах поднебесья –
В тёмных падах войны...
Но – кончается фильм.
Мягкий свет за окном догорает.
Просеивает закат осторожную пыль
Меж домами вечерних окраин.

Славно, тихо, тепло. И незыблем покой
Этих праздничных лет – безвоенных,
Этих светлых мостов над холодной рекой,
Тополей, вековых и надменных.
Но откуда-то в сердце осколочком льда
Залетело, застряло:
Неужто
Год придёт, день придёт,
Час наступит, когда...
Ах, не нужно, не нужно, не нужно!
Пусть летит над землёй
Эта нежная пыль –
Детской верою сердце исходит:
Это только кино. Незабываемая быль.
Боль, которая трудно проходит.

Печатается по журналу «Сибирские огни», № 2, 2020.

СУСЛОВА АЛЕКСАНДРА / 1952

*Моему воронежскому деду,
Анохину Михаилу Ильичу, посвящается*

Когда сорок первый пролился в июне
Безудержным ливнем свинца и огня,
Мой дед – бога в душу и в корень, и сплюнул.
И был он гораздо моложе меня.

Он ловко в портяночки ноги укутал,
Осталась привычка от финской войны,
Пошёл в кирзачах*, дёгтем смазанных круто,
Под гомон детишек да слёзы жены.

Он топал в пехоте на Запад упрямо
И мать поминал, хоть святых выноси.
И смерти в глаза, видно, дерзко и прямо
Глядел, как могли мужики на Руси.

Отметины ран, да медаль «За отвагу»,
И радость победы принёс он домой.
Он пил из ковша поднесённую брагу
И мелко контуженной тряс головой.

И горя хлебнувши по полной и с лишком –
Оно не спешило пройти стороной, –
Он после войны народил уж мальчишку,
Чтоб было кому присмотреть за страной.

Коль был бы живой, отмечал бы столетье,
Пусть знает мой внучек, играя в войну:
Прапрадед его по-мужски в лихолетье
Сумел защитить и семью, и страну.

Презрев обагрённые кровью медали,
Потом ту страну на куски разодрали...

09.05.2003

* Кирзачи, кирзакі – кирзовые сапоги, традиционная обувь российского солдата.

*Моему отцу Самохвалову Илье Митрофановичу,
парню из курской деревни, посвящается*

Ищу в военной хронике отца
И безуспешно вглядываюсь в лица.
И в гимнастёрках выцветших бойцам
Я до земли готова поклониться.

И в серых кадрах старого кино,
Мне кажется, отец идёт в атаку.
И где-то в измерении ином
Приказывает ротному остатку.

Над полем – облаков багровых тень.
Бегут фашисты, получайте, нате!
Молю я: пуля-дура, не задень
Солдатика, похожего на батю!

06.05.2006

*Родителям моим, Илье и Полине,
встретившимся после войны
в Москве, посвящается*

Мама девочкой шила бойцам гимнастёрки
И стирала кровавые кучи бинтов.
Письма с фронта носила, и в сумке потёртой
Прижилась злая боль похоронных листов.

Голосили по хатам воронежским вдовы,
Сипло женщины выли, надсадно, без слов.
Маме лишь восемнадцать, а горяшка вдоволь,
Дни в надежде и страхе, и ночи без снов.

А отцу – двадцать два, и в зубах самокрутка,
Гимнастёрка внатяжку, медали звенят.
Им до встречи друг с другом лет десять, не шутка.
Им ещё предстояло дожидаться меня.

С фотографий военных наивные лица
Смотрят в наши глаза – продолжение своё,

И атаки отца будут долго мне сниться,
Растревожит в ночи гул тяжёлых боёв.

И в печально-торжественный праздник Победы,
Утирая солёные слёзы с лица,
Растревожив себя поминальным обедом,
Разложу перед внуком медали отца.

17.04.2005

Подборка представлена автором.

СУТУЛОВ-КАТЕРИНИЧ СЕРГЕЙ / 1952

ЗАДАЧА НОМЕР РАЗ, ИЛИ «ВАМ ВОЗВРАЩАЯ ВАШ ПОРТРЕТ...»

Чурилов, капитан, по прозвищу Чудило,
Поклявшийся любовь войною перемочь,
За чаркой вспоминал: «Ах, как она любила –
Майора, а меня дразнила день и ночь...»

Июльский Кисловодск, блаженный, довоенный...
Людмила, медсестра (через полгода – врач).
«Причудина?! Смешна фамилия, мой пленный,
Но верная жена – гарантия удач...»

Причудину устал завидовать Чудило:
«Вёзет тебе, майор! До сладких в Кисломе встреч...» –
«Коньяк – на посошок...» – «Что было, то и сплыло...» –
«Задача номер раз – Чудинку уберечь!..»

Лубянка и чужой судьбы паникадило...
«Людмила, Бог – в Кремле!» – воскликнул капитан.
Июль. Сороковой... Ах, как под сердцем ныло...
Чурилов – на крыло! Причудин – в Магадан!..

Аэродром «Кагул». Добраться до Рейхстага
И фрица запугать, чтоб лютый бес дрожал.
Союзники чудят? Друг промолчал – присяга.
В газете прочитал: «Бомбёжка, взрыв, пожар...»

Свои сто сорок бомб и свой побег из плена
Полковником обмыл седеющий аскет.
Войною превозмочь ознобы предвоенной
Мелодии танго – с рефреном «ваш портрет».

Чурилов уцелел в аварии под Гродно*,
Где рухнул «дуглас-бис»**, рванувший на Берлин...
Сиделку обозвал змеюкой подколодной,
Хирургу пригрозил: заряжен карабин.

– Достать из-под земли полста «Герцеговины»***!
– Семь бед – один ответ, товарищ генерал...
– И ящик коньяка, поскольку именины:
Георгий, Жорка, Джордж «полтинник» разменял!..

Июльский Кисловодск. Блаженный сорок пятый.
От койки до окна – три шага и назад...
Людмила, главный врач: «Опять бузишь, крылатый?!
Покурим, почудим... И не таращь глаза...»

Чурилов, генерал, по прозвищу Чудило,
Причудиной пять лет настойчиво твердил:
– Однажды обними влюблённого дебила!
Майора не вернуть – рассвет, расстрел, распыл...

Июльская Москва. Людмила отчудила:
Жена, а не вдова! Чурилова теперь.
...Причудин под окном! Сигналящий водила...
– Родная, ставь коньяк! Я открываю дверь.

2013, 30–31 марта

Стихотворение представлено автором.

* Город в Белоруссии, административный центр Гродненской обл.

** В 1942 г. в р-не деревень Новониколаевка и Домашово Брянской обл. разбился американский самолёт Douglas DC-3, поставившийся в СССР по ленд-лизу, а также производившийся по лицензии. Крылатую машину заметили немецкие пулемётчики и расстреляли прямо в воздухе.

***«Герцеговина Флор» – марка советских папирос, получившая особую известность благодаря тому, что их курил И.В. Сталин, а также использовал из них табак для курения своей трубки. Папиросы выпускались с дореволюционных времён на табачной фабрике С.С. Габая (с 1918 г. – фабрика «Ява»). В 1970-е гг. поставлялись на экспорт в соцстраны, в 1980-е производились одноимённые сигареты с фильтром.

СУХАНОВА ВЕРА / 1955

СМОЛЕНСКАЯ ДОРОГА

Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...

Константин Симонов

1

Дорога запетляла, и исчез
Асфальт, когда свернула ненароком
Она в примолкший сумеречный лес,
Застигнутый в раздумье одиноком.
И горек был раздумий тех итог:
Окоп забрызган алой земляникой,
И клён пророс сквозь ржавый котелок
В порыве жить – и страстном, и великом.
О, Мать-калека, нищенка-Земля!
Испещрены воронками леса,
Истощены родимые поля,
И бьёт озноб тебя, когда роса,
Как пот холодный, выступит на теле.
В тебе осколки бродят той войны,
К тебе вернулись павшие сыны,
Ну а живые так и не сумели...
Все дети – в вечных поисках удач –
Поразбредились по собственным дорогам.
Они не слышат материнский плач.
У них – дела... А дел на свете много.

2

Я шла вдоль поля, дальних ферм,
От осени бежали птицы.
Дорога пала, чтоб затем
У горизонта к небу взвиться.

И одиночество пути
Рождало медленные думы.
Мне было хорошо идти
Под небом низким и угрюмым.

Мне было вольно вспоминать
Всех, кто прошёл дорогой этой,

В их судьбах – суть свою искать,
Века связующую мету.

Они куда-то вместе шли
За горизонт к незримой цели.
Их цепь терялась там, вдали,
За кромкой неба и земли,
Где туч края едва атели.

Я думала о том, что мне
Судьбой даровано так много:
Стихи, великая дорога
И память о былой войне.

25 СЕНТЯБРЯ 1943 ГОДА

И может быть, намного проще
Оставить свой сожжённый кров,
Где только ветер пыль полощет
И сушит пролитую кровь.

Но кровь не сохнет. И как пламень,
Доныне нам ладони жжёт
Здесь пропитавший каждый камень
Тысячелетний едкий пот.

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

Старый снимок, ещё довоенный.
Смотрит мальчик в немой объектив.
Маг-фотограф движеньем мгновенным
Мерный времени ход укротил.
Маг-фотограф, простая работа:
Сколько за день проходит людей,
И мелькают их лица на фото
Исчезающих в вечности дней!
Смотрит мальчик со старого снимка
Накануне великих разлук.
Очертила судьба-невидимка
И замкнула уже его круг.
Нам с вершины времён всё открыто.
Мальчик, горько предвидеть беду,
Но уже твоя пуля отлита,
И уже в сорок первом году...

Подборка представлена автором.

СУХАНОВА ЛЮБОВЬ / 1951

У ветерана ордена украли.
А он вздохнул: «Да что там ордена,
Когда у нас украдена страна
И наши дети совесть потеряли?»

Вон клейма свастик – Каина печать
Несут... Россия, до чего дошла ты!
Теперь уж и к Победе тянут лапы,
Чтобы её у нас конфисковать.

Как внуки будут знать, что басни лживы
О русских на обочине войны?
И мы в последний бой идти должны,
Чтоб правду отстоять, пока мы живы.

Ну, а поскольку тяжко нам уже,
Покличем тех, что проросли в сирени.
Они ведь до сих пор не постарели.
Они сильнее на этом рубеже».

Подборка предоставлена Брянским отделением СП России.

СУХАРЕВСКАЯ ЛЮБОВЬ / 1950–2013

РАЗГОВОР С ОТЦОМ

Отец суров, зря говорить не станет.
Когда-то русский, стал, как дым, белёс,
Как те среди черёмух и берёз
Луга, куда пришли мы ранней ранью.

Я – в отпуске. Неделя для покоса,
Потом опять лететь на магистраль.
Отец меня расспрашивал серьёзно,
Сощураясь и посматривая вдаль.

Он слушал и о северных морозах,
О Лене, опоясанной мостом,

О том, что дождались электровозов
И что в тайге у нас и стол, и дом...

Был сладок отдых. Были косы остры.
Звенел костёр томительно и зло.
– Вам, дочка, больше в жизни повезло, –
Сказал отец. Потом добавил просто:

– У вас вот БАМ. У нас была – война. –
«Всему свой срок», – вздохнула тишина.

БЕРЛИНСКИЙ ЭТЮД

Живу впервые в той стране,
Где скорбь и трепет Трептов-парка,
Где в сентябре, как летом, жарко,
Но жарче – память о войне.

Как кровь стучит в моих висках!
Как страшно мне с любым проходим
Подумать вдруг одно и то же,
Хоть и на разных языках!

Представить сквозняки руин,
Рейхстаг, что мёртвым силуэтом
Чернеет там зимой и летом,
И вдруг опомниться: ведь в этом
Повинен был другой Берлин!

И размыкаю дум кольцо,
И снова провожу границы.
Мои ровесники в столице
Открыто смотрят мне в лицо...

*Печатается по антологии «Солдаты, встанем в тишине»
(Иркутск: «Репоцентр А1», 2019).*

СУХОВСКИЙ ВАЛЕНТИН / 1949

КАРТОЧКА ОТЦА

Корёжил трактор тракт разбитый,
Шумел у пристани разлив.

А на стене, луной облитой,
Металась тень цветущих ив.

След мировых событий в местных
Сквозит всё ярче предо мной.
Сосед за стенкой грянул песню,
Он жив победною весной.

И знаю, будет бредить ночью,
Кричать команды без конца...
А мне приснится в доме отчет
На стенке карточка отца.

ТЁТКА АННА

Тётка Анна, сутулая, тихая
В низком доме у края села.
Много выпало горя и лиха ей,
А какой работающей была!

Помню я: молотила без устали
Золотые снопы на гумне.
Репой пареной, кислой капустою
Эти годы запомнились мне.

И она, трудоднями богатая,
Замешает муку с клеверком.
Но у ней мы, бывало, с ребятами
Забирались на печь вечерком.

Сладко было, не зная о радио,
Слушать старый большой патефон.
И светились глаза наши радостью,
Как оклады старинных икон.

Помнят бабы, как Анна молилася
Всю войну за троих сыновей,
И во сне, говорила, всё снилось ей,
Что все трое стоят у дверей:

Не в военном – в рубахах сатиновых,
Будто только вернулись с косьбы.
Причитала: «Да как вы, родимые,
Не дошли до отцовской избы?»

Помню праздники я деревенские
И протяжные песни её.
То печалью, то удалью женскою
Растревожила сердце моё.

Откосила в страду сенокосную,
Отходила за плугом весной.
Но сидит вечерами за кроснами*
И всё ткёт половик расписной.

Тем на свадьбу дарит обязательно,
Тем несёт в свежесрубленный дом.
Я надеялся: все ей признательны,
За добро и ответят добром.

Кто же сена копну невысокую
Привезёт для козлушки в сенник?
Тётка Анна, родня ты далёкая,
Но я твой вековечный должник

И за руки твои непокладные,
И за добрую душу твою.
Я вспашу эти сотки надсадные,
Будто сын, не погибший в бою.

1977

ЮРИЮ БОНДАРЕВУ, ПИСАТЕЛЮ-ФРОНТОВИКУ

*В ответ на благодарность за редактуру
двух его книг прозы и публицистики,
с восхищением его подвигом*

От Сталинграда через Днепр к Карпатам
Шёл Бондарев с боями по стране.
Потом он в слове показал крылатом,
Как золотится колос на стерне.

«Горячий снег»** явился откровеньем
О доблести солдатской на войне.
Артиллеристу выстоять в сраженье,
В огне разрывов, – тяжелей вдвойне.

* Крósны – ручной ткацкий станок.

** Роман Ю. Бондарева, 1970 г.

И пережить те огненные годы,
Страницы памяти листая наугад,
Как Днепр форсировал, в огне не зная брода,
И отклонил Бог вражеский снаряд.

И для того судьба благоволила,
Чтоб выжить смог и летописцем стать,
Чтоб на страницах память воплотила
Характер, образ и героев стать.

То мужество, смекалку и отвагу,
Что помогли народу победить,
Смог Бондарев, доверившись бумаге,
Как всенародный подвиг отразить.

В романах виден русский наш характер,
Душа, национальные черты.
Покуда тройкой мчится Русь по тракту,
Не остановит время взлёт мечты.

Фронтовика объятья, как отцовы...
И классика, как Бога поцелуй.
Эпоха отразилась его словом.
С ним рядом плачь, душа, но и ликуй!

Подборка предоставлена автором.

СУХОРУКОВ ФИЛИПП / 1946–1989

ГИМНАСТЁРКА

Выбирал старшина по плечу гимнастёрку,
Чтобы не жала она, чтобы впору была.
«Не спеши, – говорил, – попримерь её толком,
Коли ладно сидит, то в порядке дела».

Хороша гимнастёрка защитного цвета,
В самый раз, аккуратно, как надо сидит!
Выручает солдата зимою и летом,
Каждой пуговкой малой задорно блестит.

И, признаюсь, горжусь, что ношу гимнастёрку,
Надеваешь её – прибавляется сил.

Ведь в такой же когда-то прославленный Тёркин
Всю войну исходил
И врага победил!

ГЕНЕРАЛ

Глубокий шрам: я сразу же узнал
И своего волнения не скрою –
Высокий поседевший генерал
Задумчиво проходит перед строем.

Как на портретах, близкие черты,
Исполненные мужества и долга.
Глаза полны отцовской доброты,
Он в лица наши смотрит долго-долго.

Он в сорок пятом сам стоял в строю.
Дала ему Победа эта право.
Он – слава, поседевшая в бою.
И мы в строю,
Мы – дети этой славы.

*Печатается по книге «От Дона до Победы»
(Ростов-на-Дону: «Ростовское книжное издательство», 1985).*

СЫТНИКОВА АНТОНИНА / 1955

Памяти моего дяди Алексея Неговора

Здесь сентябрь, как пирог слоёный,
То оранжевый, то зелёный.
Катит тыквы по огороду,
Запрягает мышей в подводу.
Перед тем как домой собраться,
Рассказать захотелось вкратце,
Что за синей прохладной речкой
Было поле с медовой гречкой.
И с утра и до самой ночи
Там трудилась что было мочи,
Над кипеньем крутым летая,
Пчёл, в согласии дружном, стая.
А потом на широком блюде

Плыло золото. Брали люди
Распечатанных сотов ломти.
Свет в ячейках лучисто-ломких
Распадался на сотни капель
И на хлеба горбушку капал.
Дядя Лёшка – костыль под мышкой,
Возле ульев ходил вприпрыжку.
Наблюдал за порядком строго
И почти забывал про ногу,
Что осталась в бою под Курском
На прославленном поле русском.

*В сентябре 1941 года в Медведевском лесу были
расстреляны 157 заключённых Орловской тюрьмы.
Накануне освобождения Орла в 1943 году
в Медведевском лесу оккупантами было уничтожено
более 350 мирных жителей и военнопленных.*

За улицей Рошинской города нет –
Медведевский лес распластал свои крылья.
Под сенью берёз молодой бересклет
Слегка припорошен дорожною пылью.
Иду по тропинке, и сосны встают
По левую руку сплошным частоколом,
Берёзовой рощи прозрачный уют
Сменяется мраком густым и тяжёлым.
И чудится, будто бы сам Берендей*
Стоит за огромной и хмурой сосною
И чары наводит на пришлых людей,
Окутав их старою тайной лесною.
И войско его из погибших в лесу
За деревом каждым сокрыто до срока,
А сосны могучие вахту несут,
Дозором стоят молчаливо и строго.
Лишь дятел уныло стучит и стучит –
Ведёт поминальную службу о ком-то,
А воздух тягучий немного горчит –
Не раз проходила здесь линия фронта.
И эта земля становилась не раз
Последним пристанищем многих и многих,
Без пышных прощаний и вычурных фраз

* В славянской языческой мифологии – колдун-оборотень, оборачивающийся бурым медведем.

Они уходили своею дорогой.
Обилие разных житейских дорог
Здесь стало невольно дорогой одною.
Где правда, где вымысел – пусть судит Бог.
За всех помолюсь перед старой сосною.
А завтра над лесом лиловый рассвет
Смешает в палитре легенды и были.
За улицей Рощинской города нет –
Медведевский лес распластал свои крылья.

Печатается по журналу «Подъём», № 5, 2017.

ТАМБОВСКАЯ АЛЕКСАНДРА / 1949

В том поезде тесно и жарко.
Как бабка, ворчит тишина.
Ковыль, будто газовый шарфик,
Дымится в проёме окна.

Солдаты, солдаты, солдаты...
И там – трое суток подряд –
В шинели, ещё не помятой,
Мой добрый, задумчивый брат.

Знакомые тропы мелькнули –
И снова картины не те.
Рябины тугие, как пули,
Маячат на каждой версте.

И вот уже мирная Волга,
И неба спокойная гладь.
И только старушка так долго
Глядит, словно хочет узнать...

Тётя Таня, помнишь вечер?
Вот такой же точно вечер.
Сердце трепетно стучало...
Головой ветла качала...
Помнишь вечер?
Помнишь встречу?
Отзвучало, отзвучало.

Помнишь утро, тётя Таня?
Небо с кручей. Крест паучий.
Колыбель рука качала...
Эшелон на запад мчало...
Помнишь это, тётя Таня?
Отзвучало, отзвучало.

Помнишь полдень, тётя Таня?
Похоронка – как воронка
От снаряда, от снаряда.
Как избу твою качало!

Как душа твоя кричала!
Отзвучало, отзвучало.

Но смотри, какое небо!
Но смотри, какие звёзды!
Вот и внуки – вот и звуки.
Всё сначала, всё сначала...
Что ж ты плачешь, тётя Таня?
Отзвучало, отзвучало...

Отпусти его, вечность,
Погулять по росе.
Там солдаты уходят,
А вернутся не все.

Он ещё в плясовую,
Всё бочком да шажком.
Отпусти его, вечность,
Погулять босиком.

Там, где небо над горкою
Пахнет свежей травой,
Отпусти его, горькая,
Вновь испить ключевой.

Отпусти его, чёрная,
К тополям молодым,
Где ещё та девчонка
Не гуляет с другим,

Где не пламя грохочет,
Где не враг на горе –
Мать у печки хлопочет,
Тишина во дворе.

Снова осень обходит перроны,
Путь железный лучист и широк.
С мёртвой точки срываются клёны
И бегут мимо нас на восток.

Что ж, мелькайте, деревни и сёла.
Я узнала вас, мамины сны.

Там остался тот мальчик весёлый,
Что потом не вернётся с войны.

Там гнездятся забытые были,
Лучезарен у девочки взгляд –
Той, которую ранит навывлет
На рассвете фашистский солдат.

Свет зеркальный стоит над рекою,
Мчится поезд, как сон наяву.
Новобранцы, прикрывшись рукою,
Безмятежно глядят, не мигая,
И не могут глаза отвести.

Всё им чудится давнее лето,
Всё им – память и пища уму.
А в глазах у них слёзы от света,
А быть может, ещё почему...

Печатается по книге «Шёл солдат...» (Воронеж, 2005).

ТАРАКАНОВА ЛАРИСА / 1947

Моя ли,
Чужая ли в этом вина –
Мне трудно почувствовать слово
«Война».
Но в каждом рассвете
Грядущего дня
Оно существует помимо меня.
Оно облагряет полотна газет,
Его повторяет безногий сосед.
И мечутся толпы бескровных теней
В разорванном пламени
Вечных огней.

Мы – юные дети
Огромной страны –
Желаем борьбы, испытаний и стуж.
Но гулкое эхо далёкой войны
Касается наших неопытных душ.

Пусть дальний поход,
И целинная гладь,
И непроходимых снегов пелена.
Но дай никогда,
Никогда не узнать
Слепое, жестокое это –
Война!

Печатается по книге «Шёл отец...» (М.: «Современник», 1985).

ТАРАСОВ НИКОЛАЙ / 1947

Был женщине под утро сон...

А снилось ей, что по дороге
Идёт солдат в шинели строгой,
И вот уж у деревни он...

Сквозь деревенский шум и гам
Она, пути не разбирая,
К нему – счастливая такая –
Бежит!

Крапива – по ногам!

Дома и люди – кутерьмой
Летят назад необратимо.
И чёрный плат, и слёзы – мимо!
А ей не верится самой,

Что по нему не голоса,
Что без привычного участия
На вдовьино глазеет счастье
Вся улица, деревня вся.

Что вправду к ней вернулся он,
Как есть, живой и невредимый.
Шептала всё:
– Пришёл, роди-и-мый!
Был женщине под утро сон...

ДЕРЕВЕНСКАЯ БАЛЛАДА

Горожанин, что я про деревню
Помню?

Сеновалов терема...
Стадо, восходящее по гребню
Солнцем озарённого холма.

Помню – у завалинки не тесной
Вечера, наполненные всклень*
Облаками долгими, как песни
Наших среднерусских деревень.

Круговая древняя порука
Деревенок и больших полей...
Мне навек запомнились два друга –
Дядя Лёша, дядя Тимофей.

Говорили, что они издрёвле,
Друг на друга схожие в судьбе,
Первыми парнями на деревне
Были и в работе, и в гульбе.

Под гармонь по улочкам по мглистым
Проходили – кепки набекрень.
Дядя Лёша лучшим гармонистом
Слыл среди окрестных деревень.

Он играл – мелькали в одночасье
Кисти рук в разводах якорей.
А когда сходились в переплясе –
Всех ловчей был дядя Тимофей.

Он такие рассыпал коленца!
Он являл собой такую статью!
У девчат захватывало сердце.
Тётки наши не дадут соврать.

Но когда ударил в рельс дозорный
И запел металл во всю страну,
Проводили вслед за вестью чёрной
Самых разудалых на войну.

* О жидкости в сосуде или о самом сосуде – полностью, до краёв.

На полях военных, не на пашнях,
По земле израненной своей
Каблуки сбивал в походных маршах
Пехотинец дядя Тимофей.

Тяжела солдатская работа.
Но весной солдату снился плуг...
И гвоздил врага из пулемёта
Дядя Лёша, не жалея рук.

Отмаршировали, отстреляли.
Отвели от Родины беду...
Кто вернулся, тех за всех встречали
У земли родимой на виду.

Так встречали радостью-печалью
Всей деревней в мае голубом
Дядю Лёшу с новенькой медалью
И пустым, как поле, рукавом.

А чуть позже грянул издалёка,
Торопясь к отеческой земле,
Эшелоном с Дальнего Востока
Дядя Тимофей на костыле.

Много зим и вёсен пролетело.
Вся деревня в том не даст соврать –
Каждому сполна хватило дела:
Избы ставить, поле поднимать...

И опять в деревне звон тальянки
Разлился всем врагам назло.
Дядя Лёша пляшет на гулянке,
И рукав летает, как крыло.

На прихлоп достаточно ладони,
Одного из пары якорей...
А ему играет на гармонии
Друг сердечный – дядя Тимофей.

Как на пулемёте, на двухрядке
Поливает он под чей-то свист.
Стало быть, в деревне всё в порядке,
Живы в ней плясун и гармонист.

Помню – над завалинкой не тесной
Тополя раскидистую тень,
Облака протяжные, как песни
Наших среднерусских деревень...

*Сорок лет идём с войны
Всем народом...*

Борис Репин

Накрутила военная вьюга,
До сих пор не сойдутся концы...
Ищут по миру люди друг друга:
Сёстры-матери, братья-отцы...

Вот и жизни прошла половина.
По окопам давно клеверá.
Кличет мать запропавшего сына,
И сестру окликает сестра.

Пусть в просторах России огромных,
На неровных дорогах земли
И до кровных своих
И не кровных
Мы бы все докричаться смогли!

И найтись, и обняться когда-то!
Потому как грешней воровства
Жить на свете, не ведая брата
И не помня на свете родства.

СОРАТНИКИ

Все наградные досланы, наверно.
Все ордена надеты как один...
Немного меньше их за сорок первый,
А больше за Варшаву и Берлин.
И рядовые, будто генералы,
Толкуют о прорывах и фронтах,
О замыслах Генштаба небывалых
И об освобождённых городах...
А генералы пишут мемуары,
В которых вспоминают рядовых
И посылают пофамильно их
На подвиги – в «котлы» и контрудары.

Они сидят на сборах пионерских,
А пионеры путают чины...
Но красный блик великой той войны
Вдруг польхнёт огнём в глазёнках детских!
Сравнились генералы с рядовыми.
Они теперь по званию равны –
Соратники. Участники войны.
И командир один теперь над ними...
В одном ряду они, как шли когда-то
К одной Победе от одной беды.
А маршал Время подаёт команду:
– Сомкнуть ряды... –
И вновь: – Сомкнуть ряды!

*Всё никак не позабуду
Распроклятую войну...*
Борис Репин

Почти без ожогов и ран
Проходит моё поколение.
Спасибо, главкомы всех стран,
Что вы придержали поленья!

Не дали всеобщий приказ,
Вселенский пожар не раздули,
Где, впрочем, любому из нас
Хватило бы махонькой пули.

Наш путь протянулся земной
Почти что без эвакуаций.
Но с той распроклятой войной
Не вышло и нам распрощаться.

Подборка предоставлена автором.

ТЕНЯКОВ МИХАИЛ / 1953–2006

ЗАВЕТ

Когда с войны мой дед пришёл,
На месте старого жилища
Нашёл он обгоревший кол
Да груды россыпи кирпичной.

Расчётлив и нетороплив
В работе даже самой срочной,
Четыре камня привалив,
Он заложил фундамент прочный.

И завещал он, инвалид:
«Сыны, я скоро в землю лягу...
Пусть высший долг вам повелит –
Отсюда,
С родины, –
Ни шагу!»

Стараясь связь не потерять
С любимой стороной своею,
Мне хочется теперь сказать
Оставшимся пахать и сеять:

Во имя деда и отца
Не покидайте землю эту!
Верны великому завету,
Теплу родимого крыльца.

Печатается по книге «Шёл солдат...» (М.: «Современник», 1985).

ТЕПЛЯШИН АНАТОЛИЙ / 1951

Мне снятся сны о той войне,
где в жизни не был...
Опять сливаются во сне
и быть, и небыль.
И сердце рвётся из груди
перед атакой.

И смерть маячит впереди
с призывным знаком.
Нас было много в этом сне,
я помню лица...
Но сон в рассветной тишине
недолго длится.
Я кипячу на кухне чай,
хлеб маслом мажу.
Я жив остался невзначай,
не ранен даже.
А если в сердце ноет боль,
как боль зубная,
То в этом виноват не бой,
а жизнь дурная.
И тошно мне от мысли сей,
от слёз бессилья...
Своих беспутных сыновей
прости, Россия.
И если пуля поутру
не минет цели,
то пусть хотя бы я умру
не на постели.
А суждено пусть будет мне
от страшной боли
навек остаться в этом сне
на чистом поле.

Война осталась в прошлом веке,
давным-давно была она.
Но всё же в каждом человеке
живёт война.
Болят её живые раны,
не гаснет ночью свет в окне...
И вспоминают ветераны
всё о войне, всё о войне.
И в наших душах, как впервые,
по зову памяти встают
сороковые-роковые,
Победы радостный салют.
Чем будет славен век двадцатый
через грядущие года?
Вот этой светлой майской датой,
вошедшей в сердце навсегда.

В ней жизнь, и честь, и боль России,
и мир когда-нибудь поймёт,
что русский воин – как мессия,
истории дал новый ход.
И кто-то вспомнит день вчерашний
на новых горестных витках,
и высший смысл Победы нашей
ещё откликнется в веках.
И в сердце вечно будут святы,
пока живёт моя страна,
её бессмертные солдаты,
её победная весна.

КНИГА ПАМЯТИ

Бесконечная лента имён,
Будто в вечность уходит тропа:
Кто убит, тот бесследно пропал...
Над молчанием – шелест знамён.

Над землёю разносится звон:
То ли вздох, то ли плач, то ли стон –
Это эхо прошедших времён
Прерывает беспамятства сон.

Переключка погибших бойцов,
Наших дедов и наших отцов.
Сын с отцом говорит, с братом брат...
Что ты слышишь сквозь вечность, солдат?

Ты лежишь на лафете войны
В окруженье пустой тишины:
Наши речи тебе не слышны,
Наши слёзы тебе не видны.

Бесконечная лента имён...
Кто в Тамбове, кто в Курске рождён,
Ну а кто-то мечтал на войне
Об уральской степной стороне.

Всех единая доля света,
Всех в объяття земля приняла.
Кто на волжских погиб берегах,
Кто сражён был, штурмуя рейхстаг.

Все пред вечностью стали равны –
Дети нашей великой страны.
И победная эта весна
Нам как память навеки дана.

Бесконечная лента имён...
Над молчанием – шелест знамён.
Это эхо прошедших времён
Прерывает беспамятства сон.

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

Когда подходит горестная дата –
А ими обозначен каждый год, –
К Могиле Неизвестного Солдата
В молчанье скорбном движется народ.

Как он погиб, потомки не узнают.
Какие чудеса он сотворил?
Он умер, как солдаты умирают,
В безвестности печальной, как и жил.

Ни подвигом свой род он не прославил,
Ни сыновьям напутствие не дал,
Ни пенсии солдатке не оставил,
А просто сгинул, без вести пропал.

Ни строчки нет во фронтовой газете,
Ни имени, ни званья – ничего.
Ушёл – как будто и не жил на свете,
Как будто в мире не было его...

Но замерли все фронтовые дети,
Все матери застыли у окна,
Когда его на боевом лафете
Вернула вдруг прошедшая война.

Зажглись сердца последнею надеждой,
Шептали губы: «Милый мой... родной...»
Теперь не будет пустоты, как прежде,
С её неизгладимую виной...

А он не ждал такой великой чести,
Скорбит душа который год подряд:

«Как неизвестный, слишком я известен
Среди моих товарищей-солдат.

А сколько их, забытых, безымянных,
Лежать осталось у земных высот,
И на лесных заброшенных полянах,
И в чёрной мгле Синявинских болот.

Простите все, любимые когда-то,
Все, с кем я шёл в последний смертный бой,
Меня, простого русского солдата,
За то, что вас я заменил собой.

Нет у меня ни имени, ни званья,
Не для меня салюты и цветы:
Душа моя, как прежде, вместе с вами
У каждой безымянной высоты».

Печатается по книге «Утро Победы» (Оренбург: «Димур», 2010).

ТЕРЕНТЬЕВ АЛЕКСАНДР / 1947–1996

ПАТЕФОННАЯ ПЛАСТИНКА

Память многое забыла,
Всё же помню, словно сон:
Мама в доме заводила
В День Победы патефон.
Чёрную надев косынку
И глаза прикрыв рукой,
Долго слушала пластинку,
И текла печаль рекой.
Всё текла печаль, как речка,
И пластинка пела вновь:
«Потеряла я колечко,
Потеряла я любовь».
Потому что мама плачет,
Плачу вместе с ней и я,
Слёз своих никто не прячет,
Так и льются в два ручья.
И глядит отец в пилотке
С фотоснимка на стене...

С ямочкой на подбородке
Он, убитый на войне.

Он навек сражён осколком,
Но остался молодым...
По пластинке шла иголка,
Как по кольцам годовым.

Мамы нет. Но голос вечный
Из тумана слышу вновь:
«Потеряла я колечко,
Потеряла я любовь».

Война без нас штыками отсверкала,
Всё меньше в списках числится калек...
Но вот вчера за чайной, у вокзала,
Мне повстречался странный человек.
На нём был китель старый, без шинели,
Ремень широкий в дырках запасных,
Кружочками на кителе темнели
Не ордена, а лишь следы от них.
Он шёл не торопясь к военкомату,
Где не бывал, быть может, много лет.
Иль просто к другу, как солдат к солдату,
Когда повеет порохом с газет.
Пожалуй, всё. О той короткой встрече
Я очень долго буду вспоминать.
Он шёл на костылях, приподнимая плечи,
И я его боялся обогнать!

ПАМЯТКА

«У солдата нет сердца и нервов,
На войне они не нужны.
Будь безжалостным, бей только первым,
И героем вернёшься с войны.
Будут сыты немецкие семьи,
Пусть рабы привыкают к труду.
Это – бой за богатые земли,
Это – битва за хлеб и руду!» –
Эту памятку смелым солдатам
Фюрер накрепко в головы вбил.
Кто в Россию пришёл с автоматом,
Знал, зачем прибавляет могил.

Но однако от нашей столицы
Поднялись в контратаку слова:
«И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова»*.
Опрокинув, свалила в могилу,
Из которой подняться едва ль,
В сталь одетую чёрную силу
Песня, тоже одетая в сталь.

БРОНЗОВЫЙ СОЛДАТ

Пахарем он был или рабочим –
Не мечтал он о судьбе большой.
Был он роста среднего... Но, впрочем,
И при жизни был высок душой.

На войне, в конце или в начале,
В контратаке был солдат убит.
В бронзе он стоит на пьедестале,
С нами только взглядом говорит:

– Не воскреснуть мне. Не будет чуда.
Я навек остался на войне.
Но я с вами буду жить, покуда
Сохранится память обо мне.

Если вновь поля моей Отчизны
Вам придётся защищать в бою
И не хватит пуль... Опять на гильзы
Переплавьте статую мою!

Печатается по журналу «Странник», № 3, 2013.

* Цитата из советской песни времён Великой Отечественной войны «Дорогая моя столица», с 14.07.1995 ставшей официальным гимном Москвы. Слова Марка Лисянского и Сергея Аграняна, музыка Исаака Дунаевского.

ТЕРЁХИНА ЛИДИЯ / 1950

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Суходол.
Суховой.
Сухостой.
Рубим хворост.
Лесорубы из нас – не ахти!
Брату нет ещё и десяти,
мне – восьмой,
а у папки – плечо
изуродовано войной.
Папка рубит левой рукой...
А в белёсом просторе
колючее солнце дрожит,
да тоскующий коршун
над нами лениво кружит.
Рубим хворост.
Упадёт с побуревшей рябины
паутины бродячая прядь
на отцовскую мокрую спину –
будет долго зима лютовать.
– Ничего, отдохнём на печи,
а покуда тащи – не пищи!
Незаметно растёт ворошок*
на вершок,
на вершок,
на вершок...

1967

ВОСПОМИНАНИЕ О 50-Х

В неперспективной Гурьевке**
двадцать семь подворий.
На двадцати подворьях
вдовы мыкают горе.

Избы их кривобоки.
Крыши скормлены козам.

* Куча, груды.

** Гурьевка – бывшая русская деревня в Пензенской обл.

В мохом заткнутых окнах
стёкла редки, как слёзы.

Бабы здесь землю пашут,
сеют и косят – цугом*.
И – до упаду пляшут
в праздники друг перед другом.

Каждая в сердце прячет
горькое своё горе.
Вам не услышать плача
в том развесёлом хоре.

Их утро застанет хмурое
на заготовке дров.
...В послевоенной Гурьевке
всего семь мужиков.

1974

ПАМЯТИ ОТЦА

Сна наважденье, тягостный обман:
упорно языком шершавым, ватным
сугробы лижет мартовский туман,
как будто жёлтый сахар ноздреватый.

Слегка мездрой** шибяющим сырцом
он хрумкает и чмокает от сласти.
А мы в сарае возимся с отцом –
рыбацкие перебираем снасти.

Он вяжет леску к удилищам длинным –
уже опасным стал подлёдный лов –
лёд на стремнине туго выгнул спину
и отошёл от чёрных берегов.

А к берегам – едва спадёт вода –
сползутся греться старые коряги,
и буду я, гордясь, носить всегда
вслед за отцом бидончик с пескарями.

* Запряжкой в две или три пары, гуськом.

** Мездра – изнаночная сторона кожи или шкуры.

...Но как тот лёд, истаяли года.
И вот – лишь холмик над рекой на родине,
оградка, чёрный памятник, звезда.
Ещё там много будет полководий.

Отца не будет только. Никогда.

1992

Подборка представлена автором.

ТЕРТЫЧНЫЙ ИВАН / 1953–2017

НА ГОСПИТАЛЬНОЙ АЛЛЕЕ

Ну и что ж, что на улице осень?
Он, как дару, и осени рад.
Рад увидеть случайную просинь
Между туч, проходящих подряд.

Он и всякому встречному рад.
Рад случайному слову и взгляду.
Как-никак получил он награду –
Этот ветром освистанный сад.

1978

ЭШЕЛОН 45-ГО

Цветы, цветы... С непаханых полей.
Да лица затуманенно-родные.
Да небеса – такие голубые! –
Ласкающие белых голубей.

Он позади – чужой, немецкий край.
И сбилась смерть упорная со следа.
И над бедою выросла Победа –
Высокая, как майское «ура!».

Ах, хочется всё высказать, сказать!..
И петь-плясать под выкрики тальянки!

Но вдовьи, но сиротские глаза...
Но целый мир, увиденный с изнанки...

1983

ВДОВА

Ещё не раз тебе приснится:
Высокий тополь у двора,
Застигнутые думой лица
И чьё-то горькое: «Пора...»

И улица начнёт двоиться,
Когда у мира на виду
За вереницей вереница
Мужчины медленно пойдут...

И оглянуться – побоятся.
Пойдут, как будто бы впотьмах...
Пока вконец не растворятся
В твоих слезах...

1983

ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТ

За бруствер потянулся – получай!..
Сползай, кровавая жёлтый срез окопа, –
Без жеста, или вскрика, или вздоха,
Без тихого кому-нибудь «прощай».
А та берёза на крутом холме,
Та, что красой своей тебя сманила,
Летит за ветром вслед зеленокрыло,
Не ведая, что в поле рыщет смерть...
Как вскинется у матери рука,
Когда ей скажут: «Вот...», – пакет вручая.
А в нём – не твой, родной, а тот, случайный
Портрет тебя убившего врага.

1984

Подборка предоставлена автором.

ТИТОВ НИКОЛАЙ / 1947

КАЛЕКИ

Как пелось в теплушках у печек,
Пред пёстрой толпой площадной!
«Я был батальонный разведчик,
А он – писаришка штабной»*.

Бросали им медь доброты,
Сияющую, как плевки.
И все эти выплаты, льготы
Тогда были так далеки...

Поставьте хоть тысячу свечек,
Вины не избыть нам одной –
Ушёл батальонный разведчик.
Живёт писаришка штабной.

Мне в память приходит из детства
Забитый народом базар,
Мешков и лукошек соседство,
Дешёвой гармошки баса.

Немецкою миной помечен,
Прибывший без ног из огня,
Поёт батальонный разведчик.
Сквозь годы глядит на меня.

МЁД

Пел сверчок без страха и заботы,
В сталь окошко заковал мороз.
Немцы ели мёд, нарезав соты.
Обсосавши, сплёвывали воск.

Знать, не углядела мать девчонку,
Что к столу шагнула, будто в рай,
Ростом с веник, протянув ручонку,
Властно так потребовала: «Дай!»

Видно, Бог один для всех на небе
И всё видит, хотя так высок, –

* Песня написана в 1950 г. в Москве. Слова и музыка Алексея Охрименко.

Повернулся стриженный фельдфебель
И подал большущий ей кусок.

Немцы улыбались, лопотали,
Вспомнив сразу про детей своих,
И ещё кусок мальчонке дали,
Что за печкой прятался от них.

И витал в избе медовый запах,
И сочилась теплота из глаз.
Так и нынче – бывший вражий Запад,
Сжалившись, подкармливает нас.

А тогда угрюмый, неучёный,
Плюнул дед, пошёл дрова колотить
И косился на подвал, где пчёлы
Мёрли у разграбленных колод.

ПИР

– Ешь, папаня. Ешь, кому сказала!
Вон ещё полчугуна яиц.
Всё авось своё, а не с базара.
Всё равно сожрёт проклятый фриц.

Фронт был близко. Крепла канонада.
Вырастало зарево в ночи.
– Ешьте веселее. Не для гада
Оставлять такие вот харчи.

– Не могу, Марфутка! Стало в горле.
Шутка ль – целиком съел петуха.
Пусть сожрут, и чтоб они помёрли!
– Ешь! – опять командует сноха.

Не оставлю извергам ни крошки!
Всё одно найдут, куда ни спрячь.
...После будут мёрзлые картошки,
С лебедою праздничный калач.

Будут, тюрю похлебав пустую,
Забеливши каплей молока,
То пахать, то рожь валить густую,
Молотить и веять, а пока –

Пир горой, не виданный аж с детства.
Сразу шёл за завтраком обед.
Если б можно было раз наесться
На все десять следующих лет!

КУЛИЧ

Он вышел не пышный, не белый...
И вот, завернувши в холст,
Кулич из муки горелой
Святить за четырнадцать вёрст

Старуха пошла на рассвете,
Покрывши платок поновой,
Не веря и веря смерти
На фронте своих сыновей.

Скользили по грязи онучи*.
Яичко, творог в узелке...
Невестка забилась в падучей
Вчера с похоронкой в руке.

Зашлась и другая невестка,
Что стала вдовой на Покров.
Месила пасхальное тесто,
Зажавши рыданья, свекровь.

Давно спали сироты-детки,
А дед всё курить слезал.
И выплыл кулич из загнетки**,
Замешанный на слезах,

Взошедший на горе, на муче,
Явился, избу осветя.
И бабка взяла его в руки,
Как раньше брала дитя...

Плелась мимо начатых пашен.
А дождик хрустальный хлестал.
О мальчиках думала павших,
О Воскресенье Христа.

* Часть обуви, обвёртка на ногу (прообраз обмоток, портянок).

** Загнётка – место на шестке или в самой русской печи (около устья), куда загребают жар.

Огонь трепыхался зелёный.
Грачиные взрывы кулиг*.
Несла освятить окроплённый
Святыми слезами кулич.

ПАСХА 45-ГО

*В 1945 году Пасха выпала на 6 мая –
День святого Георгия Победоносца*

В колхозе ей сказали: взят Берлин,
И мы уже фашистов добиваем.
И из картошки перемёрзшей блин
Стал так хорош. Почти забываем.

К Христову дню кулич без отрубей
И творожок, осёкшийся немного.
Под крышей воркованье голубей
Так волновало – не сойдёшь с порога.

Зари как разрумянились уста!
Над травами, что в дымке от морозца.
Не зря ж совпало: светлый день Христа
И день Георгия Победоносца!

И наши смяли немчуру как раз,
Хоть и горела вся земля под ними.
Теперь и муж вернётся в добрый час,
Избушку срубит и ребят поднимет.

Придёт он, сбросит вещмешок с плеча.
И тут она примчится с огорода...
Припрятала кусочек кулича,
Чтоб разговелся. За четыре года.

И всё от пашни серой до небес
Сияло, ликовало, пело звонко.
Христос воскрес! Воистину воскрес!
А утром приползла к ней похоронка.

Пройдет ещё немного с того дня,
Что ей принёс невянущую мýку,

* Кулига – стая птиц (*устар., ред.*).

И встанет в стремя белого коня
Победоносец наш Георгий Жуков.

*Подборка предоставлена Сергеем Жигалиным
(сайт <http://www.efrik.info/nikolaj-titov>).*

ТИШАЕВА ЛЮДМИЛА / 1954

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Снова дочь умчалась на свиданье,
Сын с отцом сражаются в «бою»,
Том, что на компьютерном экране:
«Мышкой» вверх – и все опять в строю.
Как же просто и ничуть не страшно –
«Жизнь» в игре воротится не раз.
В «бой» они бросаются отважно,
Чтоб набрать тех «жизней» про запас.
В нашу жизнь ворвались игры-войны,
Где не страшно даже умирать.
В них не ранит горе ближних больно,
Здесь привычно «жизнями» играть.
А вчера – на этом же экране –
Шли солдаты в свой последний бой.
Был там сын смертельно чей-то ранен,
Стала там жена бойца вдовой...
И не удержавшись на ресницах,
По мужской щеке сползла слеза.
...На минуту смолкли в мае птицы,
И салютом грянула гроза.

Печатается по альманаху «Жарки», № 8, 2012.

ТКАЧЁВ ВАЛЕНТИН / 1946–2007

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Ветераны идут, кавалеры
Боевых орденов. И тогда
Им бросают цветы пионеры
Как героям войны и труда.

«Слава верным Отчизне и смелым!..»
И они – перезвон по рядам –
По лиловым, оранжевым, белым,
По весенним ступают цветам.

Тем едины, что родину любим
И желаем согласья другим,
Мы стоим – незнакомые люди, –
И звучит государственный гимн.

Звук державный мелодии строгой,
Человеческий замер поток.
...И остались цветы на дороге,
Ни один не растоптан цветок.

Печатается по книге «Шёл отец...» (М.: «Современник», 1985).

ТОЛСТОБА ДМИТРИЙ / 1947–2016

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Соседский пёс обнюхивает ноги.
Ко мне родня кидается на грудь.
Но я устал. Простите. Мне с дороги
Хотя б немного нужно отдохнуть.

Целуйте крепче. Но не тормозите.
Мне восклицанья громкие странны.
Вы – у себя. А я пока не житель
Ни здешних мест, ни дальней стороны.

А я пока разбросан по вагонам.
Я в листопадах Легницы* и Мги**.
Не снят бушлат, не спороты погоны.
Не пройден путь, но прерваны шаги.

Я не хочу ни выпивки, ни хлеба.
Как мал диван... Как близко абажур...

* Легница* (Лигниц) – город в Польше, в котором во время Второй мировой войны нацисты устроили лагерь принудительного труда.

** Мга – городской посёлок в Кировском р-не Ленинградской обл.

Везде я был. Нигде я толком не был.
Сначала спать. Потом соображу.

ШИНЕЛЬ

Давай раскраивай, портной.
Шинель повытерли походы.
Перелицуй*, во славу моды
Пиджак придумай выходной.

А запах пороха?.. Ну что ж.
Он к ней как гайками привинчен.
Он веку нашему привычен.
Его никак не изведёшь.

Печатается по книге «Полустанок» (Л.: «Советский писатель», 1978).

ТОПОРОВ ВЛАДИМИР / 1950–2008

В полуночных водах витает
Военного прошлого свет.
Как резко число возрастает
Читателей свежих газет!

И снова ударили пушки
За тридевять рек и морей,
И снова в России старушки
Спешат в магазины скорей.

Что им утешительный разум?
Не слушают, старые, нас,
Всю пенсию выложив разом
На крупы и соль –
Про запас.

И кто их за это осудит,
Ведь память никак не избыть!

* Перелицевать – перешить, сделав изнанку лицевой стороной.

А будет война
Иль не будет,
Но внуков-то
Надо кормить.

ОТЦОВО ТАНГО

Над обгорелым ржавым танком,
Над госпитальным старым парком,
Ночное небо подпирая,
Молчит о чём-то старый вяз.
И что назавтра будет с нами,
Ещё не ведаете сами,
И на пенёчке патефончик
О том не ведаёт сейчас.

Луна и танго,
Где башня танка
Среди черёмух
Черной беды.
Ах, медсестрица,
Всё это снится!
И лейтенанту
Приснилась ты.

О, где же вы, замашки франта,
Лихая бравость лейтенанта?
Он и растерянно, и нежно
Лицо склоняет над лицом.
Любовь по-прежнему бессмертна,
Печаль по-прежнему безмерна.
И медсестра танцует танго
С моим молоденьким отцом.

Война грехи кому-то спишет,
А тут сердца друг друга слышат,
Цветок из пепла прорастает,
Небесным цветом опылён,
Берлин уже не за горою.
И как-то мирною порою
Семейный мой отец проснётся
И снова вспомнит этот сон:

Луна и танго.
А башня танка
Среди черёмух
Черней беды.
Ах, медсестрица,
Всё это снится...
И лейтенанту
Всё снишься ты.

Печатается по книге «Шёл отец...» (М.: «Современник», 1985).

ТРОФИМОВ АЛЕКСАНДР / 1951

В каждом доме – инвалид
Или кто-нибудь убит.
По селу прошла беда
Частою гребёнкой.
Словно в поле лебеда,
В сердце похоронки.
С древней бабкой говорим,
В чём-то стану я другим.
«Константин убит. Иван
Умер летося от ран.
Прон погиб, Сергей, Илья –
Русаковых вся семья.
Господи, да я забыла
Трофимова Михаила,
Деда родного твоего! –
И качает головой. –
Видишь, стала я стара,
На погост, видать, пора». –
Бабка пальцы загибает,
Поимённо вспоминает,
А вернее, по домам,
И сбивается опять –
До утра не сосчитать.

Печатается по книге «Шёл отец...» (М.: Современник, 1985).

ТРОФИМОВ АНАТОЛИЙ / 1947–2005

ПАВШИЙ

Он в грудь по пьянке не стучал,
Что всё когда-нибудь зачтётся:
Он о войне своей молчал,
Боясь, что сердце разорвётся,

Что может ночью напугать
Оттуда долетевшим криком,
И женщина, как Божья Мать,
Над ним склонялась скорбным ликом,

Когда, ворочаясь, металл
Его лицом вжимал в подушку,
Тогда он тихо ей шептал:
– Прости, родная, в доме душно.

Минуло много лет тому,
Но давний шёпот помню в жизни:
Что он не нужен никому
И никакой такой Отчизне,

Что, годы чьи-то одолжив
У тех, кто пил из смертной чаши,
Он по ошибке горькой жив
И сам себя считает павшим.

Печатается по материалам сайта stihi.ru.

ТУНГУСОВА ТАТЬЯНА / 1947

НЕ ВЕРНУЛИСЬ

«С Холоватки* парни хватки...»
Были. Нет ни одного.
Как рыдали их трёхрядки,
Словно чувствуя чего.

* Холоватка и Молёма – две соседние деревни в Опаринском р-не Кировской обл.

«Холоватские смирёны,
А в Моломе* – ох, бойки!»
Все грузились в эшелоны
В те июньские деньки.

«Холоватски парни баски,
И в Моломе хороши...»
Где, в какой могиле братской
Кто из них теперь лежит?

«Холоватские речисты,
А в Моломе плясуны.
Быть бы мне за трактористом,
Если б не было войны!»

Треугольников солдатских
Обещания легки.
Не вернулись в Холоватку
И в Молому мужики.

НОВОБРАНЦЫ

Всем казалось: в облаках дорожной пыли
Вдоль по улице не шли они, а плыли.
Гимнастёрки необмятые торчали,
Словно крылья прорезались за плечами.
Шаг нечёток, строй неровен, взгляд рассеян.
Защитят ли эти мальчики Расею?
А они, не оглянувшись, уходили,
Словно порчу от народа отводили.
И засохшие репейника будылья**
По кирзовым сапогам, качаясь, били.
И примолкла, как повымерла, округа.
А навстречу – перелески полукругом.

Это мамина и бабушкина память
Жжёт мне душу до сих пор, как будто плавит.
Это дядя и отец мой молодые –
Не убиты. Не калеки. Не седые.

* Холова́тка и Моло́ма – две соседние деревни в Опаринском р-не Кировской обл.

** Сухие стебли крупного травянистого растения.

ОДНА

Я баба одинокая,
Как тополь на юру.
Не ахаю, не охаю,
А час придёт – помру.
Был у меня Володенька,
Умён не по годам.
Ушёл на фронт молоденьким
И сгинул где-то там.
Пахала я и сеяла,
Сбивала брёвна в плот.
Не верила и верила:
Когда-то он придёт.
Да вышло не по-моему –
Подругам повезло.
Гулять любили в поле мы –
Осиной заросло.
Нет ни сынка, ни доченьки,
Сама себе артель.
И бесконечны ноченьки,
И холодна постель.

ИЗ ДЕТСТВА

Заросший двор. Июль. Жара.
Сюда слеталась детвора,
Как воробьи к кормушке.
Здесь понарошку шла война –
Такие были времена –
И взрослые игрушки.
Мой самодельный автомат,
Крушил он всех врагов подряд, –
Подарок дяди Миши.
Пришёл он с фронта без ноги
(Под Мгой* в атаку шли враги),
Но, слава богу, выжил.
Он не мешает нам играть.
К окну придвинута кровать,
И костыли у печки.
Но солнце на закат пойдёт –
Гармонь под мышку он возьмёт
И сядет на крылечке.
И зарыдает инструмент

* См. примечание на стр. 126.

О тех, кого с ним рядом нет, –
Друзьях-однополчанах.
И мы уходим со двора,
Хотя домой нам не пора,
С недетскою печалью.

Подборка предоставлена автором.

ТЫЦКИХ ВЛАДИМИР / 1949

Мирный жребий военного флота:
Днём и ночью курки взведены.
И живёт ощущение фронта
В нас, родившихся после войны.

Мнится: вновь в маскировочном мраке,
Словно белые кости в золе,
Проступают кресты из бумаги
На дрожащем оконном стекле.

Вспоминает земля потаённо
Столько раз пережитую боль!
Из чехлов достаются знамёна,
И мальчишки стригутся «под ноль».

Военкомы не спят до рассвета,
И не знает никто наперёд,
Кто домой возвратится с победой,
Кто назад никогда не придёт.

Вот уже на причале толкутся.
Вот стоит эшелон на пути.
Остаётся уйти и вернуться.
Или, может быть, только уйти.

Спасители земного мироздания,
Случайно избежав смертей и плена,
Отцы не тяготились воспитаньем
Нас, первенцев поры послевоенной.

В эпоху исторических нападений
У худеньких детёнышей Победы
Всё было для неслыханного счастья.
Ну, если не считать велосипеда.

А впрочем, кроме Родины и чести,
Нам требовалось, в общем-то, немного.
Какие-то совсем простые вещи.
Свой дом. Своя любовь. Своя дорога.

От печки до космической орбиты
Жизнь справедливо расставляла точки,
Брела, летела, делала кульбиты,
На тоненьком висела волосочке.

Не знаем кем, но были мы хранимы,
А про других грядущему расскажет
Молчание развалин Хиросимы*
И припятских** пустых многоэтажек.

А что до нас – сдают немножко ноги,
Но кто-то дорожит, наверно, нами,
Хотя за каждым камнем на дороге
Уже лежит такой же твёрдый камень.

То лес горит, то дождь кислотный хлещет.
Но вновь спасают нас на свете этом
Какие-то совсем простые вещи.
Ну, если не считать велосипеда.

* Хиросима и Нагасаки – города в Японии на юго-западе острова Хонсю, которые 6 и 9 августа 1945 г. США подвергли атомной бомбардировке.

** После аварии на Чернобыльской АЭС 27 апреля 1986 г. в застывшем во времени городе атомщиков и строителей Припятъ, жители которого были эвакуированы навсегда.

ДОРОГА НА ХАТЫНЬ*

*...чтобы каждый видел грудь
четвёртого человека...*

Строевой устав Вооружённых Сил

...погиб каждый четвёртый.

Надпись у Вечного огня Хатыни

Как далеко мой полуостров,
Где ветер о штормах поёт
И где в литом строю матросском
Есть место штатное моё!

На край тайфунов и цунами
Я поневоле оглянусь,
Когда зелёными холмами
Плывёт навстречу Беларусь.

Асфальт шоссеиный превосходен.
Чиста надоблачная синь...
Всё дальше прошлое уходит,
Но приближается Хатынь.

И гул мотора словно тает:
Среди сосновой тишины
Я не могу никак представить
Живых подробностей войны.

Тем паче не представляю мёртвых,
Но верю вопреки всему –
В моей шеренге есть четвёртый,
И я равняюсь по нему.

* Хатынь – деревня в Белоруссии, 22.03.1943 уничтоженная карательным отрядом в качестве мести за убийство нескольких немецких военнослужащих. 149 жителей Хатыни были сожжены заживо или расстреляны фашистами и вспомогательным полицейским батальоном за возможное оказание жителями деревни помощи партизанам. На месте сожжённой карателями деревни в 1969 г. открыт мемориальный архитектурно-скульптурный комплекс «Хатынь» в память сотен белорусских населённых пунктов, уничтоженных нацистами в годы Великой Отечественной войны. На 26 обелисках комплекса, напоминающих опалённые огнём трубы, установлены колокола, которые звонят одновременно каждые 30 секунд.

Так, без причины, припомнил нечаянно:
Детство. Изба. За окошком буран.
Песню какую-то очень печальную
Пел мой отец под соседский баян.

Хмурый хозяин баяна трофейного
Был без ноги и почти безголос.
Помню глаза, словно зёрна кофейные,
Ёршик уже поседевших волос.

Помню: сосед обнимается с батюю,
На пол поставив трофей фронтовой.
– Ногу... на mine пехотной... в Прибалтике.
Главное дело – остался живой!

Помню, как оба, уже осовелые,
Долго, не чокаясь, пили вино,
Пели «Землянку»*, «Метель эта белая...»**
И, умолкая, глядели в окно.

Помню: качалось за стёклами деревце.
Помню: качнувшись, сосед прохрипел:
– Мать... и жену... топорами... бандеровцы... –
Больше никто в этот вечер не пел.

УТРЕННИЙ СОН

Три брата, сыны Михаила и Раи,
Мы жить начинали в тепле и добре
В крестьянской избушке чуть больше сарая,
Стоявшего возле плетня во дворе.

Всё сложно и просто в пространстве подлунном,
Земля то цветёт, то уходит под снег,
Гремят и поют барабаны и струны,
И времечко наше летит, как во сне.

Во времечке этом и звёзды, и пули
То реже, то чаще и гуще летят.

* «В землянке» – советская песня времён Великой Отечественной войны. Музыка Константина Листова, стихи Алексея Суркова.

** Старинный русский романс «Белая акация».

А трое мы, помнится, только проснулись,
Похожи на глупых бескрылых утят.

На цыпочках к двери пошли друг за другом –
Нам было тревожить отца не с руки.
И мама с надеждой глядела. И туго
Судьба начинала вязать узелки.

Лучи между делом уже осветили
Наш домик от тёмных углов до венца.
В нём не было сенок, мы дверь открыли
И шустро гуськом соскочили с крыльца.

И утро прохладное ласково длилось.
Мы трое – втроём интересней втройне –
Играли в войну. А отцу ещё снилось,
Что он неженатым погиб на войне.

1955. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Мама наварила каши
(манка, ешь её опять...)
и пошла до тёти Маши
малость денег подзанять.

Дядька Фёдор, к тёте Фросе
притулившийся мужик,
прибыл первым:
– Вот и гости!
Руку в руку мне:
– Держи!

И другие друг за другом –
вроде и никто не звал –
за столом расселись кругом,
как солдаты на привал.

Папка чуть задел по струнам –
балалайка трень да брень.
Я стою, прижавшись к стулу.
На дворе стоит теплынь.

Вон выходит кот учёный.
Балалайка трень да брень.

Что за трели, что за звоны –
только слушай целый день!

Заблестев медалью гордо,
севастопольский герой,
для начала дядька Фёдор
льёт по норме фронтовой.

А пришедший из-под Курска
с деревянной ногой
дед Степан, хрустя капусткой,
наливает по второй.

Пашка, бывший замкомвзвода,
холостяк по кличке Флирт,
то ли спирт добавил в воду,
то ли воду ахнул в спирт.

Трынди-брынди, тренди-бренди –
инструмент разгон берёт.
Дядька вымерит по третьей.
Дед четвёртую плеснёт...

На дворе теплынь такая!
Солнце жарит. Ветер спит.
Кот, в тенёчке отдыхая,
на завалинке молчит...

Нет на белом свете счастья.
Долго мама не идёт.
Папка струны рвёт на части.
Балалайка душу рвёт.

Так и этак, ух ты, ах ты,
ай люли да разлюли!..
Вот бы к нам соседи завтра
С тётей Машей бы пришли...

БАБА ШУРА

Яблоня серёжкой на ветку
Прицепила первую звезду.
Мышь шуршит, и падают ранетки
В добром бабы Шурином саду.

Вновь за бабы Шуриной оградой
Смешивает август не спеша
С тёплым духом яблонного сада
Нежную прохладу Иртыша.

И опять не спится бабе Шуре,
Хоть вставать ни свет и ни заря.
Погасила лампу в абажуре –
Правда, ну чего палить зазря?

В горнице, большой, пустой и тёмной,
Баба Шура никого не ждёт –
Всё живёт одна, живёт и помнит
Месяц август, сорок третий год.

Мышь шушала, падали ранетки,
От реки тянуло сквозняком.
Было тихо-тихо у беседки,
Только шёпот слышен далеко.

Голосом пригож и ликом светел
Был хороший парень с Иртыша.
И была в военном сорок третьем
Баба Шура очень хороша.

БАЛЛАДА О ГОДЕ РОЖДЕНИЯ

Вячеславу Протасову – другу-поэту

Значит, год сорок девятый.
На дворе двадцатый век.
Мы слепые, как котята,
Сладко чмокаем во сне.

Кто в прекрасном штатде Гере*,
Кто в глуши Алтайских гор.
Все грядущие потери –
Просто чей-то глупый вздор.

Победившие солдаты
На постах своих стоят.
Пусть не очень-то богата,
Жизнь кругом идёт на лад.

* Гёра – город в Германии, где родился В.В. Протасов.

Собрались восток и запад
Никого не обижать.
А иначе мамы-папы
Нас не стали бы рожать.

Ну а кто недобрым часом
Сдуру шибко зашалит,
Офицер Василь Протасов
Мигом пушки расчехлит.

На большой проект «Манхэттен»
Батька мой сказал «Фу сим!» –
Не должно быть безответных
Нагасак и Хиросим*.

И в державе всё в порядке:
Неизвестно, там ли, здесь
(Здесь оно, конечно, вряд ли),
Только бомба тоже есть.

Не болтают наши люди,
Но без дела не сидят.
У страны у первой будет
Термоядерный заряд.

Долго нас никто не тронет.
Урожай в полях растёт.
Книг пока не пишет Лёня.
Миша премий не берёт.

Время дышит далью близкой
И, пока мы сладко спим,
Только зыбаёт Бориску**,
Только люлит иже с ним.

Любим мы страну родную,
Наплевав, что там и тут
Нам под музыку чужую
Наши лазари*** поют.

* См. примечание на стр.134.

** Имеется в виду Б.Н. Ельцин, первый президент РФ.

*** Петь Лазаря – клянчить, ныть, попрошайничать, преувеличенно жаловаться на судьбу, стараясь вызвать сочувствие окружающих.

Что они, набивши брюхо,
Разменяют по рублю
СэСэСЭР на эсенгуху*,
А Россию на Чечню.

Ведь пока, по крайней мере,
Тихо в мире и в душе.
И Протасов в штадте Гере
Голос пробует уже.

С хлебом скромно. Но по стали
Бьёт страна рекорд не зря.
И какой-то Аллен Даллес**
Нам вполне до фонаря.

Сталин жив пока, и значит,
Вечно жить ему пока,
И Хрущёв на ближней даче
Смирно рубит гопака.

Всё не то чтобы прекрасно,
Но в тюрьме сидит ворьё,
И про жизнь малец Протасов
Песни первые поёт.

Ни взахлёб не славит этих,
Не несёт по кочкам тех,
Не кричит, что в целом свете
Он, любимый, лучше всех.

А поёт о том, что звёзды
Горним светятся огнём,
Что, ложась порою поздней,
Ранним утром мы встаём.

Нам бы справиться с делами –
Их опять невпроворот;
Если правда наша с нами,
Значит, час её придёт.

* Эсенгуха – от слова «СНГ» (Содружество Независимых Государств).

** Американский дипломат и разведчик, руководитель резидентуры Управления стратегических служб в Берне (Швейцария) во время Второй мировой войны, директор Центральной разведки (1953–1961).

...Век прошёл, а песни эти
Нам допеть не довелось.
Ну и что? Тысячелетье
Только-только началось!

ВETERАН

В сквере у аптечного киоска,
О тепле ушедшем не скорбя,
Лета порыжевшие обноски
Осень примеряет на себя.

Старый человек в костюме сером,
Молчаливый, как солдат в строю,
То гуляет медленно по скверу,
То бочком присядет на скамью.

Он уходит тихо ровно в полдень,
И костыль дрожит в его руке,
И алеет каплей крови орден
На потёртом сером пиджаке.

Продавец аптечного киоска,
Глядя уходящему вослед,
Выкурит в раздумье папироску
И киоск закрое на обед.

Река уверенней текла,
Надёжнее светило солнце,
Ко всем – друзьям и незнакомцам –
Душа доверчивей была.

Отец открытой дверь держал,
Любителей полночных споров
И философских разговоров
Он некритично обожал.

Гостей не нужно было звать,
Вечор в любые дни недели
Они сходились, и шумели,
И оставались ночевать.

И в тесном кухонном углу
Посуду мама прибирала.
И, в ноги скинув одеяла,
Братишки спали на полу.

Я мало в жизни понимал,
Но верил я – наш дом огромен,
И представлял, что в нашем доме
Солдаты сделали привал.

Кружились звёздные миры.
Стучали ходики упрямо.
И раньше всех вставала мама,
Нас не тревожа до поры.

ОДИНОКИЙ

Мы в субботу топим баню.
Мне известно наперёд –
К нам в субботу дядя Ваня
Обязательно придёт.

Дядя Ваня очень странный:
Я не знаю, почему
Ни про что он даже спьяну
Не расскажет никому.

Мне, что он мужик нездешний,
Говорили пацаны,
Что прошёл сквозь ад кромешный,
А сюда пришёл с войны.

Что работник он исправный,
Резкий только стгоряча.
Что ещё совсем недавно
Чьи-то письма получал.

Что на фронте шибко ранен...
Что каких-то ждёт вестей...
Я спрошу у дяди Вани
Про жену и про детей...

Возле бани дядя Ваня
Мнёт махорочку в горсти.

Машет мне:
– Иди ты в баню! –
А куда ещё идти?

БАЛЛАДА О МОЛЧАЛИВОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Деду Николаю Осипову, пропавшему на войне

Бойцы поют – и он запеть не против,
Да так, что подступает к горлу ком.
И всё-таки во всей стрелковой роте
Его считали первым молчуном.

А до войны... Случались незадачи!
Жена серчала – аж до горьких слёз.
Тряхнёт косой, лицо в ладони спрячет:
«Немтырь!»* Хотя б словечко произнёс...»

Чё тут поделашь? Батина порода.
Чё языком-то молотить зазря...
Он прожил с ней счастливейших полгода,
Ни разу про любовь не говоря.

Теперь дела иные – вся Европа
С ним повела сурьёзный разговор...
Он взял комок земли со дна окопа,
В руке шершавой медленно растёр.

Нахмурился... Хорошая земляца.
Изрыта скрозь. А на полях – весна...
Быть может, он ещё разговорится,
Когда пройдёт треклятая война.

...Земля от взрыва близкого качнулась,
Комроты хрипло выкрикнул: «За мной!» –
И рота поднялась, и развернулась,
И приняла порядок боевой.

Молчун винтовку вскинул самый первый
И выстрелил, и побежал вперёд –
Туда, к леску, где в судороге нервной
Забился чужестранный пулемёт, –

* Немой человек.

И вдруг упал. Но в рост поднялся снова.
Гранату бросил. Пробовал бежать.
И вновь упал. И не сказал ни слова.
Но большего уже нельзя сказать.

Подборка предоставлена автором.

ТЮЛЕНЕВ ИГОРЬ / 1953

СИБИРЬ. БИТВА ЗА МОСКВУ

Мчится в поле несметная сила.
Рвёт зубами Пегас удила.
Под Москвою спасает Россия
Золотые свои купола!

Враг не страшен могучей Сибири.
Потому что Урал с Ермаком*
Приобщили к московской Псалтыри...
Вновь Москва призвала с багажом.

А багаж мой – винтовка да скатка**.
И всемирная русская злость!
Не пилотка, а русская шапка,
Чтоб не выстудил злобу мороз.

Мировые заткнитесь столицы!
Насажу языкастых на гвоздь!
Вы проспали войска и границы.
Что ж вам, дурни, так «сладко» спалось?

Не мешайте, Европы зеваки,
Мы встаём, как леса из снегов.
Наше мужество вплавлено в танки.
Твёрдость духа – в простых мужиков.

Вспомнят внуки не поздно, не рано
Сталинград вместе с Курской дугой!

* Ермак Тимофеевич (1532–1585) – казачий атаман, исторический покоритель Сибири для Русского государства.

** Скатанная в плотное кольцо или полукольцо (рулон) шинель, которая одевается через плечо и носится на случай холода.

Не фельдмаршала Гудериана* –
Вспомнят Жукова** под Москвой.

Скажет пришлый: – Не ваша столица.
Я имею здесь долю свою!
Вам, козлам, здесь гулять-веселиться.
Ну а нам – погибать за Москву.

ЭКСКУРСИЯ ПО МАМАЕВУ КУРГАНУ

Идут недобитые фрицы,
Как гуси на Волгу, гуськом.
Не взявшие волжской столицы,
Как будто забыли о том?..

В тирольских*** расписанных шляпах,
С бородками лекарей –
Забыли стоянье на лапах
У русских тесовых дверей!

Бросали голодные дети
Вам крошки с отцовских столов.
Вы рыли, как свиньи, планету,
Тревожили кости бойцов...

Героев Великой Победы,
Любивших рыбалку и квас.
Слетелись, как коршуны, беды,
У каждой мышиный окрас.

Закат, как армейское знамя,
Склонился над волжской водой.
– Вставайте! – И встали славяне –
И вновь вас попрали пятой!

* Гейнц Гудериан – генерал-полковник германской армии, военный теоретик. Один из крупнейших командующих бронетанковыми войсками, оказавший огромное воздействие на ход войн своего времени.

** Г.К. Жуков – советский полководец и государственный деятель. Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза, кавалер двух орденов «Победа», шести орденов Ленина.

*** Тирольская шляпа – головной убор, берущий своё происхождение в альпийском Тироле и носимый на территории Австрии, Германии, Италии и Швейцарии.

*46 Тюленевых из нашей округи
геройски пали на фронтах Великой
Отечественной войны, в том числе
и мой родной дядя Пётр Иванович.*

Сорок шесть Тюленевых в округе
Защищают Родину мою.
Сорок шесть царя-грузина слуги,
Я их всех по ликам узнаю.

Вот иду, согбенный, по погосту,
Тот и этот – вся моя родня.
Защищать Отечество непросто
С той поры до нынешнего дня.

Я один фамилию размножил,
Вешками* расставил по стране.
С вами сорок шесть я жизнью прожил,
Ваша слава остаётся мне!

С криками «За Родину! За Сталина!»
Падала убитая родня.
Нынешними всё на горца свалено,
Значит, и на вас, и на меня.

Но идёт народная стихия,
Словно искра Божьего огня!
Сорок шесть Тюленевых в России,
Сорок шесть Тюленевых и я!

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

А старых солдат
С каждым годом всё меньше,
Как старых посёлков
И деревень,
И остаются холодные бреши
В потоке
Куда-то спешащих людей.
Венок
На холодные прутья повешен,

* Заострённый с одной стороны шест, служащий для указания пути, границ земельных участков, планировки чего-либо на местности.

Железом
Гремят на ветру лепестки,
Гуляют в родной стороне сквозняки...
Никто не забыт,
И никто не утешен!

Печатается по книге «На просторе великом стою» (Пермь, 2012).

УМЫВАКИНА ГАЛИНА / 1946

...Но в этот мир принесены
в дни мира, миру подотчётны –
мы плоть от плоти той войны,
мы дети той беды народной.

От первых до последних дней
нам кровью понимать и кожей
своих отцов смертельный обжиг
и ожиданье матерей.

А сколько рушилось семей,
а сколько свадеб не сыгралось,
а скольких я недосчиталась
живых ровесников-друзей?!

И средь земных забот моих
одна всё сердце жжёт и студит –
что никогда, нигде не будет
ни их детей, ни внуков их.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ СОРОК ВТОРОГО ГОДА

Маме

Не плачь, мой маленький, прости,
хоть я не виновата:
чужой солдат на снег и стынь
нас вытолкал из хаты.
Живой, ты плачешь, жалкий мой,
от холода и страха,
и стала мокрой под тобой
отцовская рубаха.
Но если жив – он к нам идёт
войны дорогой дальней
иль, раненный, кричит: «Вперёд!» –
на койке госпитальной.
И пусть мы здесь с тобой сейчас
среди беды и смерти:
для жизни, хоть и в страшный час,
понарождались дети.
Не плачь! Я плачу – не пою,

тебя дыханьем грею,
почти как памятник стою –
от горя каменю.

1978

Нас даже краешком, крылом
война не зацепила.
Но то, что смертью быть могло,
то нашим детством было.
Ещё закрыть военных ран
природа не успела,
где по краям крутого рва
в срок ягода поспела.
Но прыгали мы мимо, вниз,
степь оглашая криком,
чтобы набрать зелёных гильз,
забыв про землянику.
В лесу о ржавый танк ИС*
мы спины наши грели,
а что живой погиб боец,
понять мы не умели.

Уже потом, карандаши
подтачивая в школе,
мы вспомним порох, что лежит
на деревенском поле.
И, пальцы пачкая, сравним,
ломаю грифель разный:
что был винтовочный – стальным,
артиллерийский – красным.
В руках, в кострах и по домам
дымился он и рвался,
и в страшных криках наших мам
войной проклятой звался.

1980

* ИС – серия советских тяжёлых танков выпуска 1943–1953 гг. Аббревиатура означает «Иосиф Сталин».

ОТЕЦ

Сыну Виктору от папы.

43-й. Обоянь.*

Надпись на фотографии

Сохрани его в походах,
жизнь, вперёд на много лет.
– Сыну Виктору два года,
а меня и вовсе нет.
Не минуй его, награда,
обойди, слепая смерть.
– Ведь ещё за нами надо
брату младшему поспеть.
Ты, судьба, его не мучай,
хоть шепни: мол, ничего...
– Ты же знаешь: трое внучек
дожидаются его.

Старый снимок. Сорок третий,
где готов он ко всему,
мой отец тридцатилетний!
И откуда знать ему,
что ни здесь, под Обоянью,
ни в одной из прочих битв,
слава Богу, он не ранен,
слава Богу – не убит.

1981

9 МАЯ 1982 ГОДА

Сидим за семейным обедом,
военное смотрим кино.
– Ну что же, что плачешь ты, деда,
ведь всё это было давно?!

Но что же, что плачут два сына,
я плачу и старая мать:
такую войну пересилив,
не можем с бедой совладать...

Пусть будут и песни, и речи,
пусть новое снимут кино,

* Город в Курской обл., был оккупирован 11 ноября 1941 г., освобождён 18 февраля 1943 г.

пусть дети запомнят навечно,
что всё это было давно.

Но памяти счёт не оплачен,
и тем не тускнеть временам,
покуда, живые, мы плачем
по мёртвым, неведомым нам.

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

Ты остался там бежать,
где свинцовый ветер
у земного рубежа
жизнь твою приметил.
Ты остался там лететь,
над родимым полем,
и когда случилась смерть –
не признал, не понял.
Ты остался не живой,
не живой – не павший,
между небом и землёй
без вести пропавший...

...Пахнет ветер по весне
порохом и прахом,
и заводит в вышине
песнь земная птаха.
Как кружит и свищет жизнь,
рвётся ближе к свету,
словно просит: «Отзовись!
Где ты, где ты, где ты?»
Но крепка земная твердь,
свод высок небесный –
не пройти, не долететь.
Где ты?! Неизвестно.

1983

ВОРОНЕЖ. ВОЕННЫЕ ФОТОГРАФИИ

1

С фотокарточки взгляд
проберёт до дрожи:
чей-то муж, чей-то брат

на моих похожи.
Лягут где наугад
в братские могилы
чей-то сын, чей-то брат
или чей-то милый?

И побед, и утрат
вам дано изведать –
чей-то внук, чей-то брат,
чей-то друг заветный.
Ты дождёшься, солдат,
главного салюта –
чей-то сын, чей-то брат
и отец кому-то!

...Где-то вновь бьёт набат –
и мороз по коже:
чей-то муж, чей-то брат
на моих похожи.

2

Тут дом стоял – и в доме жили люди.
Тут будет дом – в нём люди станут жить!
Так сколько же, доколе же мы будем
смотреть назад и память ворошить?
Смотри, смотри – покуда хватит духа,
как, пепелище обходя с клюкой,
голодная бездомная старуха
грозит войне иссохшим кулаком.

3

Узнаём от отцов
иль в старых снимках сыщем:
в тот год стоял Кольцов*
над вражеским кладбищем.
И через сорок лет
пусть души болью полнит,
что мраморный поэт
увидел и запомнил.
Ряды чужих могил

* А.В. Кольцов (15.10.1809 – 29.10.1842) – русский поэт из Воронежа.

в родном Кольцовском сквере,
поверь: он не забыл...

Поэту нужно верить.

1986

ВETERАНЫ

Деревьев не видно за лесом,
дороги не видно за далью,
и времени скрыта завесой
война, где они пропадали.
Посмертными их именами
помечены годы и страны.
А те, что живут между нами,
давно, как народ, безымянны.
Как скромно горят их медали...
Как громко скрипят их протезы!
Дороги не видно за далью?
Деревьев не видно за лесом?

1988

Смертельные гены в крови,
и память особого рода...
По надобе или любви
нам жить разрешила природа?

Но брешь, что доселе видна,
что сила прожгла моровая,
и мною латала война –
отеческая, мировая.

1995

ИЗ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ

Маруся, Митроша...
В июне проклятого года
им выпало в отпуск уехать из города Гродно*,
где днями спустя не осталось ни танка, ни взвода,

* См. примечание на стр. 91.

где двадцать второго погубило несметно народа.
Доселе отсрочен час их рокового ухода...

(Писала их дочь в июне 2005 года.)

ПАМЯТИ ОТЦА

1. Фотография 1939 года, город Полоцк*

Ах, как молодо и зелено!
Портупея на груди,
гимнастёрка не просверлена:
все награды впереди.
Дом, жена, коляска детская...
Стóбит жить, как долг велел,
на объявленной советскою
польской ранее земле.
Пусть неведомы, неторены
будущей судьбы пути –
верить: с этой территории
на восток нельзя уйти.
Ах, как зелено и молодо!
И как радостно горят
два приколотые к вороту
лейтенантских кубаря**!

Но тому, молодцеватому,
знать не дадено, что ждёт:
что вослед тридцать девятому
сорок первый грянет год...

2. Последние времена

Как в окопной жиже ржавой,
выбор скуп – одно из двух.
Смерть вонзала в сердце жало,
жизнь на волоске держалась,
уставал болезный дух.

* Город в Витебской обл., на севере Белоруссии, административный центр.

** Кубарь – знак различия командного состава Красной Армии по занимаемым должностям.

Оба знаем – скоро точка.
Жажда мучит – спасу нет.
Снова пьёшь по три глоточка,
а потом: – Спасибо, дочка... –
Что сказать тебе в ответ?

Смерть крадётся тихой сапой,
студит, сушит плоть твою.
Что сказать? – Спасибо, папа,
что от правды ты не драпал,
что не трусил ты в бою.

На продавленном диване –
не на танковой броне,
уходя без покаянья,
жизнь – сплошное поле брани –
оставлял в наследство мне.

3. Прощание

Где раньше – пирамидки со звездой
да холмиков заброшенных угодя,
теперь крестов разновеликих строй
торит дорогу в Царствие Господне.
Над ямой свежее стою в слезах,
держу иконку и шепчу молитвы,
пока не отгремел прощальный залп
твоей решительной, твоей последней битвы.
И лоб крестя дрожащею рукой,
под комьев стук и клацанье винтовок
всё тщусь понять: что ждёт тебя? Покой?
Иль снова служба в воинстве Христовом?!

2008–2010

Послевоенным поколеньем
мы называемся теперь.
А были первым пополненьем
невосполнимых тех потерь.

И, видно, из такого пекла
нас выдохнула в жизнь война,
что в наших жилах не померкла
ни боль, ни слава, ни вина.

Но, видно, на такой закваске
у времени бродили мы,
что нам из прошлого подсказки
входили накрепко в умы.

И чтоб не жили как попало,
нам века строгого рука
сама страницы линовала
интимнейшего дневника.

Подборка предоставлена автором.

УРУСОВ ВЛАДИМИР / 1947

Послушай, батя, странный ты, ей-богу!
Ни слова, ни полслова о войне.
Я знаю, ты болтать не любишь много,
Но понимаешь, интересно мне.

И он ворчит: – Оставь меня в покое.
Возьми полтинник и кати в кино.
Ведь сказано, из всех искусств – какое
Важнейшее? Вот именно, оно.

И он кивает головой послушно,
Что молодые – те ещё друзья,
Что кой-кому не воспитанье нужно,
Да жалко, что их выпороть нельзя.

...Слова всё те же. Всё одно и то же.
Как далеко, однако, – тридцать лет.
В его рассказах так война похожа
На фильм, куда легко достать билет...

И в прошлое его нельзя пробиться.
Среди теней – и сам я лицедей.

Но он-то – не о действующих лицах,
Он говорит мне за живых людей.

Да что искать виновных, невиновных –
Не виноваты мы в судьбе иной.
Они и сами разбирались в войнах
Ничуть не больше перед той войной.

Война меня преследует повсюду.
Ровесник мира – до последних дней
Со всеми вместе праздновать я буду
Печальный и победный юбилей.

Какой ценой оплачена победа!
Быть может, из-за гибельной войны
Нет среди нас великого поэта,
Достойного истории страны.

Но каждый год, неясно до отчаянья,
Так тихо, что слышней растёт трава,
В минуту виноватого молчания
В земле гудят великие слова.

Они меня безмолвием тревожат.
Произнести бы их – а не могу.
Но кто-нибудь когда-нибудь – да сможет.
Придёт – и не останется в долгу.

Печатается по альманаху «Поэзия» (М.: «Молодая гвардия», 1976).

УСТИНОВ БОРИС / 1948

ТАНК НА ПЬЕДЕСТАЛЕ

Стою на пьедестале
С зари и до зари,
Другие бы устали
Всю жизнь стоять в пыли!

Под градом и под громом,
Под проливным дождём.

Мне не расстаться с троном,
Я замурован в нём!

Не вспомнят по тревоге,
Не заревёт мотор,
И командир мой строгий
Не выскажет укор!

Во сне иду в атаки
На вражеский редут
И рву в атаке траки
Под возгласы «капут»!

Я был в бою отважен,
Танкистам – дом и стол,
И с разным экипажем
Полсвета обошёл!

Я шёл с друзьями рядом,
В одном родном строю,
Под ливнями снарядов,
На марше и в бою,

По снегу и по глине,
Во имя торжества,
И потому доньше
Земля ещё жива!

Ещё целует кто-то
Кого-то до зари,
И бьётся сердце что-то
Там, за бронёй, внутри!

ПОМЯНЕМ

Сегодня снова День Победы,
Великий праздник всей страны,
И за столом – помянем деда,
Что был участником войны!

О ней он отзывался скупю,
Как всякий скромный ветеран, –
Как о простой тарелке супа
И про армейские 100 грамм,

Что не было в душе сомнений
В течение военных лет –
Ни в муках долгих отступлений,
Ни в ликовании побед!

Молчал о сталинском режиме:
Послевоенное табу
Останется навеки с ними,
Кто разделил страны судьбу!

Нас не поставить на колени,
Стране быть сильной суждено,
В которой много поколений
Таких великих молчунов!

ОТЕЦ

Судьба корёжит душу, сердце ранит,
Морщины высекая на лице,
Чем старше становлюсь – на слёзы тянет:
Всё больше узнаю себя в отце!

Такая же походка, взгляд открытый,
Улыбка, бескорыстная река,
Война и голод, в прошлом пережитый,
Не надломили внешне старика.

А что в душе осталось, то навеки
Унёс с собой страны Солдат:
Так оставляют дровосеки
Одни пеньки, как боль утрат!

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОТЦА

Танки в атаку проносятся мимо:
Скрип! Дрожь! Твердь!
Душу солдата корёжит незримо:
Крик, страх, смерть!

Люди в шинелях пощады не просят:
Грязь! Пот! Пыль!
Крепко зажали в зубах папиросы:
Смрад! Кровь! Быль!

С воздуха снова атака шальная:
Бомб свист! Вой!

Душу и тело в окопы вжимая:
Стон! Хрип! Боль!

Помню команду мальчишки-комбата:
Все! Встать! В бой!
Звала в атаку седого солдата:
В снег! В дождь! В зной!

Выжили только матёрые духом:
Долг! Дом! Мать!
Пусть непришедшим земля будет пухом:
Шапки долой! Встать!

Подборка представлена Ю. Перминовым.

ФАРХУДИНОВ ВЯЧЕСЛАВ / 1950–2008

ДОРОГА 42-ГО

Солдаты по белой дороге
шагают в немом иступленье,
и помнят их крепкие ноги
позорную пыль отступленья...

Здесь мёртвые женщины, глядя
с пожарищ, с обочин, с тоскою
холодными пальцами гладят
детей под корой снеговой...

Скорее, скорее на запад!
Туда, где бои, где граница;
по следу, на вражеский запах,
чтоб совести кровью омыться...

Не вверим ни чёрту, ни богу
святую возмездья работу!
...Доныне за эту дорогу
не всё заплатили по счёту.

Печатается по альманahu «Поэзия» (М.: «Молодая гвардия», 1985).

ФЁДОРОВ ВЛАДИМИР / 1951

Смертельно раненное поле
Дышало сквозь бинты снегов.
Сгибался русский клён от боли
И озверевших клял врагов.

И в кулаке зажав гранату,
Забыв стряхнуть снежинки с век,
В степи лежал лицом к закату
Большой и сильный человек.

Он верил, знал – придёт победа.
Но как он мог забыть о том,
Что на меня не хватит деда,
Хоть бабок будет полон дом?

И что с годами не однажды
В минуты самых горьких бед
Вздыхая, бабка Дарья скажет:
«Вот если бы вернулся дед...»

СНЫ ВЕТЕРАНА

Не пронзает вой железной птицы,
Он уже не помнит лиц врага,
Только вот всё чаще стала сниться
За Днестром зарытая нога.

Как ей горько там и одиноко,
Как шагнуть ей хочется вперёд,
И стуча в протез тревожным током,
Боль её хозяина зовёт.

То сникая в горестной печали,
То кляня судьбину в бога мать,
Ищет, ищет он её ночами
И никак не может отыскать.

От траншей, изорванных металлом,
Не осталось нынче ничего –
Раны все природа зализала,
Кроме той, что ноет у него.

Нет следов...
И день осенний ясен.
Только непонятно, почему
В пять развилок одинокий ясень
Тянет, тянет ветви все к нему.

*В Японии ведётся специальная книга,
в которую ежегодно вписываются все
новые фамилии жертв атомной
бомбардировки Хиросимы и Нагасаки**

Список в сто тысяч фамилий,
Книга в сто тысяч страниц...
Люди, вы не забыли
Пеплом взметнувшихся лиц?

* См. примечание на стр. 134.

Это для всех поколений
Напоминая живым
В камень впечатаны тени,
Плывшие по мостовым.

Тени глядят в мою душу,
Тени становятся в ряд.
Ты хоть минуту послушай,
Что они нам говорят.

Как голоса их тревожны.
Гневны как их голоса.
С болью какой невозможной
Чёрные смотрят глаза.

Через высоты столетий,
Через ветра перемен
Громко кричать будут эти
Чёрные тени со стен,

Чтоб мы о них не забыли,
Зорче смотрели вперёд...
Страшная книга фамилий
Каждой страницей жжёт.

РАССКАЗ СОЛДАТА

Он плакал, словно маленький ребёнок,
К заплоту* прижимая тощий бок, –
Дрожащий, перепуганный телёнок,
Стоящий на обрубках тонких ног.

Наверное, набрёл малец на мину
Или попал под самый артобстрел.
Сгибало болью узенькую спину,
И он с мольбой на батальон глядел.

Огня и крови на войне хватало,
Я шёл по пеплу, хоронил друзей.
Я разных бед перевидал немало,
Но эта резанула всех больней.

* Заплот – забор, сплошная ограда из досок или брёвен.

А он мычал с дорогой пыльной рядом,
Раскачивая пегой головой.
И прятали солдаты в землю взгляды,
Как будто проиграли главный бой.

Печатается по книге «Красный ангел» (Якутск, 1991).

ФЕДОСОВА ЛАРИСА / 1954

Война настигла меня в родном доме.
В доме, где часы на стене,
Будто кот с заводными усами.
Где на стенах,
На красном рояле,
На белом подоконнике
Старые военные фотографии.

Отец, худой, ослепший от боли,
Мечется на широкой пустой кровати.
Он зовёт Алёшу Тимофеева,
Замученного в концлагере
В сорок втором...

В полночь приходит доктор.
Делает укол
И, глядя на стену,
На красный рояль,
На белый подоконник,
Говорит: «Что поделаешь, дочка, война!»

И снова шёпот отца: «Алёша... гестапо!»
Отец поднимается в рост,
Что-то сжимает в руке
И, вскрикнув,
Падает.

ВОЙНА

Над Россией – зарево, над Москвою – зарево!
«Горе!» – дед мне тихо говорит.
Я гляжу в глаза его, синие глаза его,
А вокруг село моё горит.

С нами свет и Родина! Над полями – смерч!
Только боль сердечная нынче нам судья.
Край родной, за синь твою принимает смерть!
За клочок земли твоей – мрак небытия!

А в какой стороне мой родимый дом –
И не помню.
А в какой земле отец мой спит –
И не знаю.
Я откину колышек, в избу войду,
Упаду на лавку – заплачу.
Выйду к берегу, припаду к земле
И замру, и вспомню о детстве.
Под любым холмом будто мой отец!
И любой мне дом будто мой родной!

Печатается по сборнику «Шёл отец...» (М.: «Современник», 1985).

ФИГАРЕВ АЛЕКСАНДР / 1949

ВПЕРЕДИ ПОБЕДА

Победы праздник ждёт страна.
И с новой юбилейной датой
Поздравит каждого она
Бойца – фронтовика, солдата.

Их мало среди нас живёт.
И кажется отцу порою –
Из окружения ведёт
Он сыновей, готовых к бою.

За нами сёла, города
Лежат в глубокой обороне.
Война кончается, когда
Последний воин похоронен.

Погибшие ещё лежат,
Могилами для них – окопы.
В живых, наверно, полк солдат,
Что нёс свободу для Европы,

Которая уже забыть
Готова подвиги России.
Мы ненавидеть и любить
Умеем. Нам хватает силы!

Мир завещаем молодым,
Они идут за нами следом.
Россию мы не отдадим,
Да будет впереди Победа!

ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ

На дыбы поднялся красный конь,
Словно пламя, – яростно и круто,
Плотоядно пасть раскрыл дракон,
Миг – и пасть его копьём проткнута.

Всадник-воин! Бабушка ему
Больше всех, молясь, шептать любила.
Верила от всей души тому,
Что икона та детей хранила.

Сыновья сражались, даже дочь
У зенитки небо охраняла.
Бабушка молила в ночь-полночь,
Днём и в поле слёзоньки роняла.

Все с войны вернулись. Первым – дед,
Что в тылу служил (постарше всё же).
Вывесил торжественно портрет
Жукова: «И он Георгий тоже!»

Дед, гордясь, смеялся: «Не впервой
Немца нам лупить по морде вроде.
С Жуковым мы – с Первой мировой:
Он был в эскадроне, я – во взводе!»

И горела красная звезда
На пилотке деда так сурово...
А на радость, редкую тогда,
Приходили подивиться вдовы.

*Печатается по антологии военной поэзии
«Ты припомни, Россия, как всё это было!..» (М.: «Вече», 2013).*

ФИЛАТОВ ЛЕОНИД / 1946–2003

ВИНТОВКА № 220339

Млел июнь. Томилось лето.
Но уже случилось ЭТО.
Срочно что-то, как-то, где-то надо было делать!..
Встал студент наизготовку,
Приложил к плечу винтовку
Номер двести двадцать тысяч триста тридцать девять.

Педагог по диамату
Выдал нам по автомату –
Я узнал о нём потом, что он майор запаса.
Уходили целым курсом,
Целый курс полёг под Курском.
Только Мишка Кузнецов в Москве сидел, зараза.

Танька, что ты, как ты, где ты?..
Как другие факультеты?..
Я пишу тебе, Танёк, уже из Будапешта.
Танька, жди меня, паскуда,
Я ведь жив ещё покуда,
И хирурги говорят, что есть надежда!..

Млел июнь. Томилось лето.
Но уже случилось ЭТО.
Срочно что-то, как-то, где-то надо было делать...
... Если скажут, что я помер,
То моей могилы номер –
Вспомни! – двести двадцать тысяч триста тридцать девять.

ВОЙНА

Что же это был за поход?..
Что же это был за народ?..
Или доброты в этот год
На планете был недород?..

Не поймёт ни враг ваш, ни друг,
Как же это сразу и вдруг
Населенье целой страны
Выродилось в бешеных сук!..

Если вдруг чума, то дома
Всё-таки на прежних местах,
Если люди сходят с ума,
Всё-таки не все и не так!..

Детям не поставишь в вину,
Что они играют в «войну»
И под словом «немец» всегда
Подразумевают страну.

Как же мы теперь объясним
Горьким пацаньятам своим,
Что не убивали детей
Братья по фамилии Гримм?*

Что же это был за поход?..
Что же это был за народ?..
Или «жизнь» и «смерть» в этот год
Понимались наоборот?

Если бы не в степях вороньё,
Я бы решил, что это враньё.
Я бы, переживший войну,
Так и не поверил в неё...

1975

9 МАЯ 1945 ГОДА

Всё не верится, чёрт возьми,
В то, что мы с тобой уцелели.
Как шатает нас от весны,
Как мы страшно переболели...
Видно, в этой войне, мой друг,
Мы утратили слух и зренье,
И, как новый и злой недуг,
Нас пугает выздоровленье.

Как обугленные, глядим
На кипящие цветом ветки –
После стольких военных лет
Этот май опалаяет веки.

* Немецкие языковеды и исследователи немецкой народной культуры. Собирали фольклор и опубликовали несколько сборников под названием «Сказки братьев Гримм», которые стали весьма популярными.

Как больные – здоровяку,
Как застенчивые – нахалу,
Так завидуем мы цветку,
Что расцвёл у ворот Дахау*.

Мы стоим посреди весны,
За которую умирали,
Уважаемы и скучны,
Как живые мемориалы.
Поотвыкли от нас, видать,
Птицы, женщины и деревья,
Надо заново начинать
Завоёвывать их доверье.

БАЛЛАДА О ПОСЛЕДНЕЙ РУБАХЕ

...А комод хранил рубахи, как надежды...
А война уже не шла который год...
И последняя на шест была надета
И поставлена на чей-то огород.

Это так невероятно и жестоко,
Что стоишь не огорчён, а изумлён,
Как над дудочкой лихого скомороха,
О котором узнаёшь, что он казнён.

А хозяин был такой весёлый малый,
А хозяин – вам, наверно, невдомёк –
На вокзале так смешно прощался с мамой,
Что погибнуть просто-напросто не мог...

Печатается по материалам сайта «Литпричал».

ФИЛИМОНОВ ВЛАДИМИР / 1952

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Двадцатый век. Год сорок первый.
Начало. Взорванные сны.

* Один из первых концентрационных лагерей на территории Германии близ одноимённого города.

Блицкриг* в работе. Рвутся нервы.
В крови холодный штык войны.

Жестоко танковые траки
рвут километры-колоски,
и расточительны в атаке
на смерть пришедшие полки.

Упали с веток гнёзда птичьи.
Тыл, фронт – единая судьба.
Лежит убитый пограничник
у пограничного столба.

В руках – сапёрная лопата,
по лезвию – клочки волос.
Кто там сказал: «Россия – вата,
Советы – глиняный колосс...»**?

«Вставайте! – клич по русским долам, –
К оружию и стар и млад!»
И добровольцы комсомола
уже спешат в военкомат.

ДЕЗЕРТИР

Чу, звук какой-то тянкий***
в лесу, где нет дорог.
Лохматые портянки
качает ветерок.

На бересте малина
засохшая лежит.
Неуловимо длинно
осины лист дрожит.

* Блицкриг (нем. *Blitzkrieg* – «молниеносная война») метод ведения скоротечной войны, согласно которому победа достигается в короткие сроки, исчисляемые днями, неделями или месяцами, до того, как противник сумеет мобилизовать и развернуть свои основные военные силы.

** Крылатым выражением «колосс на глиняных ногах» характеризуется что-либо величественное с виду, но по существу слабое.

*** Тягучий.

Шалаш из волглых* веток
в кольце сырой золы.
Кол, весь в зарубках меток,
и пахнет нежилым.

Пустынно, голо, дико.
Куда-то – облака.
А вот и сам владыка
потайного мирка.

Он тащит лёгкий плотик,
стения и бурча,
обкусанные ногти,
волосья по плечам.

Вот он ступил неловко
и замер, чуть дыша.
Сгнила его винтовка
у Буга** в камышах.

До худобы он выжат
чужою стороной.
Да, каждый волен выжить...
Но вот какой ценой?

ПРИФРОНТОВАЯ СТАНЦИЯ

Судебное военное начало –
пунктирами недалёких трасс
и суматохой ты встречала
последний, предзакатный час.

Случайно пискнула гармошка,
упав басами на песок.
Патруль по шпалам шёл сторожко,
косясь на сумрачный лесок.

С тушёнкою вскрывались банки,
блестели смазкою штыки,
ещё без визга ныли танки
и сочно хрумкали курки.

* Вóлглый – влажный, сырой (*просторечн.*).

** Буг – река в Восточной Европе, на территории Украины, Белоруссии и Польши.

Из-под расстрелянной колонки
сбегала светлая волна.
Как гром, стучала в перепонки
предбоевая тишина.

Боец поопытней – короче
стянул винтовочный ремень,
ровнял седеющий височек,
менял «бензинку»* на кремь.

Ещё не пахло гарью, тленом,
НЗ** был цел во всех полках.
Вдоль строя кладезем бесценным
шёлк Знамени плыл на руках.

У речки в ожиданье солнца
скрипел надсадно коростель.
И каждый думал, что вернётся,
пройдя свинцовую метель.

Дробь по-прощальному несмело
отбил ушедший эшелон.
И долго ему вслед глядела
пыль растянувшихся колонн.

ФРОНТОВОЙ ХИРУРГ

Я спать хочу сейчас. И только спать.
Не более, не менее того.
Но вынужден я встать и снова встать,
чтобы отнять у смерти торжество
над плотью человеческой.

Един
Господь наш над всем сущим и велик.
Но ныне я и бог, и господин.

Сержанту – спирта! Пусть повеселится,
вот этому, с размолотой ногой.
Не хочет резать? Резать! Но другой
он долго будет топтать по землице.

* Бензинка – зажигалка, в которой в качестве горючего применяется бензин.

** Неприкосновенный запас. Специально собранный запас продовольствия, медикаментов, топлива, боеприпасов и других жизненно необходимых в критических ситуациях вещей, который хранится с целью использования в экстренных ситуациях.

С вершины хирургического трона
пришлось мне опускаться много раз:
и скальпели точить, а для тампонов
использовать раздёрганный матрац.

Пусть проклятым моё завянет имя,
когда в косяк не стукнет головой
обрубок тела. Но живой, живой!

Вернитесь все домой
хотя б такими...

Никто не задавал вопрос – герой ли он?
А он, не прячась,
метнулся к доту во весь рост
и грудью лёг на ствол горячий.

Могу ли я вот так, как он,
отдать себя для жизни друга?
Над ним склонился шёлк знамён,
от ветра щёлкая упруго.

Поставлен будет в общий строй
он поэтической музой
не как мифический герой –
Герой Советского Союза.

МЫ

Окончен бой. И город стал свободным.
Заря рассвета чистотой блистала.
Замолкли пушки. Роздан хлеб голодным.
Осела пыль в развалинах устало.

«Крутила» похоронная команда
без устали печальную «шарманку»,
свозя под тень обугленного сада
ошмётки тел из-под сгоревших танков.

То было в сорок третьем, в нежном мае,
в год тяжкий, переломный и суровый,
и где-нибудь во Франкфурте-на-Майне
опять рыдали в чёрных шляпках вдовы.

А где вы были со своею болью,
когда ваши мужья детей давили,
едва живых наших отцов в неволе
собаками и газами травили?

Возмездие...
Безжалостное слово
в Берлине будет сказано негромко.
Не дай нам бог
схлестнуться в битве снова
и испугать
хоть одного ребёнка.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Нахлѣстом пулевые трассы
не били больше шар земной.
Казалось не таким опасным
всѣ, что осталось за спиной.

Висели стиранные майки
на посечѣнном ивняке.
И местный Тѣркин сыпал байки,
небрежно сидя на пеньке.

Вовсю плясали, в боки руки,
досель суровые полки,
латались порванные брюки
и подбивались каблуки.

Медали чистились суконкой,
спалось впервые до утра,
а в медсанбате пела звонко
всегда молчавшая сестра.

Шли эшелоны сквозь вокзалы
к восходу от заката дней.
И было очень-очень мало
отцов дождавшихся семей.

В музее славы боевой
орденоносной части
стоят, склонившись головой,
кто к славе той причастен.

Три человека, три бойца,
последние живые
из тех, кто вынес до конца
все схватки ножевые;
кто выбил жезл из вражьих рук
под Подмосковьем – первый.
Им и поныне резкий звук
жгутом свивает нервы,
бомбёжек вой не смолк в ушах,
лекарства в изголовье...
...Ржавь на музейном ППШ*,
как капли чьей-то крови.

ИНВАЛИД ВОЙНЫ

Самодельная коляска
с грубым войлоком на дне,
то ли были, то ли сказки
о геройстве на войне.

Он, безногий и убогий,
в поминанье майских дней
спал в кювете у дороги,
опьянев вина пьяней.

И ему, привсхлипнув грушко,
стукотом венным на руке
слюни вытерла старушка
в чёрном вязаном платке.

А проспавшись и играя
на гармошке хоть куда,
он запел: «Прими, сырая
Мать-землица, навсегда!»

Память наша от вдовьих седин
обретала свой опыт печальный,
опыт стойкий и первоначальный
о тревогах военных годин.
Из рассказов, по старым фото,

* Советский пистолет-пулемёт, разработанный в 1940 г. конструктором Г.С. Шпагиным и принятый на вооружение Красной Армии 21.12.1940 г. Наряду с ППС-43 являлся основным пистолетом-пулемётом советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне.

что лежат ещё по ридикулям*,
постигали мы ненависть к пулям
с школьных парт и до смерти потом.
Знали мы без вранья и прикрас
дни и ночи, где деды убиты.
Память битв так жива внутри нас,
будто сами мы только что с битвы.

МАТЕРЯМ РОССИИ ВОЕННОЙ ПОРЫ

Святые матери России –
Истоки света и любви!
В какой животворящей силе
вы нервы черпали свои?

Откуда вам хватило воли
от гроз войны не умирать,
днём дотемна работать в поле,
а ночью шить, варить, стирать?

От горя выли под тулупом,
лишь в этот миг забыв детей,
а утром вновь делились супом
на две, на три, на пять частей.

Поправив фитилёк на плошке,
как будто ваша в том вина,
несли из погреба картошку
с последней горсточкой зерна.

До наших дней от Ярославны
стезёй натруженных дорог
во имя жизни, а не славы
провёл вас материнский долг.

Как тяжко... Что там руки-ноги,
коль ежечасно чуть дыша
кровит по мужниной дороге
незачерстевшая душа.

Приветив мать, свекровь и деда,
делам не подводя итог,

* Женская сумочка на длинном шёлковом шнуре, украшенная вышивкой.

вершили матери Победу,
будто большой колхозный стог.

Да как вы выжили, родные,
имея только огород,
когда вам сводки фронтовые
известны были наперёд?..

За эти скорбные години
поблекли от глухой тоски
воспетые в стихах былинных
глаза, как в поле васильки.

...Все ваши дети вышли в люди –
мужей исполнили наказ.
Я верю, что когда-то будет
в России памятник про вас.

Когда от времени и ран
туда, где горизонты сини,
уйдёт последний ветеран,
то вздрогнет Матушка-Россия.

Осиротеет род людской,
Великой Чести удостоен,
когда под гробовой доской
уляжется Последний Воин.

Возьмут в музеи ордена,
снесут в архивы похоронки...
Забудет через век страна
мотив «Катюши»* нежно-звонкий.

Но я, покуда ещё жив,
наперекор дождю и зною,
стою упрямо у межи**
меж миром сим и той войною.

* «Катюша» – популярная советская песня, впервые прозвучавшая в 1938 г., один из неформальных символов Великой Отечественной войны. Музыка М. Блантера, слова М. Исаковского.
** Межа – узкая полоса земли, граница, линия раздела.

А потому из рода в род
несите истину святую:
забыть войну – предать народ,
отцов Победу Золотую.

*Памяти Ивана Яковлевича Филимонова,
участника войны, ушедшего из жизни
28 апреля 2006 года*

Среди грозы и тишины
у сердца разный стук.
Я сын участника войны –
свидетеля разлук.
Промчалось семь десятков лет
с победного венца.
Коль шёл отец – я видел свет,
а уж потом отца.
Придя с работы тяжело,
бывало, стан согнёт
и шепчет: «Не сажавший зло –
его и не пожнёт!»
Что лечат травы и цветы –
не путала семья.
В полях России вырос ты,
и в них же вырос я.
Нас не разделят мрак и лёд,
не разольёт вода,
а если так произойдёт –
будь проклят я тогда.
А кто желает растоптать
жар Вечного огня,
придётся тем переступить
сперва через меня.
Смотрю я прямо, без вины
своим друзьям в глаза.
Я – сын участника войны
и этим всё сказал.

В сорок пятом, в светлом мае,
после славы и побед,
дома на одном дыханье
баню выстроил мой дед!

А потом – ещё кому-то,
чтоб облегчилась судьба.
Бабка плакала: «Избу-то...» –
«Ничего, дождёт изба!»

В этой бане перемылась
вся окраина села.
Пусть по-чёрному топились,
но зато нужна была.

Ещё пахла древесина,
смолью капала доска,
на полке дед сделал сына
в память павшего дружка.

Что ещё бывает лучше,
если целый и живой?
Баня! С паром вязко-жгучим
и водою ключевой.

В бане внук уже солдатом
мылся, в отпуск приходя.
Умер дед в семидесятом,
вспоминают – не судя.

От потерь мы становимся жёстче,
но не стуком горячих сердец.
Никогда не увидите прочерк,
слово «были» в графе «мать, отец...»

Мы на льстивые речи не падки
и осознанно, не по вине
до сих пор сохраняем тетрадки
с сочинениями о войне...

ВДОВА

В Сумках*, селу однолетка,
бабка Анисья жила
и говорила соседкам:
«Србила все я дела.

Если чего позабыла –
это в свой срок помереть,
мужа кохала-любила,
дорого-любо смотреть.

Ох, и пожили бы вместе,
если б вернулся живой,
но он загинул без вести
в Первой ещё мировой.

А во Вторую – сыночки,
спят где-то праведным сном.
С тех пор я – в чёрном платочке
и не ходила в ином.

Сватал меня председатель,
(плоть нелегко усмирять),
но не велел мне Создатель
замуж идти вдругорядь.

Так и жила-поживала,
стаяла, словно заря,
и по шагам узнавала
нашего свет-почтаря.

Но не пришлось поклониться
ему за отрадную весть.
Лишь в уголке за божницей
грамот колхозных не счесть...»

Плакала бабка, конечно,
жалясь на это житьё,
меди цыганской колечко
грелось на пальце её.

Печатается по книге «Клятва» (Курган, 2010).

* Сумки – село в Половинском р-не Курганской обл.

ФОКИН ВАЛЕРИЙ / 1949

СЕМЕЙНОЕ ФОТО

Вот папа в старой форме фронтовой.

Вот мама, слишком юная на фото.

У них война осталась за спиной,
а на руках лишь дети да работа.

И слава есть, да не про нашу честь –
как тяжелы отцовские медали...

Пусть нам почти всегда хотелось есть,
мы всё-таки уже не голодали.

В золе пекли картошку на кострах
и хлеб в супы столовские крошили.

Мы выросли в больших очередях
и сами рано сделались большими.

Когда шпана брала нас на испуг
в чужих подъездах

и вокзальных скверах,

мы познавали жизнь из первых рук –
не очень чистых, может быть,

но первых.

И между нами не стоял никто,
когда мы шли в знобящее пространство
в отцовских перекроенных пальто,
но с собственным невысказанным упрямством.

От детских слёз

до хриплого смешка

вела нас жизнь

и не была малиной,

и жалила порой исподтишка
заточенной блатною пиковиной*.

Однако мы не становились злей,
а лишь умней со всей своей страной,
поэтому везло нам на друзей,
а это значит – и на остальное.

Мы мечены и славой,

и хулой.

И жизнь права,

коль требует отчёта,

как папа в старой форме фронтовой,
как мама, слишком юная на фото.

* Пиковина – большой нож (жарг.).

БОГ ВОЙНЫ

Дебри памяти так темны...
Но из детства я вспомню сразу:
«Артиллерия – бог войны» –
так любимую папой фразу.

«Артиллерия – бог войны» –
враз все споры прекращены,
и в застолье любом не зря
сразу слушают пушкаря:

«Наша слава не для утех –
хватит мне и одной медали,
но зато уж мы раньше всех
наступления начинали.
Тут ведь главное – как начать,
как палить, распалась до поту,
чтобы доты их раздолбать
и свою побережь пехоту.
Да и много ли надо нам –
только совесть да честь солдата,
потому что Верховный сам
в боги нас произвёл когда-то.
И хоть мы по-людски грешны,
«Артиллерия – бог войны»...

Те слова я хранить не смог,
как снаряды в боезапасе.
«Бога нет, но мой папа – бог!» –
первоклашкой сказал я в классе...

Больше нет уже той страны.
Хоть пред Господом все равны,
с братом божии мы сыны –
нам с рожденья слова даны:
«Артиллерия – бог войны»...

КЛЯТВА

Были тучи, как из стали.
Папа был.
И я при нём.
И глядел товарищ Сталин
на сиротский детский дом.
На линейке все стояли.

Рядом с папой я стоял.
Клятву мальчики давали.
Клятву девочки давали.
Папа клятву принимал.
В клятве все слова знакомы.
Я всегда был в курсе тем –
сын директора детдома,
хоть и маленький совсем.
Рядом папа молодой.
Он с войны пришёл живой.
Не погиб он на войне.
Повезло.
Ему.
И мне.
Я рождён под мирной сенью.
Мир другой после войны.
Утро.
Праздник.
Воскресенье.
Воскресение страны.
Мы тогда ещё не знали,
сколько ждёт нас в жизни бед.
А на папиной медали
всем знакомый силуэт.
«Я клянусь, товарищ Сталин...»
Бюст вождя в селе сломали,
чтобы не было следа,
но на папиной медали
он остался навсегда.
Я сейчас, зачем не знаю,
эту клятву повторяю,
словно вижу строго в ряд
строй детдомовских ребят.
Старыми давно мы стали
и устали от обид.
«Нас никто,
товарищ Сталин,
Никогда не победит...»

КУКУ-РУЗА

Из цикла «Картинки детства»

Мы пололи кукурузу.
Кукуруза не росла.
Хоть в масштабах по Союзу
кукурузе нет числа.
«От границы до границы
кукурузе шире путь!»
Мы слова передовицы
затвердили наизусть.
Драли новые перчатки:
репс – ну разве ж матерьял!..
«Будут к осени початки», –
кто-то бодро заверял.
«Так на мельницу эпохи
веселее воду лей!
Что за вздохи? –

шутки плохи

с королевою полей».
Мы хватали взрослых снова
за фуфайки и пальто:
Куку-Руза – что за слово?
Куку – ясно,
Руза – что?

Город Луза,
город Руза –
хоть и не был там никто.
Что за слово – Куку-Руза?
Руза – ясно?
Куку – что?

И родной язык корёжа,
матерком нас всех крестил
бригадир наш Скукорожа.
«Я люблю работать лёжа», –
ухмыляясь, говорил.
Руза-Куку,

Куку-Руза –
на двоих девятый ряд.
Муза с райпотребсоюза
закрывала нам наряд.
И в карман поллитру пряча,
Музе стриженный амбал,
что такое кукарача,

популярно объяснял.
Уходил он с ней надолго
с рожей, мятой после сна.
Что поливка,
 что прополка –
это было всё без толка:
кукуруза не росла.
Стыл мой лоб от мыслей грустных,
словно ноги от земли:
хоть бы хлопьев кукурузных
к нам на поле завезли.
Только хлопьев не давали...
Отработали – и брысь!
А кругом синели дали
и безоблачная высь.
Вверх тянулась кукуруза
обещанием чудес –
что однажды спросит Муза:
«Булку с маслом или без?
Не стесняйся,
 ешь от пуза,
ешь,
 пока не надоест».

ОТРАДА ДЛЯ ЛАДА

У бабушки была корова.
Звали её Отрада.
Отрада – честное слово,
лучше нам и не надо.
Красивая была Отрада,
красная, как медь,
самая тёплая из стада –
можно руки греть.
Молока давала столько –
хватило б на полсела.
Корку хлеба с солью
с ладошки моей брала.
А от волков и мора
её сам Господь пас.
Жить бы ей, жить...
Но скоро
вышел Указ.

«Личный скот есть пережиток частной собственности.
Пережитки на нет свести!
Коров со дворов свести,
чтоб социализм спасти...»

Решение было смело.
Так ведь пороть – не шить.
Бабушка всё ревела:
как без коровы жить?!.
И надвигался мрак,
словно пурга-метелица.
Тихо-то стало как –
никто не мычит, не телится...

«Вражбим проискам назло
есть в сельмаге сушки...» –
пело вятское село
свежие частушки.
«Есть вода на чай в реке,
так забудь отныне
о топлёном молоке
в глиняном кувшине.
Нам все беды нипочём,
мы не белоручки,
коли сами хлеб печём
из канадской мўчки.
Нам любые чудеса
станут эталоном:
по талонам колбаса,
масло по талонам...»

Вот и не стало лада,
и словно свет потух.
Остался в селе от стада
только Федя-пастух.
Каждое утро полшестого
вставал коров выгонять.
Бабы талдычили снова:
«Фёдор, иди спать!»
И стали ему сниться
рогатые,
да не те.
Он, чтобы совсем не спиться,
повесился на кнуте.

Искоренения пережитков
Федя не пережил.
Не осталось от него пожитков,
а ведь полвека жил.
Был войною мечен,
был голодухой гнут.
Но человек не вечен.
Не то что кнут.
Эх, этим бы кнутом!..
Впрочем, я не о том.

У бабушки была корова.
Звали её Отрада...

СТАНЦИЯ ОРИЧИ*. 1954 ГОД

Завдетсадом – сонная русалка –
нам однажды всыпала сполна,
услыхав, как мы вздыхали:
«Жалко,
что без нас закончилась война».
Пусть игрушки были небогаты –
деревянный драный самосвал, –
но один патрон от автомата
я на три винтовочных менял.
И сбегал туда, где плыл белёсо
паровозный с горечью дымок,
чтоб монетки ладить под колёса
поездам, спешащим на восток.
Станция.

Моряк с аккордеоном,
певший от утра и дотемна
в дни, когда алели над перроном
лозунги со словом «целина».
Он не выше был меня – мальчишки,
со своей коляской плотно слит.
Так узнал я

вовсе не из книжки,
что это за званье – инвалид.
Но шутили все над ним невольно:
на посту – встречай да провожай!

* Железнодорожная станция Кировского отделения Горьковской железной дороги.

На его тельняшке бились волны,
словно новой нивы урожай.
Он, серьёзность осознав момента,
ту же песню пел и пел опять.
Было жаль, что из-за инструмента
всех его медалей не видеть.
Долго набирали ход вагоны.
Ветром относило голоса.
В такт скрипели до конца перрона
и его четыре колеса...
А моя дорога вышла длинной –
тот мотив от бед меня хранит:
«Едут новосёлы
 по земле целинной,
песня молодая далеко летит...»*

ПОМНЮ

Эти годы подлинней веков –
так война перекроила сроки.
На коленках у фронтовиков
вырос я –
 и их постиг уроки.
Это всё со мной и всё во мне:
хоть набила жизнь немало шишек,
что такое правда о войне,
я узнал не из кино и книжек.
Мне фронтовики, сбивая прыть,
улыбались ласково и мило,
не любили много говорить,
только мне и этого хватило,
чтоб понять, где радость, где беда:
может, и не стал бы я поэтом,
если бы не выслушал тогда
честное молчание об этом.
Потому-то и напрасный труд
новым лаком покрывать медали:
я ведь слышу, как сегодня врут,
я ведь помню, как они молчали.

Подборка предоставлена автором.

* Советский хит «Едут новосёлы» написали поэт Н. Солохин и композитор Е. Родыгин.

ФОКИН НИКОЛАЙ / 1953–1995

СМЕРТЬ ВЕТЕРАНА

До отступленья тихо на полях,
Раздобрились рябинами деревни,
Где каждый двор историей пропах,
Как древний бор грибницею осенней.
Вчера в деревне умер фронтовик.
Ещё на свете воина не стало.
Всё внука поджидал с Афганистана,
Отодвигая свой последний миг.
Всё выходил с «лошадкой» за село.
Глядел на стлище* с жёлтого угора**
И возвращался к дому тяжело
Под переплёт сорочьего раздора.
Что думал он, не смея вслух сказать?
Старуха, верно, к дочери уедет,
Избе закроют досками глаза,
Как и ему, сам если не успеет.
И смерть пришла, надежду подавив.
Он умер тихо, лишь сказав: «Прилягу...»
А внук приехал позже, осветив
Надгробие медалью «За отвагу».

БЕНОК

Стоит июнь, как Бог, над обелиском,
Раскинув руки плачущих берёз.
За Городищной*** – далеко и близко –
Прошли дожди предсенокосных гроз.
Постой и ты, земляк жизнелюбивый,
У этой строгой памятной плиты,
Ведь тот, кто взят военною могилой,
Успел любить, смеяться, как и ты.
Его такие ж ливни поливали,
Такое ж солнце согревало грудь,
Когда на грустном сухонском**** причале
Сказал он тихо милой: «Не забудь!»
Где он лежит теперь на самом деле?

* Место, где расстилают по траве лён для приготовления его к дальнейшей обработке или холст для просушки, беления.

** Угёр – холм, возвышенность.

*** Городищна – село в Нюксенском р-не Вологодской обл.

**** Сухона – река в Вологодской обл., крупнейшая как по длине, так и по полноводности. Левая и основная составляющая Северной Двины.

Истлела плоть и поросла травой...
Но имена героев не истлели –
Они вернулись, родина, домой.
Чтобы восстать на этом обелиске,
Глазами букв подняться над собой,
Чтобы увидеть далеко и близко
Купальских трав настоящий покой.
И тот веночек, что дорогой и близкой
Он в сорок первом выплесть не успел,
Ему несёт сегодня к обелиску
Его внучатый нюксенский* пострел.

22 ИЮНЯ

Когда пели жалобные птахи
На рассвете памятного дня,
Я надел пестрядную** рубаху,
Сшитую давно – не для меня.
Тот, кто рад был этому обряду,
Вышитому к празднику цветов,
В сорок первом вражьему снаряду
Грудь подставил за родимый кров.
И напрасно лада поджидала
Дорогого лебедя домой.
В сундуке обнова пролежала,
Не дохнув прохлады луговой.
Умерла, состарившись, хозяйка.
Пестрядь сдать надумали в музей.
И подумал я с досады: «Дай-ка,
Выйду в ней сегодня на людей!»
Плыли лета строгие поминки
На погостной строгой стороне,
Земляки – ревнителю глубинки –
Сухонской*** внимали тишине.
Я глядел на памятник печальный,
Что цветами дикими оброс,
И на сердце, с верой изначальной,
Понимал, что я великоросс.
И что это злое запустенье,
Что над вечной памятью царит,

* Нюксеница – пос. в Вологодской обл.

** Из домотканой пестряди, т.е. крашеного деревенского полотна.

*** См. примечание на стр. 190.

На моих плечах в оцепененье
Непреложной тяжестью лежит.

СОЛДАТСКИМ ВДОВАМ

От этих вдовьих горьких глаз,
Бедой изъеденных большою,
Унынием дохнёт на вас,
Коль вы чисты ещё душою.

Подумать только – среди потерь
Страны родной, в величье зыбком
О них мы думаем теперь
Как об архивном пережитке.

Тогда как их высокий крест
К тому, что мы считаем прошлым,
Вознёсся свято до небес
Над нашей суетностью пошлой.

За этот чистый крест любви
Какое мы имеем право
Их равнодушием травить,
Достойных славы? Только славы!

Старушки из дальних селений
Средь улиц пройдут городских.
И жгучею святостью древней
Повеет невольно от них.
Гляжу им вослед не случайно:
Хочу до глубин подсмотреть
Их неизгладимую тайну
Промчавшихся в тягостях лет.
И молча глаза опускаю,
И с горечью в землю смотрю,
И чувствую, и понимаю,
Что мало их боготворю.
И весь содрогаюсь невольно
С заглядом далёким вперёд:
Их гнули разрухи и войны...
Что нас, бессердечных, согнёт?

Печатается по книге «Посошок» (1993).

ФРОЛОВ ГЕННАДИЙ / 1947–2021

НАКАНУНЕ ПАРАДА

(У памятника Пушкину)

И разные стояли люди,
И наблюдали сотни глаз,
Как зачехлённые орудья,
Качаясь, плыли мимо нас.
Как выростали в мраке тайны,
Как стадо мамонтов сопя,
Самоуверенные танки,
Тремя глазами слепя.
Как в бликах мертвенного света,
Не зная ни добра, ни зла,
Изящно двигались ракеты,
По-рыбьи вытянув тела.
Как проходили ряд за рядом
Машины, полные солдат.
Как ты, и я, и все, кто рядом,
Мы в этот миг дышали в лад.
Как мы смотрели в сумрак стылый,
До боли стиснув кулаки,
Когда со сдержанною силой
Пред нами двигались полки.

.....
Так я писал тому уж боле
Лет двадцати. Но понял вдруг,
Что прославляю поневоле
Коммунистический недуг.
Весь бред интернационала,
Души растлившейся грехи!
И омерзительно мне стало:
Я эти выбросил стихи.
Но вот сегодня на рассвете
Открыл глаза и в тот же миг
Нежданно вспомнил строки эти
И вновь записываю их.
Нет, не в порыве жалкой лести
Они мной были сложены.
Я пел о доблести и чести
Моей любви, моей страны.
Я пел о прежней громкой славе

(И были помыслы чисты!),
Стараясь сквозь гримасы яви
Прозреть бессмертные черты.
И ныне, ставя к старым строфам
Строфу за новою строфой,
К Америкам или Европам
Я обращаю голос свой.
Да, вы сейчас нам не грозите,
Но с похвалою на устах
Вы к нам по-прежнему таите
Всё те же ненависть и страх.
Я знаю цену вашим дружбам
И миротворческим словам.
О, как – бессильным и недужным! –
Вы аплодируете нам!
О, как сияют ваши лица,
Как размягчаются черты,
Когда сползаем мы к границам
Времён Ивана Калиты*.
Когда Россию рвут на части,
Как штуку красного сукна,
Народы, кои в час несчастья
Спасла от гибели она.
За веком век, за сыном сына
Она за них бросала в бой!
.....
Ещё застонет Украина
Под католической пятой.
Среди удушливого дыма,
Под грохот польских батарей –
Лазурь захваченного Крыма
Ещё предстанет перед ней.
Ещё балтийские народы
Свой перед Русью вспомнят долг,
Когда раздавит их свободы
Тевтонца кованый сапог.
Ещё с вождей грузинских чары
Слетят, как ржавые листья,
Когда обрушат янычары
С церковей поруганных кресты.
Да, долгих семь десятилетий
Мы все несли проклятья груз.

* И.Д. Калита – князь Московский, великий князь Владимирский, князь Новгородский.

Так что ж на брезжащем рассвете
Вы рвёте нити кровных уз?
Как будто бы безгрешны сами,
На нас одних взвалили грех!

.....

Иль тем виновны мы пред вами,
Что пострадали больше всех?
Иль, может быть, в азарте мнитесь
Вам всем, что из небытия
Уже вовек не возродится,
Не встанет родина моя?
Напрасны эти обольщенья!
Распад, сумятицу, разброд,
И нищету, и униженья –
Всё русский вынесет народ.
Я говорю кавказским звёздам,
Я говорю якутским льдам,
Что снова – рано или поздно! –
Но мы ещё вернёмся к вам.
Не в ярости, не мести ради,
А лишь на ваш призывный глас.
Ибо не в силе Бог, а в правде,
А правда Божия у нас!
И что мечтания Китая,
Европ, Америк ли возня,
Когда воскреснет Русь Святая,
Как птица феникс* из огня!
Всё будет так, а не иначе.
Мы вновь пойдём, коль грянет срок,
На Запад умственный – и алчный,
Жестокий, женственный Восток.
Снесём все беды, как сносили,
Единым пламенем горя,
За нашу веру, за Россию
И православного царя!..

1967, 1992

Печатается по материалам сайта «Российский писатель» (<https://rospisatel.ru/rp-o-v.htm#30>).

* Мифологическая долгоживущая птица, возрождающаяся после гибели. По распространённой версии мифа, предвидя свою смерть, феникс осуществлял самосожжение, после чего появлялся вновь из пепла, праха. Считалось, что феникс – единственная, уникальная особь своего вида. В метафорическом истолковании феникс – символ вечного обновления, бессмертия.

ХАРЛАМПЬЕВА НАТАЛЬЯ / 1952

9 МАЯ

Кажется, нету причин
для печали,
Кажется, повода нету для слёз.
Вот уже ветки зелёными стали,
Слышатся первые отзвуки гроз.
Стройно оркестры гремят духовые,
А ветераны в сиянии дня
Припоминают сраженья лихие.
Что же так сердце щемит у меня?
Плачут, друг друга они обнимая,
Блещут медали, чуть слышно звеня,
Праздник Победы.
9 Мая.
Что же так сердце щемит у меня?

Перевод Я. Козловского

Печатается по книге «Красный подснежник» (М.: «Современник», 1988).

ХАТЮШИН ВАЛЕРИЙ / 1948

БАБУШКА

Моя деревня... Что с тобою стало!
Тебя снега засыпали до крыш.
«Уходят люди», – бабушка сказала.
Окрест стояла дремлющая тишь.
Урюмых чувств и странных мыслей полный,
я здесь внезапной болью обожжён...
Как грустно-беден вид избы безмолвной,
где нет привычных в старости икон.
Вот здесь детей и внуков сберегала
старушка эта,
хотя их в тепле,
от всех несчастий бабушку спасала
крестьянская привязанность к земле.
Живёт она, земную веру носит,
за благо ближних молит всех святых
и ниоткуда помощи не просит,

взрастившая без мужа пятерых,
она, одну лишь грамоту познавшая
по школе скорби русских матерей.
За сына Павла, без вести пропавшего,
ей платят в месяц тридцать пять рублей.
Да ей и надо, в сущности, немного...
Ни на кого обиды не тая,
как в доброту людскую, верит в Бога
неграмотная бабушка моя.

1980

ПОМНИТЬ!

Растут у народа сыны –
надежда и сила Отечества.
Судьба – от войны до войны –
жестокая у человечества.

Война на планете людей...
Наверное, можно отчаяться.
Мы всё ещё помним о ней,
и значит, она не кончается.

У сладостной жизни в плену
спасает нас память суровая.
Когда забывают войну –
тогда начинается новая.

1984

ВETERАНЫ

И страны моей, и ваши раны
в большинстве своём заживлены.
И не шрамы ваши, ветераны,
не дают забыть вам той войны.

Мало вас, людей такого рода,
не из книг узнавших о войне,
ей отдали вы четыре года –
столько лет с ней видите во сне!

Столько лет вам снится всё сначала:
что в разрухе, в голоде, в огне
та война,

как смертный вихрь, гуляла –
страшная – по молодой стране.

Вам доньине души обжигает
детский взгляд, который не забыть...
По ночам в холодный мрак ввергает
пепелище...
Муки – не избыть.

А героев, скажем откровенно,
нам не все известны имена.
Пули находили вас мгновенно,
до сих пор вас ищут ордена.

И ещё сидят осколки возле
сердца, боль впитавшего сполна.
Жизнь делили вы на до и после,
до и после, посреди – война.

1985

ГЕРОЙ

Он долго курил перед боем,
окутанный дымом седым...
Нетрудно погибнуть героем,
труднее остаться живым.

Он понял, что мёртвому – легче.
Он больше страдать не хотел.
Пронзая, рубя и калеча,
металл над землёю свистел.

Устав от немого терпенья
на кровь и на муки смотреть,
решил он, что смерть – исцеленье
от горечи думать про смерть.

Тот лучшую долю изведал,
кто сгинул под вихрем свинца,
ведь там, за порогом победы,
страданью не будет конца...

Когда он поднялся в атаку,
то первым рванулся вперёд,

бежал он, не чувствуя страха,
туда, где трещал пулемёт.

Светясь как звезда, амбразура
волнующей силой влекла,
но пуля – известная дура –
его ни одна не брала.

Разрывы кругом грохотали,
гася атакующий вал.
Но пули его облетали,
сражая других наповал.

Когда он в последнем усилье
закрыл амбразуру собой,
то пули сквозь грудь проходили,
не стал им помехой герой.

Не знал он, под пули бросаясь,
в надежде покой обрести,
что, смертью от жизни спасаясь,
живых невозможно спасти.

1988

ТАНК ПОД ИМЕНЕМ «СТАЛИН»*

Укры бьют по больницам,
мрази долбят по школам...
Ополченские лица –
под святым ореолом...

От снарядного шквала
дети плакать устали...
И сошёл с пьедестала
танк под именем «Сталин».

В грудях дымных окалин,
в волнах воя и свиста
танк под именем «Сталин»
снова бьёт по фашистам.

Брызжут яд в истерии

* Сошедший с постамента в г. Константиновке Донецкой обл. танк-памятник ИС-3 («Иосиф Сталин») разгромил блокпост нацгвардии.

все скоты и уроды.
Но стоит за Россию
остров русской свободы.

В дни донбасского ада
в этих заревах грозных
кто-то видел солдата
в гимнастёрке из бронзы...

2014

ПЕРЕКЛИЧКА

Анатолию Аврутину

Подлый мир отказался от наших святынь –
в этом мире другие святыни.
И куда ты свой взгляд беспокойный ни кинь –
всем Россия чужая отныне.

Мир блефует в придуманных снах и во лжи,
в однополой убийственной страсти...
...Где-то детство моё в колосющейся ржи
притаилось, как в маленьком счастье,

засиделось у речки, уснуло в лесу,
закружилось в цветах на лужайке...
Я за пазухой детство, как птаху, несу,
чтоб о нём рассказать без утайки.

Чтоб светилось оно в этих строчках простых,
согревая глаза дорогие,
чтобы в детях, рождённых при песнях иных,
билося вечное сердце России.

...Я под пенью сверчка на печи засыпал,
под рассказы о плотнике-деде...
Нам динамик из чёрной тарелки вещал
о вожде, о труде, о Победе...

Мы росли на руинах великой войны,
со страной возвышаясь и каясь,
нас безродные пичкали чувством вины,
от святынь и побед отрекаясь.

Ныне в наших домах тех динамиков нет.
Мы умней и трезвей стали ныне.
Нас в искусственный свет заманил Интернет...
Но в душе – неизменны святыни.

2017

ОСЕНЬ 1941-ГО. ПРОЗРЕНИЕ

В минувший век в стране своей
мы шли к сияющим высотам
и страстно верили щедротам
коммунистических идей.

Да, верили и млад и стар
в их безнадёжную фальшивость
и отдавали жизнь как дар
за мировую справедливость.

Юдоль* почти в земном раю
казалась нам счастливой новью.
Ну а победа малой кровью
нам грезилась в чужом краю...

И пели мы: не отдадим
врагам земли родной ни пяди...
...Но Ленинград – уже в блокаде,
Кавказ и Киев сдали им...

В иной мы верили исход.
Враг под Москвой стоял в итоге.
...И в сорок первый страшный год
Россия вспомнила о Боге...

2021

* Устаревший синоним долины; в настоящее время используется как поэтический и религиозный символ, обозначающий тяготы жизненного пути с его заботами и сложностями.

БИТВА ЗА МАРИУПОЛЬ

*В Мариуполе – могила моего отца,
освободившего Украину*

Украины бывшей убыль...
Нам дороги нет назад...
Русский город Мариуполь...
Разбомблённый город-сад...

В жёлто-синих дебрях вызрел
красно-чёрный зверский флаг...
Мариуполь – город-призрак,
Мариуполь – город-мрак.

Мрак удушливой печали,
мрак свистящего свинца
над цехами «Азовстали»,
над могилою отца...

Днём и ночью с «градом» грозы –
канонады гром и звон.
На руинах храмов – слёзы
мироточащих икон.

Слёзы старых, слёзы малых –
здесь, где плачет Божья Мать...
При свечах в сырых подвалах
дети учатся писать...

Укров крик и матерщина...
Ангел смерти к ним летит...
В чёрных книжках на руинах –
герб трезубный шелестит.

Как безумно трудно нервный
охладить, унять озноб...
Мариуполь – это первый
гвоздь в свидомый* чёрный гроб.

2022

* Под этим термином подразумевалась «национальная сознательность», выбор в пользу всего украинского в противовес «чуждому» русскому.

БЕСПАМЯТНЫЕ

Нам снова гибель прочит
врагов безумных рать.
И вновь Европа хочет
Россию растоптать.

Она уже забыла
про Курск и Сталинград.
Как встарь – опять бомбила
несломленный Белград.

А на горе Поклонной
имён – за строем строй.
Серёжка с Малой Бронной
и Витька с Моховой...*

Под сине-звёздным флагом
не помнят тех годин –
про знамя над Рейхстагом,
про сдавшийся Берлин...

Не помнит мир спасённый,
мир подлый, мир слепой
Серёжку с Малой Бронной
и Витьку с Моховой...

2022

Подборка предоставлена автором.

ХЛЕБЦЕВИЧ ТАТЬЯНА / 1952

ОТЕЦ

Виктору Петровичу Астафьеву

До рассвета плакала – читала
повесть про весёлого бойца.
Словно этой ночью побывала
в опалённой юности отца.

* Цитата из стихотворения Евгения Винокурова «Москвичи», которое в 1958 г. стало песней. Композитор – Андрей Эшпай, первый исполнитель – Марк Бернес.

Мог ведь там – в людской военной каше,
в пробках у понтонных переправ –
по-шофёрски подсобить Коляше
мой отец – Хлебцевич Вячеслав?

Папу-то теперь не спросишь... Поздно!..
Оттого и стыдно мне вдвойне,
что ни разу с ним, живым, серьёзно
не поговорила о войне...

То, о чём порой кричал во сне
бывший фронтовик из автобата,
только нынче приоткрылось мне –
непутёвой дочери солдата.

СЫН

Когда закончится мой путь земной,
хочу, чтоб пели на моих поминках,
чтоб здесь душа осталась – невидимкой,
просрочившей путёвку в мир иной.

Со временем всё то, что было мной,
забудется и выцветет на снимках,
печаль истаёт прошлогодней льдинкой,
стихов угли подёрнутся золой.

Но и тогда найдётся дело мне:
вдоль тропок зеленея и дорожек,
прильну к босой натруженной ступне...
чтоб только мальчик, на меня похожий,
прикладывая к ранке подорожник,
не знал, как убивают...
на войне...

Подборка предоставлена автором.

ХЛЫБОВ ВАСИЛИЙ / 1951–2020

НОВЕЛЛЫ О РУССКИХ МАЛЬЧИКАХ

Из поэмы

Посвящается Э.И. Якишиной

...Но с подлой трусостью своею
наш Сашка Логинов сражался,
своими острыми и злыми кулачками
пытаясь слёзы затолкать в глаза обратно.
Она стояла, плотно губы сжав.
Так третий «Б» учился с крыши прыгать.
И край дощатого сарая,
как мог, воспитывал мужчин.
Учительница Эрна Францевна, молоденькая немка,
всегда подтянутая, собранная немка,
нас, леспромхозовскую пацанву,
учила жёстко,
как будто бы ученья проводила.

О, вкусный хлеб пятидесятих лет!
О, хлеба чёрного хрустящие горбушки!
И через годы слышу, как они хрустят
под острыми, весёлыми зубами.
Посёлок оседал под грузом перемен.
Деревья падали, и паровозики натуженно гудели,
и шли домой усталые отцы,
глаза их теплились,
а щёки их кололись.
А в праздник думалось:
ещё немного выдать им усилий,
и все вздохнут,
и процветание наступит.
Но впереди опять гудки, гудки.
А день был отдан пацанам:
на пустырях, в проулках, перелесках,
вдоль эстакад и длинных штабелей
шныряли быстрые ватаги,
переворачивая встречные предметы
и углубляясь в царство железяк.
Так было всюду в те года.
Казалось:
вся Россия в смуглых пацанах.

А девочки что, вовсе не рождались?
Нет, были девочки,
прямые, как пружины,
растущие под окрик пацанвы,
но кто на это обращал вниманье?
Тогда висели в каждом доме
солдатские со звёздами ремни,
и пацаны не очень их любили,
но уважали бесконечно.
День долгий, трудный, вечный угасал,
и солнце выжатым лимоном
валилось в лес.
А паровозики гудели о том,
что процветание наступит.

Но Эрна Францевна, прекрасно это зная,
готовила нас, кажется, к другому,
настойчиво и даже фанатично
решительность и смелость в нас вгоняя.
Мы карту мира знали назубок,
историю твердили без запинки,
и был Суворов* наш кумир,
и в нас росли его цитаты:
«Сам погибай...» и «Пуля – дура...»,
а более всего – «Опасность труса лечит».
Поэтому-то станционная шпана
наш третий «Б» не донимала.

В том пыльном, душном сорок первом
в степи у города Одессы
смотрела маленькая Эрна
глазами, впившимися в небо,
на чёрные кресты.
Лежала мама в бежевой пыли,
нехорошо лежала, неудобно,
и было страшно к маме подойти.
Война. Солдаты проходили
по бесконечным тем дорогам,
и пыль следы их заметала
и осаждалась в душах и сердцах.

* А.В. Суворов – русский полководец, основоположник русской военной теории. Генерал-фельдмаршал, генералиссимус, генерал-фельдмаршал Священной Римской империи, великий маршал войск пьемонтских, кавалер всех российских орденов своего времени, вручавшихся мужчинам, а также семи иностраннных.

Он всё же прыгнул, маленький наш Сашка,
земли коснулся, подогнул колени
и набок лёг – всё, как учили.
Тут Эрна Францевна улыбку процедила.
А Сашка, Сашка целый день смеялся,
и были кулачки его остры.
Сегодня пустыри предстали пустырями:
нет Эрны Францевны –
туберкулёз ей лёгкие спалил.
А может, это бежевая пыль?
Она от крика в лёгких поселилась
и сделала своё худое дело.
Мы все почувствовали вдруг:
война не кончилась.

*Печатается по антологии «Солдаты, встанем в тишине»
(Иркутск: «Репроцентр А1», 2019).*

ХЛЫСТОВ ВАЛЕРИЙ / 1946

МЫ В ДОЛГУ ПЕРЕД ВАМИ, СОЛДАТЫ

Разноцветным салютом объято
Небо майское над головой.
Мы в долгу перед вами, солдаты –
С 41-го по 45-й –
Беспощадной войны мировой.
Пуль свинцовых на фронте с лихвою,
И свинец, будто орден, приняв,
Вы в бессмертье шагнули из боя,
Неизвестные миру герои,
Смертью смерть за Россию поправ.
Долго почта идёт полевая.
Похоронок на сто лет вперёд.
И живём мы от мая до мая,
День Победы, по сути, встречая
За ваш кровью оплаченный счёт.
Мы навеки прописаны вместе
В книге судеб великой страны,
И летит из сердец в поднебесье,
Как молитва, победная песня
О героях священной войны.

НАМ ОТСТУПАТЬ НЕГОЖЕ

На стороне заката
Копится вражья сила,
По-сатанински лает,
Дабы внушить испуг.
Но наше дело свято.
Не покорить Россию,
Пока в ней обитает
Державный Русский Дух.
Да сбудутся знаменья!
Да воссияет Слово!
Ведь мы десницей Божьей
Прописаны в строю.
Мы воины с рожденья.
Мы воины Христовы.
Нам отступать негоже,
И мы всю жизнь в бою.

Печатается по книге «Чтобы знали, чтобы помнили...»: сборник стихотворений о Великой Отечественной войне» (Шацк: МБУК «Межпоселенческая библиотека», 2020).

ХОМУТОВ СЕРГЕЙ / 1950

ЗВЁЗДОЧКИ

В июньский предрассветный час,
Как тень тяжёлого затмения,
Внезапно настигает нас
Ломающее сон волнение.

Как будто ветер донесёт
С полей горячий отзвук боя,
Как будто сердце захлестнёт
Разрывом неостывшей боли.

Что, видимо, сквозь толщу дней
Приходит к нам так ощутимо
По крови наших матерей
И памяти земли родимой.

И не познавшие войну,
Иного поколения дети,

Подходим к окнам на рассвете
И трудно дышим в тишину.

ПРОЩАНИЕ

Вот и отмаялась мама,
В доме лежит, не дыша.
Тихая, как телеграмма,
В небо вспорхнула душа.
Век ей достался печальный,
Век ей достался больной,
С горечью изначальной,
Выданной прошлой войной.
Бог не покинул в тревоге,
Но и блаженства не дал.
В маминой дальней дороге
Нынче большой перевал.
Больше ничто не свершится,
Весть беспросветно горька,
Душенька мамы кружится
Рядышком с телом пока.
Жизнь завершила окружность,
Тьма отодвинула свет.
Наших стараний ненужность,
Прошлого стынувший след...
Сяду к столу одиноко,
Полную рюмку налью.
Мама пока недалёко,
Мама ещё не в раю.
Давит преддверие тризны.
Звёздочка смотрит в окно.
Нету истока у жизни,
Устье осталось одно.
Время последней разлуки
Скорбно стоит впереди,
Мамины мёртвые руки
Замерли на груди.
Мамины мёртвые руки,
Мёртвая мама моя...
Время последней разлуки –
Вечная боль бытия.
Ветер полуночный дышит,
Штору окна теребя.
Слышишь, родимая, слышишь,
Мы вспоминаем тебя.

Завтра с утра запогодит,
Да не развеет печаль –
Мама тихонько уходит
В чистую вешнюю даль.
Вот и заверена справка,
Вот и отмечен уход,
Юная нежная травка
Возле могилки взойдёт,
Где собираются в стайки
И пропадают вдали
Белые-белые чайки –
Души страдальцев земли.

Печатается по материалам сайта https://45ll.net/sergey_khomutov.

ХОМЯКОВ ВЛАДИМИР / 1955

Год сорок первый. Смертный снег.
И ополченцев батальоны.
Ни у кого медалей нет –
одни лишь только «медальоны».

1989

ПРИКАЗ

«Ни шагу назад!» – этих слов не сдержали,
попав в окруженье, плутали в лесах.
Пусть ваших имён не вместили скрижали,
но даже в плену вы осилили страх.

А в племя иудино вас вербовали:
кто выйдет из строя, как в рай попадёт, –
безмолвно вы клятву России давали,
одно только помня: «Ни шагу вперёд!»

2012

9 МАЯ 1945 ГОДА

Памяти моих родителей

Рязань ликует. Вешний цвет вокруг.
Пульсируют знамёна кумачово.
Мелькает стайка лёгкая подруг –
на целый день отменена учёба!

Они на площадь Ленина бегут:
там танцы и гармошек переливы,
оркестры там военные ведут
всё больше довоенные мотивы.

Смущённый взгляд. Счастливая волна.
Девчонку вальс подхватывает плавно.
Ей – восемнадцать. Кончилась война.
И жив отец – прислал письмо недавно.

Кружится вальс. Поёт, шумит народ.
Как тесно здесь и до чего просторно!
Лишь только мама завечерь вздохнёт:
«Ну что ж ты туфли новые протёрла!»

...А где-то под Берлином военврач
с друзьями пьёт по кругу за Победу!
А рядом – чей-то смех, и чей-то плач,
и чей-то крик: «Теперь домой поеду!»

И военврач глядит сквозь дальний дым,
кричит со всеми, плачет и смеётся.
...А над леском, угрюмым и немым,
налившись кровью, тяжелеет солнце.

И память неумолчна и ясна.
И в ней звучит родной простор Сибири:
там сёстры, мать, живая тишина,
там кедры ждут, там горы ждут седые.

Победный день. По горло хватит дел,
чтоб до конца с войною расквитаться.
Победный день. Победный первый день.
Как в полумраке вишни серебрятся!

И ход весны вовек неумолим.
И сердце замирает от волненья.
Рязань. Сибирь. Поверженный Берлин.
И – десять лет до моего рожденья.

1985

АЛФАВИТ

Шесть вёсен мне. Победы полдень светлый.
Земля в защитной зелени травы.
И молодой полынью пахнут ветры.
И одинок, и горек взгляд вдовы.

И я, впервые встретившись с печалью
у мраморных мемориальных плит,
по именам героев изучаю
спасённый ими русский алфавит.

1981

ДЕРЖАВНЫЙ ДЕНЬ

Поздравить чтобы победителей
с Великим днём, Державным днём,
мы не в дома своих родителей,
а на могилы к ним придём.

Разложим на газетной скатерти
снедь, да забудем про вино:
пускай порадуются матери,
что мы не пьём уже давно.

Тюльпаны, нами принесённые,
росу уронят поутру.
Замрём, Победою спасённые,
замрём на праздничном ветру.

На солнце вспыхнут звуки медные
и вознесутся в облака.
И там, на площади, победные
слова промолвит сын полка –

одним останется единственным
из тех, кто слышал ближний фронт.
А те, кто был в огне неистовом,
уже уйдут за горизонт.

За горизонт, где синь закатная
и остывающая мгла,
куда тропинка безвозвратная
сквозь всю Россию пролегла...

2009

БАЛЛАДА О ГИМНЕ

Их заживо в могилу зарывали.
Земля лавиной падала на них.
А звёзды так задумчиво мерцали,
и ветер был так безмятежно-тих...

И офицер, руководивший казнью,
солдат своих всё злее подгонял –
у коменданта нынче в доме праздник,
у коменданта нынче будет бал.

Шофёр, сопя, вспотевший, китель сбросил
и, суетясь, осматривал мотор.
А там, во рву, истерзаны и босы,
Молчали люди – как и на допросах, –
в такую смерть не веря до сих пор.

...Всё кончено.
И, фары зажигая,
Машина резко подала сигнал.
Но вдруг земля качнулась как живая –
И зазвучал «Интернационал»!

Разбитыми, измученными ртами
подпольщики, уже дыша едва,
как клятву,
как проклятие шептали
те грозные и гордые слова.

И песня зазвучала всё сильнее
и из земли рванулась,
словно боль.

И коммунисты уходили с нею
в последний свой,
неравный,
смертный бой.

– Молчать! Молчать! –
эсэсовцы хрипели,
из автоматов в чернозём паля.
Казалось в страхе им,
что это пела
непобедимый гимн
сама земля.

Подборка предоставлена автором.

ХОРОХОРИН ВИТАЛИЙ / 1947–2014

Мне часто снится мой отец.
Так снится – холодеет сердце.
То не во что ему одеться.
То нечего ему поесть.
Не он ко мне, а я к нему
всё время прихожу, немея.
И подойти к нему не смею,
и он ни слова – тень в дыму.
И виноватости во мне
пред ним крупнейшее чувство!
И всё кругом печально-пусто.
И этому исхода нет.

*Печатается по книге «Шёл отец...»
(М.: «Современник», 1985).*

МОЙ ДОМ

Дом, мой дом – сестрёнка, мама,
братовья, отец и я,
самый добрый, тёплый самый,
называемый – семья.
Где ты, выстроенный дедом
под раскидистой сосной?
Из Сибири в город еду,
а ты следуешь за мной.
Занавески – белый нижний,
мамой выбитый узор –
парус детства ветер жизни
надувает до сих пор.
Папин френч висит на стуле
у раскрытого окна...
Где он сам? Есть росчерк пули,
что оставила война,
пять осколочных ранений,
ордена и партбилет,
грозный Сталин, вечный Ленин,
а его на свете нет.
Только память, только память
об отце приносит весть.
Слышу: он скрипит зубами –
значит, он на свете есть.
Ветеран и алиментщик –
молодая седина...
Он любил детей и женщин.
Я, спасибо, не одна.
Жизнь течёт бессмертной речкой.
Сердце к сердцу – мир сердец.
Согреваюсь русской печкой,
той, что выложил отец.
И живу легко и прямо.
Но всему приходит срок:
умерла мамулька, мама...
Вот и рухнул потолок!
Зашатался дом мгновенно.
Доживу ли до утра?
Но родительские стены
держат братья и сестра.

Дом, мой дом – венцы из брёвен, –
ставший Светом и Добром,
вознесённый с небом вровень,
подпираем вчетвером.
Ясным глазом мудроведа
смотрит каждое окно –
взглядом бабушки и деда
освещается оно.
Где мой дом – сестрёнка, мама,
братовья, отец и я?
Близко-близко, в самом-самом
сердце, в сердце у меня.

2009

ДЕРЕВЕНЬКА

Есть о чём говорить –
память выжжена,
лихолетьем рассеяна в прах.
Но моя деревенька выжила,
через боль пройдя,
через страх.

Отовсюду слетались вóроны,
изо всех окаянных мест:
было небо с землёй разорвано,
когда с храма сбивали крест.

С колокольни скинутый колокол
продолжает в сердцах звенеть.
А его оттащили волоком,
а потом превратили в медь.

Дед-солдатик, «пропавший без вести»
и наказанный без вины,
он теперь под защитой вечности,
а отец вернулся с войны.

И вернулся Бог из забвения,
и в народе пошла молва:
будет Светлое Воскресение –
деревеньками Русь жива.

Русским духом стоит Русаново*,
не скудеет русская речь.
Храм всем миром отстроим заново
и затопим русскую печь.

2013

Подборка представлена автором.

* Село в Терновском р-не Воронежской обл.

ЧАЙКА НИКОЛАЙ / 1950–2010

СОНЕТ О ПАМЯТИ

Нашим внукам

Приспущены навечно здесь знамёна,
И Птичий пруд укрылся толстым льдом.
Но старых лип массивные колонны
Хранят покой над Факельным прудом.

Венки замёрзли, но цветы живые
Нас остановят на короткий миг –
Ведь люди помнят годы огневые,
И даже камни здесь скорбят о них,

О тех, кто упокоился навеки
В аллеях строгих лип и тополей...
И в каждом проходящем человеке
Проснётся боль о Родине своей.

Нет, память у людей не коротка –
О подвиге мы помним сквозь века!

09.02.2015

Печатается по материалам сайта stihi.ru.

ЧЕПРОВ СЕРГЕЙ / 1951

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

И неважно, где бы я ни был,
Обязательно с утраца
С майским праздником –
с Днём Победы! –
Я спешу поздравить отца.

Он стоит у окна, сутулясь, –
Не отпустит сердце никак.
Первый раз
провисит на стуле
С орденами его пиджак.

9 МАЯ

Кровавый снег растаял, словно не был,
И гул разрывов не вплетался в сны.
Я был рождён уже под мирным небом,
Спустя всего шесть лет после войны.

Следы боёв с земли ещё не стёрлись,
Хоть по столам дымились пироги.
Ещё вовсю носились гимнастёрки
И во дворах скрипели сапоги.

Мы все тогда в одну игру играли,
Хмелея от атак и от побед.
И я цеплял отцовские медали
За взятие Вены и за Будапешт.

Я слушал песни о походах славных,
Дышал настоем праздничных хлопот
И принял этот день одним из главных –
Как день рожденья или Новый год.

Пока во мне хоть что-то есть живое
И коли ноги донесут меня,
Я буду со склонённой головою
В тот майский день у Вечного огня.

ГОРОД-ГЕРОЙ

Есть города, что к концу войны
Слили с землёю небо.
Им звёзды к знамёнам прикреплены.
Мой город в атаках не был.
Не видел кварталов, спалённых дотла,
Не слышал минного визга.
И всё же была война!.. Да, была
На каждой улочке Бийска*.

Стучала под окнами на костылях,
Нужду насылала и голод
И превращала в госпиталя
Просторные светлые школы.
Детей, стариков приводила к станкам,
Хлеб резала в ломтики тонкие...

* Город в Алтайском крае, крупный научный и промышленный центр Юго-Западной Сибири.

Её безжалостная рука
Несла в дома похоронки.

Есть города, что к концу войны
Слили небо с землёй.
И всё-таки каждый город страны
Тогда был – город-герой!

НИКТО НЕ ХОТЕЛ УМИРАТЬ...

Дети, женщины, старики
По подвалам в слезах да ужасе.
А здоровые мужики,
Коим прятаться б не с руки,
Покидают Донбасс разрушенный.

– Мне война совсем ни к чему.
Потому от беды и еду,
Оставляя свою страну.

– А ты вспомни-ка ту войну,
Где отцы полегли и деды...

И тогда, наверное, мать
Не для бойни рожала сына.
И никто не хотел умирать...
Только если б не шли воевать,
Что бы было сейчас с Россией?!

ПОСЛЕДНИЙ СОЛДАТ

Костыли, узловатые руки,
А в ушах нескончаемый гул...
Он – последний из нашей округи,
Кто военного лиха хлебнул.

Сквозь кривое оконце – луч света,
На подпорках – подгнивший забор...
Но... открытку ему в День Победы
Да ещё «продуктовый набор».

И дедуля под солнышком вешним
Придремал... Нипочём суета...
Обещали квартиру, конечно,
Да с бумагами что-то не так.

Выправляют... Уже извинились...
(Приходила тут краля одна...)
А сегодня солдату приснилась
Сорок пятого года весна...

То, что в школах «вещают» ребятам,
То, что нынче творится в стране, –
Всё боюсь, чтоб с последним солдатом
Не забыли б о страшной войне.

Подборка предоставлена автором.

ЧЕРКЕСОВ ВАЛЕРИЙ / 1947

На плешивых полянах, повибитанных выпивохами,
среди буйства черёмух, роняющих пенистый цвет,
мы росли, словно дички, довольствуясь сызмальства крохами,
в многоликой стране, отходящей от боли и бед
недалёкой войны, о которой из первых уст знали,
и – Закурим, товарищ! – взятяжку дымили юнцы,
и по праздникам, помню, отцы надевали медали –
у кого они были, конечно, отцы.

ПИСЬМО В ГАЗЕТУ НАКАНУНЕ ДНЯ ПОБЕДЫ

Прошу откликнуться уроженца Барнаула,
бывшего сержанта-пехотинца,
познакомившегося в победном 45-м году
с восемнадцатилетней медсестрой
в Первомайском парке на берегу Амура.

Демобилизовавшись,
сержант отбыл на родину,
не ведая, что у него родился сын.

Если ты жив, отец,
давай свидимся.
Хотя бы напоследок...

ПАМЯТЬ ДЕТСТВА

– Одноногий дяденька,
Что рыдаешь ты?.. –
Одноногий дяденька
Продаёт цветы.
Одноногий дяденька –
Чистильщик сапог.
Одноногий дяденька
Заболел и слёг.
– Одноногий дяденька! –
Ордена несут.
– Одноногий дя-день-ка-а! –
«Священная»* поют.
Эта песня – болью
Навсегда во мне!
Третье поколение
Помнит о войне.

1969

БОЦМАН

Поднимавшийся в атаку
с отрядом пехоты на Балтике,
конвоировавший английские суда в Арктике,
повоевавший с японцами на Тихом океане
и списанный на берег из-за контузии
при тралении американских мин у Корейского полуострова,
боцман Иван Павлович Чернавцев,
надрывшись в заплёванном павильоне Первомайского парка,
не обходил лужи.

Он брёл, пошатываясь, посередине дороги,
распевая: «Раскинулось море широко»**,
и машины осторожно его объезжали,
а завалившись в глубокую вымоину,
рвал на груди полосатый тельник, ревя:
«Врагу не сдаётся наш гордый “Варяг”»***.

* «Священная война» – песня 1941 г., ставшая гимном защиты Отечества. Слова В. Лебедева-Кумача, музыка А. Александрова.

** Известная матросская русская песня о кочегаре, который умер от теплового удара во время рейса в Красном море.

*** Песня на стихи австрийского поэта Р. Грейнца в переводе Е. Студенской, посвящённая подвигу крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец».

Когда мы, пацаны, волокли моряка домой,
тяжеленного, как набитый камнями матрас,
он незлобиво матерился и обещал назавтра
накормить нас до отвала соевыми конфетами.

ПОСЛЕВОЕННАЯ СОЯ

Когда сою
насыплешь на лист из потемневшей жести
и поставишь в раскалённую духовку,
то золотистые катышки
начинают потрескивать, подпрыгивать
и пахнуть так,
что, не выдержав,
хватает жменью поджаренных горячих зёрен
и тут же отправляешь в рот.

Это – воспоминание детства.
Во сне
я часто вижу, как с бабушкой
выметаем сою
из пыльных углов грязно-бордового вагона
с немецкими буквами на боку,
замазанными чёрной краской, –
трофеей, доставшийся голодным победителям.

ПЯТИДЕСЯТЫЕ

1

Пакгауз* меж путей. И соя чрез щели
Просыпалась. Таясь, ползём туда.
С какою жадностью мы эти зёрна ели!
Вкуснее ничего и не было тогда.
Великая страна от горя отходила
И крепла, и голодным пацанам
Пакгауз – с часовым и соей – подарила.
...И воровство она прощала нам.

* Закрытое складское помещение особого типа при железнодорожных станциях, портах, аэропортах или таможенных, предназначенное для кратковременного хранения коммерческих товаров.

Днём – на «железке», на мануфактуре,
 к ночи раскладывали лото.
 И не роптали на жизнь, ну а кто
 вдруг начинал, тут же в голос бабули
 шикали: «Что это ты, понимаешь,
 жалишься, ведь не война, не война-то!..»
 И позволялось лишь тётке Наташе,
 вдóвой, рыдать, как весной в 45-м.

У ОБЕЛИСКА

Гвардии сержант Петров...
 Гвардии сержант Петренко...
 Стоит старушка на коленках,
 Бурьян дерёт в наклон, без слов.
 Присядет, притомясь маленько,
 На терпко пахнувший покров...
 Покойно спит сержант Петров,
 И рядышком – сержант Петренко.

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

Он бы поехал,
 поклонился печальному холмику,
 под которым отец
 уснул навсегда, –
 желанье своё
 наконец-то исполнил,
 да не знает куда.

Он бы показал это место
 своим потомкам.
 Может быть, когда-нибудь
 помянули деда
 горькою стопкой,
 слезу уронили на грудь.

Далеко-давно
 замолчала война,
 но в сердце его
 не утихла она,
 осколком горячим колется:
 где же отец покоится?..

ДЯДЯ ПЕТЯ. 1954 ГОД

О, как хотелось прислониться
мне, безотцовщине, хотя бы
к хромоту дяде Пете. С фронта
пришёл таким. Он пил с утра
плодово-ягодное, морщась,
потом закуривал «Аврору»,
молчал задумчиво, а мне
протягивал кулёк конфет,
засахарившихся, в комок
пахучий слипшихся. Сидели
мы рядом, словно только что
вернулся он из-под Варшавы,
где орден получил, который
на благовещенском базаре
«махнул» на пару поллитровок
вина вонючего, как дым
пороховой...

На могилу отца не приду,
Потому что не знаю с рожденья,
Где, в каком он скончался году.
Безотцовское поколение.

– Папа! – звал я ночами. Увы,
Не откликнулся, не появился,
Не погладил моей головы –
Словно с фронта не возвратился.

О война, ты аукнулась так
В наших судьбах и душах!
Невольно
Я сжимаю горячий кулак...
Больно, больно, отец!
Как нам больно...

ДРАНИКИ

Виктору Волчкову

Делается эта вкуснятина так:
возьмите несколько картофелин,
очистите,
натрите на мелкой тёрке,

добавьте муку, яйца, соль,
можно щепотку сахара,
всё перемешайте,
налейте на сковороду растительного масла,
лучше подсолнечного,
и жарьте до румяной корочки,
потом – на стол.

Рецептом
со мной поделился друг,
переживший послевоенную голодуху
в глухой дальневосточной деревне.
Только тогда
картошку в целях экономии не чистили,
соль была на вес золота,
о сахаре лишь мечтали,
вместо муки сыпали отруби,
а жарили на рыбьем жире,
оттого драники походили
на расплющенных землисто-синих жаб,
запрыгнувших на раскалённую печь,
и папахивали болотной тиной.
Их ещё называли – тошнотики.

НА ЛАДОГЕ*

Ладога.
Вечер.
Февраль.
Рыбу ловим,
а вернее, мёрзнем
на уже потемневшем льду.
Красное солнце
с горизонтом вровень
предвещает ненастье,
а может, беду.

Но что может страшить
на берегах этих,
видевших такое,
что никогда
не забыть?
Ведь голодные дети –

* См. примечание на стр. 81.

самая жуткая
в мире беда.

Это знает не понаслышке
Александр Георгиевич Тимофеев,
переживший блокаду мальчишкой.
Опуская в лунки крючки,
говорит:
– Наверно,
уйдём сегодня с Ладоги без трофеев,
видно, неважные
мы рыбаки.

И разламывая
подстывшую горбушку,
отправляет
всё до крошечки в рот.
Ему, поседевшему рано,
напоминать не нужно,
что хлеб воистину
жизнь бережёт.

ПОЛОВОДЬЕ НА АМУРЕ

Кипела у крыльца волна,
а над размытым огородом
стремительным водоворотом
река неслась,
подняв со дна,
с зелёных грядок, лук хвостатый
и плети тыквенные.
Плыл,
покачиваясь, дуб разлапый –
Амур его с обрыва сбил.

Невиданное половодье!
Беда!
Но помню и сейчас
тревожный разговор в народе:
«Тот берег ниже, чем у нас.
И каково теперь соседям?
Помочь бы надо!»

Пароход,
гудя, через Амур плывёт
и баржу с хлебом тянет следом.

Иные были времена...
Но что бы там ни изменялось,
на правом берегу,
осталась –
мы верили! – хотя б одна
мать,
помнящая,
что детей
помог спасти ей хлеб российский,
что звёзды наших обелисков
среди маньчжурских есть полей.

1985

ВETERAN. 9 МАЯ

С утра он сделал зарядку.
Потом молился
на икону из фольги и картона.
Выпил чаю
и долго брился,
в зеркало глядя, словно
хотел увидеть в лице морщинистом
черты того юнца,
который под Прохоровкой*,
под танковыми выстрелами
на рубеже стоял до конца.

Вышел во двор.
Посидел на лавочке
минут пяток.
Ладили гнёзда беспечные ласточки.
Цвёл абрикос.
Он смог ещё подняться,
но рухнул, бледный
от боли... Не закричал...

* Посёлок Прохоровка известен тем, что 12 июля 1943 г. у одноимённой станции произошло крупнейшее танковое сражение в истории.

И бравурный марш
военный, победный,
как похоронный звучал.

ПРОЩАНИЕ С ФРОНТОВИКОМ

Недолёт...
Перелёт...
И накрыло...
Через годы – смертельный снаряд.
Как воронка, дымится могила,
И друзья редким кругом стоят.

ВETERАНЫ

1

По фотографии он водит
Подрагивающей рукой:
– Вот Саня, Миша и Володя,
И я стою. Нам завтра в бой.
Остался я лишь...

А на снимке
Солдаты смотрят озорно
И браво. Юные улыбки,
Как у героев из кино.
Они как будто что-то знают
Такое – нам и не понять:
За что достойно умирают
И вечно будут умирать.

2

– Театр военных действий был развёрнут, –
Велеречиво, будто генерал,
Он говорит, вниманьем нашим тронут,
А сам юнцом безусым воевал,
В солдатской полинялой гимнастёрке
В окопе поизраненный лежал,
Из-за подбитой тридцатичетвёрки*
Ни действий, ни театра не видал.

* Т-34 – советский средний танк периода Великой Отечественной войны, выпускался серийно с 1940 г. В 1942–1947 гг. – основной танк Красной Армии и ВС СССР.

Лебедою, кашкой, повиликой
 Заросли следы войны великой.
 Только седобровый ветеран
 По ему лишь ведомым приметам:
 «Здесь в атаку шёл перед рассветом,
 Здесь упал в беспмятстве от ран,
 Здесь вот санитары подобрали...» –
 Точно скажет – крепко где стояли,
 Умирили – и не на словах.
 Зубы стиснет от внезапной боли
 В сердце, и засветятся невольно
 Слёзы на невидящих глазах.

СОЛДАТКА

Брошенная хатка
 На задках села...
 Тихая солдатка
 Здесь одна жила.
 В 41-м Ваня
 В летний день ушёл, –
 Торкнулось под сердцем,
 Ой! – нехорошо.
 Ни письма, ни слухов
 Много-много дней.
 – Чи погиб, чи сгинул, –
 Говорили ей.
 И война минула.
 И полвека – миг!
 Потемнел когда-то
 Ясноокий лик.
 И не вышла замуж,
 Не было детей,
 Чаще сторонилась
 В праздники людей.
 – Что ж ты одинока? –
 Спросит тот и тот.
 – Не могу. Мне Ваня
 Не даёт развод. –
 Как старушку звали –
 Помнили навряд.
 Попросту – Солдатка –
 Кликал стар и млад.

А когда в домишке
Не зажётся свет,
Поняли соседи,
Что хозяйки нет...
Хоронили скромно,
Тихо, как жила.
Памятник ей – хатка
На задках села.

Медалью «За отвагу»
Играю я в пристенок*.
Тяжёлая железка
И далеко летит.
Бью ею от забора,
И если буду меток,
И выиграю если –
Дядь Петь меня простит,
Что я спилил колечко:
Иначе как играть-то?
А гнугые копейки
Я честно поделю:
Быть может, на конфеты
И на печенье хватит,
Герою дяде Пете
«Казбека»** я куплю.

Но не везёт... И слёзы
Предательски сверкают.
Бреду домой понуро.
– Прости меня, дядь Петь...
Не оправдал я чести
Играть твоей медалью –
Наградой за отвагу,
Осилившую смерть.

Он добро улыбнётся,
Единственной рукою
Погладит:
– А медаль ты
Бери себе. Дарю.

* Азартная игра.

** «Казбék» – марка советских папирос. Выпускались на фабрике «Ява», на ленинградском предприятии «Табактрест» и Бийской табачной фабрике.

Не унывай – Победу
Мы принесли с тобою!
Держи, малец, конфету.
Махру я покурю...

*В 1944 году при разминировании Белгородчины
17-летний Павел Шинкарёв потерял зрение*

И никому не удавалось
продлить хотя б на миг, на малость
путь, что нам предназначен ТАМ.

...Он поднимает к небесам
глаза, которые не видят
с войны, когда, совсем юнец,
от мины проволоки нити
затронув, думал: «Всё... Конец».

Во храм лежит во тьме дорога.
Он молится тому, кто дал
Ему пожить ещё немного...
Да только сколько – не сказал.

Подборка предоставлена автором.

ЧЕРНОВ АНДРЕЙ / 1953

ДАВНЫМ-ДАВНО

В 59-й

Поздравление шлём...

Из новогодней песенки

I

Ясный день под серой тучной –
капля высохших морей.
Станешь цифрой-закорючкой
в памяти календарей.
Будешь временем раскаты
в тонкий блин – газетный лист.

Жди историка, пылись,
на архивной полке спрятан.
Почему ты не погас
в час, когда окно погасло?
В твой огонь который раз
кто-то подливает масло.
И мерцает вдалеке
ратное воспоминанье:
крепость снежная в тумане
и снежок в моей руке.

II

В «Уране»* – фильмы о войне.
И интонация металла
над репродуктором витала,
плыла кругами по стране.
И баловали нас вдвойне.
И сладким пичкали устало.

III

Из потока сообщений –
только сообщенья ТАСС.

Пионеры всех ступеней
возникали каждый час.
Вежливо салютовали.
Узнавали:
– А у вас
есть
цветной
металлолом?

.....
Над столом
отец склонялся
и пока что не старел.
Но, поскольку «много дел»,
много реже улыбался.
Мир ещё не оклемался.

* «Уран» – один из первых московских кинотеатров. Располагался на Сретенке, снесён в 1997 г.

И в прихожей
мирно
ждал
чемоданчик –
стенки тонки:
из картонки да клеёнки.
Миру мир
не доверял.

Был готов
на зов
явиться
флотский офицер Чернов.

IV

Но, пробежав передовицы,
он восстанавливал страницы
истории былых боёв.

Герои Эзеля и Даго*
у нас сходились за столом.
По кругу поднималась фляга
всё круче,
круче –
кверху дном.

Ещё не выветрился порох.
Ещё кровоточил металл.
Ещё на пионерских сборах
никто из них не выступал.

Они ещё не умирали.
Им надоело умирать!
Им юбилейные медали
ещё не начали давать.

Они не поминали плена,
ранений, подвигов своих.
И одевались современно –
и, значит, скромно – жёны их.

* В самый напряжённый период битвы за Ленинград, когда решалась судьба города-героя, защитники островов Эзель и Даго, находясь в глубоком тылу врага, оттянули на себя свыше 50 тысяч немецко-фашистских солдат.

И даже без вести пропавших
пока что числили в живых.

И не звучали в стиле ретро
их песни. Плакал патефон
порывом пламенного ветра
ещё не названных времён.

А пили не за День Победы,
а за Победу в той войне,
...и председатель их беседы
порою улыбался мне.

V

Из дворов, как будто из одежды,
выросли. Ушли в конце концов.
Здесь уже не хвастают, как прежде,
мальчики медалями отцов.
И уже родился тот, кто сладит
классе в пятом, может быть – в шестом,
с темой сочинения
«Мой прадед
был фронтовиком».

1978–1984

Стихотворение предоставлено автором.

ЧЕТВЕРИКОВА ТАТЬЯНА / 1949

ОТЕЦ

1

...Уходил мой отец.
Как с собой ни боролась,
Ни держалась, а всё же заплакала в голос.
Шестилетней себе и сейчас не простила,
Как рыдала тогда, по отцу голосила.
Облигации взял, а награды оставил.
Он до Вены дошёл, он Отчизну прославил.

И конечно же, был он хорошим солдатом.
Но о том говорить я стеснялась ребятам.

2

Мой отец не придёт обратно.
Ночь апрельская холодна...
Безотцовщина – это понятно,
Если косит отцов война.
Но покойно и ладно в мире.
Мама сжала руками виски.
И гуляют по нашей квартире
Шепотки, шепотки, шепотки.
Ничего в коммуналке не скроешь,
Всё обсудят в подробностях там.
Сколько вас, дорогие герои,
Уходило к чужим очагам...
Мы старались забыть ваши лица,
Мы учились беречь матерей.
Я отцом не умею гордиться,
Я не стала с годами добрей.

3

День Победы – это мамин праздник.
Внук поздравит, баловень, проказник,
Зять вино по рюмкам разольёт.
Мама нам расскажет непременно,
Как в войну трудились по две смены –
Самолёты делал их завод.
И вино пригубит, и заплачет,
Скажет: – Да, всё было бы иначе... –
И надолго замолчит она.
Мне, как в детстве, станет больно-больно,
Я опять подумаю невольно:
И меня обидела война.
Я горжусь страной своей прекрасной,
Знаю, жертвы были не напрасны –
Нам светло под красною звездой,
Что с пилотов в детстве нам светила.
Но война меня осиротила,
В мирный год оставив сиротой.

Апрельский дождик шлёпал по крыльцу,
 И запахи весны в окно влетали.
 Сказала мама:
 – Позвони отцу,
 Вот ордена его, а вот медали.
 – Он двадцать лет о них не вспоминал,
 Не позвоню, – сказала я упрямо.
 – Он честно и достойно воевал, –
 Сказала так и отвернулась мама.
 – ...Вам дочь звонит... Конечно, столько лет...
 Я передать хотела... Что же, завтра. –
 ...Я бережно передала пакет
 И сразу зашагала от театра.
 Я чувствовала взгляд отцовских глаз,
 Не оглянуться мне хватило воли.
 Отец, отец!
 Ты счастлив был без нас,
 Не зная наших горестей и болей.
 Надёжно ли отцовское плечо –
 Узнать об этом не пришлось мне в жизни.
 Я не хочу винить тебя ни в чём,
 Ты послужил и миру, и Отчизне.
 Чужая дочь прикрутит ордена,
 Поможет застегнуть парадный китель.
 А мне такая радость не дана
 Судьбой, верней – тобою, победитель.

ДЕТИ ПОБЕДЫ

1

Друзья мои, нам всем за шестьдесят,
 Мы – дети той весны непобедимой,
 Когда – по счастью! – выживших солдат
 Встречал – в слезах – советский край родимый.
 Полны бараки горькой нищетой,
 Но столько было нежности сердечной,
 Что прорастали мы густой травой
 И грелись под звездой пятиконечной:
 И вождь в Кремле, и рыбий жир дают,
 Отцовский орден холодит ладони...

Потом раздумья горькие придут,
И столько славных мифов в них потонет.
И сердце не одно взорвёт инфаркт,
Когда – в куски великая держава.
Но мы – Победы дети. Это факт,
Навеки в нас родительская слава.
Нам жить и ей ни в чём не изменить.
В кулак – сомненья, горести и боли.
Но Вечного огня – не погасить,
И тени пасть на Май наш не позволить!..

2

Памяти друзей-поэтов

*

*Стоят бойцы сурово
у каменных страниц.
Смолк Реквием – и снова
щебечет стайка птиц...*

Геннадий Морозов (1946–2008)
«У Вечного огня»

В старом Кировске на улице Речной
Жил поэт – друг незабвенный мой.
На полгода младше мира был...
Город строк его не позабыл,
Потому что через них видны
Люди, что отходят от войны:
«Послевоенного города козы –
Вдов многодетных надежда и слёзы...»

*«Поют на концерте слепые
про то, как вставала страна...
У них на груди золотые,
Военные все ордена...»*

Друг не оставил тяжёлых томов:
Звонкие стайки пронзительных слов
Всё догоняют, тревожат меня.
...Пару гвоздик положу у огня
И постою на мосту, погрузу.
Городу строчки твои возвращу.

**

*Предзимье начинается легко.
Вот только трудно журавли взлетели...*
Николай Разумов (1946–1982)

Предзимье начиналось... Омь-река
Петляла вдоль Ростовки, холодела...
Родился ты в семье фронтовика,
В любой работе сильный и умелый.
Покос, рыбалка – это не вопрос,
Дрова рубить, писать статьи в газету...
Но так любить леса, свеченье звёзд
И журавлей – доступно лишь поэту.

Две тонких книги – в них твоя душа.
Предзимье... Я прислушаюсь – услышу:
Шуршанье льдин и шорох камыша –
Твои стихи мне шепчет Прииртыше.

*У детей комсостава
Вера в сердце осталась:
В боевые снаряды,
В золотые награды,
В ясность наших рассветов,
В мир защитного цвета.*
Валерий Иванов (1949–2019)

Вокзальное детство. Недолгий уют.
Отец-офицер: то Берлин, то Ишим,
То Киев, в котором покрышки не жгут
И не орут «москалей на ножи».
Где первые строчки явились? В купе,
В служебной квартире, где в окнах весна?
Неважно! В скитаньях явилась тебе
Та вера, что держит во все времена.
Ты счастья искал, ты любовью горел,
Ты так ушибался, что искры из глаз!
Но Родина – это и крест, и удел,
И строки про всё поколение, про нас.
Мы – дети Победы, травой проросли.
И всё, что могла, нам давала страна.

Мы помним: ни пяди родимой земли.
Во все времена!..

Подборка предоставлена автором.

ЧЕХОНАДСКИЙ ЮРИЙ / 1946–2007

БРАТУ

Тянешь, тянешь за собою
ты меня в кафе.
А ходил ли ты зимою

в тонком галифе?
А ходил ты в холод лютей
босиком по льду?

Или, может, брал в бою ты
эту высоту?

Нет, не мы бежали в гору,
сжав в руке приклад,
и в суровую ту пору
не был ты солдат,
не стрелял из автомата,
не добыл трофей,
не ходили мы, ребята,
в тонком галифе!

И лицом к лицу прожжённый
не встречался враг,
не катился я, сражённый,
по кустам в овраг,
отомстить за нас не клялись
воины в строю,
наши каски не валялись,
рваные, в бою...

Генерал седой над нами
шапку не снимал,
извещение нашей маме
он не посылал,
и не мне пришло из тыла
от неё письмо,

ей, как мне, в ту пору было
двадцать лет всего...

Разве долг пришёл к солдату
с подписью в графе?
Только временно, ребята,
мы сидим в кафе...

28.10 – 04.11.1966

*Стихотворение предоставлено вдовой автора –
Татьяной Александровной Колесник.*

ЧИСТЯКОВА НАТАЛЬЯ / 1953

ХОЗЯИН

На краю деревни – ловкая изба.
И дымит всю зиму над избой труба.
А над крышей справной – вырезной петух,
Лучший на деревне жил здесь дед-пастух.

А в саду отрада – яблоньки в рядок,
И забор поставил, сделал погребок.
И земляца добрый урожай даёт,
Чувствуя почтенный за собой уход.

Яблоне он каждой имена нарёк:
Коля, Ваня, Миша, Саша, Василёк.
Тех, кого последним видеть привелось,
Тех, кого в Великую схоронить пришлось.

Удались на славу сочные плоды,
И друзья довольны – смотрят с высоты.
Смотрят молодые вовсе не в укор:
Отчего забвеньем запорошен двор?

На краю деревни – ловкая изба.
Только спозаранок не дымит труба.
Яблоки не сняты – рдеют на ветвях.
Заплутал дедуня нынче в облаках.

2003

НЕ СПИТСЯ

Тема эта сердцу нелегка:
Ни оставить, ни поднять не в силах.
Задыхается над ней строка,
Сколько бы я к ней ни подходила.

Вспоминаю я тебя, отец,
И недорассказанность былого.
Тихо нёс по жизни тяжкий крест –
Горечь отступленья рокового...

Вот под Ригой наступила тьма –
Лучше б этот день не начинался!
Окруженье, лагеря, тюрьма.
Горе, горе...
Пусть хоть там воздастся!

Ты во снах: «В атаку!» – не кричал,
Сон оберегая детский.
Не припомню, чтобы крепко спал,
Помню – речи не терпел немецкой.

Видишься в рубахе мне порой
Из простого клетчатого ситца.
Ты ушёл. Воспоминаний рой
Налетел. Теперь и мне – не спится.

09.05.09

ПЕРЕВОЗЧИК

Через речку перевозчик
За пятак перевозил.
И весла весёлый росчерк
Развесёлое сулил.

Мне, девчужке, снились ночью
Вёсел смелые круги.
Я кричала что есть мочи:
– Мама, мама, помоги!

Что круги? Куда ни гляну,
Хоть реви, но это быть –
Всё войны живые раны:
Из-под брючины – костыль.

Я божилась, что не стану
В топкие глаза глядеть:
Он кладёт бинты на рану,
Начинаю я – белеть.

Сердце выбьет многоточье
Ночью сквозь немую стынь:
– Бедолага перевозчик,
Перевозчик-поводырь...

2012

Чем дальше, тем ближе священные дни,
Дни сладостно-горькой Победы.
Отец, не сыпавший спокойно с войны,
И песни, что им не допеты.

И катятся слёзы, печалью полны.
В них горечь войны, боль обманов.
Всё больше в «Бессмертном» героев войны.
Всё меньше в строю ветеранов.

09.05.20

Подборка предоставлена автором.

ЧОЙБОНОВ МАТВЕЙ / 1947–2021

ГОРОДУ СМОЛЕНСКУ

Как вольно на холмах сей град стоит!
Его сраженья – видишь? – не сломили.
Не покорился он враждебной силе.
Сияет Днепр... Какой же славный вид!
Здесь и частица духа моего:
Отец в былую страшную годину
Не показал врагу поспешно спину,
И дядя не поник здесь головой.
Он, отхлебнув водицы из Днепра,
Дошёл через сраженья до Берлина.

...Какая величавая картина!
Достойная не моего пера.

Перевод с бурятского И.А. Тертычного

ЧУМАНОВ АЛЕКСАНДР / 1950–2008

РАБОЧАЯ БИОГРАФИЯ

Когда рабочие отряды
пришёл приказ собрать в момент,
он подписал свои наряды
и сдал в кладовку инструмент.
Ладони масляные вытер,
сказал,

на «вы» назвав жену:
«Детей не надо,

не будите,
я уезжаю на войну».
Шагал рабочий по Европе,
всё дальше оставляя дом,
и на войне,

как на работе,
всегда был передовиком.

В минуты отдыха,
покуда
затишье зыбкое в боях,
чинил при штабе «ундервуды»*
и «зингеры»** в госпиталях.

Медали пели об отваге.
Мир ликовал: конец войне!
Он расписался на рейхстаге
И сдал винтовку старшине.

*Печатается по книге «Уралхиммаш. Книга о героях фронта и тыла»
(Екатеринбург: «Филантроп», 2010).*

* «Ундервуд» – марка пишущей машинки, выпускавшейся одноимённой нью-йоркской фирмой.

** См. примечание на стр. 82.

ЧУРДАЛЁВ ИГОРЬ / 1952–2020

КОНЕЦ ОБОРОНЫ

Шла война.
Её чугунный топот
сотрясал непрочный свод земли.
Пропадал мой ясный Севастополь.
Транспорты последние ушли.
Всё. Кранты, как говорят на флоте.

Но,
уже не значась среди живых,
оставались в полумёртвом доте
двое неубитых рядовых.
И когда иуда через рупор
начинал угрюмо говорить:
– Город сдан... Обороняться глупо... –
двое успевали покурить.
После окончанья обороны
можно затануться не спеша,
аккуратно поделить патроны,
снаряжая диски ППШ*...
Обнялись. И вышли из укрытья.
И пошли, разя огнём сплеча,
в наступленье,
две кровавых нити
за собой по гальке волоча.

То была недолгая атака
на последнем, смертном рубеже.
Но скупые выстрелы, однако,
обороной не были уже.
Алые вперёд тянулись нити
и вплетались в непомерный стяг,
под которым в колотом граните
скорчился обугленный рейхстаг,
чтобы море вновь светло и ровно
билось о родные берега,

* См. примечание на стр. 176.

где кончалась наша оборона
к ужасу и гибели врага.

ЗЕМЛЯНКА*

Не сытно едим ли? Не сладко ли пьём?
Иль песнями мы обедняли?
Зачем же о старой землянке поём,
которой в глаза не видали?
Не мы ли речисты, не мы ли умны,
красивы и ладно одеты?
Ведь мёрзли не мы, и терпели не мы.
И пулями мы не задеты.
Как хочется знать, что и мы бы смогли
Осилить години такие!
Но всё же – другие тогда полегли.
Не мы, а другие, другие...
Их время обуглило, воспламенясь,
а нам улыбнулось счастливо.
Но главные песни его – не про нас.
Всё правильно. Всё справедливо.

*Печатается по книге «Ключ»
(Горький: «Волго-Вятское книжное издательство», 1983).*

ЧУРИЛИН ВЛАДИМИР / 1955–2003

СОЛДАТ

День поставил его над собой,
В облака устремив пьедесталы.
Он стоит,
Как Победа, большой,
Неподкупный,
Живой
И усталый.
Он шагал сквозь кровавый туман,
Чтобы мир стал прозрачным и синим.
Он прошёл через множество стран
И стоит в середине России.
Мёртвый камень тепла не хранит,
Но заметили люди когда-то,

* «В землянке» («Землянка», «Бьётся в тесной печурке огонь...») – советская песня времён Великой Отечественной войны. Музыка К. Листова, стихи А. Суркова.

Что темнеет на солнце гранит –
Словно слёзы текут у солдата.
Гений скульптора в том виноват
Или камни подобраны хитро...
Только
Плачет советский солдат,
Всем ветрам и народам открытый.
Был солдат этот крепок и смел
И мольбами врачей не тревожил.
Он при жизни заплакать не смел,
После смерти – заплакал
И ожил.

НАВЕЧНО В СТРОЮ

Возле Ревеля*,
Нарвы
и Пскова
восемнадцатый –
гарью пропах.
На поверхности моря людского
ходят сивые гребни папах.
Серый снег.
На снегу – пулемёты,
котелки на дымящем снегу...
Красной Армии первые роты
выступают навстречу врагу.
И над всем этим яростным гвалтом,
над февральским продутым жнивьём
вырастает фигура солдата –
человека с ружьём...
Вот он встал
в полный рост
из окопа
посреди опалённой зимы,
посреди опалённой Европы,
на границе рассвета и тьмы.
Вот шагнул,
задыхаясь от гнева,
защищая советскую власть,
и заря, обогрившая небо,
красной кровью на снег пролилась.
И лежит на земле пограничной,

* Рэвель – прежнее название Таллина, столицы Эстонии.

упираясь глазами в закат,
в гимнастёрке
без знаков различий,
самый первый
советский
солдат.

Так уходили первые солдаты
навстречу дыму, горю и врагу,
они шагали зло и виновато
сквозь «не хочу»
и через «не могу».
В кулак собрав оставшиеся силы,
они шагали, плача и грозя,
и вырастали новые могилы,
и погибали старые друзья.
По всей земле тяжёлое сплетенье
дорог и судеб,
судеб и дорог...
Когда ослабло мира притяженье,
они ушли на всполохи тревог.
Где шли они –
там грозно встали травы,
на землю пала светлая роса.
О них скорбят нерусские дубравы
и смертно плачут русские леса.
Вдоль всех дорог,
народов
и наречий,
сквозь грозных лет обугленный каркас
идут сегодня души человечьи
с глазами,
провалившимися в нас.

БЕРЛИНСКИЙ ВОКЗАЛ

Бился по ветру красный лоскут,
Провожали и дальних, и близких...
Эшелон уходил под Москву,
А вокзал называли Берлинским.
Видно,
Вера в победу жила
И дорога казалась недлинной:
Из России,

Сожжённой дотла,
Обещали прийти
До Берлина.
И дошли,
И распили вино
За победу под знаменем алым...
С той поры позабыли давно
Даже место, где церковь стояла.
Было столько с тех пор перемен,
Пролетели такие метели:
Фотографии сняли со стен,
В сундуках похоронки истлели,
Отшумел на ветру краснотал,
Поднялись над землёйobeliski...
Но в народе
Уральский вокзал,
Как тогда, называют Берлинским.

Был на западе красен закат,
Словно вспышка далёкого взрыва...
Поднимался в атаку солдат
Тяжело и совсем некрасиво.
Он бежал, ощущая спиной
Ледяное дыханье планеты,
А солдат был пылинкой одной,
Растворившейся в кубике света.
Мировая – не знала границ,
И по всем закоулкам Вселенной
Мириады таких же частиц
Разносило пургою военной.
А солдат всё бежал и бежал,
И не знал, что в пути бесконечном
С каждым шагом себя приближал
К высоте, именуемой Вечность.
Бесконечного мира микрон,
Погибая в пучине пожара,
Всю Вселенную выдохнул он
Лёгким облачком смертного пара.
Задохнулся солдат на бегу,
Но не ставьте креста на солдате...
Разлетаются кудри в снегу,
Словно кольца высоких галактик.

БОИ

Под настильным огнём наступавшие роты
Где бегом, где ползком продвигались вперёд.
А в дремучем лесу по глухому болоту
Пробирался один-разъединственный взвод.
С каждым шагом вперёд наши цепи редели,
Расширялись зрачки под свистящим свинцом,
Пот горячим пятном проступал на шинелях,
Прижимая к земле онемевших бойцов.
А «счастливыцы» в лесу шли спокойно и твёрдо,
Автоматы свои за плечами несли,
И казалось, что их не волнуют аккорды
Смертоносного боя, что братья вели...
Но когда залегли окончательно роты,
Взмок багровый комбат, хрипло воздух рубя,
Вышла редкая цепь из глухого болота,
Вызывая тем самым огонь на себя...
И пока пулемёты натужно частили,
Добывая возникший откуда-то взвод,
К высоте прорвались и её захватили
Обозлённые группы разрозненных рот.
Так и в жизни вокруг: то одни, то другие
Выступают вперёд в свой положенный час.
Только тем и живём, тем и дышит Россия –
Нынче вы за меня, завтра я ради вас.

ПОЛЫНЬ

Были вдовы и солдатки,
И до утренней зари
Пили чай
Отменно сладкий,
Потому как – сахарин...
Сахарина не жалели,
Потому как – Первомай...
Вспоминали и ревели,
Наливали через край.
Исходили паром кружки,
И до первых петухов
Звонко лопались частушки
Про мужей да женихов.
Заходили петухами
Довоенные деды.
– Ах! Судьба моя плохая,
Далеко ли до беды? –

И трещали до восхода
Деревянные полы,
И цвела на огородах
Довоенная польнь...
...На душе наутро – камень,
Как от горького вина.
И сидят над сундуками
Все солдаты – как одна.
Ткнувшись в старые заплатки
Старых мужниных рубаш,
Горько каются солдаты
В несодеянных грехах.

У древнего города Курска,
В суглинок вогнав каблучки,
Всерьёз матерились по-русски
Союзных племён штрафники.
Галдели тревожно и хмуро,
Поняв, что большая война
Оставила им амбразуры,
Отняв за грехи ордена.
И были суровые лица
Сегодня суровы вдвойне...
Вглядитесь:
За ними – столица.
И правда – на их стороне!
Впервые,
Сегодня,
Навеки!
И каждый из сотен бойцов
Себя ощутил человеком
С обугленным смертью лицом.
И каждый с судьбою смирился,
Вглядевшись в далёкий редут.
И ротный со шпалой в петлице
Вздыхнул облегчённо:
– Пойдут. –
Пойдут!
И умрут, и поникнут,
Успев напоследок решить,
Что лучше достойно погибнуть,
Чем так неприкаянно жить...

Были сутки длинные, как обмотки...
Те, кто выстоял в первом бою,
Запивали российской водкой
Всенародную горечь свою.
И в сибирском широком размахе,
Не умея ни красть, ни копить,
Всей страной продавали рубахи,
Чтоб на выручку танки купить.
От всего отмахнувшись:
«На кой мне...»,
Русский Ваня вставал как медведь
И последнюю пулю в обойме
Оставлял
Как заначку на смерть.
А когда приходил по раненью
В краткий отпуск с великой войны,
Так по-русски не жаловал денег,
Словно сроду не ведал цены.
Как бы горько потом ни судили,
Вывод правильный только один:
Правда в том, что врага победили,
Правда в том, что всегда победим!
Правда в том, что, меняя походку
На солдатский решительный шаг,
Мы порвали себе на обмотки
Чёрной свастики меченный флаг.

Сидели фронтовик и фронтовичка...
Как хмуро усмехнулся фронтовик,
Когда она ладошкой
Привычно
На лоб себе надвинула парик...
Как прыснули смешком молокососы,
Не знавшие воочию войны...
Жизнь заново поставила вопросы,
Которые, увы, не решены.
Что снится этим женщинам –
Курящим,
Немногим
Из оставшихся в живых,
Немодным,

Некрасивым,
Настоящим,
Скорбящим о судьбе детей своих?
Не слишком ли мы выглядим спесиво
В уверенной красивости своей?
Такою ли им грезились Россия?
Таких ли ожидали сыновей?..
Не знавшие ни голода, ни крови,
Мы встали у станков
И на леса...
Вновь женщина надвинула на брови
Парик –
Как будто каску на глаза.

ПЕСНЯ

В сорок первом году
Шёл на запад боец,
Обещал: «Я приду,
Я вернусь к вам, отец».
В сорок третьем году
Прострочил автомат,
Начертав на роду:
«Не вернёшься назад...»
В сорок пятом году
Не вернулся солдат.
Только дома всё ждут,
Всё на запад глядят.
Ждут сынка своего,
Плача ночью и днём.
Но вокруг – ничего...
Только память о нём –
Кто в могиле лежит,
Незабвенный и юный, –
Тот, который убит
В сорок третьем, в июне.

ОТГОЛОСКИ

Пробудился осколок внезапно,
В сердце клюнул железный росток.
Фронтовик обернулся на запад
И упал головой на восток.
Уходя из родимого дома,
Он не жёг за собою моста.
Он пришёл, мой хороший знакомый,

С незнакомою складкой у рта.
Он в романах описан героем,
В каждой песне – он главный мотив,
Но за всё, что сегодня мы строим,
Он не только собой заплатил.
Он расстрелян один на рассвете,
Он опущен в глубины Земли,
А его нерождённые дети
На планете себя не нашли.
Сколько их, похоронных открыток,
Приходило с полей фронтовых,
Сколько было людей не убитых,
Но по сути уже неживых...
Кто, скажите, подсчитывал раны
На просторах весёлой Земли?
Схоронили вчера ветерана...
Но войну закопать не смогли.

СТРАННИК

Лудит, паяет, ходит по дворам,
И ни минуты нет ему покоя.
Уже давно на пенсию пора,
А он не знает, что это такое.
Он целый век без пенсии прожил,
И за свою незвонкую монету
Порой такие тачивал ножи,
Которым равных не было и нету...
Едва в окне затеплится рассвет,
Выходит он предвестником рассвета.
Судачат бабки: сколько ему лет?
И не находят нужного ответа.
Вот он идёт походкой молодой,
Взвалив на плечи ящичек дощатый.
Играет ветер чёрной бородой,
А борода топорщится лопатой.
Своё лицо от времени храня,
Он сквозь года пронёс её, как знамя.
Он очень долго смотрит на меня,
Перебирая бледными губами:
Он хочет знать, откуда я такой,
И, вглядываясь в призрачные лица,
Замысловато двигает рукой,
Чтоб, упаси господь, не ошибиться.
Он узнаёт знакомые черты,

И те черты в сознании отметив,
Он перейти торопится на «ты»,
Но сам себя обманывает этим.
Не подойдут, как раньше, в орденах,
Давным-давно ушедшие солдаты,
Не повторятся в наших именах
Его друзья, погибшие когда-то...
Так и живёт – угрюмо и темно,
Сам по себе, вне времени и дома.
Его знакомых нет уже давно,
А он всё ходит,
Ходит по знакомым.

*Печатается по материалам сайта
<https://rospisatel.ru/churilin-vstroju.htm>.*

ШАБАРЕНИНА ТАМАРА / 1946

БАЛЛАДА О СОЛДАТЕ

Спешит с войны солдат,
С великой мировой,
Колёса говорят:
Дом-ой, дом-ой, домой!

Качается вагон,
Вагон – «Армагеддон».
Зениткой солнце бьёт
С восточной полосы.
Душа кисеты рвёт,
А гармонист – басы.

А гармонист поёт,
А песня, будто лёд.
А в песне – бугорок.
Да поле без дорог.
Но солнце бьёт и бьёт
С восточной полосы,
И время настаёт
Подкручивать усы.

В России горя – воз.
Но водки – больше слёз.
Скрипит вокзальный скат.
Горит кирза* огнём!

...Ещё не знал солдат,
Что песня-то о нём.

ПОБЕДА

Не минул солдата
осколок фугасный.
Награда за то,
что он шёл впереди.
И кровь его
финишной
ленточкой
красной

* См. примечание на стр. 88.

рвалась
на ещё трепетавшей
груди.
И чад парусил
из подбитого дзота:
здесь ворон Икана*
пометил версту.
Солдат не осилил
Олимпа высоты,
но он
безымянную
взял высоту!

МАТЬ

И пришёл солдат с войны
Ранен да контужен,
Не обнял своей жены –
Аграфены, Груши...
Он избы не починил,
Не поднял забора.
Сам с собою на печи
Ладил разговоры.
То взметнётся среди дня
С кочергой железной.
Сердце в пятки – ребятня
Вся под лавку лезла...
Аграфенин огород
В пояснице ноет.
Муж давно побитый взвод
Поднимает к бою.
Годы-камушки с лотка
Стали рассыпаться,
Из-под тёмного платка –
Месяц выбиваться...
Стынет Груша, говорит,
Взгляд, как из колодца.
Сам вернулся – говорит,
И душа вернётся!
...
От пророческого ли слова,
Но вернулась душа отца.

* Близ селения Икан в период экспансии России в Средней Азии в декабре 1864 г. произошло боестолкновение 4-й сотни 2-го Уральского казачьего полка есаула Серова и кокандской армии Алимкула. За трое суток сражения из 110 казаков 57 погибли.

А любимую в дань разлуке
Не узнала в седой старухе.
Дети рѳдные окружили –
Дети рѳдные – все чужие...
Затянула душа табак –
И шагнула душа в кабак.

...

В неизвестные концы
Из-под мховой крыши
Разлетелись все птенцы,
Еле оперившись.
Одеяло-лоскуты,
Лоскутное братство.
Тяжелы его цветы –
Не дают подняться.
Собирается народ
И жалеет Грушу,
А хозяина клянут,
Непутѳву душу.
Тихий голос повело,
Оборвало нитью:
Не кляните вы его,
А войну кляните!

...

Засветилась в чѳрной раме
Бабья горькая краса:
Обведѳнные годами
Невесѳлые глаза.
Крест надѳжный россияне
Сколотили, понесли...
Чтоб стоял он, деревянный,
В изголовии земли!

Печатается по журналу «Гостиный Дворъ», № 2, 2020.

ШАЛЮГИН ГЕННАДИЙ / 1946

БАЛЛАДА О ВОЙНЕ

Солдат солдату не прикажет,
Солдат солдату говорит:
Брат, впереди заставы вражь
И поле хлебное горит.

Горит крыльцо сиротской хаты,
Горят под Гомелем леса,
И на ресницах у комбата
Остыла смертная роса...

Война... Война... Гудит набат.
Война... Война... Крепись, солдат.

Солдат солдату не прикажет...
Горит и пахнет хлебом рожь.
Конечно, их Господь накажет,
Но пулей танка не проймёшь!
И заливаясь пьяным матом,
Шагает вражеская рать...
Взглянул в глаза солдат солдату:
Брат, приготовься умирать.

Война... Война... Гремит набат.
Война... Война... Прости, солдат.

Солдат солдату не прикажет,
Не закричит, не запоёт...
Он далеко: стоит на страже
У райских радостных ворот.
А на земле в объятьях смерти
Лежат, умолкнув, мужики...
И сквозь простреленное сердце
Растут ржаные колоски.

Война... Война... Гремит набат.
Война... Война... Прощай, солдат.

АНТОН ШАЛЮГИН, РЯДОВОЙ

*Антон Павлович Шалюгин, рядовой, родился
в 1903 году, погиб (пропал без вести) в 1945 году...*

Книга Памяти Свердловской области

Сквозит времён поток упругий...
Судьба, как тонкий камертон,
Свела фамилию – Шалюгин –
С любимым именем – Антон...

Писатель Чехов в Таганроге
Родился, рос, ловил бычков.
Другой – явился на пороге
Кровавейшего из веков.

Боец и мой однофамилец
Антон Шалюгин, рядовой,
Был верный муж, семьи кормилец,
К тому ж – товарищ боевой.

Боец сгорел на поле брани,
И нет звезды над головой...
На косогоре безымянном
Стал васильками и травой.

В моей душе, как в тёплом доме,
И в ясный полдень, и в ночи
Живут два тѣзки, два Антона –
Две негасимые свечи...

Мне подвиг их безмерно дорог.
Такие люди – соль земли.
Прожили оба – чуть за сорок
И смерть в Германии нашли...

...Я в Баденвейлере – впервые.
Кладу с поклоном васильки –
Цветы военно-полевые –
На бронзу чеховской руки...*

ЭПИТАФИЯ ВЕТЕРАНУ

Вы – ветеран. Вам много лет.
Вас мочевой пузырь поднимет
Глухою ночью в туалет.
И вдруг – своё забылось имя...
В глазах темно, свистит в ушах,
Предательски дрожат колени.
Вот овладел душою страх,
И жжёт, как будто лампой, темя.
Что делать? Плачет ветеран.

* В 1908 г. в парке немецкого города Баденвейлер открыли первый в мире памятник А.П. Чехову. Его автор – русский скульптор Н.Г. Шлейфер. В конце Первой мировой войны от памятника остался только постамент, бюст отправили на переплавку. В 1992 г. памятник восстановили, скульптор – В.Н. Чеботарёв.

Кто он? Семён или Василий?
Так, маскируясь болью ран,
Подкрались старость и бессилье...
Всю жизнь держался начеку.
Настал последний бой солдата!
Но нету сил, чтобы чеку
Рвануть и телом – на гранату...

Теперь навеки отпускной,
Шагнул в потёмки вечной ночи...
И старой пули разрывной
На коже проявился росчерк...

ФРОНТОВОЕ СЧАСТЬЕ

Я засветил свечу в часовне
Во имя павших на войне.
Им неть числа, их миллионы –
Как первоцветов по весне.

Горело тело в жгучих клеймах,
За жизнь дрались что было сил.
Их чудотворец Пантелёймон
От рваных ран не исцелил.

А смерть неутомимо жала...
Не обозначен ей предел...
Как зёрна, души отвевала
От шелухи ненужных тел.

И фронтовое счастье с виду
Не краше «девушки с косой»:
Отец вернулся инвалидом,
Побитый пулей разрывной.

А тесть прошёл проверку адом –
Сидел в немецких лагерях...
Но у живых – своя отрада:
Несли Победу на плечах.

И потому в начале мая
Каштан отчаянно цветёт:

Он сотни свечек возжигает
За всех, кто помнит и живёт...

Печатается по «Литературной газете», № 6526 от 30.09.2015.

ШАМАРДИНА ЛЮБОВЬ / 1954

СОЛДАТ ПОБЕДЫ

*Посвящается моему свёкру
Шамардину Фёдору Ильичу*

Спит солдат, проснуться хочет. Не желает сон уйти.
Снится дом, родные очи, вишни, спелые почти.
А потом – война: окопы, взрывы, кровь, воронки, дым...
Почему солдату снится очень часто сон один?

Дальше вновь – родная хата, на крыльце – два сапога...
И зачем, совсем некстати, разболелась вдруг нога?
Крутит левую коленку, и мозоль горит опять,
Раззуделся палец слева – надо встать, чтоб зуд унять...

Сон прошёл, глаза открылись, осмотрелся – дома он.
– Победили, разгромили! – то уже совсем не сон!
Улыбнулся. Солнце светит. Из окошка – дивный вид.
У стены – протез с ботинком той ноги, что так болит.

*Печатается по электронному журналу «ЛиТerra»,
выпуск № 4, июль-август 2022 г.*

ШАМСУТДИНОВ НИКОЛАЙ / 1949

ПУШНЯК*

Памяти мамы моей, Ю.А. Шамсутдиновой

Венец обильных русых кос...
Что за порыв из-под Казани
Тебя, с татарскими глазами,
В глухую тундру перенёс?

* Хвост белки, лисы.

А тундра – сумрачна, длинна –
Несёт протяжный вопль шаманий,
Продёрнув через времена
Костры языческих камланий*.
И пляшут их огни в глазах,
И лун
 свернувшиеся лисы,
Лукаво брезжа в облаках,
Ложатся маревом на лица...

И, пронося по снегу тень,
Весь закуржавев** на морозе,
Распластывается олень –
Визжат промёрзшие полозья.
Зля стерженеющих собак,
Летит промёрзшею низиной
Девчонка в малице***, «пушняк»,
На вытертых мешках с пушшиной.
И конус чума в полночь вмёрз,
Как чернобурка, ночь играет,
Топорща ясный звёздный ворс...

Какая страсть тебя снедает?
Какая сила в тёмный час,
Пронизанный дыханьем моря,
Тебя несёт и в мрак, и в чад
Тяжёлых, рубленых факторий?
В седой размашистой глуши
Ты видишь, лишь глаза прикроешь,
Как похоронками пуржит
Война – над яростной страной,
Как под фугасом дыбом встал
Багровый горизонт, и, тая,
Горит слезящийся металл,
И судорогой истекает.
Огнём и кровью обагрён
Здесь каждый день... Огонь и люди...
Надрывный крик, протяжный стон
Слоятся в грохоте орудий.

* Камлание – это ритуальный обряд. С помощью ударов по бубну и определённых движений шаманы вводят себя в состояние транса.

** Покрывшись куржаком, инеем.

*** Малица – верхняя одежда из двух оленьих шкур (мехом внутрь и наружу) в виде рубахи с капюшоном и рукавицами.

Так, олицетворяя мрак
Звериной власти,
Рассветы втаптывая, враг
Вломился в наш покой и счастье.
Он, каской заменив лицо,
Разбоем – шёл по землям древним,
И стыли – гибельным свинцом
К земле пришитые деревни.
А враг – настойчивей и злей
Глотал простор, маньяк по сути,
И тернии концлагерей
Примеривал он к нашим судьбам.

Но он забыл, что часа ждёт
Иная мощь...
У этой силы
Есть воплощение – народ
И глубь отечества – Россия.
Вот из каких глубин она
Свои полки вздымает снова –
От легендарных льдов Чудского*
И батарей Бородина**.
И, в славных отблесках былого,
Кичится ли она собой?
Нет! – возвышает дух суровой,
Но выверенной правотой.
Той правотою, что для нас
Была духовным стержнем в бедах,
И суть – легла в приказ:
«Всё для победы!» Для победы! –
Сверкнули пристально глаза,
И непреклонной сталью – встали,
Возмездьем ворогу грозя,
Мобилизованные дали.
Огнём летучих батарей,
Грозой – над ворогом нависли,
В неотвратимости своей,
Мобилизованные выси.

* 5 апреля 1242 г. на Чудском озере у Вороньего камня состоялась битва русской дружины под предводительством князя Александра Невского с рыцарями Тевтонского ордена. Это сражение вошло в историю под названием «Ледовое побоище».

** См. примечание на стр. 57.

Всё для победы! – и, в дождях,
На истощённых пашнях слабых,
Ни сил, ни жизни не щадя,
Надорванно пластались бабы.
Всё для победы! – и Урал
Ломил,
 ломил за сменой смену,
Изнемогал и плавил жар
В осатаневшие мартены.
Всё для победы! – у станков
Взрослели дети... Пусть усталость! –
Но бугорками желваков
Прорезывалась возмужалость.
И здесь, от заверти* бела,
На кромке вздыбленной России,
И ты, «пушняк» моя, была
Кровинкою великой силы.
Измотанная, ты брала
Меха в притихнувших селеньях
И вновь в полярный мрак гнала
Четвёрку взмыленных оленей.
Текло дыханье дальних льдин,
И ночи коротал с тобою
Заиндевелый карабин,
Подрёмывая за спиною...

И мерк подлунный блеск снегов,
Лёд заплывал голубизною –
Мерцанье меха из мешков
Выпрастывали зверобои.
В полярной ветреной ночи,
Под стылым небом, оплывая,
Текли песцовые ручьи,
Метался пламень горностая.
И наплывал далёкий смех,
И мучил память отблеск вальса,
Когда лениво кутал мех
Твои заслуженные пальцы...

Незрим, поверх армейских карт,
Пылil порошей белой стыни

* Заверть – метель, пурга, буран.

Усталый след гружёных нарт
В безликой ледяной пустыне...

Я по штрихам воссоздаю,
Что мне в судьбе твоей открылось, –
То
 воплощение в броню,
В стальные смерчи эскадрилий –
Уюта, блеска и тепла
Пушистой, ласковой пушнины,
Той, что валютою была
И остаётся ей поныне...
И ясно видится тогда,
Как, на окраине Сибири,
Ледовым блеском – те года
Твои виски посеребрили,
Размыли ясные черты...
Но мне такое в них открылось!
Благодарю за то, что ты
Со мной судьбою поделилась...

БАЛЛАДА О СИБИРСКИХ ПОЛКАХ

Баллада о них начинается тут:
Зарёванным ситцем полощет Сургут,
Последнюю баржу уносит война,
До мыса её провожает волна,
И бьётся над талой судьбой мужиков
Истощая стая прощальных платков.
Ни жён не щадя,
 ни седин, ни крестин,
Стояла дворами тоска проводит...

Навеки запомним: под хохот уключин,
В холодных ладонях осенней реки
Полощут, взлетая на синие кручи,
И рушатся в пропасти – бабьи платки.
Эх, бабы...
Всходили и падали зори,
На слабых руках обвыкались мозоли,
Но не покладая обветренных рук
Работали бабы, вздыхая натужно,
Одно сознавая: хоть трудно, а нужно!
И – «Каждый осётр – снаряд по врагу!».

и по ним, наступая,
отцы до Берлина дойдут...

ВДОВА СОЛДАТА

Уже осыпается лето...
Ночами слышны в природе
Скупые следы слоистой,
Встревоженной тишины.
Слепая вдова солдата
Через ковыль проходит –
Сквозь годы пылит колонна,
Разламывая сны...
Её обдают стенанья
И мёртвая гарь пожараищ,
Вдогонку орут, цепляясь,
Расстрелянные леса.
Слепая бредёт на голос,
Руками по гари шарит,
Плывёт в темноту мерцанье
Заплаканного лица.
Колонна гремит по шляху,
Сквозь пальцы огонь сочится,
Как вопли, свинец полощет
Прутья сухих берёз.
Как ад развёрста дорога,
И стынет на нищих лицах
Короста сухого пепла,
Свеченьё пустынных звёзд.
Смешав облака и почву,
Пространство сжимает мужа,
Он беспросветно тает,
Его затмевает пыль...
Куда спешишь, колонна? –
Шаги её глуше, глуше,
И, задыхаясь, следом
Сквозь годы бежит ковыль...

БАЛЛАДА О ЖДУЩЕЙ ЖЕНЩИНЕ

Простенок, фотография
 спит:
Просёлок, довоенная трёхтонка
И он – в наивных крагах...
 Шелестит,

За зеркалом ветшает –
похоронка.
По всей земле, шатая
комнатёнку,
Метёт свинец...
Идёт военный год...
За чахлой стенкой
горестно и тонко
Вопит метель...
А женщина всё ждёт.
Толкните дверь –
и душу озарит
Спокойное свечение
ребёнка,
Бездумно бродят зайчики,
он спит,
Легко и мягко дышит
рубашонка...
Прошмыгивает улочкой
позёмка,
Голодный год,
забот невпроворот,
Завод, талоны, уличной колонки
Жёсткий лёд...
А женщина все ждёт.
Который год ей снится,
как негромко
Вдруг ахнет дверь, и он –
живой! – войдёт.
Но – похоронка,
зеркало в потёмках –
Из года в год...
И женщина всё ждёт.

ИЮНЬ 71-ГО ГОДА

В избе этой ходики спят,
Чтоб дух суетой не тревожить...
Как тридцатилетье назад,
На окнах разлёгся закат,
В рябинах и росах размножен.
Дородная русская печь
Без усталости пестует хлебы...
И видишь ты, прежде чем лечь, –
Стоит за хозяйкою небо.

В изломных лучах седины,
Она ни о чём не спросила
И взбила подушку, как сыну,
Бредущему – в думах – с войны,
Прибежище скорбного духа –
Вдова,
 сиротинка,
 старуха...
...Ты встанешь пораньше,
И вслед,
Роняя ведро у колодца,
Старуха рванётся
 в рассвет:
«Сыночек!»
А сын не вернётся...

ЛЕБЕДА

Памяти художника Соколова

Благословенное лето... Над нами
Сыро топорщится в небе звезда...
Сизою свежестью – прёт за подрамник,
Крупной росой кропит – лебеда.

Поздно, взрываясь ознобными снами,
Зарубцевалась военная память...
Стонет и плачет, если взглядеться
В эти полотна, военное детство...

Чёрным крылом – легла похоронка
На поседевшее сердце ребёнка.
Тусклые зори, незрячие ночи,
Плоть иссушая, голод пророчат.

Что за щемящая тяжесть в предсердье,
Точно, тихонько касаясь руки,
Вновь протянуло тебе милосердье
Светлую пригоршню тёмной муки?

Радостный хлеб с лебедою!
Россия
Превозмогала сиротство в себе,
И не единого – жизнь замесила
На лебеде, на лебеде...

Дай мне созвучие дела и слова!
Это из бледного прошлого – снова
Тянет ладони седая старуха:
Пригоршня жизни – от чистого духа!

Каждый мазок твой, товарищ мой, плотен,
И, вдохновеньем твоим налита,
Тёмная муза печальных полотен,
Сквозь лихолетье – растёт лебеда.

Так воплощайте ж в мазке и бетоне
Прикосновенье дающих ладоней,
Хоть непривычно порою для слуха:
Пригоршня жизни – от чистого духа!

То состояние длится и длится...
Но задержись посреди суеты –
Оскудевает в несущихся лицах
Горький, пронзительный свет лебеды...

Шорох вечерний к окну подступает,
Память тебя из избы вызывает.
В светлое время познала рука
Тёплую тайну ржаного мазка.

Тайна – не творчество, тайна – касанье...
Снова холсты первозданно белы,
И шевельнулось навстречу – мерцанье
Необоримой твоей лебеды.

Тихие окна – зашторены плотно,
Свечи заплаканы, свечи бледны,
И догорают в закате полотна,
Как лебединая песнь лебеды...

1980

ДЕВЯТОЕ МАЯ

Таёжное солнце...
Дырявый беспечный забор
Рассыпал по травам медовые, жаркие ломти.
Распахнуты окна, из окон – густой перебор,
Литой перезвон...
И конечно же, машут... Зайдёмте!

Хозяин распарен – видать, после бани, – румян,
Голубит дочурку, прильнувшую, точно травинка,
А сам подливает и после, кивнув на баян,
«Сыграй!» – говорит,
И сосед подтверждает: «Рвани-ка!»
И тут-то, смутясь, полыхнёшь, как сентябрьский лист,
В ладах заплутаешь, а выдавишь нечто, натужась...

Но мне пояснили, что первый в селе баянист,
Хозяин, был ранен, а после, под Оршей, контужен.
Он выжил... Вернулся... Он сладил осанистый дом
У самой дороги, и свадьбу он справил как надо,
И вроде живи и работай, всё будет ладом!
Но тридцатилетье – грохочет в ушах канонада.

И я заходил к нему, мял неуклюже лады...
(Ворчалось эхо,
ворчало под самую крышей.)
Такой тишиною тянуло от майской воды!

И больно при мысли, что он ни-че-го не услышит...

1975

ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ

Нахлынет май –
В протяжных белых вишнях,
И день скорбящей памяти – придёт...
И кто-то тихо скажет: «За погибших!..» –
И стопку поминальную нальёт.

Проросшие травую, деревьями,
Нам всем напоминая о былом,
Погибшие – незримые... – меж нами
Как бы сидят неслышно за столом.

И жёны их, стареющие жёны,
Заветное во взоре хороня,
Десятилетия – вдовы, отрешённо
Молчат на склоне праздничного дня.

Земля исходит вешними садами,
Загустевает солнце в зеленях...

Но страшно мне – бесслёзными глазами
Глядят куда-то вдовы сквозь меня.

Они сидят, приземистые, грузно...
Бесслёзные, не ставь глаза в вину,
Не говори, что память заскорузла, –
Всё выплакали в прошлую войну.

Не говори, что временем замыло,
Словно водою, лица... имена...
Война не смяла их, не надломила,
Но болью запеклась в глазах война...

И «майскими короткими ночами...»* –
Когда одолевает сердце грусть –
Я, вспоминая, плачу их слезами,
Слезами плачу их,
И – не стыжусь...

1985

ВОЗВРАЩЕНИЕ

*Из Белоруссии я привёз землю с могилы
двоюродного брата, погибшего весной 1943 года*

Под колёса летела страна,
Птичьим звоном населена...
Над могилой
 под Могилёвом
Расправляла плечи весна.
И, смятением налита,
Вся – дрожащая нагота,
На глазах матерела почка,
Наливная лесная дочка,
Бредя прозеленью листа.
Даль раскинулась полушалком,
Омывая росую шлях...
Соловьиное братство – жарко
Расцветало в дубовых ветвях,
Над могилой крыла крепило,
Семьи ладило на дубу,
Песни пестуя, не грешило

* Цитата из песни 1947 г. «Где же вы теперь, друзья-однополчане?». Слова А. Фатьянова, музыка В. Соловьёва-Седого.

На просёлочную судьбу.
...Полон живодарящей силы,
День – выкатывает грозу...
Горсть печальной земли с могилы
Через кипень весны везу.
Краснопёрое солнце тонет
В Иртыше, зелены поля...
Согревает мои ладони
Породнившаяся земля –
Могилёвский суглинок с глиной
Прииртышских, степных кровей
Крепко свяжет моя рябина
Потаённым родством корней.
Я пою её стужей озёрной –
Луч поёживается в ведре... –
Чтоб стояла она – просторной,
Чтоб, гудя, наливалась крона
Птичьим пением
на заре.

О, апа́й*!
Жаркий рокот в сини...
Позабудь невзгоды свои –
Не тебе ли кричат о сыне
Могилёвские соловьи?..

1979

ПОЧТАЛЬОН

Острым ознобом по сердцу – зарница
В душной фрамуге,
в проёме дверей...
И шевельнулись на утлой божнице
Ветхие лики тусклых кровей.
Спелые зори – в воронах и кронах...
А за божницею –
боль похоронок.

Он, опалённый войной,
невесёлый,
Вызубрив каждый просёлок, костляв,
Горько пылит по зарёванным сёлам –
Мечется по ветру мёртвый рукав.

* Апа́й – в нескольких языках и говорах старшая родственница или просто вежливое обращение к женщине, старшей по возрасту.

Пряча глаза,
 обрастая смятеньем,
Он прорастает в бездонных полях
И растворяется в мареве – тенью,
Хрипло дыханье в бескровных губах...

Густо и бурно бормочет цветенье
Пенных садов...
У весенней травы –
Пьяная плоть.
А в расщелине тени –
Слёзы вдовы и роса муравы.
Ночи – в горячих, слезящихся звёздах,
Пыль сорок третьего года стоит
На непроглядных, обугленных вёрстах...
Как инвалид, его хата скорбит.
В рваном, недужном мерцанье лампы –
Тёплая,
 нежная мгла лепестков,
И не святые! –
Спят из окладов
Талые лики солдат,
 земляков...

1981

*Печатается по книге «Избранное» в 3 т.
(Екатеринбург: «Банк культурной информации», 2009).*

ШВЕЦОВ АЛЕКСАНДР / 1951–1999

БАЛЛАДА О ВАСЕ

А привычное дело – война!
Налетел иноземец... А Вася
После песен и после вина
С ненаглядной своей миловался...

Выпил квасу. «Гляди веселей!
За меня, дорогая, не бойся!»

Подмигнул ненаглядной своей,
Боевой рукавицей утёрся!..

Отмахнись-ка в бою от кола!
Повяжи-ка Москву поясами!
Рвутся с привязи колокола
Разъярёнными рыжими псами!..

А привычное дело – война!
Только с милой, кажись, миловался,
Ещё машет платочком она,
А уж замертво падает Вася...

Всё шире шаг моей страны.
Идёт вперёд по свету.
Уж много лет, как нет войны,
Хотя и мира нету.

И пушки в нас наведены.
И я увидел дома,
Как вздрогнул инвалид войны
От просто в небе грома.

Но прогремело. И опять
Безоблачное утро,
Хоть запасает спички мать,
Похолодав в войну-то...

*Печатается по книге «Северные заруби»
(Архангельск: «Сев.-Зап. кн. изд-во», 1980).*

ШЕВЧУК ОЛЬГА / 1952

ОТЦУ

Не верится... Вот, кажется, войду –
И ты навстречу, освежённый «Шипром»*.
Недолгим сном забудусь – в злом чаду
На свежий холм всё астры, астры сыплю.

* «Шипр» – популярный в СССР мужской одеколон.

Не верится... Но лишним стал прибор,
Но во главе стола садится кто-то.
А ты причёсывался на прибор...
Отец, возьми баян, сыграй хоть что-то!

Спой под гитару мне про васильки!
Я так любила эту песню, вспомни!
Наш дом и твой так страшно далеки...
И твой – иной мелодией наполнен.

Непостижима смерти глубина...
Глаза... Они, как васильки, синели!
Отец, надень для внуков ордена,
Те, что носил под фронтовой шинелью!

Ведь штурмом брал фашистский Кёнигсберг*,
Японцев бил – квантунских самураев.
Как много может сделать человек
Для Родины!..
Горжусь. Люблю. Страдаю...

1981

ФОТОГРАФИЯ

Ни пылинки... Накрахмаленные шторы,
Коим лет и вправду, кажется, нет счёта.
В переплёте из простого коленкора
Небольшой альбом. Вздохнула...
«Мама, что ты?»
О, минувшего исхоженные гряды!
Обернулась, но ответила не тотчас:
«Так... Альбом смотрела... Подойди, сядь рядом».
Призадумалась. И я сидела молча.
«Наш десятый, в сорок первом, ранним мартом».
Фотография – почти на лист альбомный.
«Это Шура. С ней сидела я за партией...
Ох, и пела! Что в ушанке – жили скромно.
В ту же осень – фронт, и без вести пропала...
Слева – Юлия. Жених погиб под Псковом...»
Говорила – и как будто тяжесть спала
С плеч её, – о тихой девушке Прасковье,

* Город, административный центр германской провинции Восточная Пруссия с 1773 по 1945 г. После окончания Второй мировой войны был передан под юрисдикцию Советского Союза, а в 1946 г. переименован в Калининград.

В эшелоне под бомбёжкой погибшей,
О повестках и знобящих похоронках.
Небольшой альбом, ей столько говоривший,
Зазвучал и для меня набатом громким.
«Хоть куда был выпуск...»
«А ребята, мама?»
И опять она висков потёрла пробель*.
«В сорок первом пал Андрей. Шутник был самый...
Остальные – кто когда, где час их пробил...
Из всего-то класса встретили мы Колю.
До войны красавцем слыл – пришёл безруким.
Только, дочка, время выпало такое –
И калекам были рады...»
Тихим стуком
Отзывались на слова часы в прихожей,
Вдовьим голосом скрипели половицы...
До чего ж они казались мне похожи –
Непохожие на старом снимке лица!

Подборка представлена автором.

ШЕЛЕХОВ МИХАИЛ / 1954

СЫН ПАРТИЗАНА

Я родился в победном и бедном.
Но впервые, как свет на лице,
Я родился в шестнадцатилетнем,
Под обстрелом лежащем отце.
Я проклюнулся мартовской почкой –
Шёпот клюквы и горло птенца,
И прошил меня красною строчкой
Положительный резус отца.
Как живучая музыка сердца –
Докричать, добежать, долюбить.
Как дитя из бедра громовержца,
До которого нужно дожить.

Он не ведал ни женщин, ни мўки.
Он Прекрасную Даму не знал.
Но сквозь грязные детские руки

* Примесь белизны, белый отлив в окраске; здесь – проседь.

Над болотом звезду увидал.
Сто часов под чужим пулемётом,
Загибаясь по горло в воде,
От бессонницы, жажды и рвоты
Приникал он глазами к звезде.
И дрожала она, и манила,
Золотая игрушка болот.
И ныряла сазаном могила,
И косил по кустам пулемёт.

Гарцевали лягушками мины,
Голосили от брачной тоски,
Вырывая, глотая бесстыдно
Человеческой жизни куски.
А железные крылышки пели
Так печально, легко на лету.
И так пристально-радостно целил
Рыжий егерь в ночную звезду.
Но плескала вонючая жижа
На лицо от промашек стрелков.
Набегала всё ближе и ближе
Злая музыка чёрных кустов.

Там пиликали нежные губы,
Вспоминая, как майской порой
Ноги голые белой Гертруды
Пахли яблоком и резедой.
И запомнил я эту дорожку,
Эту ведьму на лунном луче
И мольбою, и сердцем продрогшим,
И осколком в отцовском плече.
Так губная гармоника смерти
И прицельность чужого огня
Обожгли прежде жизни на свете
Не рождённого мамой меня.

1988

УДАР НОЖА

Когда мы шагнули повзводно из люка –
Не к тёще на сало, не к бабушке в гости,
Как ангелы с неба – в железную вьюгу,
Зенитки повесили белые грозди.
А мы винограда вовек не едали.

Над чёрной щетиной дымящей Европы
Мы белые грозди руками срывали.
И кровь обгаляла звенящие стропы.
Когда расписались жестокой любовью
По синему небу – от уха до уха,
И рота коснулась десантною кровью
Твоих перелесков, баварская* шлюха,
И рыжий Пилат** пулемётной гашеткой
На крестике чёрном чужого прицела
В четыре гвоздя лапидарно*** и метко
Распял моё в коконе воздуха тело,
Я тут же в ином измеренье родился
И сизым воробушком скрылся в окошке,
А мёртвый пробитый чехол мой разбился
На поле бесцветной немецкой картошки.
Но нож мой десантный – в свободном паденье –
Вонзился с размаху в чужую ключицу.
Пронзая Германию русской осью,
Как майское небо осенняя птица.

1988

МУЗЫКА ДЛЯ БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ

Вчера я видел с сумкой почтальона.
Тащил он сумку – на войну и дальше.
– Всё это – для шестого батальона!
Для гарнизона без вести пропавших.

Неслась куда-то экстренная помощь.
– Куда – твой крест? Ответь скорей, карета!
– Для без вести пропавшего.
– Догонишь?
– Попробую, хоть непосильно это.

Учительница шла учить детишек.
А кто они – чужие или наши?
Опять в «нулёвке» не хватает книжек
Для ребятишек – без вести пропавших!

* Бавария – одна из 16 немецких земель (государств) ФРГ, является наибольшей по площади и второй по численности населения землёй в составе Германии.

** Понтий Пилат – римский префект Иудеи с 26 по 36 г. По Евангелию, предал смерти Иисуса Христа.

***Предельно кратко.

Грузили хлеб. И пахла позолота
Всей лаской материнства и печали.
Как горек хлеб! Он для седьмого взвода:
Бойцы под Вязьмой без вести пропали...

Пеките хлеб и зажигайте лампы!
Но тратьте уголь правильно в котельных,
Чтобы согрелись армии на марше,
Погибшие на сквозняках смертельных.

Чтоб было слышно – до звезды и дальше,
Как нежностью мы побеждаем горе!..
Звучит похоже, как для тех, кто в море,
Та музыка – для Без Вести Пропавших!

1988

Подборка предоставлена автором.

ШЕЛУДЬКО ЛЕОНИД / 1952

СЕДОЙ

Он был застенчив, даже робок.
Когда пришёл его черёд,
уже седой от похоронок,
он, как и все, пошёл на фронт.

И на войне, всё так же робок,
под минный вой над головой
он полз с гранатой меж воронок,
как сын, убитый под Москвой.

Ему бывало очень страшно.
Но, проклиная войну,
он добегал до рукопашной,
как сын, погибший на Дону.

Не раз его убить хотели.
Бывало, убивал и он.
Ведь пули с двух сторон летели.
Летели пули с двух сторон.

И на седой от снега пашне
в Восточной Пруссии, в конце,
убил солдата в рукопашной
седой немецкий офицер.

А пуля летела,
летела и пела!
Но песню её оборвавшее тело
о счастье полёта, конечно, не знало
и так некрасиво
упало...

Подборка предоставлена автором.

ШЕСТАКОВ ЮРИЙ / 1949–2010

РОДСТВО

Так вышло, что в судьбе моей два дома:
мой город, где в гранит одето небо,
моя деревня, где всё так знакомо...
И если там я больше года не был,
становится и грустно, и неловко.
На родину приеду я опять,
но не смогу в деревне Богословка
о невских берегах не вспоминать.
И взлётную стремительность проспектов
неволью с широтой сравню – степною,
где я родился,
где могилы предков...
Я связан кровно с Курскою землёю.
Но если там, где помнит всё о детстве,
о том, ещё соломой крытом крове,
земля мне –
мать,
то Ленинград –
отец мне:
по доброте,
по строгости,

по крови...
что в снег лилась,
отхлынув от лица
блокаду прорывавшего отца.

1984

У ПРОХОРОВКИ

*Поутру по огненному знаку
пять машин КВ* ушло в атаку.*
Сергей Орлов

О жизни и о смерти
до утра
дождь говорил
на языке морзянки...
Работали в тумане трактора,
а чудилось –
в дыму гремели танки.
Лучом пронзило мглу,
и предо мной
сверкнул пейзаж,
как снимок негативный...
Мне жутко миг представить за бронёй,
которую прожёт
кумулятивный**!
Я думал, сталь
надёжнее земли,
но в сорок третьем здесь пылало лето:
и сталь, и кровь беспомощно текли,
расплавившись,
и были схожи цветом.
Наверно, мир от ярости ослеп:
чернело солнце,
мерк рассудок здравый,
когда в той схватке
с диким воем
степь
утюжили стальные динозавры.
Огромные, железные, они,

* КВ – советский тяжёлый танк периода Великой Отечественной войны. Аббревиатура означает «Клим Ворошилов».

** Кумулятивный эффект – усиление действия взрыва путём его концентрации в заданном направлении.

друг друга разбивая и калеча,
скрывали там,
за хрупкостью брони,
трепещущее сердце человежье.
Земля и небо –
в звёздах и крестах!
И раны кровоточат, и мозоли.
В эфире жарко,
тесно, как на поле, –
звучит «огонь!» на разных языках,
на общечеловечьем –
крик от боли!
И где-то здесь,
среди бугров
и ям,
сквозь смотровую щель шального танка
ворвался полдень
и, как белый шрам,
остался на лице у лейтенанта...

Войны не зная,
понимаю я,
что в том бою должна была решиться
судьба России и судьба моя:
родиться мне на свет
иль не родиться,
и встать ли мне однажды до утра,
за Прохоровку выйти спозаранку,
где бродят тени опалённых танков,
где их родные дети – трактора –
былое поле битвы пашут мирно...

1985

ИГРА

Там, где с прошлой войны
Уцелели траншеи и доты,
От травы, от кустов
И от времени тесны и узки, –
Далеко от села
Под нестрогим присмотром природы
Мы играли в войну...
Шли в атаку...
Ползли по-пластунски...

Повторённая эхом команда:
«Оружие к бою!» –
Увлекала мальчишек...
Игра дотемна не кончалась.
И девчонка Анюта
Была «медицинской сестрою»:
Два вершка от земли,
А полнеба в глазах умещалось.
...Наступали,
Была оборона «противника» прорвана,
Аня бросилась к «раненым»,
Весело ждущим «подмоги»,
Но, в бурьяне с войны затаившись,
Колючая проволока
С неубитою злобой
Рванула зубасто за ноги!
Настоящие раны
Поспешно бинтами обматывая,
Дул нелепо на кровь,
Обжигаясь как будто...
Было душно и страшно,
И я всё твердил виновато:
«Потерпи, потерпи,
Потерпи ещё малость, Анютка».
Перепачканный кровью,
При всех, не стесняясь, я плакал,
Деревянные ружья
Хватал, и ломал, и бросал!
Все молчали вокруг,
Даже Лёнька – заядлый вояка,
Самый сильный из нас –
Ничего мне тогда не сказал.
С треском в жалкие щепки
Разнёс я лихие игрушки,
Ненавидя любое оружие в эту минуту!
И тогда, безоружны,
Мы сцепили свободные руки
И на них понесли осторожно
В деревню Анюту...

ДОРОГА ЖИЗНИ

Без передышки
зенитки работать устали.
Небо над Ладогой* низко:
вот-вот упадёт, –
отяжелело от дыма,
от грохота стали...
Вьюга бинтует
от крови дымящийся лёд.
Снег на дороге обуглен
и пахнет горелым.
Мост ледяной
от снарядов трещит, как броня,
но переправу
наводит мороз под обстрелом, –
сжечь этот путь
у фашистов не хватит огня!
Рокот машин...
У водителей серые лица.
Сон и реальность
до рези смешались в глазах.
Взрыв.
Недолёт...
Перелёт...
А дорога всё длится,
так изнуряя,
что сил не хватает на страх.
В город – снаряды и хлеб,
а из города – дети
и старики...
Там, за лесом, спасение.
Но...
взрывы вокруг вырастают
деревьями смерти,
берег, что рядом,
под бомбами дальше, чем дно...
Вырваться трудно
из тёмных бурлящих воронок,
цепко хватаясь за руки,
за льдины,
за крик!..
Выйдя на берег,

* См. примечание на стр. 81.

заплакал старик,
как ребёнок,
глядя ребёнка,
который стал сед,
как старик...

НА ПИСКАРЁВСКОМ

Непокорённой музыке внимаю...
И, вроде бы обыденность храня,
спокоен лик седого дня,
но, глядя на отца,
я замечаю,
что бледность лиц у Вечного огня
почти незрима в отсвете кровавом...
К могилам братским
спустимся без слов,
где безутешен дождь,
где у венков
озябший ветер
 припадает
 к травам
и раздувает
 угольки цветов...

Печатается по материалам V областных Шестаковских литературно-краеведческих чтений «Мой взор к России обращён» (Губкин, 2019).

ПОД НАРВОЙ

ОТЦУ...
*Вспомним мы тех, кто командовал ротами,
Кто умирал на снегу.*

Павел Шубин

Как светел сегодня над Нарвой,
весь в тёплых весенних заботах,
тот лес,
где под отблеск пожаров
отец замерзал на болотах
и в бой поднимался когда-то...
Траншеями путь перерезан.
Вода тяжела, буровата –
видать, в ней немало железа.
Иду по болоту упруго,
где твёрдо под натиском стали

бойцы и деревья стояли,
от пуль заслоняя друг друга...
От шнапса хмелея,
нагтели
враги
и до самого мрака
угроз и свинца не жалели
в «психических» пьяных атаках.
Открыто ряды развернули –
под музыку! –
и на убитых
брезгливо косились,
чистюли –
надменны
и гладко побриты,
и в форме шагали парадной,
огонь презирая и грохот,
и нервная дрожь автоматов
трясла их под песни и хохот –
мол, дрогнут ряды этих русских
и будет атака удачна,
и голы по локоть их руки –
мол, чтоб рукава не запачкать...
Сошлись!
Не узнать в рукопашной
«арийских» воинственных ликов:
пьянели от бравурных маршей,
трезвеют от боли и криков!
О лоске своей амуниции
в сумятице тесной забыли:
отчаянно каждый стремится
убить – чтоб его не убили...
А музыка дико играет!
Дымится и тлеет болото.
И, в липкой грязи умирая,
быть может, почувствовал кто-то,
безумно страдая впервые,
как смерть и нелепа, и вздорна,
как пахнут снега голубые
и как на планете просторно –
зачем же затеяли драку,
в Германии были бы живы...
Но рвутся другие в атаку,
чтоб русских отбросить к заливу!

Но яростно русские бились,
враги удивлялись их силе –
для них ведь незримыми были
те,
кто нерождёнными жили
в окопах под шквальным обстрелом,
в блокадных ночах неподвижных,
во взглядах и в клеточках тела
отцов
и в желании выжить;
все те,
кто с отцами постигли
и радость Победы, и раны,
все те,
кто с отцами погибли
и вечно теперь –
безымянны...
Об этих ровесниках мыслить
так странно мне в чашах цветущих,
где ярко и мирно от жизни,
где зелень всё гуще и гуще.
Шагаю сквозь дебри густые
к траншеям,
к воде заржавевшей,
и мне деревца молодые
встречаются реже и реже...

1984

ПАМЯТЬ

Здесь,
в блиндаже,
и в зной земля – сырая.
Босые ноги стынут и колени.
Стуча зубами,
гильзы собирая,
воображаем ярко пыл сражений,
хотя мы рождены в другие годы...
Но память неизбывная природы,
храняемая в движенье, в звуке, в краске,
к прошедшему нас возвращает вновь –
и ржавая вода течёт из каски

простреленной,
напоминая кровь...

1985

ДЕД

Под свет луны, немой, бессонной,
под сладкий мирный запах сена
так жутко слышать эти стоны:
мой дед во сне бежит из плена...

Ему то холодно, то жарко,
бежать невмочь, а рядом где-то –
фашисты, пули и овчарки...
И разбудить спешу я деда!

Проснувшись, он вздыхает долго,
но нам вдвоём уже не страшно:
прижмусь к щеке знакомой, колкой,
худой и – непривычно влажной...

1983

Подборка предоставлена наследницей, Евгенией Шестаковой.

ШЕХТМАН МАРК / 1948

БАЛЛАДА О БЕЗЫМЯННОМ КОНЦЛАГЕРЕ

Памяти мёртвых

Приезжая сюда, не стесняйтесь склониться пониже,
Прикоснуться к песку, поздороваться с чахлой травой...
Я здесь был только раз, а теперь по ночам его вижу –
Этот маленький ад, обнесённый колючей стеной.

Не Трeблiнка*, не Аушвиц**. Краска блестит на воротах.
Кроме чёрной трубы, ведь и мрачного нет ничего.

* Два концентрационных лагеря: Трeблiнка-1 (так называемый трудовой лагерь) и Трeблiнка-2 (лагерь смерти) – были организованы нацистами недалеко от одноимённой деревни в 80 км от Варшавы и существовали в 1942–1943 гг.

** Освeнциm (в мировой практике принято использовать немецкое название «Аушвиц») – комплекс немецких концентрационных лагерей и лагерей смерти, располагавшийся в 1940–1945 гг. около одноимённого города в 60 км от Кракова.

Безымянный концлагерь. В коротких недельных отчётах
Перед цифрой убитых писали лишь номер его.

Так поведал нам гид. С вдохновеньем почти что поэта
О вместимости блоков пропел он торжественный сказ,
О числе патрулей, и о прочих занятных секретах,
И о том, сколько трупов сжигал крематорий за час.

Ты прости ему, Боже, кошмарное это витийство.
Кто убит, тот убит, и другой не припишешь финал.
Но была б моя воля, я к этому храму убийства
Караулы приставил бы и никого не пускал.

У меня получали бы пропуск сюда только дети
В те их годы, когда вызревают сомненья в умах.
И не гиды, не гиды водили б экскурсии эти –
Их водили бы призраки тех, кто погиб в лагерях.

Шелестели б они:
– Не забудьте, как мы не забудем,
Что за дымом людским птичьи стаи летят стороной,
Что сжигали людей и что люди построили – люди! –
Этот маленький ад, обнесённый колючей стеной...

БАЛЛАДА О ЛЮДЯХ И КНИГАХ

Жгли книги – спокойно, умело,
С явным знанием дела.
Жгли с интересом явным,
И дым поднимался плавно
Над готической архитектурой,
Над сосисочным ароматом,
Над трактиром и комендатурой,
Там, где грешников жгли когда-то.
Из соседнего магазина
Принесли канистру бензина
И подливали помалу,
Чтоб горело, не потухало!

Жгли книги, да все и спалили,
И тогда людей жечь решили.
Брали с запада и с востока,
Из Варшавы и из Ростова,
Из местечек и сёл забирали,
И горели люди, сгорали.

Если птицы летели мимо,
То они покрывались дымом:
– Видно, жарко люди горели! –
И, чернея, дальше летели.

Пепел сказок, историй, сонетов
Возле парков, готики возле...
Но страшно, в общем, не это –
Страшно то, что бывает после.
И когда сгорает страница,
Значит, кто-то её запалил.
Что там чёрное в небе кружится?
Нет... То ворон перо уронил.

РУССКИЕ ПОЭТЫ НА УКРАИНЕ

Поэтический труд – он всегда был не слишком доходен,
Но сейчас о другом я – о том, как живётся во мгле
Нынче русским поэтам меж двух не поладивших родин
На своей украинской, больной и несчастной земле,
На земле, что пропахана чёрным отравленным плугом,
Докопавшим до сердца... А я её помню другой:
Был здесь русский язык украинскому братом и другом,
А теперь он ордынский и бог ещё знает какой.

Ребятишкам с пелёнок твердят о величии укров
И о диких монголах, засевших в российских кремлях.
А товарищ мой львовский из ящика с письмами утром
Вынимает листовки со свастикой и в черепахах.
Текст обычный: в Украине – такой европейской и новой! –
Навсегда мы развеем столетний москальский дурман;
Потому или пойте Тарасовой ридною мовой*,
Или – жить если хочется! – Рашка – вокзал – чемодан!

Сообщает товарищ мой иносказательно это:
Freedom** и liberte*** – но читается весь Интернет
Теми, кто озабочен контактами русских поэтов
На земле Украины – а вдруг он не просто поэт?
Вдруг он враг и шпион? Вдруг продаст он какую-то тайну
Москалям, отмечающим праздник Победы и Май,

* Рідна мова – родной язык (укр.). Тарас Григорьевич Шевченко – поэт, прозаик (писал на русском языке), мыслитель, живописец, график, этнограф, общественный деятель.

** Свобода (англ.).

*** Свобода (франц.).

И коварно тогда проберётся в родную Украину
И захватит её этот страшный кремлёвский Мамай*!

Вновь утащат в полон черноглазых и пышных красавиц
И лихим запорожцам генсеков назначат опять!
И в борьбе за свободу уже отыскался мерзавец,
Предложивший всех русских здесь «русскоязычными» звать.
Чем не выход? Пусть детям учитель поведает в школе,
Что вторичен язык, а первичны чупрына** и пыл!
Украинец Ахилл – тот по-гречки болтал поневоле,
На иврите, увы, украинец Христос говорил.

И меж прочих великих найдут украинцев немало:
И Толстой***, и Ньютон****, и Спиноза*****,
и Кант*****, и Евклид*****,
И исчезнет проблема, как вовсе её не бывало,
И пусть славное «Хайль!» с украинским акцентом звучит.

*В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой...*

Е. Винокуров

Орудия в Херсоне
Прямой наводкой бьют.
В полях за Вислой сонной
Два призрака встают.

Серёжка – он с Таганки,
С Крещатика – Тарас.
В одном когда-то танке
Их сжёг один фугас.

Никто из вечной тени
Мальчишек не вернёт,

* Один из правителей Золотой Орды.

** Чупрына (чуб-оселедец) – длинный пучок волос на макушке бритой головы; в старину носился малороссами.

*** Один из наиболее известных русских писателей и мыслителей, один из величайших писателей-романистов мира.

**** Английский физик, математик, механик и астроном, один из создателей классической физики и математического анализа.

***** Нидерландский философ-рационалист и натуралист еврейского происхождения, один из главных представителей философии Нового времени.

***** Немецкий философ и один из центральных мыслителей эпохи Просвещения.

***** Древнегреческий математик, геометр.

Но дальний гул сражений
Уснуть им не даёт.

Гудит земля, тревожит
С темна и до темна.
– Опять война, Серёжа?
– Наверное, война.

– Так мы ж доби́ли гадов!
– Видать, не до конца...
В Херсоне грохот «Градов»,
В Херсоне визг свинца.

И значит, из окопа
Должны живые встать,
Чтоб одолеть Европу
Фашистскую опять.

Печатается по материалам авторской страницы на сайте stihi.ru.

ШЕШОЛИН ЕВГЕНИЙ / 1955–1990

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛЕНИНГРАДЕ

Тот тёмный дом, нетронутый войной,
я вижу, как за рамою двойной.

И медный конь, так благородно ржавый,
и объясненья первые с державой.

И цветники парадных незабытые,
и ангелы взмывают недобитые.

И синей паутинкой рвётся след
моих болгарских сладких сигарет.

*Печатается по машинописному сборнику «Избранное» (1987),
размещённому на сайте Артёма Тасалова.*

ШИГИН БОРИС / 1952

Не пьяный сабантуй, не пир среди чумы,
Без тостов и речей, в недолгой тишине
За что ты пил, солдат? Наверное, за мир.
О чём же думал ты? Быть может, обо мне?
А потому – закон: пред тем, как в бой идти,
Из фляги два глотка – отнюдь не даровых!
Чтоб месть была страшна,
Чтоб боль была сладка –
Сто граммов фронтовых,
Сто граммов фронтовых.
Дойдешь ли до села, откуда в бой ушёл,
Накроет ли на стол в саду вишнёвом мать?
Да через пять минут что ждёт тебя ещё? –
Тебе не угадать, тебе не угадать!
А потому – закон: пред тем, как в бой идти,
Из фляги два глотка – отнюдь не даровых!
Чтоб месть была страшна,
Чтоб боль была сладка –
Сто граммов фронтовых,
Сто граммов фронтовых.
Одно ты знал всегда и этому был рад,
Лишь в это верил ты в затишье и в бою:
Придёт заветный день, войдёт в Берлин солдат,
И улицы его по-русски запоют!
А потому – закон: пред тем, как в бой идти,
Из фляги два глотка – отнюдь не даровых!
Чтоб месть была страшна,
Чтоб боль была сладка –
Сто граммов фронтовых,
Сто граммов фронтовых.

Ах, где я ночью был!
А был я ночью, где
Сосновые столбы,
Кувшинки на воде.
Где так жесток мороз
И так белы снега.
Где серьги у берёз
Длинней, чем у цыган.

Где на плечах не пух,
А ситчик расписной.
Где очередь старух
Стоит немой стеной.
А мужиков средь них
Как не было совсем...
И бесконечны дни,
А лет прошло лишь семь.

Ах, где я ночью был?
А был я ночью, где
Знамёна на гробы –
Израненных удел.
Где офицерский двор,
На праздник – ордена.
Где ходит в дом, как вор,
Недавняя война.

Полковник бел, как мел.
Он нынче неживой.
Комвзвода так несмел,
Как будто первый бой.
Неслышный залп повис
Над сумрачным двором,
Увядший красный лист
На землю – топором.

И плачет горячо
Мальчонка на руках.
А мамино плечо
В пороховых духах...

Ах, где я ночью был?
А был я ночью, где
Морщинистые лбы –
И молодых удел.

Но миром награждён
Их поредевший строй...
Я только что рождён:
Год – пятьдесят второй.

ПОЧТАЛЬОНКА

А на праздничек – клеёнка в мелкий синенький цветочек.
Выпивает почтальонка за здоровье бедных дочек.
И за мужа... Он не бедный, он не сытый, не голодный,
он не слышит марш победный, он лежит в земле холодной.

Почтальонка выпьет рюмку и лицо в гримасе сморщит,
а потом наденет сумку... Да с крыльца сойти не сможет.
Ноги медленно, но ходят. И спина болит... Терпимо...
Только с той войны в народе почтальонка нелюбима!

Нелюбима дядей Колей. Нелюбима бабой Натой.
«Не поймёте, черти, что ли: разве в том я виновата,
что носила похоронки, что с бедой входила в хаты...»
Сплюнет Колька – почталь-ёнка... Смотрит Ната – виновата...

Так и мается Алёнка шестьдесят годков да с гаком.
Жизнь и счастье похоронка отняла, как булку с маком.
Ей и праздничек не нужен, рвётся старая клеёнка...
Свет в окошке – фото мужа, вечный свет – в углу иконка.

Почтальонка, почтальонка... Что ж разлита рюмка водки
на голубенькой клеёнке, мужем даренной молодке?
Хороводы праздник водит, пьёт родимая сторонка!
Но из дома не выходит бабка Ленка, почтальонка...

Подборка предоставлена автором.

ШИПИЛОВ НИКОЛАЙ / 1946–2006

ДЕВЯТОЕ МАЯ

Шёл месяц май – и я с высоким лбом
Писал пейзаж чернилами в альбом,
Потом я брал чернильный карандаш –
И танк подбитый вписывал в пейзаж.

Солдат, что был похожим на отца,
Лежал на поле мая и свинца.
О, если б мне в ту пору мастихин* –
Я б мастихином написал стихи.

* Тонкая упругая пластина в виде лопатки с ручкой, инструмент художника.

Отец остался жив на той войне.
Купил гармонь, чтоб лучше пелось мне.
Так далеко, казалось мне, война...
А нынче гляну – вижу: вот она...

Спешат, несут Россию на погост.
На нём смешенье из крестов и звёзд.
За что дрались? Таков был дан приказ.
Нас не спросили – вот и весь мой сказ.

Сейчас пойду, наливочки напьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
Стихи припомню старые свои...
А в пять утра – засвищут соловьи.

ПЕХОТА

Иван, Сергей да Николай – все рядовые,
Бойцы-окопники, «кирзовая* нога»,
Им выпадают все осадки годовые,
Дожди свинцовые да красные снега.

А на пулемёты неохота им была,
Да всё равно пехота-пехотурушка пошла!
Вот она, родная, на «ура» вперёд пошла!
Стоило ль родиться для такого ремесла...

Иван, Сергей да Николай ещё живые,
Смесь над жизнью непонятною штабной,
Свои сто граммов принимают фронтовые
Перед атакою решительной ночной.

А дотов злые соты пуля жалит, как пчела,
Но все равно пехота на «ура» вперёд пошла!
Вот она, родная, врукопашную пошла!
Стоило ль родиться для такого ремесла?

Иван, Сергей да Николай давно устали.
Ведь не из стали же они, не из брони...
То вспомнят запахи карболки** госпитальной,
То деревень своих дрожащие огни.

А во чистом поле – ни лошинки, ни угла,

* См. примечание на стр. 88.

** Карболка – дезинфицирующая жидкость, раствор карболовой кислоты (разг.).

Да всё равно лавиной ярость львиная пошла!
Вот она, лавиною, невинная пошла
И во чистом поле подчистую полегла...

1980

КРЕСТ. 1948 ГОД

Над лоном малиновых дольных долин
Огромно висели Стожары*.
В ночи тростниковый пылал Сахалин,
А кто бы тушил их – пожары?
Победу восставший великоросс,
Японка с опасной улыбкой,
Солдат в телогрейке, в бушлате матрос
Стояли над детской зыбкой**.
А остров качало, как зыбку. Как ял,
Штормило его и качало.
Мой юный отец на коленях стоял
У жизни сыновней начала.
Он был – офицером советским. Ему ль
Стоять пред ставром и молиться?
Но ставр*** уберёт его тело от пуль,
Чтоб мне на земле воплотиться.
И пела японка: «...прииде Крестом...»
Матрос подпевал: «...всему миру...»
И зыбка, как шконка****, качалась при том,
Кивала военному клиру.
Так я был крещён,
А потом запрещён
Жуком в человечьей личине.
Молитвою стал православный мой стон,
И шёл я на Запад с Востока, как Он,
В простом человеческом чине.
Алмазно сияли мне звёзды крестом
Над каждым разъездом и каждым мостом,
Был крестик крестильный на теле моём
Защитой, надеждой, оплотом.
Но стыд забывал я, себя убивал,
Греховные страсти вином запивал.
Я трижды, казалось, убит наповал,

* Русское название созвездия Плеяд.
** Зыбка – подвесная колыбель для младенца.
*** В переводе с греческого – крест.
**** Корабельная койка.

Но Бог милосерд отчего-то:
Он дал мне дорогу, любовь и жену,
И сына, крещённого нами.
Сын шепчет молитву, отходит ко сну,
Питаемый светлыми снами.
За отчим, за дедовским этим крестом:
Что – там?
Иди, поклонись освящённым местам –
Крестам.
Там пращуров прах.
Я шепчу, не тая,
Прощаясь:
Се сын твой... Се матери твоя...

9 МАЯ

Собрались и шустро стряпают ватрушки
Тётя Аня, тётя Дуня – две подружки.
Собрались вчера, с утра и до обеда
Стол готовят, чтобы встретить День Победы.
Люди наш люте, когда нашлют врага на нивы.
Век проходит, не дадут пожить счастливо.
Вспоминают, как в войне ковали пушки
Тётя Аня, тётя Дуня – две подружки.

И не ждут своих мужей в ремнях скрипучих –
Самых добрых, самых сильных, самых лучших,
И не пестуют внучат, купив игрушки,
Тётя Аня, тётя Дуня – две подружки.
А залает во дворе Трезор лохматый –
Уж не ждут гонца из райвоенкомата.
Выпьют в День Победы красного по кружке
Тётя Аня, тётя Дуня – две подружки.

Кто-то первая вторую похоронит
И последнюю слезиночку уронит.
А сейчас смеются, словно боль далёка,
И черёмуха цветёт в проёмах окон.
А вино запросит песню, песня – пляски,
А душа запросит памяти и ласки.
И поют, и не глядят в глаза друг дружке
Тётя Аня, тётя Дуня – две старушки.

1986–1988

ПАМЯТИ ОТЦА

Отец, ты воевал на Сахалине.
Отец, ты чай пивал на сахарине,
Отец, ты думал: дедушка Калинин*
Заметит – всяк у нас в стране герой.
Как уставал от мизерных получек...
Но так смеялся ты, что каждый лучик
Морщин твоих, усов твоих колючих
Смеялся: не робей, мол, воробей...
Не я один, мы все давно устали...
У нас есть вождь, зовут товарищ Сталин,
Он честен, бескорыстен, он кристален,
Он всю дорогу за народ в борьбе.
В Капаях-городах** пятидесятих
Висел повсюду лик его усатый...
Теперь висят другие, но висят и
По-прежнему зовут народ вперёд.
Тогда скажи, отец: за что боролись,
Когда смотрел в винтовочную прорезь?
А внуки, не узнавшие пароля,
Идут вперёд, скривив в усмешках рот...
Нас где-то ложным солнцем обманули,
Навьючили и едут, как на муле...
Скажи, отец, тогда не потому ли
Ты замолчал, ещё когда был жив?
Ты песню пел – казалось, будто плачешь.
Ты пищу ел – казалось, пищу прячешь.
Был мир ещё тогда тобой утрачен
В огромном мире этой мутной лжи...

Вот так моя мама цветы рисовала
Химическим грифелем «копиручёт»:
Сначала вела два некрупных овала,
А после она карандаш целовала,
Вела лепестки, пожимала плечом.
Потом отстранялась от близкой бумаги,
С магическим прищуром тёрла виски:
– Отличные маки?
– А если не маки?
– Ну, если не маки – тогда васильки!

* Российский революционный, советский государственный и партийный деятель. В 1919–1946 гг. занимал должность номинального главы государства в РСФСР, а затем и СССР.

** Капáй-город – район, где раньше были застройки из землянок.

Когда на печи пригорало всё брашно*,
Испуганно мама летела к плите,
И мне было тоже воистину страшно,
Я детской тенью за нею летел.
В окно вечерело, и стёкла замшели**,
И волки блудили у наших ворот...
Был счастьем вечерним таинственный шелест
Бумаги и мамин химический рот.
Вот так моя мама цветы рисовала,
А я и не знал,
Что она
Доживала...

Печатается по газете «День литературы» (№ 123, ноябрь 2006 г.).

ШИШАЕВ БОРИС / 1946–2010

ЧЁРНАЯ СМЕРТЬ

Морякам военных лет посвящается

Каждый злился, что медлят, и верил: «Дойду!»
Но короткий приказ успокаивал души,
И, бушлаты срывая с себя на ходу,
Моряки поднимались в атаку на суше.

Автомат на плечо, кто пальнёт, тот прохвост!
Там, при встрече, патроны как надо сгодятся.
Ну а ленточки в зубы, и всем – в полный рост!
Ведь в бою морякам не пристало сгибаться.

Воздух треснул на части и кровью запах...
Моряки шли в атаку, а те, что упали,
Якоря своих лент всё сжимали в зубах,
А в руках нашу горькую землю сжимали.

Пулемёты кромсали матросскую твердь:
Молотили в упор по весёлым, ершистым.
Но прошитая пулями «чёрная смерть»
Сквозь огонь подходила всё ближе к фашистам.

* Еда, пища, угощение (*устар.*).

** Покрылись мхом.

Доколачивал фрицев последний озноб,
Когда русские черти в кровавых тельняшках,
Бескозырки потуже надвинув на лоб,
К ним в окопы бросались свирепо и тяжко.

Не жалеть ни патрона! И пленных не брать!
Нашей крови повсюду озёра и реки!
А за нами братишки остались лежать,
Те, что моря уже не увидят веки...

*Печатается по собранию сочинений Б.М. Шишаева
в семи томах (Рязань, 2008).*

ШТУРМИН ГЕННАДИЙ / 1950–2023

МАРЫ

Где годы те и те века,
Когда над нашими горами
Текла к морям Труёв-река*,
Хвалясь своими островами?

Молчит история о том...
Труёв, состарясь, стал мелее,
И появился этот холм,
Марами названный позднее.

Как холм могильный, был он стар.
За это, может, в давней дали
Ему название и дали
На языке мордовском – Мар.

... Здесь горечь дум и боль утрат,
Здесь из камней слеза сочится,
Здесь пульс войны в гранит стучится,
Как в дом вернувшийся солдат.

Мары, Мары – священный холм.
Отсюда всё – как на ладони.
В кипенье вишен город тонет,
Заветный самый отчий дом...

* В Пензенской обл., левый приток Суры.

Сюда приходят старики,
Когда зануют снова раны.
Здесь просят юноши руки
У самых милых и желанных.

И стар идёт, и молодой
К огню в молчании склониться,
Как к роднику с живой водой
Перед дорогою умыться.

Чтобы потом на всём пути,
В часы нелёгких испытаний,
В себе самом ответ найти:
Куда идти и с кем идти,
За что нести венец страданий...

Из дальней мглы пороховой
Солдат домой с войны вернулся
И у околицы родной
Остановился, как запнулся.

Мать заждалась, с крыльца глядит,
В избе окно солдату светит,
А он на взгорке всё стоит,
Как будто дом свой не заметил...

Он многим здесь и сын, и брат,
Отец родной он многим тоже...
Но ни к кому зайти не может
Из бронзы отлитый солдат...

СВЯЗЬ

Есть годы роковые для России.
В них – словно провидение само.
Они ей столько горя приносили,
Что сердце жгут, как свежее клеймо.

В далёком веке на лесной опушке
Ударил выстрел в тишине седой,
И в снег упал сражённый пулей Пушкин...
И был тот чёрный год – тридцать седьмой.

Ещё и боль утихнуть не успела,
Как вновь курок поставлен был на взвод,
И Лермонтов, попав в тиски прицела,
Погиб с презреньем... Сорок первый год.

А век спустя, в тридцать седьмом, средь буден
Шли на смерть в одиночку и толпой
Поэты, полководцы, просто люди...
Всё так же – оклеветаны молвой.

А в сорок первом... Нет, неисчислимы
Потери в ту багровую пургу.
Так много жертв Победе принесли мы,
Что я дышать от боли не могу.

Грохочет время, утекают воды...
Я на детей смотрю порой, боясь:
Вдруг в нынешнем столетье в те же годы
Проявится всё та же злая связь...

*Публикуется по книге стихов «Счастье наше многоликое»
(Кузнецк – Пенза, 1999).*

ШУВАЛОВ ПАВЕЛ / 1954

ПИЛОТКА

Кто он был – француз или лях?
Или наш солдат без звезды?.. –
Отчие могилы в полях
нынче сыновьям до балды.

Мол, самим дожить – абы как! –
век раскособоченный свой:
хворая синица в руках
лучше, чем журавль неживой...

До какой же, братцы, поры
всё не разогнёмся с колен?..
Вот отбились от немчуры,
да сдались Америке в плен.

Или в душах нет ни на чох
правды – безо всяких прикрас?..
...Ты примерь пилотку, внучок, –
вдруг она тебе в самый раз?!

9 МАЯ

Презируя торжественный слог,
встречу Май по возможности стоя.
В День Победы палить в потолок –
право русское, право святое.

По проспекту пройду не спеша,
вспомню старых друзей поимённо...
Не замарана наша душа!
Не запятнаны наши знамёна.

ТОСТ

При праздничном нашем салюте
воздам уваженье врагу:
да, немцы – хорошие люди,
но я их простить не могу!

Так выпьем за нашу Победу,
за нами свершённую Месть,
которой как будто и нету,
которая всё-таки есть!..

НАСТЯ

Ирине Иосифовне Алексеевой

Посреди многолюдного пира,
в день рождения свой, в выходной,
расскажи, попрошу, тётя Ира,
как была партизанской связной.
Не хочу ни закуски, ни водки...
Пусть примолкнет на миг молодёжь...
Ведь такой героической тётки
в наше время нигде не найдёшь!

В юном возрасте трудно признаться...
Ей, девчонке (смотри – не смотри),
в сорок первом – всего девятнадцать,
в сорок пятом – всего двадцать три!..
Память, память... Тревожить не надо...

Там застряло – на все времена –
ненавистное слово «блокада»,
ненавистное слово «война».

В ноябре сорок первого года,
в тяжелейшем, в таком непростом,
уходила в поля-огороды –
за капустным как будто листом.
Пробиралась местами глухими,
по задворкам, петляя следы...
И чужое придумано имя –
ясно дело, на случай беды.

А кругом – ни приюта, ни крова.
Поразмыты дождями пути.
И до Парголова* до второго
нелегко пешедралом дойти.
Холода. Холода и ненастья.
И от фрицев не стало житья...
Ленинградская девочка Настя –
это горькая юность твоя.

Смерть глядится из каждой воронки,
поминутно грозит: «Убью!»
Но пора возвращаться к сестрёнке
в нежилую квартиру свою.
Ведь кому-то, наверное, надо
уберечь от гибели дом,
собирать на заводе снаряды
и тушить «зажигалки» потом...

Отгремят триумфальные марши
по вокзалам обеих столиц.
Летописцы парадные наши
про войну наплетут небылиц...
Сочинят-напридумают: танки,
громовое лихое «ура!»...
А сегодня – вода из Фонтанки,
и к (живой ещё!) маме пора.

* Парголово – посёлок, ныне внутригородское муниципальное образование в составе Выборгского р-на Санкт-Петербурга.

Старых песен и фильмов военных
не гнушается новая власть,
президентских речей вдохновенных
дозволяет наслушаться всласть:
мол, достойны и славы, и счастья,
и спокойного как бы бытья...

...Ленинградская девочка Настя –
тётя Ира родная моя!..

Печатается по журналу «Север», № 5–6, 2010 (Петрозаводск).

ШУМИЛОВ ВЛАДИМИР / 1954

Скажи мне, по какой науке,
Из чьих неведомых краёв
Ко мне ты скорбно тянешь руки
И не находишь прежних слов.

Багровый лист слетел на землю
Среди осенней тишины.
Всего два слова – помню, внемлю,
Хочу, чтоб не было войны.

На клочья воздух рвёт граната,
И слышится со всех сторон
То очередь из автомата,
То раздирает душу стон.

Ты мне конверта треугольник
Шлешь с тёплой лаской среди строк,
Чтоб я, живой ещё во вторник,
Его прочесть до боя смог...

Сражённый пулей из засады
Ничком откинусь у стены.
Не ради славы и награды –
Но чтобы не было войны...

ВОСПОМИНАНИЯ О СТАРОМ ДВОРЕ

Мир слушал старую пластинку.
Она вернула нас в былое.
Я вспомнил двор, девчонку Нинку,
Что встретил раннею весною.

Но так давно всё это было...
Дух тех дворов вокруг летает.
То время сердце не забыло
И что почём, оно лишь знает.

Всё было будто бы вчера –
Ударник вторил саксофону.
И Нинка с нашего двора
Была особою персоной.

Мы приглашали танцевать,
Крутя завод у граммофона.
И не могли, конечно, знать,
Что принесут раскаты грома.

А поутру была война...
И орудийные раскаты
Лишили нас и Нинку сна.
И становились в строй солдаты...

Нам было восемнадцать всем.
Мы слушали свою пластинку,
Где всем двором часов по семь
Кружили в вальсе нашу Нинку.

Отчего в начале мая
Плачет ранняя весна,
Дед, свой китель надевая,
Долго драит ордена?
Отчего мы, дня дождавшись,
В парк Победы все идём?
Отчего братишка старший
Замер рядышком с огнём?

Держит внука дед за руку
И тихонько говорит:
– Это память наша к другу

Сквозь года огнём горит.
Этот памятник – во славу
Не вернувшимся с войны,
Чтоб тебе, внучок, по праву
Видеть радужные сны!..

НОЧЬ НАД БУГОМ*

Вот-вот взорвётся тишина,
Железный шлам поранит землю.
Раскрыла пасть свою война,
Уже ползёт кровавой тенью.

Пороховая мгла легла
Над дремлющим в тумане Бугом.
И ночь, предательски темна.
Очерчен Брест на карте крутом...

Час ожидания безлик.
В него не хочется им верить...
Рассвет, июнь и... на двоих
Война шинель на плечи мерит.

СЫН И МАТЬ

Смахнув слезу, она склонилась,
Держа букет из алых роз.
Шепнули губы: «Боже, милость,
Вот ты ещё на год подросток...»

И словно слыша шёпот мамы,
Застывший в бронзе на века,
Разгладил сын на сердце шрамы,
Чуть сдвинул каску вдоль виска.

Легли цветы у пьедестала,
И прослезилась седина.
Ах, как за жизнь свою устала
С войны сыночка ждать она!

И, словно это понимая,
Сын молча тянет руки к ней.
Прижать любимую желая,
Поговорить немного с ней...

* См. примечание на стр. 172.

Бросает взгляд мать в небо синее,
Желанье встреч своих храня,
Где журавли, как мысли сына,
Летят в далёкие края.

Печатается по журналу «Огни Кузбасса», № 2, 2011.

ШУМОВ ЮРИЙ / 1954–2005

ПЛАЧ

1

Ты же был сильным, Иван.
Как ты погиб на чужбине?
Птиц улетел караван.
Стынет рубашка на тыне*.

Всё холоднее туман.
Бродят вороны по полю.
Где ты, мой добрый Иван,
Встретил недобрую долю?

Из-за далёких полян
Ветры нерадостно дуют...
Видно, правдивых, Иван,
Пули и смерть не минуют.

Ты же был сильным, Иван.
Как ты погиб на чужбине?
Птиц улетел караван.
Стынет рубашка на тыне.

2

Б.И. Почупайло

О скалу ударился прибой.
Встал солдат, очнулся ото сна.
Он поднялся – молодой, живой.
И пошёл домой. Была весна.

* Тын – частокол или забор из вертикальных брёвен либо жердей.

Долго, долго он село искал...
Та же горка, та же речка вьётся.
Дома своего он не узнал,
Лишь, как прежде, верба у колодца.

И пошёл тогда он по полям,
По полям полынным вдовьих мук...
Он смотрел, как чёрная земля
Падала из тёплых женских рук.

А в глазах у женщины туман,
Что навек от горя постарела.
Не узнал жены своей Иван –
Лет-годов немало пролетело.

Он подняться женщине помог,
А она к груди его припала...
И понять Иван никак не мог,
Отчего так женщина рыдала...

3

– Иван – головушка, туман...
О чём задумался, Иван?

Ты видишь, где закат кровит:
Там кум убит и брат убит,
В буфете «Русская» стоит,
Немного выпью... Эх, горчит...
В кармане пачка сигарет...
Но кума нет, и брата нет.
Озноб в душе, озноб в душе.

...Все трое мёртвые уже.

На полях невспаханных,
Где цветы не сорваны,
Там в одних объятиях
Соловьи да вороны.

Кто лежит под звёздочкой,
Кто лежит под крестиком.

Мне бессонной ноченькой
Больно за ровесников...

ВДОВА

1

А в доме совсем небогато.
Портрет на белёной стене.
И смотрит с него виновато
Любимый. Пропал на войне.

На фото он в белой сорочке,
Что дарена юной женой.
И знать только ноченьке-ночке,
Как холодно, горько одной!

Но ждёт она, выплавав очи,
Сегодня, вчера и всегда...
Как медленно тянутся ночи,
Как быстро уходят года!..

2

Вдовье поле, вдовье поле.
Вдовье счастье вдовьей доли.

То ли застит пот глаза,
То ли горькая слеза.

Солнце поднялось в зенит.
Прилегла в тени раки.

Взгляд сквозь ветви в синеву.
...И вдохнула сон-траву.

Ей приснился муж... живой,
Белозубый, молодой.

Вдруг проснулась и вскочила.
Где же муж?.. И где могила?

И пошла под зноем в поле.
Вдовье счастье вдовьей доли...

ФРОНТОВИК

В День Победы он «горькую» пил.
За братьёв отомстить поклялся.
Кулаком в грудь неистово бил
И – качался...

А потом за сады пошагал,
Падал в травы – не жалко обновы!
Рукавами слезу вытирал –
Не дай бог, чтоб увидели вдовы...

А когда майский день погасал,
Он угрюмо сидел на поляне,
И курил, и так тяжело вздыхал.
И медали звенели в кармане.

Он уходил туда,
Где билась Русь,
На повороте только обернулся
И прошептал:
«Вернусь... Клянусь...»
Да так за сорок лет
И не вернулся.
Жена всё ждёт,
Полынь цветёт...

*Печатается по трёхтомнику «Писатели Белогорья»
(Белгород: «Константа», 2014).*

ЩУПЛОВ АЛЕКСАНДР / 1949–2006

СОЛДАТ

Он прошагал по свету пол-Европы.
Он вышел в май со снегом на виске,
в горящих небесах висел на стропах
и от смертей висел на волоске.

Он подарил, что не сумели боги:
все звёзды, обе мирные зари.
А вслед бежал мальчишка босоногий:
«Дядь, звёздочку с пилотки подари!..»

БОЕВЫЕ ТРУБАЧИ

С поседевшей головой,
с незабытыми стихами
квартируют под снегами,
под стогами и травой.

Между пальцев бьют ключи,
с гимнастёрок иней сдуло,
и наполненные гулом
лупят яблоки в ручьи.

По лицу размазав пот,
молча думают ребята,
что у жизни нет заката.
Жизнь – пленительный восход.

И у них не кончен путь
под картечью и прикладом,
ведь труба упала рядом –
только руку протянуть.

Только встать, стряхнуть снежок,
откусить с куста ледышку,
сделать шаг, ещё шажок,
и – навстречу нам вприпрыжку.

Мы коснёмся лиц родных.
Кто-то всхлипнет без причины.
Нас вспоил один родник.
Мы одни стихи учили.

Нас роднит одна любовь.
Нам дана одна планета.
Полыхает в жилах кровь
одного – святого – цвета.

И в глазах – светло смотреть –
бесшабашные стихии...
только нам ещё стареть,
а ОНИ всегда такие.

*Печатается по книгам «Шёл отец...» (М.: «Современник», 1985)
и «Дорога Победы» (М.: «Советская Россия», 1980).*

ЮДИНА АНТОНИНА / 1952–2020

Евг. Винокурову

Любовь поэзии нужна.
И мне доказывает это
Чистейшая душа поэта,
Где рядом: Родина, война...
Хотя, наверное, тогда
Того она не понимала,
Что это личная беда –
Её гражданское начало,
Что это высшая любовь –
Не зная лжи и многословья,
Омыть с пера чужую кровь,
Чтобы писать свою кровью...

Что мне необрётённая утрата?
Чужая боль – мы перед ней равны.
Я приходила к матери солдата,
Погибшего в последний год войны.

Портрет и письма властвовали в доме,
И бабка сокрушалась надо мной:
«Как жалко, что вы не были знакомы,
Была б ему ты лучшею женой».

Я соглашалась, помогая верить,
Что сыну я единственно нужна,
Что молодость годами не измерить,
Что так и было б, если б не война.

Как время мчит... На жизнь и на слова
Сейчас смотрю я пристальней и строже.
Вот жаль, что мать, когда б была жива,
Жену б ему искала помоложе...

*Печатается по книгам «Шёл отец...» (М.: «Современник», 1985)
и «Каменный пояс» (Челябинск: «Южно-Уральское книжное
издательство», 1983).*

ЮДИНА ВАЛЕНТИНА / 1949

ПАМЯТИ РЕКА

Разлилась вокруг Памяти река,
Берегов её не видать.
Каждой капелькой в ней – солдат полка,
Невозможно всех сосчитать.

Правда смерти нет! Вновь в одном строю
Вместе собралась вся страна.
Поколение, павшее в бою,
Открывает нам имена.

Отгремел давно их последний бой.
С прошлым не теряется связь.
В памятном полку мы идём с тобой,
Близкими своими гордясь.

Памяти река очень глубока.
Не иссякли слёз родники.
И Россия-мать сохранит в веках
Душ бессмертных этих полки!

Годы пронеслись. Не вернуть назад
И не оживить нам родных.
Только у сынов тот же смелый взгляд,
И похожи внуки на них.

ДЯДЯ ВАНЯ

*Балалаеву Ивану Ивановичу,
ветерану Великой Отечественной*

Плакал дядя Ваня на скамейке,
Вытирая слёзы рукавом
Старенькой потёртой телогрейки,
Вспоминая плен в сорок втором.

Мы его, конечно, понимали –
В День Победы как не помянуть
Тех, кто не вернулся с поля брани,
Кто прошёл суровый, трудный путь!

Да и много ль ветерану надо:
Еле ходит, чуть жива душа.
Понимающим окинув взглядом,
Начал вспоминать он не спеша:

– Долгим, горьким было отступление.
Прорываясь тяжело в боях,
В августе попала в окружение
Рота поредевшая моя.

Обложили, как волков, нас в поле.
В рост не встать, водицы не испить.
Жаворонком бы вспорхнуть на волю,
Можно было бы тогда и жить!

«Сохрани, – шепчу, – родная нива,
Жито – жизнь. А жизнь – на волоске...» –
И встаю в тоске, неторопливо
Разминая колоски в руке.

Полюшко янтарное пшеницы
Посреди разрушенной страны
Мне в неволе часто будет сниться
Мирным островком среди войны.

Как спасенья, ночи не дожидаться...
Лай собак. Огонь в упор. Нет сил...
Дальше – не могу. Простите, братцы!.. –
И глаза худой рукой прикрыл.

ПАМЯТЬ

Наверно, память в этом виновата,
Что он оставит к вечеру дела
И ляжет спать. И снится сон солдату –
Всё пепелища, трубы да зола.

Вот потому солдат, войну окончив,
За плотницкое взялся ремесло.
Во сне всё та же дума сердце точит,
Чтобы село росло, росло, росло.

Проснётся и нашарит папиросы,
Закашляется, раму распахнёт,

На плечи старенький пиджак набросит
И медленно на стройку побредёт.

В бытовке он свой инструмент отыщет,
На всю округу застучит топор.
Всё мучают округу пепелища
И душит дым войны... С каких уж пор!

*Печатается по книгам «Шёл отец...» (М.: «Современник», 1985)
и «Солдаты Победы: сборник песен: солдатам Великой Отечественной
посвящается» (Сызрань: «Ваш Взгляд», 2010).*

ЮЖАКОВА-ХВОРОСТОВА ЛЮДМИЛА / 1953

Самой старшей во взводе была старшина.
Меж собою с почтеньем девчата шептали:
– Молодая ещё, а вторая война
За плечами...
– А сколько, смотрите, медалей!

А она правду резала напрямик.
Берегись, кто налаживать шашни пытался!
Не боявшийся чёрта лихой фронтовик
Даже взгляда старшинского опасался.

И девчонок её обходил стороной.
Но весенние ливни стучали по крыше...
Как она бушевала, услышав порой,
Что война, как начхоз, всё непрочное спишет...

...А под Волховом шли окружные бои.
И полвзвода накрыло, и – как не бывало...
И шептала комвзвода:
– Родные мои! Как же так?
Я же вас для любви сберегала!..

Издалека увидев гармониста,
Как хорошели женщины в округе!
И оправляли юбки и мониста,
И гармонисту метили в подруги.

Они его в дома не зазывали,
Соперниц не позорили своих.
Они по-женски терпеливо ждали:
Кого однажды выберет из них?

Он вовсе не был первым женихом.
Он был единственным.
В том нет его вины,
Что он один вернулся в отчий дом
С той трижды проклятой войны.

Но, словно бы неся в себе вину,
Он мимо женщин шёл не глядя, быстро.
И кляли бабы годы и войну,
И горько вслед смотрели гармонисту.

1976

Ещё дымок метался паровозный.
Но слава поспешала...
И уже...
Мальчишки на её окне морозном
Коряво выводили:
«ППЖ*»...
Судили бабы в вечном состраданье:
– Война всё спишет,
Но ребёнок – лишне...
Она ж совсем не жаждала списанья
Того, что было ей дороже жизни,
Того, что было радостью и болью.
Лишь чуть темней обычного с лица
Она молила ночью долгой вдовьей:
– Пусть будет сын похожим на отца!

1997

НОВОБРАНЦЫ

Мальчишки уходили
в ноябре.
Неловкие, смешные огольцы.

* Походно-полевая жена.

Но оставались в стареньком дворе
Седые ветераны – их отцы.

Они смотрели добрыми глазами
На сыновей, чуть-чуть сутуловатых,
И вспоминали, как когда-то сами
Войною были призваны в солдаты.

И вот уже другие эшелоны
Их сыновей увозят в тишину,
И провожают взглядами вагоны
Отцы, прошедшие Великую войну.

*Печатается по альманаху «Биробиджан»
(Биробиджан: Издательский центр ПГУ
им. Шолом-Алейхема, 2014).*

ЮРЧЕНКО СТАНИСЛАВ / 1948

Тихо дрогнут рельсы под колёсами,
мир багряный тронется назад.
Задымят мужчины папиросами,
женщины о чём-то загрустят.
И в окно,
темнеющее синью,
пахнущее скошенной травой,
видно,
как плывут леса России –
ряд за рядом
и за строем строй.
Сорок первый.
В зареве пожарищ
точно так же
много лет назад
слушал стук вагонный твой товарищ –
призванный
Отечеством
солдат.
На закат летели эшелоны,
многих не вернувшие назад.

Злые похоронки почтальоны
приносили, опустив глаза.
Дым пожарищ плыл,
осколки пели,
небо застилали гарь и пыль.
Молча твои сверстники в шинелях
падали в седеющий ковыль.
Стиснув зубы, шли на пулемёты,
танки жгли.
И знали –
не пройдут!
Вспыхнувшим
ревушим самолётом
падали на вражеский редут.
Много лет прошло –
дожди,
метели,
тёплая весенняя капель.
Ваши сыновья уже седеют,
ваши внуки выросли теперь.
А у ваших памятников серых
от огня торжественно светло.
Сколько вас –
весёлых,
юных,
смелых –
на российском поле полегло...
У вагонов – шум людского моря,
обещанье неостывших губ.
Почему же не даёт покоя
память –
мой оркестр военных труб?
Не люблю я проводов перронных –
так же,
не осмыслив до конца,
проводил я на вокзале сонном
с фронта не пришедшего отца.
Мы стоим,
целуемся,
смеёмся
и глядим в любимые глаза.

Пусть все те,
с кем нынче расстаёмся,
завтра
возвращаются
назад.

Октябрь 1978 г.

Издавна,
от самого начала,
так уж повелось со старины,
женщина мужчину провожала
в годы лихолетья,
в дни войны.
Сыновей к подолу прижимая,
осушив глаза, смотрела вслед,
белая,
от горя неживая,
разом постарев на двадцать лет.
Вековая скорбь в прощанье этом
старых матерей,
солдатских вдов,
стон земли,
нескошенных хлебов,
писем, не дождавшихся ответа.
Но не раздавило этой болью,
не сломало.
Снова от земли
нежные ростки на русском поле,
вскормленные женщиной, взошли.
Так – от века!
Если облака,
если ветер с нивы пахнет гарью,
женская нетвёрдая рука
силу неземную обретает.
Нежностью,
трудами этих рук
русская земля скудней не стала,
возрождалась,
из руин вставала,
женщиной спасённая от мук.

1988

Зарос травой
разбитый старый дот.
Кольшет тихо ветви тёплый ветер.
А в памяти опять далёкий год –
безжалостный,
кровавый
сорок третий.
Тяжёлых туч воздушная завеса:
среди болот, разбухших от воды,
на кромке замерзающего леса
знакомых лиц сомкнутые ряды.
Не всем в живых остаться до заката,
но в этот час перед судьбой равны
святым и грозным именем –
солдаты,
суровую
удачею
войны.
Перед застывшим
строгим батальоном
комбата звонкий голос не забыть:
«Мы выстоим –
другого не дано нам,
мы победить должны,
и значит – жить!»
В короткой завершённости приказа –
горячих слов расплавленный свинец!
Я помню всё,
хоть не был там ни разу,
я помню всё,
что помнил мой отец.

Май 1990 г.

ДЕСАНТ

Нас подняла тревога в ноль четыре.
Сформировали полк три дня назад.
Надеты парашюты,
получили
увиденный впервые автомат.
Аэродром.
Позёмкой стелет вьюга.

– «На карабин!» –
Слегка дрожит рука.
Нас выбросили где-то под Калугой
на чёрные изрытые снега.
Звенящий крик: «За Родину, ребята!»
Свинцовым ливнем разрывая мрак –
и тая,
словно иней,
до заката
полк выдержал четырнадцать атак.
Мы восемь дней, как бес на сковородке,
вертелись,
не давая спать врагу.
Из пулемётов
и прямой наводкой
нас распинали в огненном логоу.
Мы огрызались, клещи разрывали,
нас защищал до слёз знакомый лес.
Мы, как собаку на цепи, держали
отборную дивизию СС.
Осталось трое нас –
одна граната
и ненависть, стучащая в висок.
И крыл сержант на запад крепким матом,
хотя мы отходили на восток.
Я те бои не позабыл и ныне.
Я чувствую,
я вижу по ночам,
как друг мой подрывается на mine,
а купол парашюта – как свеча.
Как мы тогда
коричневую мразь,
не думая уже в живых остаться,
заставили споткнуться –
не упасть,
ещё не рухнуть, но уже шататься.
Мы выстояли,
даже отступая.
Их тысячи,
а мы втроём – стена!
И операций крупных не решая,
решали операцию «ВОЙНА»!

Август 1990 г.

УТРО 9 МАЯ

Весенний ветер, утренний, ядрёный,
пропитанный смолистым потом елей,
в вершинах, ранним солнцем озарённых,
галдящих птиц прерывистые трели.

Проснулся мир, он вновь беспечно молод,
как феникс*, возродившийся из пепла,
и ветерок, ворвавшись в юный город,
в раскрытых окнах занавески треплет.

Ещё машин не слышно и прохожих,
на кумачах горят слова святые,
и застарелой раною тревожат
у Вечного огня цветы живые.

Встречая день, не забывайте, люди,
метели злой, что над Россией дула,
когда страну чеканисто разбудит
торжественная поступь караула.

Май 2004 г.

ВETERАНАМ

Свой долг они отдали до конца:
ни совести, ни чести не предали.

Потёртые, на кителе отца
поблёскивают орден и медали.
Он стал ему велик и мешковат,
свидетель той войны и славы вечной,
но как-то приосанился солдат,
накинув китель на сухие плечи.
В ноябрьском окровавленном снегу
ты выстоял под матушкой-Москвою...

Благодарю, Создатель, что могу
обнять отца и нынешней весною.

Май 2004 г.

* См. примечание на стр. 195.

НА МОГИЛЕ ОТЦА

Рявкнув зверем, застыла машина.
Над гольцом¹ в синеве облака.
По откосу тропа на вершину,
а внизу, между падей², река.

Здравствуй, папа!
Давно я здесь не был.
Закурю, хоть лет пять не курил.
В Забайкалье бездонное небо,
всё такое же, как ты любил.

Летом Шилка³ всё так же ленива,
но весной, сбросив панцирь из льда,
скалы рвёт.
Я мальчишкой сопливым
в первом классе приехал сюда.

Забывал на реке о науке
и визжал от испуга, когда
поднимали отцовские руки
над урезом⁴, где билась вода.

Ночи сеяли звёзды в затоне⁵,
тлел, мерцая, костёр у ключа,
точно так, как у бабушки в доме,
под иконой мерцала свеча.

Мы ловили у берега раков,
запекали в огне, а потом
ели красные шейки со вкусом,
запивая парным молоком.

В понизовье сплавлялись с тобой,
мимо плыли отроги и сёла,
на прижимах под берег крутой
гнал ты плот, молодой и весёлый.

И глазами небесной лазури
ты глядел на роскошества лета
в междуречье казачьей Даурии⁶,
где туманом одеты рассветы.

Звёздный купол тебе был открыт
самодельным стеклом телескопа,
как Лаплас⁷, на меня был сердит,
если я что-то где-то прохлопал.

А сейчас на гольце, между гор,
я стою у чугунной решётки
и смотрю на бескрайний простор,
горизонтом очерченный чётко.

Воздух свеж на скалистом столпе,
запах травный пронзительно тонок.
Я с тобою, как прежде, ребёнок,
потерявшийся где-то в толпе.

Орденов твоих не оторвать
от гранитной плиты за оградой.
Мы с тобою увидеться рады,
жаль, не можем теперь поболтать.

Вечер летний от зноя устал,
солнце где-то за лесом укрылось,
ты когда-то лежать здесь мечтал,
и мечта твоя, кажется, сбýлась.

Слава богу, что ты не один –
рядом те, кто осилил эпоху,
кто в строю боевом до седин,
до конца, до последнего вздоха.

Широко Забайкалье твоё
и прекрасно, как в детстве, не скрою,
вам вечерняя птица поёт
в тишине, поминая героев.

Ну, а мне бы успеть привести
внуков-правнуков выросших к деду
и наглядно до них донести
смысл великого слова «победа»!

До свиданья, отец, не грусти!
Я в свои возвращаюсь пенаты,
что нечасто бываю, прости,
перед совестью не виноват я.

Ты сейчас между звёзд, в тишине
созерцаешь небесную ниву.
Там, конечно, безумно красиво,
как у нас на Югре⁸ по весне.

23.10.2012

¹ Голёц – название безлесной горной вершины в Сибири и на Дальнем Востоке.

² Падь (в Сибири и на Дальнем Востоке) – горная балка без стока или с временным стоком.

³ Шилка – река в Забайкальском крае, левая составляющая Амура.

⁴ Урёз воды – линия воды у берега (*тех.*).

⁵ Затон – глубоко вдавшийся в сушу речной залив, заводь.

⁶ Даурия (Даурская земля) – историко-географический регион в пределах современных Республики Бурятия, Забайкальского края и Амурской обл.

⁷ Пьер-Симон де Лаплас – французский математик, механик, физик и астроном.

⁸ Слово «Югра» в Средние века означало народы и земли за Северным Уралом. В 2003 г. оно было включено в название Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской обл. (ХМАО – Югра).

Подборка предоставлена автором, подготовлена Ю. Перминовым.

ЮШИН ЕВГЕНИЙ / 1955

Свеча моя плачет, а я не сронил ни слезинки.
И скорбны иконы, как будто поднялись из глин.
Я с папой прощаюсь, читаю родные морщинки:
Вот эти – за Брест и Варшаву, а та – за Берлин.

Куда ты, куда улетаешь от милых полесий?
Озёра твои ещё помнят тебя и зовут.
Соснового бора небесные, синие песни
Далёко-далёко последней тропею ведут.

А ты поднимись, оглянись – за разбуженным садом,
Вскипающим, птичьим, плывут облаков корабли.
Ты нёс на плечах меня майским счастливым парадом.
Теперь вот другие тебя на плечах понесли.

Прости, мой хороший. Я знаю, ты будешь мне сниться.
Ещё будет много неожиданных и жданных потерь.

Тебя ещё помнят скрипучая дверь, половица
И этот вот стол, где тебя поминаем теперь.

Как поздно любовь, что ты мне подарил, возвращаю...
Из вечных просторов обратного нету пути.
А если что было не так, то тебе я прощаю.
А если что было не так, и меня ты прости.

Стихотворение предоставлено автором.

ЯВЕЦКИЙ ПАВЕЛ / 1949

ПУЛЯ

Оборвав недолгий путь,
Тропку скарауля,
Обожгла солдату грудь
Снайперская пуля.

Не коленце выдавал:
«Ты ходи, Калуга!..» –
Он подрубленный упал –
Вышагнул из круга.
Звякнул дужкой котелок
(Мерка влаги вешней).
Кто-то охнул: – Э-эх, браток,
Как же так, сердешный?!

Не допел-договорил,
Не изведал муки...
Сок берёзовый пролил
На лицо и руки.
В полдень, в громе батарей,
Там, где холм изрытый,
Ползал рыжий муравей
По щеке небритой.

Стихотворение представлено Ю. Перминовым.

ЯКОВЛЕВ СЕРГЕЙ / 1950

НА ВОЙНУ

Ещё не остыли мозоли
От жарких покосных трудов,
Ещё ратоборцы – на воле,
Где пламень закатный бордов.
Ещё только в самом начале
Та ночь, над которою – рок...
И кто-то развёл на причале
Последний родной костерок...

Заря! Промежуток полынный,
Черта, за которой – приказ.
Нелепый, прощальный, надрывный
В окошки врывается час.
На речке туманно, угарно,
Развёл пароходик пары.
Под берег спускались попарно,
Другие – в гурьбе детворы...
И надо готовую с ночи
Котомку сыночку подать...
Бессонные высохли очи,
И сил уже нету рыдать.

Гудок. И объятья разъяты.
Весь мир потускнел и ослаб.
И вот развязали канаты,
Убрали затоптанный трап,
И первая хлопнула плица*,
И множество вскинулось рук!..
И, людям мешая проститься,
Вопила какая-то птица
И низко летала вокруг...

ШАЛЬНАЯ ПУЛЯ

Пуля была хоть и круглой дурой,
Но угодила прямо в висок...
Прячется солнце за тучей хмурой,
Кровью дымится мёрзлый песок.

Суток не пробыл солдат во взводе...
«Экий длиннющий-то, ровно шест,
Как его звали?» – «Иваном вроде,
Ехал сюда из сибирских мест».

Молча могилку ему отрыли;
Час погребальный недолог был;
Рыщущий ветер, когда курили,
Горестней плакальщиц рядом взвыл.

* Лопасть пароходного колеса.

Выглядит холмик неммым вопросом...
Взводный всего и сказал в ответ:
«Был бы ты, парень, пониже ростом,
Пуля попала бы в белый свет».

ГОРЕ

Сыны его, все трое,
Не встретили рассвет.
Их нет в шеренгах строя
И в эшелонах нет.

Взахлёб ликуют хромки*,
Гуляет майский день.
Три серых похоронки
В сплошную слиты тень.

Старик идёт с вокзала,
На праздных не во зле.
И лишь сильнее стало
Клонить его к земле.

Да как ещё погнуло! –
У горя страшный вес.
Душа глядит понуро,
Не чувствуя небес.

*Печатается по книге «Путь памяти. Томские писатели
о Великой Отечественной войне» (Томск, 2015).*

ЯКУШЕВА ЛЮБОВЬ / 1947–1984

ПЕНСИОНЕРКИ

Ох, какая лёгкая голова! Одуванчик.
Сели вдвоём говорить слова, на диванчик.
– Ну и погода! То дождь, то ведро.
– Плохое лето.
– Дворник напился. Красная морда.
– Что тебе-то?
– Да ничего... Завезли баклажаны.
– Ну так что же?

* Хрómка (хроматический баян) – разновидность русской гармони.

– Купим давай, можно пожарить.
– Ну их! Вялая кожа.
– «Время» уже. Пойдём посмотреть телевизор.
– Что там будет?
– Хороший фильм, сказал сосед снизу.
– Хороший, в будни?
– Ну ладно, как хочешь, а я пойду.
– До завтра.
...А завтра – завтрак, магазины, обед,
сиденье во дворе, телевизор, ужин.
И так много лет.
Живут как ходики, вроде никто не нужен.
Лишь привычка – друг с другом поговорить,
повздорить, что-нибудь вкусненькое сварить...
Как будто не было горя,
не было мужа, детей, войны,
как будто всегда так было:
тихий двор, разговор, голова-одуванчик,
для щей кочаны...
Лишь потом, расстилая постели
(сколько сирот у народа!), взглянет одна на комод,
другая на стену – и задрожит подбородок.

СВИДАНИЕ

Разрушаются преграды,
разливается вино.
Ты рукой махнула: «Ладно!
Видно, было суждено.

Не дожидаться, не влюбиться,
а вот так – гонять тоску».
Где перо твоё, Жар-птица?!
Где тропинка на снегу?

На снегу следы светились,
с неба падала луна.
Не прощаясь – распростились.
Не разлука – а война.

Тишина в холодном доме.
Лишь «кукушка» на стене.
Под щекой сложив ладони,
дышит женщина во сне.

И летят над ней закаты
и расплещивают свет...
На дорожке полосатой
высыхает грязный след.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Твоё поколение войны, слава богу, не знает.
Не знает воздушных, не знает наземных атак,
Но пусть на глазах твоих гордые слёзы вскипают
В тот день, когда дед надевает
Свой самый тяжёлый пиджак...

Печатается по книге «Лёгкий огонь» (М.: «Советский писатель», 1989).

ЯНЕНКО СТАНИСЛАВ / 1947–1990

«ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ»*

Памяти отца

Снова юность, уже издалёка,
нереальная, будто мираж,
так пронзительно и высоко
заведёт этот памятный марш.
Сколько было вокзалов, причалов!
Та военная медь без конца,
торжествуя громóво, встречала,
проводжала и рвала сердца.
Этот марш, и бравурный, и строгий, –
и конец, и начало в судьбе.
Как он лихо ведёт по дороге,
как печалится он о тебе!
Там, где нет даже памяти места,
на суровых дорогах земли,
это слово военных оркестров
для любого конца сберегли.
А ударят урочные склянки,
ни слезы не уроним из глаз.
И высоким «Прощаньем славянки»
повстречает прошедшее нас.

* Марш, написанный в 1912 г. В.И. Агапкиным. Является национальным символом проводов на войну.

ГОД 1941

Из цикла «Хроники»

А когда смеркаться стало,
из забоки*
вдоль плетней
пастухи прогнали стадо
и стреножили коней.
В летней кухне печь топили,
вечеряли**,
 как вчера,
молоко парное пили...
По стеклу ползла пчела...
А потом детей раздели.
И сидели у окна.
А потом уснули дети.
А потом
 была
 война.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Нынче Девятое мая –
мирные времена.
Только зачем это мама
грустно глядит на меня?
Мама, сегодня не надо.
Слышишь, салюты гремят?
Видишь красивых и ладных
послевоенных ребят?
Видишь, тебе замаячили
флаги со всех этажей?
Послевоенные мальчишки
нынче – мужчины уже.
Значит, судьба нам – не мачеха,
небо над нами – синей.
Послевоенные мальчишки
сами растят сыновей.
Значит, дороги немалые
нам на веку суждены.
Всё будет здорово, мама,
если не будет войны.

* Забока – берег, край, обочина, лесок вдоль берега речки, озера.

** Ужинали.

Я сохранил отцовские часы
с торжественным названием «Победа».
Без знака качества
и даже без гарантий.
Я двадцать лет уже ношу усы
и, слава богу, побродил по свету,
а те часы отмеривают время.

Ещё костюм отца висит в шкафу,
пропахший временем и нафталином.
Добротно сшит – такие нынче в моде –
И аккуратен, как его хозяин.
Я примерял – широковат в плечах.

Ещё в живых друзья отца остались.
Приехал подполковник отставной.
Он говорил о давнем лейтенантстве.
И, вспоминая каждый о своём,
мы молча постояли у оградки.

Какие люди рядом с нами жили!
Какое это было поколение!
На голом месте строили страну,
Такой войне хребет переломали,
такие воды и огни прошли,
а после уходили незаметно,
нам завещая сделанное ими.

Ещё идут отцовские часы!

КАВАЛЕРИЯ БЫЛАЯ

Кавалерия былая
за туманами годов
по сегодня как живая
крепкой памятью сынов.

Наша хроника надолго
сохранила кинокадр:
сам нарком на белоногом,
принимающий парад.

Перед всей страной огромной
в давний тот тревожный год
на рысях поэскадронно
кавалерия идёт.

Кавалерия не выдаст,
вся поляжет, до клинка.
Сабельный холодный выблеск –
льются крылья башлыка!

Но уже гонцы недоли
из ключа забвенья пьют.
А во белом-белом поле
танки чёрные поют.

Тот, кто вышел, тот, кто выжил
для наград и кинолент,
в памяти навеки выжжет
боль и ярость этих лет.

После жили, не ловчили.
На закате трудных дней
верховой езде учили
городских своих детей.

На трибунах ипподрома,
собранной и веселей,
ветераны будто дома,
будто в юности своей.

Видно, выдала натура –
до сих пор во мне живёт
сумасшествие аллюра,
нескончаемый полёт.

Мой отец, бывалый конник,
атеист и женолюб,
успокоился покойно,
перейдя в земную глуть.

Только память о солдате,
только память о былом.
...С той поры, как умер батя,
не хожу на ипподром.

ИЗ ДЕТСТВА

У Коли-инвалида
такие ордена!
На Колю-инвалида
смотрит вся страна.

У Коли-инвалида
коляска «Юнион»,
а на руле коляски
ненашенский клаксон.

Клаксон кричит: «Уйди-уйди!»,
но Коля-инвалид
к околоточным мальчикам
всегда благоволит.

Он щедро разрешает
клаксон понажимать
и в очередь по улице
коляску покатасть.

Мы с Колей-инвалидом
готовы быть весь день.
У Коли кортик и часы,
и кожаный ремень.

Жестокий праздник детства.
Нам, глупым, невдомёк,
что Коля б все богатства
отдал за пару ног.

*Печатается по книге «Чувство вины и любви»
(Барнаул: «Август», 1993).*

ЯСНОВ МИХАИЛ / 1946–2020

ОТРОЧЕСТВО. НОВЫЙ ГОД

Застрявшая в прошлом картина
с намёком на поздний рассказ:
безногая девочка Зина
жила в переулке у нас.

Ходила с клюкой и обидой,
смертельной обидой калек.
С хорошею девочкой Лидой
она не встречалась вовек.

Хороших у нас не бывало –
ну, разве что в книжке засёк;
продажная девочка Алла,
да спившийся мальчик Васёк.

Кто вырос, кто сразу на вынос.
Как прожитый век ни шерсти,
сегодня поди созови нас –
очнётся один из шести.

Не то чтобы тихо и кротко,
но жизнь не пуская вразнос,
я страшное слово «слободка»
в себе, словно пулю, пронёс.

А всё ещё вижу невинный,
тот давний туман и дурман:
с безногоею девочкой Зиной
сквозь линзу глядим на экран

и детского ищем резону,
о чём-то беззвучно моля
звезду, осветившую зону
над Спасскую вышкой Кремля.

Мы пришли к блокаднице,
Вынули тетрадку:
– Расскажите, бабушка,
Всё нам по порядку –
Как вы голодали,
Как вы замерзали,
Как на вас фугасы
По ночам бросали...

Придвигает бабушка
В вазочке конфетки,
Предлагает бабушка:
– Угощайтесь, детки!
Здесь берите пряники,
А вот здесь – помадку... –
Я на белой скатерти
Разложил тетрадку:
– Кто лечил вас, бабушка,
Если вы болели?
Как же вы работали,
Если вы не ели?..

Отвечает бабушка,
Угощая чаем:
– А пирог с капустою
Мы не покупаем,
Я сама пеку его –
Кушайте, касатки!.. –
Я вожу рассеянно
Ручкой по тетрадке:
– Правда ли, что воду
Из Невы носили?
Сколько же народу
Вы похоронили?..

Отвечает бабушка:
– Что ж вы не едите?
Может быть, оладушков
Вы ещё хотите?
Ой, совсем забыла –
Ешьте шоколадку!.. –

Мне девчонки шепчут:
– Закрывай тетрадку!..

Съели мы оладушки
И пирог с капустой...
– До свиданья, бабушка,
Было очень вкусно!

ПРОХОДНЫЕ ДВОРЫ

Проходными дворами я к дому бежал от шпаны.
От стены до стены –
два-три метра, булыжник, набросанный мусор,
кошачьи
тени, запахи...

Если припомнить точнее, – иначе:
проходными дворами я к дому бежал от шпаны,
сотни метров отчаянья, лабиринты животного страха,
мусор детства, худые ботинки,

штаны,
разорванные с размаху
о торчащий из дряхлой поленницы гвоздь.

Сквозь
лабиринты проходов, потом напрямик по дровам,
по древесным уступам, по толем покрытым горам,
по сараям, по грязи, в какой-нибудь лаз неприметный,
в узкий угол, где свален стальной или медный лом,
напрямик, через чёрный подъезд, напролом,
сквозь могучие заросли запахов кухонь чадающих,
в полусумрачных чашах подворотен,
в которых ворота запирались на огромный изогнутый крюк,
и опять, в дровяных лабиринтах сплетая, как хитрый паук,
паутину побега,
взахлёб, напрямик, наудачу
проходными дворами я к дому бежал от шпаны.
Если вспомнить точнее, – иначе:
проходными дворами я к дому бежал от войны.
Сквозь неловкое детство – и кровь ударяла в виски –
проходными дворами я к дому бежал от тоски
одиноких прогулок, бежал проходными дворами,
дни за днями, как подпасок на звук колокольчика в чаше
зablудшей коровы,
за тревожащим школьным звонком,
чтоб бурёнку чернильную за рога научиться хватать...

Проходными дворами опять
прохожу, пробегаю, –
сколько лет пролетело
подобно гремящему на перекрёстке трамваю?
Ни войны,
ни шпаны,
и зарос паутиною памяти школьный звонок.
Одноклассник матёрый выводит детей на прогулку
проходными дворами, заученными назубок.
И когда я иду по безмолвному переулку
и выхожу на асфальт проходного двора, –
начинается та же игра:
и опять я бегу по дворам,
по древесным уступам, по толем покрытым горам,
по сараям, по грязи, в какой-нибудь лаз неприметный,
в узкий угол, где свален стальной или медный лом, –
и всё дальше и дальше, всё дальше и дальше мой дом...

1976

МОСКОВСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

Александр Михайлович Ревич –
переводчик и старый пиит,
выставляя на стол бутылевич,
говорит, говорит, говорит.

И, входя потихоньку под градус,
переводчик и старый пиит,
с ним Анисим Максимыч Кронгауз
говорит, говорит, говорит.

Допоздна не пустеют стаканы,
день рабочий летит кувырком –
это лечатся старые раны
говорком, говорком, говорком.

И дымит фронтальная траншея,
и ракета, как в песне, горит –
пьют без умолку, пьют не хмелея
переводчик и старый пиит.

Их в застолье поди объегорь-ка –
до краёв наполняют стакан!

И становится стыдно и горько
от того, что я молод и пьян...

О московское гостеприимство!
Я в долгу у него, я готов
помянуть его ныне и присно,
а случись – и во веки веков.

И когда я, разлукой ведомый
под медлительный говор колёс,
возвращаюсь в мой город, знакомый –
ведь иначе не скажешь! – до слёз,

всё мне слышится этот туманный,
этот мирный московский содом,
исцеляющий рану за раной
говорком, говорком, говорком...

1980

*Печатается по книге «Строфы века. Антология русской поэзии»
(Минск, Москва: «Полифакт», 1995), материалам сайта «45-я параллель»
(https://45ll.net/mikhail_yasnov/stihi) и журналу «Звезда», № 9, 2007.*

ДОПОЛНЕНИЯ
К КНИГАМ X, XI

АВЕРЬЯНОВ АЛЕКСАНДР / 1947

БЕССОННИЦА

Ветка сирени качается,
скоро она зацветёт.
Утро давно намечается,
но что-то никак не придёт.
Солнце за тёмною звонницей
в старом окопе лежит –
тоже страдает бессонницей,
думает тоже про жизнь.

Ночью земля превращается
в поле минувших боёв.
Вот и прицел совмещается,
пуля над ухом поёт.
И письмо не дочитано,
и холодочек в груди,
и, словно Дева пречистая,
юность – в окопной грязи.

Ночь и война не кончаются,
кто же останется цел?
Ветка сирени качается
и закрывает прицел.
Все – и живые, и мёртвые –
вот они, снова с тобой!
Их гимнастёрки потёртые
нас прикрывают бронёй!..

...Ветка сирени качается,
утро давно намечается.

Печатается по журналу «Губернский двор», № 2, 2020.

АГАЛЬЦОВ СЕРГЕЙ / 1954

Под сенью тихой вечно покоя,
Где умолкает самый дерзкий дух,
Где всюду – тишь, безмолвье вековое,
Где смертный завершает жизни круг,

Питомцы многих славных поколений
Последнее пристанище нашли.
Не оттого ль не отыскать священной,
Роднее и запущенной земли.

Не оттого ль цветы чертополоха
Так ярко расцветают только тут,
Чтоб помнила прекрасная эпоха,
Что и её могилы зарастут.

Когда не воздадим любовью предкам,
Всё русское утратим без следа –
То грош цена великим пятилеткам,
Шуметь над ними будет лебеда.

Шло чередом обычным погребенье.
С кустов срывалась ржавая листва,
И, освящая каждое мгновенье,
Звучали тихо вечные слова

О человеке, завершившем битвы,
Что был теперь к словам прощанья глух.
Но возносились к небесам молитвы
У гроба в стайку сбившихся старух.

*Печатается по книге «Поэзия: альманах»
(М.: «Молодая гвардия», 1988).*

АДЖИБЕКОВ ХАДЖИСМЕЛЬ / 1953

СЛЁЗЫ РОДИНЫ

Слёзы родины –
Скорбь о пройденном –
Эту скорбь с малолетства познал –
Жгучей раною,
Вестью раннею
Рок мне в сердце по каплям ронял.
Память горькая,
Слава гордая
В слезах родины светятся мне –
Незабвенная,
Откровенная
Песня-плач вырастает в огне.
Слёзы родины –
Скорбь о пройденном,
Состраданье бесчисленных глаз,
Правда времени,
Вечность бремени,
Поколениям грядущим наказ.

*Печатается по материалам сайта
Международной абазино-абхазской ассоциации «Страна Абаза».*

АХМАДИЕВ НУР / 1946–2021

Да, мы войну не застали –
В сорок шестом родились.
Пересчитала по пальцам
Нас многотрудная жизнь.

В сорок шестом родились мы,
Славной Победе вдогон.
Как на ровесников смотрим,
Кто в сорок пятом рождён.

Наши отцы с матерями
Жили одною судьбой.
Свадьбы совместно справляли,

Мечены общей войной.
Сын подрастает – у этих,
Те –
 не вернулись домой.

Да, полегли миллионы –
Вечная скорбная рать.
Только детей нерождённых
Кто-то сумел посчитать?

Сколько в Европе погибло
(Мне год от года больней) –
В братских остались могилах
Сны нерождённых детей.

Наши отцы защищали
Мир от фашистской чумы.
Значит,
 ковали победу
Вместе с отцами и мы!

Славной Победою дышим,
Цель наша выше и выше,
Только спокойствия нет –
На нерождённого внука
Целятся сотни ракет.

ДЕТИ ВОЕННОЙ ПОРЫ

Детство рано покинуло нас
И позволило шалость едва ли.
Мы с печальной серьёзностью глаз
Только-только подростками стали.

Если б вдруг рассмеялись мы все,
То и горы пришли бы в движенье.
Но нечасто услышится смех,
Мы – задумчивое поколение.

Не понянчилась с нами страна,
Осыпая не нежностью – пылью.
Наше детство украла война,
Усадив нас на чёрные крылья.

Были голод и смерть на слуху –
Молоко на губах не обсохло,
Мы впряглись в борону и соху
И шагнули в другую эпоху.

Этот мир уже в наших руках,
Пусть на всех площадях нас услышат –
Сбережём, защитим на века
Беззаботное детство мальчишек.

Перевод Галины Булатовой

Подборка предоставлена переводчиком.

БАЗУТАЕВ ЮСУФ / 1948–1993

ПИСЬМО СОЛДАТА

Перед боем в землянке сырой
В замусоленной старой тетради
Письмецо своей маме домой
Написал желторотый солдатик.
«Жив, здоров, дорогая моя,
Обо мне не волнуйся напрасно...
Возвращусь я в родные края
И увижу, как горы прекрасны.
Вражья пуля не тронет меня,
Злая смерть обойдёт стороною,
Выйду я из любого огня,
Чтобы снова обняться с тобой».

Добиралось письмо много дней
До села, что в горах затерялось...
А солдат уже пал на войне,
От него ничего не осталось.
Но как свет от погасшей звезды
До земли долетает сквозь годы,
То письмо из войны и беды
Долетело до матери горской.
Мать смахнула слезинку рукой
И соседкам его прочитала...
Те слова, что писал он, живой,
Как молитву она повторяла:
«Вражья пуля не тронет меня,
Злая смерть обойдёт стороною,
Выйду я из любого огня,
Чтобы снова обняться с тобой».

Перевод М. Ахмедовой-Колубакиной

Стихотворение предоставлено переводчиком.

БАЛАКИРЕВА НАДЕЖДА / 1951–2012

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Он был безымянный, солдат-пехотинец,
Как тысячи павших на этой земле.
Когда он погиб под деревней Овинец*,
Его схоронили на ближнем холме.

Он долго лежал на обочине тракта,
И плоть земляничкой росла из земли,
Но подняли люди солдата из мрака
И к братской могиле его понесли.

Останки прикрыли льняною холстиной,
Лежал в изголовье еловый венок,
Темнели над тесной его домовиной
Подмётки нетленных солдатских сапог.

Так медленно шла осторожная лошадь,
Как будто бы знала про кладь позади.
И молча ждала деревенская площадь
Солдата с пленённою пулей в груди.

И память войны проступила на лицах,
Как если бы их осветила гроза,
Когда у солдата в землястых глазницах
Сквозь прах прорастали живые глаза.

И плакали вдовы, и замерли дети,
Забыв в этот памятный час про игру.
Старик, на завалинке вяжущий сети,
Снял шапку и долго стоял на ветру...

Но коротко было свиданье с живыми,
И майское солнце на запад пошло.
Он вместе с другими, он шепчется с ними:
Он был наверху – как ему повезло!

*Печатается по сборнику «Обратный отсчёт»
(Барнаул: Литературный фонд «Август», 2010).*

* Деревня Овинец Осташковского р-на Тверской обл. – родина автора.

БЕШЕНКОВСКАЯ ОЛЬГА / 1947–2006

ГОРЯЧИЙ СНЕГ

Горячий снег... Бывает ли такое?
Об этом можно в книге лишь прочесть.
Но кто на нём лежал в горячке боя,
Тот твёрдо знает: снег горячий есть!
И он горяч не вопреки законам.
Видать, над ним, как в отблеске костров,
Горевших хат, валящихся со стоном,
Парок курится у живых бойцов.

ПЕСНЯ О ЛЕНИНГРАДСКОЙ БЛОКАДЕ

Сколько можно о кусочке хлеба?
Столько можно, сколько сердцу надо.
Потому что помнит это небо,
Как сжималась синяя блокада...

Мы не писали оды на...
Нам не казалось, что страна,
друзей сажавшая, прекрасна...
Но, не отряхивая сна,
скажу, какая сторона
при артобстреле – наиболее опасна...

Этой темой брезговали те, кто
Не хотел быть хлебным спекулянтом...
Лишь теперь касаюсь этой темы,
Проходя по штрассе* – эмигрантом.

Мы не писали оды на...
Нам не казалось, что страна,
друзей сажавшая, прекрасна...
Но, не отряхивая сна,
скажу, какая сторона
при артобстреле – наиболее опасна...

Жизнь всегда понятнее с изнанки:
Сколько нитей, пятен полустёртых...
Было – помню – страшно сесть на санки,
Потому что... в них катают мёртвых...

* Улица, дорога, шоссе.

Мы не писали оды на...
Нам не казалось, что страна,
друзей сажавшая, прекрасна...
Но, не отряхивая сна,
скажу, какая сторона
при артобстреле – наиболее опасна...

Сколько лет уж прорвана блокада,
А за ней – блокада пропаганды –
Вижу хлеб, руины Ленинграда
И платком обмотанные гланды...

То здесь, то там – опять война.
И та же самая луна
на мир взирает безучастно.
Полночи стоя у окна,
ответь, какая сторона,
в безумье всех – не наиболее опасна...

Печатается по журналу «Нева», № 1, 2003.

ГЛУШАКОВ ЕВГЕНИЙ / 1947

ПОХОД ЭШЕЛОНОВ

Не отличен от прочих в шеренге.
Те же скулы, сведённые в хруст,
Те же – через овраг – печенеги,
Та же в тяжком беспамятстве Русь.

Неустанный поход эшелонов.
И знакомой рукою отца:
«Черпаками высоких шеломов
Мы напьёмся воды из Донца.

Мы прорвёмся за огненный Одер,
Доберёмся до кёльнских святош,
Вынося бесноватые орды
На раскатистом гребне «даёшь»!

И на приступе главной атаки
В километре от вражеских стен
Мы заправим кремлёвские танки
Из баварских клеймёных цистерн.

Заозёрье заснеженных ладог*,
Самый важный приказ передав,
Назовёт нам пароль Сталинграда
На стоянках своих переправ.

И, приветствуя старт эскадрона,
Сквозь морзянок свистящих гудки
Прозвучат на волне шлемофона
Позывные сибирской пурги!..»

* См. примечание на стр. 81.

ДОЛГ СОЛДАТА

Забуровила кровь, почернела
И, горячая, в землю ушла.
И осколком пробитое тело
Засосала болотная мгла.
И от боя смертельно уставший,
Он, конечно же, видеть не мог,
Как под озимь распаханной пашней
В небытьё отходил его полк.
До весны пролежал он, уткнувшись
В торфяную промозглую тьму,
И не слышал болтливой кукушки,
Обещающей вечность ему.
Знать, не ведал гвардеец до срока,
Что порой, золотою вполне,
Лист спорхнёт на его гимнастёрку
И сгниёт на обмякшей спине.
Не почтили солдата ночлегом;
На плаву дервенел, как бревно.
И, притопленный выпавшим снегом,
Погрузился на смрадное дно.
И затинила очи дремота,
И в глазницах означилась брешь...
Но когда возвратилась пехота
На оставленный ею рубеж
И скомандовал ротный: «В атаку!» –
Он поднялся, от грязи тяжёл,
И навстречу рычащему танку
С проржавелой гранатой пошёл...

*Печатается по альманаху «День поэзии – XXI век, 2020–2021»
(СПб.: «Любавич», 2021).*

ГРЕЧКО ОЛЬГА / 1947–1998

ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ

1

Своё детство пора спасать.
Стали слёзы по нём горячи.
Прохожему показать
Дон,
степь,
меловые кручи.
Как сердце моё щемит,
как, вместе с землёй, стара я.
...как Дон о песок шумит,
босые следы стирая.
Обняться с землёй, срастись –
чтоб с небом соединиться...
На весь кинозал: – Всмотрись
в их вечные лица!
Ни княжеских лат, кольчуг,
ни шлемов –
 пехота! –
А ты мне: – С. Бондарчук*... –
А ты мне: – Всего-то...

Нет, это, брат, не кино.
Тем более не братанье.
Какое у Дона дно!
Прибрежной лозы рыданье.
Я слёз не могу сдержатъ.
А с этой ночи – твоя ли?
Не надо меня провожать.
Уже в нас с отцом стреляли.

* С.Ф. Бондарчук – советский и русский актёр театра, кино и озвучивания, кинорежиссёр, сценарист.

Пока пятками мальчик молотит,
а конёк под ним, фыркая, пьёт, –
Дон во мне колокольню заводит,
ветром в колокол розовый бьёт!

Без креста беззащитно и голо.
Но зенитчик не бросит поста.
...Там теперь восьмилетняя школа:
во садочке то крест, то звезда.

Но уже между яблонек тесно,
и разросшийся колется тёрн.
И то ль ангел трубит, то ли честно
пионер доживает свой горн.

И всё выше течёт муравьиный
ручеек в горьковатую степь,
со своей довоенной равниной
разрывая небесную цепь.

Всё мне там и родимо, и жалко.
Оглянусь, размышляя о том,
что не стану как столп или палка:
разве мы покидаем Содом?

На Дону чернозёмы – без грязи.
Смертный грех – огурец своровать!
А с чужими преданьями связи
таковы,
что уж нечего рвать.

Декабрь 1994-го

Печатается по материалам сайта <http://olgagrechko.ru>.

ГУСАКОВ АЛЕКСАНДР / 1950–2010

Облака над головою –
Часовыми тишины...
Отдыхает поле боя,
Словно не было войны.
А закат
вовсю пылает,
По траве
скользя
лучом,
Будто поле выстилает,
поле боя,
кумачом...
Поле брани...
Поле чести...
Как его ни назови.
Только б звёзды –
не из жести...
Только б птицы –
соловьи!

Я помню временный дощатый,
Насквозь прокуренный барак,
Мужчины, бывшие солдаты,
Махру курили натошак.
А жёны их и без помады –
Лиловой моды наших лет –
С губами были – то что надо! –
Лилевое помады нет.
Но не забуду, не забуду
До дней последних, до конца,
Как петь умели эти люди,
Те люди, сверстники отца!
Смеялись как и как любили,
Какой огонь несли в груди.
За всё, что выстрадано было
На отвоёванном пути.
А впереди была (не сразу,
Но всё ж романтикам видна)
Непокорённая – ни разу! –

В бетон одетая страна...
Так детство шло моё и пело,
Так шло и пело налегке,
В пальтишке, сшитом из шинели,
И в тёплом мамином платке.

*Печатается по книге «Волны трав. Стихи поэтов Карелии»
(Петрозаводск, 1998).*

ДОБРОЛЮБОВА ЕКАТЕРИНА / 1949–2005

ДЕВЯТОЕ МАЯ

Застолье...

Можно ль солоней

заесть глоток крепчайшего хмельного?

И мама вновь сползает по стене
лицом к портрету парня молодого.

День нынешний у памяти высок.

Не май – доверие в раскрытой раме.

Но индевеет, горбится кусок

на третьем,

полном доверху

стакане.

Жизнь, какая ты штука вольная!

Здесь на радость, а там – на беду...

Помню, мама пришла довольная:

– Вот, огоревала сковороду.

И, лепёшки жуя на улице, –

в масле постном, а как на меду! –

кто ни встретится, даже курице,

сообщали про сковороду.

– Мы огоревали, огоревали, –

улыбались набитые рты.

Виноватились взрослые:

– Горе вы!

Что с вас спрашивать, сироты...

В вечной спешке, в заботе вечной,
всё урывками да на ходу,

прихожу домой, и – беспечно:

– Вот, огоревала! –

не пропаду.

Печатается по книге «Я легко уйду» (Магнитогорск: «Алкион», 2006).

ДУДА ИВАН / 1951

Не Марсель* это шумный, не праздный Версаль**,
а всего лишь Торжок*** или Клин****,
но на женские плечи накинута шаль,
и нельзя обойтись без мужчин.
Искушённой стрелой своей сам Купидон*****
метит в сердце при свете луны,
безобидно играет себе патефон
до войны. До войны.

О любви, о великой любви говорил
свет небес, упоительный свет,
потому что ни времени больше, ни сил
на жестокость и ненависть нет.
Разозлится кукушка в двенадцать ноль-ноль
и прогонит вечерние сны, и останется боль,
и нужна эта боль для войны. Для войны.

Я не вправе судить, но имел же Версаль
благородный и титул, и чин,
только Третьего рейха железо и сталь
всё же гнул в одиночку мой Клин.
Он за чёрный возьмётся, за каторжный труд,
он с боями пройдёт полстраны,
чтобы люди и боги могли отдохнуть
от войны. От войны.

В мире тихо, и в доме открыто окно,
будут звёзды гореть в полумгле,
от которых, должно быть, расстройство одно
и несчастья одни на земле.

* Второй по численности населения город во Франции, крупнейший порт страны и всего Средиземноморья.

** Город во Франции (ныне пригород Парижа), где расположен дворцово-парковый ансамбль (бывшая резиденция французских королей).

*** Город в Тверской обл.

**** Город Московской обл.

***** Бог любви в древнеримской мифологии.

И в полёте стрела, и разит Купидон
ею сердце при свете луны,
и не может не грустно играть патефон
до войны. До войны.

*Печатается по журналу «Алтай», № 1, 2021
(есть ранняя редакция в альманахе «Молодой Ленинград – 1989»).*

ЗАГРЕБИН НИКОЛАЙ / 1950

ПОБЕДНЫЙ МАЙ

Я опоздал к Великой той Победе
И к той весне, где радость – через край!
Но не в обиде – я живу на свете
И каждый год встречаю светлый Май.

Пожив немало, лучше понимаю,
Смотря с высот растущих быстро лет,
Весь драматизм жестоких испытаний
И значимость свершившихся побед.

Но как понять, принять душою горе,
Масштаб потерь, каких не видел свет,
Им, молодым, не испытавшим голод,
Рождённым позже на десятки лет?

Как рассказать им, чтобы зацепило,
Чтоб, прослезившись, вздрогнула душа,
Какую цену Родина платила,
Чтоб жили мы, свободою дыша!

Сколь мужиков погубило настоящих –
Тяжёл войны крутящийся жернов,
Согнул что спины матерей скорбящих
И горем пал на плечи юных вдов.

Порой и сам пытаюсь я представить:
Как это было?.. Было ли когда?..
Да! Это было! И не сможет память
Забить огнём пылавшие года.

Родился поздно и войны не видел,
И той весны, где радость – через край.
Но знал героев давних тех событий,
Которых нет со мною в этот Май.

...Горжусь Страной, родившей эту дату,
И для меня нет праздника важней,
Чем та Победа в мае в сорок пятом!
Пока живу – в душе она моей.

ФРОНТОВИКИ

Отец и сын – под майскою солтенью*.
Звенят медали, ордена горят.
Сегодня праздник, но ложится тенью
Печаль на лица выживших солдат.

Отец – средь лета, сын пришёл весной.
Их ноют раны, но молчат про то.
А души, опалённые войною,
Врачи не лечат... да и видит кто?

Там, на фронтах, за спины за чужие
Они не прятались, и их ли в том вина,
Что в этот май, в десятый Май – живые
Фронтовики надели ордена?

Глодают хмель сквозь стиснутые зубы,
И желваки на скулах – ходуном.
Мысль о погибших – горечью на губы,
В глазах – бои под Курском и Орлом.

Гляжу, застыв, на деда, дядю Сашу –
Друг против друга, головы склонив:
– А что, сынок, споём негромко нашу... –
И льётся боль, накопленная в них.

Они поют – холодный ветер воет,
И чёрным пеплом падает туман.
Повсюду – смерть, земля в ожогах стонет,
Горячий снег, горящих тел дурман.

Суровый дед – слеза с щекой роднится.
Глазам не верю, замер, не дыша.
Смотрю в окаменевшие их лица,
И ёжится мальчишечья душа.

До сей поры я помню ту картину...
Пять лет мне было – где мальцу понять,
Что заставляет сильного мужчину
Слезу ронять и в горле ком глотать...

* Солтень – навес во дворе от солнца (*диал.*).

Промчались годы, внуки – мне на смену.
Я старше деда, в жизнь душою врос.
Сегодня знаю песне этой цену
И понимаю силу этих слёз.

...Фронтовики – страны былой солдаты,
Осилившие страшную войну!
Гляжу на них, ловлю их с фото взгляды
И всё острее чувствую вину.

Майский солнечный день.
Нынче много людей
У надгробий, крестов, обелисков.
Души павших солдат
С ними вновь говорят,
И склоняются головы низко.

Скорбью дышит погост,
И стоят в полный рост
Поседевшие дети их, внуки,
Вспоминая бойцов:
Кто – дедов, кто – отцов,
Лиц на фото касаются руки.

Сердце сжалось сильнее –
Вдруг почудилось мне:
Средь ромашек – цветущие маки,
Словно кровь на снегу,
Что терял на бегу
Дед в далёкой пехотной атаке.

Буйство вешних садов
И покой городов,
Безмятежные чистые дали
Будят чувство вины
За потерю Страны,
Что когда-то они отстояли.

Подборка предоставлена автором.

КОНДАКОВА НАДЕЖДА / 1949

ГОД РОЖДЕНИЯ ПОСЛЕВОЕННЫЙ

1

Вся родня повыбита.
Вся душа повынута.
Эта чаша выпита,
Залпом опрокинута.

Вот и отневестилась –
Спит жених под Лидицей*.
Ни письма, ни весточки.
Даже не привидится.

Платье крепдешинное
Шито-недошито.
У младой души моей
Ищешь ты защиты.

Всю печаль отвергну я,
Все чужие лица.
Потому, наверное,
Я должна родиться.

2

Я должна родиться на земле.
День январский. Оренбург. Дорога,
Кажется, теряется во мгле
Под скупым присмотром Козерога.
Месяц снег худые сапоги,
Колесо буксует то и дело.
Век двадцатый, ты хоть помоги,
Отдели тоску мою от тела.
Видишь, плачет девочка во мгле –
Мать, Мария, бедная, худая...

* Лидице – шахтёрский посёлок в Чехии, уничтоженный немецкими властями 10.06.1942. В 1945 г. на его месте был построен музей, а рядом с ним – новый посёлок. Ныне здесь проводятся выставки искусства, посвящённые памяти жертв нацизма.

Я должна родиться на земле,
Яростная ветка молодая.

3

Если прижаться в июле к земле,
Чувствуя телом репей и ромашку,
Белоголовую горькую кашку, –
Вспомнишь, наверно, про хлеб на столе.
Вспомнишь про мать. Молода и смугла,
Глину месила и вёдра носила,
Ей помогала нечистая сила –
Как же иначе она бы смогла
Выдержать засуху, мор, недород,
Карточки, голод, войну, похоронки,
Хату родителей с краю, в сторонке,
Камни, летящие в их огород...

4

Так вот я за что отвечаю
На этом высоком ветру:
За хату, стоявшую с краю,
За смерть, что красна на миру,
У нищей карельской берёзки,
Вдали от уральских раки,т
За землю, в которой сиротски –
Без имени – дед мой лежит.
И вечность стоит за плечами,
И годы – бессменный конвой.
Так вот я за что отвечаю
На свете своей головой.

5

Хромки, кожанки, ушанки,
Крепдешины, маркизеты.
Инвалиды, попрошайки,
Неприступные портреты.
На стене – отцовский китель.
Чёрный громкоговоритель.
В детской памяти, как зуммер,
Страшный крик, что кто-то умер.

Слёзы мамы. Сердце сжалось.
Дальше – выключили свет...

Вот и всё, что мне осталось
От пятидесятих лет.

Печатается по книге «Шёл отец...» (М.: «Современник», 1985).

МАКСИМЕНКО ТАТЬЯНА / 1952

БАЛЛАДА О КАЗАЧЬЕЙ АТАКЕ

Перед нами встали какие-то казаки.

Это черти, а не солдаты, а кони у них стальные.

Живым нам отсюда не выбраться.

Из письма итальянского офицера, 1942 г.

«История земли Куцевской», г. Кропоткин, 2009

Война. Россия. Год сорок второй.
Кубанская земля для итальянцев
Родной не стала. Море – за горой.
Пришельцам не до песен, не до танцев.
Их встретили не черти – казаки.
У них стальные кони, шапки, бурки,
Но шашки – наголо! Лишь взмах руки –
И головы летят... Подвижны, юрки,
Готовы наступать – и тут же смять
Ряды пришельцев. Смелые атаки
Внушают страх. Врагам не устоять.
Кто кулаками машет после драки?

– Отсюда нам не выбраться живым, –
С тоской в Тоскану итальянец пишет.
Коль на земле мы Бога прогневим –
На небесах нас Бог уже не слышит.

...Всё так. Завоевателей следы
В потустороннем веке затерялись.
А новый век с нашествием орды
Усилил гнев Господний... Простирались
Пред Божьим оком в дымке рубежи,
И линии судьбы, и очертанья
Грядущих бед, и васильки во ржи –
И прочные основы мироздания!

Ты спрашивал: зачем была война?
Наверное, затем, чтоб нам сплотиться,
И долго в реках памяти светиться,
И в час беды воспрянуть ото сна.

21 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Ещё мой дед, копающий криницу*,
Не знает, что погибнет на войне...
И лепестки акаций на станицу
Летят, где предстоит родиться мне.
В непаханой степи пасутся кони,
Достраивает клуб колхоз «Борец»,
И одуванчик в маминой ладони
Взьерошен, словно пойманный птенец.
А мой отец – задумчивый подросток –
Модель аэроплана мастерит.
Удачный взлёт...
Но крылья в красных звёздах
Запутаются в зарослях раки.
Ещё земля в подсолнухах и маках,
Ещё снаряды – в дремлющей руде,
И тракторист о танковых атаках
Не ведает, пройдя по борозде...
Но у травы уже тревожный запах.
Вот-вот от взрывов лопнет тишина!
И солнце в страхе пятится на запад,
В кровавых тучах прячется луна.

МЕДАЛЬ ЗА ОТВАГУ

*Моему отцу-фронтовику,
Дмитрию Андреевичу Толстому*

Гимнастёрки новые, пилотки:
Новобранцы, добровольцы – в бой!
Командир ваш, не жалея глотки,
Скажет: «Если струсишь – хрен с тобой!»

А с тобою – карточка невесты,
Школьницей подаренный кисет...
Мать из дома шлёт худые вести:
Немцы на Кубани... Застят свет.

И с гранатой ты идёшь в атаку,
Собственную юность не щадя,
Ты внимаешь огненному знаку
С россыпью шрапнельного дождя.

* Криница – колодец (*диал.*).

На волне внезапного порыва
К неприступной высоте бежишь,
Целишься в кого-то торопливо,
И... на волоске повисла жизнь.

Жизнь твоя – от мирного порога
До смертельной этой тишины –
Голубем вспорхнёт по воле Бога
В купол госпитальной белизны.

И заставит сердце встрепенуться,
А глаза с усилием распахнуть...
Медленно, со стоном, разогнуться,
Для медали подставляя грудь.

Всё прошло. Забываются дали:
Вена, Прага, Варшава, Берлин...
Мы, папаша, пропили медали,
Схоронили героев былин.

Мы смешали великие даты:
Где Ослябя и где Пересвет*?
Вот они – рядовые солдаты,
Им же места в истории нет!

И незрячи, безруки, безноги
Нам с мольбою посмотрят в глаза.
Зарастают травой дороги,
Затихают отцов голоса.

Частый пульс. Роковая одышка.
В изголовье скрестились лучи.
И сознания последняя вспышка:
– Доползи, достреляй, докричи!..

2000

*Печатается по книге «Моря колыбель»
(М.: «У Никитских ворот», 2019).*

* Родион Ослябя, Александр Пересвёт – русские монахи-воины, иноки Троице-Сергиевского монастыря, участники Куликовской битвы.

МАКСИМОВА РУФИНА / 1947

ОСКОЛКИ

Я не бывала на войне
как наблюдатель или воин,
но, кажется, живут во мне
осколки той, солдатской боли
всех, кто дошёл и кто упал,
прикрыв мою судьбу своею,
кто в шуме боя утопал
и кто на фото не стареет.
Загнав надолго в толщу лет
войны обугленные краски,
их жизнь прокладывала след
из юности к могилам братским.
И тянется сквозь память лет
из той поры, уже неблизкой,
девчонок и мальчишек след,
ушедший в камень обелисков.

Я ЗНАЮ...

Я знаю, что солдаты
тоже плачут,
когда в звенящем море тишины
победы слышат голос, не в удачу
там верили, в сражениях войны.
А верили, что Бог-отец не бросит,
что лишь ему
судьбу детей решать.
Вот почему солдат
пред боем просит:
не дай, Господь,
в сраженье оплошать.
Не дай, Отец,
друзьям уйти до срока,
последние слова недосказав,
а после боя ворон ли, сорока
чтоб не клевали воину глаза.
Чтоб над землёй,
которую прикрыли
собой, в полёте крылья распластав,
мы с облаками вместе в небе плыли,
оставив слово «мама» на устах.

Я знаю, что солдаты
тоже плачут.

Плетётся сеть войны незримо
и душит землю, как пырей.
Скажите, с чем соизмеримо
на свете горе матерей,
когда разлука сердце гложет,
а годы – цепь холодных вех?!
Скажите, кто вернуть поможет
детей неповторимый смех?
Кто в доме свадьбу отыграет,
напишет первые стихи?..
Война простых людей карает
за касты правящей грехи.

ВРЕМЯ НАС ИСПЫТЫВАЕТ

Время нас испытывает вроде бы,
мы порой имеем жалкий вид,
но в ненастье не бросаем Родину,
не лишаем Родину любви.
Сколько дней
по бездорожью пройдено
через войны к белизне зимы...
Та земля,
что жизнь дала нам, – Родина,
без неё не состоимся мы.
Даже если что-то недосказано,
в душу не вошла благая весть,
всё, что было, пуповиной связано
с тем, что будет,
с тем, что ныне есть.
Зло войны, безумие «ИГИЛа»*
канут пусть во времени золе,
чтоб кресты
на брошенных могилах
не чернели на пустой земле.

Печатается по газете «Слово», 13.11.2020.

* «ИГИЛ» – запрещённая в России террористическая организация.

МАКСИН ЮРИЙ / 1954

Я плачу, глядя фильмы о войне.
И ничего тут пояснять не надо.
Отцова кровь на поле Сталинграда,
отцова кровь на огненной дуге.

И та же кровь с осколком от снаряда
и пулевым свинцом течёт во мне.
Ей о войне рассказывать не надо,
она сама расскажет о войне.

СТАЛИНГРАДСКАЯ ПОЛОСКА

Бой кипел на узенькой полоске –
на земле, что в плоть и кровь вошла...
До сих пор рождает отголоски
в русском сердце памяти стрела.

И опять слеза глаза туманит
и кривит тупым оскалом рот.
На полоске ярость танк таранит,
на полоске страшный бой идёт.

Этот бой спустя десятилетия
вечным сном нам не даёт заснуть.
И боюсь, очнувшись, не успеть я
на кровавый, но священный путь.

Смертная полоска устояла,
поднялась, пошла, врагов круша.
Вместе с ней до боли трепетала
и моя за Родину душа.

Печатается по краеведческому альманаху «Устюжна», № 18.

МАКШАНОВ ВИКТОР / 1953–2010

Шёл солдат от дома до Победы,
Чтоб вернуться к матери своей.
Сколько лиха на пути изведал
Он, пройдя сквозь тысячи смертей...

Шёл на пулемёты и на танки,
Под бомбёжкой возводил мосты.
Был он из Горяйнова, Мечнянки,
Из Владивостока и Москвы.

Шёл, не зная устали и страха,
Проливая в битвах кровь и пот.
Гимнастёрка, сапоги, рубаха
Знают цену воинских хлопот.

И простой ломоть ржаного хлеба
В заскорузлых от огня руках –
Как подарок божий. Соби где бы?
Хоть щепоть!.. и ты на небесах.

Две минуты отдыха – награда,
Козья ножка*, кружка на кругу.
Без излишней показной бравлады,
Как могли, несли урон врагу.

За кровавым оккупантом следом,
Не таясь от смертушки лихой,
Шёл солдат, шёл за своей Победой
И вернулся вместе с ней домой.

*Печатается по книге «Шёл солдат от дома до Победы...»
(Ефремов, 2015).*

* Папироса-самокрутка, загнутая Г-образно.

МАЛЫШЕВ АЛЕКСАНДР / 1948

Хотел бы я с отцом поговорить,
Чтобы узнать, как страх свой победить,
Не испугаться, не покинуть строй,
Когда пойду и я на смертный бой.

Хотел бы я с отцом поговорить,
Спросить его: «Как мне на свете жить?»
Но только без него я с малых лет,
И не успел он дать мне свой совет.

Хоть не пришлось с отцом поговорить,
Незримая нас связывает нить.
Ушёл он слишком рано в мир иной,
Жестоко искалеченный войной.

ВАХТА ПАМЯТИ

*Членом калининградской Ассоциации
поисковых отрядов «Память»*

На поляне у речки по пояс трава,
И багровый закат догорает.
О погибших в бою будет память жива,
И народ о них правду узнает.

Поисковый отряд отыскал здесь солдат,
Впопыхах захороненных вместе.
И слова благодарности нашей звучат,
Об отваге и воинской чести.

Сколько их, неизвестных военных могил?
Для солдата страшней нет забвенья.
Как святой манускрипт, эту тайну открыл
Нам ремень, словно знак воскрешенья.

Написал о себе на нём строки солдат,
Может быть, в ожидании боя.
И последний приказ тот «Ни шагу назад!»
Павшим без вести сделал героя.

Как же долго их вдовы молили святых,
Чтоб узнать, где мужей схоронили...
Поисковый отряд, вы всю правду о них,
И их честь, и бессмертье добыли.

Не закончится, видно, любая война,
Коль последний солдат не опознан.
Возвращает нам время бойцов имена,
Видно, так этот мир Богом создан.

На поляне у речки по пояс трава,
И багровый закат догорает.
О погибших в бою будет память жива,
Имена их народ теперь знает.

Пос. Борское Гвардейского р-на Калининградской обл.

Печатается по альманаху «Российский колокол», № 7–8, 2015.

МЕДВЕДЕВА ТАИСИЯ / 1948

На прошлой не была войне –
Мой возраст виноват.
О ней рассказывали мне
И дед, и мамин брат.

Один до Праги прошагал
И ранен был потом.
Второй под артобстрел попал
В сраженье под Орлом.

Горел под Курском его танк,
Контужен командир.
В живых тогда, в аду атак,
Остался он один.

Давно минули дни войны,
Но помню крепко я –
В борьбу с врагом родной страны
Внесла свой вклад семья.

На прошлой не была войне –
Мой возраст виноват.
Но очень часто снится мне,
Что я – её солдат.

МЕНЯ НЕ ОТПУСКАЕТ СТАЛИНГРАД!

*Клочкову Сергею Михайловичу,
участнику обороны Сталинграда*

Меня не отпускает Сталинград!
Уж столько лет прошло, а мне всё снится
Тот первый бой, сожжённая станица
И лица всех погибших в ней ребят.
Меня не отпускает Сталинград!
Я вновь бегу по степи раскалённой,
В атаку поднимая батальоны,
Опять встаёт израненный комбат.
За каждый дом дрались мы и за пядь
Земли родной, не ради вечной славы,
И город тот для светлых дней державы
В аду боёв сумели отстоять.
А жизнь дороже всех моих наград –
Немало дней хороших за плечами,
Но в памяти бессонными ночами
Меня не отпускает Сталинград!

ФОТОГРАФИЯ С ФРОНТА

Карточка заветная хранится
В стареньком альбоме с давних дней.
Воинов усталых вижу лица –
Дед с однополчанином на ней.

Летний день. Затишье перед боем.
Видимо, фотограф приезжал.
Он на память о войне героям
Эти фотографии раздал.

В солнечных лучах блестят награды –
Дедовы медали, ордена.
Краткой передышке были рады,
Труд тяжёлый для мужчин – война.

В стоптанных ботинках и обмотках
Вёрст немало прошагал солдат.

Выцветшая старая пилотка,
Руки крепко держат автомат.

Там, на карточке военной этой,
Выведено дедовой рукой:
«Ждите, я вернусь домой с Победой!»
Дата: август, год войны – второй.

ГИМНАСТЁРКА

Памяти моего отца

Хранится гимнастёрка в нашем доме –
Свидетельство военных давних дней.
Медали к ней прикреплены по форме,
Следы от пуль заштопаны на ней.

Отец был тяжело у Вислы ранен,
Чуть выше сердца очередь легла.
Домой вернулся майским утром ранним,
В пути его Победа догнала.

Боец не мог забыть войну, конечно,
Ему о прошлом память сердце жгла.
Хранил он эту гимнастёрку нежно,
Семья её как ценность берегла.

А жизнь текла сквозь радости и беды.
И в мае, собираясь на парад,
Встречал он в гимнастёрке День Победы,
Гордился ею Родины солдат!

05.05.2010

ПИСЬМО С ВОЙНЫ

Родная! Я не буду о войне
Писать, грущу – идут дожди косые.
А знаешь, и во вражеской стране
Цветут весной вишни, как в России.

И так же распевают соловьи
В округе от заката до рассвета,
Под солнцем пар восходит от земли,
Грохочут громы канонадой где-то.

Хочу попасть на Родину скорей,
С тобой вдвоём побыть под вишней белой,
Послушать, как российский соловей
Поёт на зорьке радостно и смело.

Об этом дне давным-давно мечтал
Вдали от дома, на земле чужбины,
С того момента, как врага погнал
От Тулы и до самого Берлина.

Обычные оставлены дела,
Бои идут, и мы не виноваты –
Война мужчин из дома увела
И в грозный час зачислила в солдаты.

Любимая! Немного до конца
Жестоких дней нам пережить осталосьь.
Привет горячий сыну от отца,
Ещё солдата подождите малость.

24.05.2012

Печатается по материалам сайта stih.ru.

МЕНЬШИКОВА ЭММА / 1955

БАБУШКА МОТЯ

Сто лет старушке отмечают.
Сидит она – едва жива.
От Президента ей вручают
В конверте добрые слова.

Цветы, подарки – честь по чести.
В доме гостей невпроворот.
Родня, собравшаяся вместе,
Уже устала от хлопот.

Начальники «по протоколу»
Сказали речи за столом –
И важно так, под пепси-колу,
Заговорили о былом...

Мол, да, теперь не то, что прежде...
А что и прежде? Так себе.
Бабуля приоткрыла вежды:
Об чём беседа? О судьбе?

Всё вспомнит: отчий дом и сенцы,
И печь с лежанкой и плитой...
Как в поле гнулись с малолетства,
Как ели пижму с лебедой...

Зато и насиделась в девках –
Приданого-то ни гроша,
Хотя – и в поле, и на спевках,
Да и собою хороша...

А появился наречённый –
Моложе лет на пять: беда!
Но крепок духом, и с Матрёной
Венчался в страшные года,

Когда от церкви в отдаленье
Ходили все – и стар и млад.
По Божьему соизволенью,
По вере русской был обряд.

И тихо бабушка Матрёна
Перечисляет имена,
И вспоминает время оно,
Когда «случилась» война...

Муж обернулся на пороге...
«Ах, как же он жалел меня!»
Обнял детей, сказал нестрого:
«Мать берегите, ребятня!»

Старушка посидела молча.
«Венца ведь не сломала я...
Всё думала и днём и ночью:
Придёт домой, а где семья?

Скажу, ждала – не дождался?
Вертайся, милый, на вокзал?
И всё казалось мне, что спасся:
Ведь он же без вести пропал».

Глаза закрыв, она вздохнула.
«Не тут мы встретимся, так там:
Венчались же». – И вверх взглянула,
Взор обращая к небесам...

И речь пошла о доле вдовьей:
Тянули жизнь как борозду
И ждали суженых с любовью...
«А я его и ныне жду...»

Да как же так, помилуй Боже!
Взывали мы: ведь вам сто лет!
«Вы что, забыли?! Он моложе!» –
Сказала бабушка в ответ.

14.01.2017

«Жили и в войну...» Теперь я верю –
Жили: Бог терпел и нам велел.
Но была ты, Русь святая, твердью,
И тебя никто не одолел.
Жили и в войну... Теперь я знаю,
Как живут, когда война идёт.
Когда сердце мечется, стеною,
Оттого что гибнет твой народ,
Оттого что дети на прицеле,
Оттого что рушатся дома...
Семьи без отцов осиротели,
Косит всех фашистская чума...
Жили и в войну... Теперь и вправду
Начинаю это понимать.
День и ночь, который месяц кряду,
Защищает русскую Гренаду
Добровольцев доблестная рать.
Жили и в войну – как на Донбассе...
А когда подпишут лживый мир,
На крови поставят церковь Спаса,
На костях устроят шумный пир.
Русь Святая, край обетованный,
Страшной может быть его цена:
После медных труб и целований

Наступают казней времена –
Это будет та ещё война.

21.02.2015

Печатается по материалам сайта «Российский писатель».

МИРОНОВ ВЛАДИМИР / 1946–2005

Реликвии юности: финка* и «вессон»**,
замытые илом, на дне заржавели.
Когда-то и мы с корешами от песен
и воли беспечной безбожно хмелели:
и пули пронзали консервные банки,
и финки свистали в картон и фанеру,
а богомольные к старости бабки
шептались: «Забыли про Бога и веру...»
Но с телом упругим, с намётанным глазом –
легко ли покою в мечте подчиниться?
И Бог осенял нас пророческим гласом:
отечеству воинский дух пригодится...

Печатается по журналу «Вертикаль XXI век», № 62, 2019.

МИТРОХИН ВАЛЕРИЙ / 1946

Ты выжил. Вспоминаешь беды,
Пьёшь горя горького бальзам
И умираешь в День Победы
Вдогонку фронтовым друзьям...

С фотографии военной
Смотрит образ твой нетленный.

* Финский нож (разг.).

** Револьвер системы Смита-Вессона.

У тебя печальный вид:
Дом сгорел, лишь печь стоит.

Враг разбит. Дымят руины.
Чёрен дым и ядовит.
Всё, что есть от Украины, –
Дом сгорел, а печь стоит.

Родина, такая жалость!
Бог тебя благословит!
Сколько нам терпеть осталось?!
Дом сгорел, лишь печь стоит.

Кто за всё ответит внятно:
Виноват ли москвит?
Нет ответа. Всё понятно:
Дом сгорел, но печь стоит.

Сами, значит, мы ответим
Всем на свете – тем и этим,
Как нам быть и с кем дружить,
Как мы дальше будем жить.

Есть у нас родная речь.
Есть у нас отцовский меч.
Есть кого и что беречь,
Есть страна и эта печь.

Грех всем этим пренебречь!

Остаётся ставить свечки
Да на Бога уповать.
И от этой самой печки,
Как ведётся, танцевать.

БЕССМЕРТНЫЕ

И в снегопады, и в дожди,
Порой совсем раздетые,
Идут герои и вожди
Дорогою в бессмертие.

Темнеют бронза и гранит,
Поскольку окисляются.

Что мир о каждом говорит,
Их больше не касается.

Идут рядами и вразброд
Тьмы-тьмушие несметные,
Пытаясь через Вечность вброд
Пройти в своё бессмертие.

И неумолчно, каждый миг,
Все в гирях, словно ходики,
Усердно молятся о них
Господние Угодники.

Взрывается майского сада граната,
Встаёт над землёй аромата громада.

Всю ночь напролёт, упиваясь амбре,
Поёт соловей о любви и добре.

Под утро в тот сад прилетает граната.
Встаёт над землёю страданий громада.
Рассвет умывается соком граната.

Дробится в куски и от крови пятнист
Невинных небес аметист.

Преклоняю колени повинно.
Больше я никуда не сбегу.
Здесь зарыта моя пуповина –
На солёном твоём берегу.

Здесь на глинистый склон Карангата*
Притулилась белёсая хата.
Круглый год здесь застой и теплынь,
Здесь в колодцах змеится полынь.

Здесь на траверзе** в древние леты
Лодьи русов оставили след.
Тут на аверсе древней монеты
Напечатан и твой силуэт.

* Карангáт – мыс на Керченском полуострове (Крым).

** Тра́верз – линия, перпендикулярная курсу судна.

Поклонясь блиндажам и окопам,
Я молился. И следом за мной
Прорастал тот, который закопан,
Корешок оболочки земной.

Лягу вглубь широко и надёжно
И питаю все соки насквозь.
И срастусь, потому что так должно,
Потому что немислимо врозь.

Печатается по «Литературной газете», № 6526 от 30.09.2015.

МОРОЗОВ ЕВГЕНИЙ / 1955

МЕДАЛЬ

*«Если увидите человека с медалью «За отвагу»
на маленькой колодочке – поклонитесь ему.
Такими медалями награждали в 41-м.
Медаль эта дороже многих наград...»
Алексей Василенко. «Война со всех сторон»*

Встретил я седого ветерана
С медалью «За отвагу» на груди.
Она смотрелась как-то странно
На кителе наград иных среди.

...Маленькая, узкая колодка,
Как у значка, расширенный овал,
Похожая на смятую пилотку,
В которой дед мой на Синявских воевал...

Не за парад, не за маневры,
За чёрную военную страду
Медалью этой награждали в 41-м,
Тяжёлом самом для страны году.

Настолько мало награждали,
Там было, ох, не до наград,
Тогда с боями отступали,
Последний в ствол загнав снаряд.

Да их там попросту не ждали
В метели схватки огневой,
Там нет дороже тех медалей,
И каждый воин был герой!

Зубами рвал фашиста-гада,
И жизнь была на волоске.
Но на вопрос, за что награда,
Он отмахнулся. Был как все.

Не за парад, не за маневры,
За трудную военную страду
Медаль он эту заработал в 41-м,
Трагичном самом для страны году.

27.04.2010

НА ПОТОМ...

*После празднования Дня Победы
пришло известие, что не стало ещё
одного знакомого ветерана войны...*

*...Мои года, как поезда, проходят,
Но прихожу туда хоть раз в году,
Где пахота заботливо обходит
Печальную фанерную звезду...*

Юрий Визбор, 1972

Как много дел текущих, сложных
Решаем каждый день гуртом,
Спешных, важных, неотложных,
Откладывая что-то на потом.

Ту встречу с седовласым ветераном,
С расспросами о прошлом, о былом,
Где мог спросить его о самом главном.
Ведь мог же... но оставил на потом!

Ну, а потом бывает слишком поздно,
И поздно так, что навсегда.
Вернуть его с погоста невозможно,
А я спросить о главном опоздал!

И траурною лентою накрылась
Вся мишура различных тщетных дел.
И в мире этом что-то изменилось.
Ведь я о чём-то главном. Не успел.

14.05.2010

МОРПЕХИ

К 70-летию Битвы под Москвой

*«В Битве под Москвой в ноябре-декабре
1941 года огромную роль сыграли войска,
сформированные в Сибири и на Дальнем
Востоке, в т.ч. из моряков-тихоокеанцев...»*

Историческая справка

Не для фарса иль потехи
На промёрзшую траву
Были брошены морпехи
В 41-м под Москву.

За страну – единоверцы,
Дальних рубежей полки.
Вы окопы грели сердцем,
А дыханием – курки.

Справа в роще – фланг штрафбата.
Взорван мост. Торчат быки...
Прошла команда: «Снять бушлаты!
К стволам своим примкнуть штыки!»

И, обрушив в пыл атаки
Все ядрёные слова,
Пошла на вражеские танки
Полосатая братва!

Нет! Неправда, что не страшно!
Бой за правду – тоже страсть!
А дойдёт до рукопашной –
Мы порвём фашисту пасть!

Штык, граната, клин лопаты,
В глаз – кулак, зубов оскал...

И такого в жизни мата
Фриц в Европе не слышал.

Пули – дуры, не занозы,
Сквозь тельняшку били в грудь,
Стыла жизнь кровавой розой,
Только смерть не обмануть.

С неба – снежная лавина,
Смерти заметала шаг.
Просыпался дух былинный.
И дрогнул изумлённый враг!

...Обелиск, как под копирку,
Стелы матовая бронь...
Вместо каски – бескозырка!
И Вечный плещется огонь!

21.12.2011

ПЕРЕД БОЕМ

*Памяти моего деда Морозова В.Я.,
пропавшего без вести в боях
летом 1941 года под Ленинградом*

*Почему всё не так? Вроде всё как всегда:
То же небо – опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода,
Только он не вернулся из боя.*

Владимир Высоцкий, 1969

Перед боем времени немного,
Размышлял солдат о близком, дорогом,
Мол, жалко, отменили Бога,
Идти в атаку трудно без него...

Я б его просил мне сил поболее,
Храбрости хлебнуть на полный вздох,
Да и знать бы, что на бранном поле
Есть поддержка – это рядом Бог!

Не спрятаться от пули в поле чистом.
Шептал он, как ведётся на Руси:
«Ну, если что, считайте коммунистом».
И дальше – тише: «Господи, спаси!»

Не трусил он под бомбой, под снарядом,
Хоть земля горела на пути.
И пуля пролетала где-то рядом,
Чтоб в другом бою его найти.

2005

БЕСЕДА С ДЕДОМ В КАНУН ДНЯ ПОБЕДЫ

*Памяти моего деда Морозова В.Я.
(последнее письмо – станция Мга
Ленинградской области, лето 1941 г.)*

На столике чарка, накрытая хлебом,
Весенние сумерки бродят в саду,
Как наяву я беседую с дедом,
Погибшим под Мгой в 41-м году.

Дед в гимнастёрке помятой и рваной,
Пилотка с звездой с уклоном на бровь,
Повязка, стянувшая свежую рану,
И проступившая бурая кровь.

Он хмур, мрачноват, но по-своему светел,
Взгляд же лучист, словно светит звезда,
36 лет только в мае отметил,
Да так и остался таким навсегда.

«Здравствуй!» – «Привет!» –
«По сто грамм ради встречи?» –
«Вижу, готовился – водка и хлеб...
К черту сейчас эти длинные речи,

Налито – пей!» – «Со свиданьем, дед!»
Странно всё как-то: хоть дед, но моложе,
Это войны той проклятая месть.
«Да полно, внучок, это промысел Божий!
Ведь ты на земле, и праправнуки есть!

За то и погиб. Ну, давай за Победу!
Тогда я не знал, когда будет она».
И вновь наливаю я полную деду,
И вновь выпиваем мы оба до дна.

«Да, слушай, а что это с вами?
Мол, нас победил мне неведомый враг?
Что стало с Советским Союзом с годами?
И где кумачовый простреленный флаг?»

Не знаю, как правильной высказать деду,
Соль сыпать на раны я вовсе не спец...
«Давай-ка по третьей за ВАШУ ПОБЕДУ!
Всех тех, кто приблизил войны той конец!»

Дед помолчал. Положил корку хлеба,
Стал собираться, шинель надевать...
«Мне нужно успеть ровно в девять на небо,
У нас на поверку нельзя опоздать!

Мы так же в строю, не имея могилы,
Лежащих в воронках, траншеях без дна,
В болотах, лесах нашей Родины милой,
Где молохом чёрным катилась война.

А если солдатик не предан земле,
Салют не гремел и не отдана честь,
Он новой державы не станет частицей
И вечно в строю, и война ещё есть».

На столике чарка, накрытая хлебом,
Весенние сумерки бродят в саду.
Снова, как в бой, провожаю я деда,
Погибшего в том 41-м году.

25.04.2013

Печатается по книге «Мелодии души» (Кострома, 2013).

МУСОНОВА ЛЮДМИЛА / 1948–2014

Пусть великие города
Трижды святы, но мне святы
На все вёрсты, на все года
Безымянная высота...
Как на север глядит магнит,
Кров родимый зовёт скворцов,
Так меня к высоте манит
Нерастраченной крови зов:
Не брусника – отцова кровь
Проросла там в покрове мха.
Тихвин* мне подскажи и Гдов**,
Тихий Волхов* ответь и Мга***,
Где в болотах, в каких лугах
И лесах затерялась та,
Неприступная для врага,
Безымянная высота.

*Печатается по книге «Меты памяти»
(Архангельск: «Северо-Западное книжное издательство», 1980).*

* Город в Ленинградской обл.

** Город в Псковской обл.

*** Городской посёлок в Кировском р-не Ленинградской обл.

НИКОЛАЕВА ОЛЕСЯ / 1955

ЧЕРЕЗ ВРАЖЬИ ЗАСТАВЫ

Как отец мой к Большому театру летит – погляди! –
чая встретиться там с фронтовыми комбатом, начдивом...
Он в особом костюме таком, где пиджак на груди
орденами проколот – в костюмчике этом счастливом!

Так отец мой 9 мая к Большому – на дружеский сход
всё плывёт на воздúсях, подняв изумлённые веки.
А в глазах – словно рыбки там две золотые
расплещут вот-вот
эти синие воды очёс*, эти чёрные реки.

Предвкушает, родимый: немного ещё – и ему
«Лейтенант!» – кто-то крикнет,
щекой припадая шершаво, –
то ли тот рядовой из-под Данцига** в чёрном дыму,
из-под Минска ль майор иль сержант
из-под гневной Варшавы.

То ли с Буга*** полковник, то ль прапорщик с Березины****.
Но ни этих, ни тех... Лейтенант, вашей армии нету!
И братки полегли, и корявое тело страны
просто сброшено в ров меж востоком и западом где-то,
в погребальные пелены, в чёрные сучья одето...

И отец на ветру, так что гаснет его сигарета,
всё уходит отец мой, уходит отец мой с войны,
через вражьи заставы
к своим пробиваясь всё лето.

*Печатается по книге «Путешественник, 2001–2004»
[Электронный ресурс] / О.А. Николаева. – Режим доступа: [https://nikolaeva.
poet-premium.ru/poetry/puteshestvennik.html](https://nikolaeva.poet-premium.ru/poetry/puteshestvennik.html).*

* Остатки, отходы при чесании, очёсывании хлопка, шерсти, льна и т.п.
** Гданьск, город-порт Польши, в 1308–1466 и 1793–1945 гг. – Данциг.
*** См. примечание на стр. 172.
**** Березина – река в Белоруссии, правый приток Днепра.

НИКОНОВА ЛЮБОВЬ / 1951–2012

ШКОЛЬНЫЙ САД

Каким бы я был в сорок первом году?
Я рос бы, как деревце в школьном саду.
Я был бы наивен, как в речке вода,
И в девочку Свету влюблён навсегда.
И были б для чувств моих даже тесны
Цветущие дни предвоенной весны.

Каким бы я был в сорок третьем году?
Я знал бы, за что я сражаться иду.
И школьного сада живительный шум
Пред первой атакой пришёл бы на ум.
И девочки Светы распахнутый взгляд
Смотрел бы мне в душу и вёл через ад.

Каким бы я был в сорок пятом году?
Я вновь оказался бы в школьном саду.
Отвыкший от мирных созвучий солдат,
Я долго бы слушал лепечущий сад.
И робко бы трогала Света, жена,
Добытые в пекле войны ордена.

Печатается по журналу «Сибирские огни», № 7, 2009.

ПАВЛОВ ЮРИЙ / 1950

Я косички Ольгины трогаю,
И нежданно-негаданно сердце
Наполняется смутной тревогою,
От неё никуда мне не деться...

Бухенвальд*... Вижу сердце в сосуде,
Кожа узников стала «вещичкой»,
А в углу средь свалявшейся груды
Молчаливо лежат две косички.

Две косички – льняные, русые,
Может, Катины, может быть – Даши,
Может, чешские, польские, русские,
Но, уверен, славянские, наши!

Я готов за них насмерть драться,
Всё снести и стерпеть, что пришлось бы,
Лишь бы не для набивки матрацев
Подрастали у девочек косы...

Я это время помню чётко,
Как нас война стегала плёткой,
Уже за гранью тишины,
Врываясь в бабушкины сны.

Она – лишь полночь на порог –
Срывала бабушку с постели,
Бранился дед: «На самом деле,
Ну что ты всё: «Сынок, сынок...»

Она вздыхала за стеной,
Не в силах выдернуть засова,
И как в мольбе твердила снова:
«Сейчас, сынок, сейчас, родной!»

* Бухенв́альд (нем. *Buchenwald* – «Буковый лес») – один из крупнейших концентрационных лагерей в Германии, располагавшийся в Тюрингии.

И возвращалась на порог,
Таинственно, как призрак – в белом,
Вздыхая тяжело: «Не успела...
Прости меня, прости, сынок!»

Война... война... Всё ты, всё ты
Саднишь и тянешь след багряный,
Бинтует время эту рану,
Но кровь сочится сквозь бинты...

НЕЗАЖИВАЮЩАЯ РАНА

Вновь дяде Пете вспомнилась война –
Всю жизнь не заживающая рана,
Давно душа седого ветерана
Недугом этим тягостным больна.

Боль затаив в морщинках возле глаз,
Затягиваясь крепко «Беломором»*,
Что видел он вдали за косогором,
Так тяжело вздыхая всякий раз?!

Шла дружная весна в цветенье трав,
И день сиял – и радужен, и светел,
А дядя Петя мрачен был, и ветер
Трепал его подоткнутый рукав...

В её глазах, когда-то синих,
Боль затаилась в глубине.
Она единственного сына
Похоронила на войне.

Она достанет «треугольник»,
Ему свою вверяя грусть,
И по складам, как будто школьник,
Твердит беззвучно, наизусть.

Давно б с войны вернулся воин,
Уж коль прийти – пришёл бы в срок,
А ей всё кажется: живой он!
Живой – без рук или без ног...

* «Беломорканал» – самые массовые папиросы эпохи СССР.

То сказкой или доброй лаской
Ребятчи трогая сердца,
Она себе сложила сказку,
В неё поверив до конца...

...Вчера, когда я стлал игольник –
В последний путь... пронзила мысль:
Старушки нет – есть «треугольник»,
Но сказка потеряла смысл...

Вот так живёшь, не зная часто,
(Лишь грудь в медалях заблестит),
Что твой сосед не только мастер
Корзины крепкие плести...

И станет многое понятно,
И спазмы сдавят, словно жгут,
Стыда малиновые пятна
Невольно щёки обожгут.

Поймёшь, как даль зовёт с откоса
И то, что снятся неспроста
Ему лесные сенокосы,
Грибные давние места.

Что не ходок – виной не возраст
И не его радикулит.
Болит... пронзительно и остро,
Нога... которой нет... болит...

Моему дяде, не пришедшему с войны

Мы с ним не встретились на свете
По той причине роковой.
Гудит над полем ратным ветер,
Кольшет буйный травостой...

Он стал травой, небом синим
И светом Вечного огня,
Всё тот же – молодой и сильный,
Похожий чем-то на меня...

Прости, что ждал ты – не дождался,
Когда шагну тебе вослед.
Рассвет кровавый нарождался
По горизонту ваших лет...

Россия! Жить когда ж ты будешь?!
Куда полынь-тоску избыть,
Чтоб успевали в жизни люди
Доцеловать и долюбить!

Взрослеют дети, крепнут руки,
И вот их в спину крестит мать –
Молю: дожить бы им до внуков,
И лучше нечего желать!

*Памяти Героя Советского Союза,
политрука Ивана Михайловича Гусева*

За журавлями следом каждый год
Уходят в вечность светлую герои,
Один, бывало, дверь мою откроет,
Совсем не по-державному войдёт.

Присядет сбоку, глянет мне в глаза,
А вижу – смотрит мимо, мимо!
– Иван Михалыч, будет ли гроза –
С утра палит сегодня нестерпимо?

– Бог знает, будет ли, – ответит мне
И вспомнит, как парило в сорок третьем,
Как танки шли с крестами на броне
И воздух был насквозь пропитан смертью...

– Вот, помню, – скажет, – случай был со мной,
Ползу к передовой вручать билеты.
Вдруг пламень брызнул огненной стеной,
И ничего – ни грохота, ни света...

Очнулся: ночь... И тихо так кругом...
Превозмогая боль, пополз обратно,
В ушах звенит, в глазах всплывают пятна,
К рассвету затемно дополз с трудом.

Боец – за автомат, да видит: свой!
В охапку сгрёб – и вырваться едва ли:
«Эх, Ванька, чёрт, да ты – живой! Живой!
А нам замену за тебя прислали...»

Вот так... Бывало всё, – вздохнёт: – Пойду...
А дождь, наверно, будет – ближе к ночи,
Недаром и палит, и жарит что есть мочи,
Как в том далёком огненном чаду...

Он снова в мыслях – в той, своей дали...
Прижмусь к нему... А век прожить – едва ли...
Пока он на земле, покуда журавли
Его в полёт высокий не позвали...

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Люди!
Замрите!
Минута
Молчания.
Пусть только
Сердце
Бьётся
Отчаянно,
Пусть только
Птиц
Не смолкает
Звучание –
Им так положено,
И не случайно!

Эта минута –
Минута
Молчания –
Не от отчаяния,
Не от отчаяния!
Эта минута –
От жизни минута!
Память кому-то!
Память кому-то!
Пусть поживут
Среди нас
Хоть минуту!

В это мгновенье
Их так помянуть бы:
Всех – поимённо!
Всем – по минуте!
И в миллионах
Бесценных
Минут
Десятилетия
Скорби
Пройдут.
Холод ползёт
По спине
Не случайно,

И тишины
Жутковато
Звучание,
Пламя огня
Завывает
Отчаянно –
Так догорает
Минута
Молчания...

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

День рождался по-летнему весело,
В щебетании птиц у воды,
Но уже горизонт занавесили
Распростёртые крылья беды...

И над тишью серебряно-чуткою
Занесён был безжалостно кнут,
Было что-то зловещее, жуткое
В обречённости этих минут...

Вот сейчас тишина будет взорвана,
И накроет почти полстраны,
Как крыло исполинского ворона,
Беспросветная темень войны...

ХАТЫНЬ*

Здесь люди жили, сеяли хлеба,
И детский смех звенел, как колокольчик.
Кто мог подумать, что в их жизни прочерк
Поставит скоро жуткая судьба...

И вот однажды варвары пришли
И, не щадя ни малых и ни старых,
Ломая руки, волокли в амбары,
И, обложив соломой, подожгли...

Как жуток был и страшен дикий вой –
Зверьё в лесах шарахалось в испуге.
Мгновенно пламя поглотило звуки,
И ветер поднял пепел над землёй.

Была деревня – и ни изб, ни хат,
И ни одной травинки чахлой близко,
И только трубы, словноobeliski,
Чернея, над пожарищем стоят...

Вглядитесь, люди, в страшные слова,
В таблички скорби, горечи и боли,
Ведь против каждой Светы или Оли:
«Три года. Три. Два с половиной. Два».

Скорбит здесь всё: и лес, и неба синь,
И колокольчики на трубах тонко-тонко
Звенят-звенят, и голосом ребёнка
Поёт и плачет вечная Хатынь...

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Тот день настал, и чудо совершилось!
Платок намокший нервно теребя,
Крестилась бабка: «Господи, случилось!
Дошла моя молитва до тебя!»

Крепясь, она кусала кончик шали,
Но слёзы градом хлынули опять...
Дед чертыхался, что ему мешали, –
Мешали костыли ему сплясать!

* См. примечание на стр. 135.

И рвали сердце радость, гнев и жалость,
И чувство перед павшими вины
За то, что вновь весна в окно стучалась,
Что им дожить до праздника досталось!

Земля ждала семян и пробуждалась,
Душою отходила от войны...
Жизнь продолжалась!..

У БРАТСКОЙ МОГИЛЫ

Здесь павших помнят, чтят, лелеют,
Здесь обелиски – не кресты.
Кругом синеют и алеют
Цветы... цветы... цветы...

От обелиска к обелиску
Всего полметра на двоих,
И только списки, списки, списки –
Солдат, лишь в памяти живых...

И кто-то в скорби и печали
Похолодеет, как металл,
Найдя того, о ком писали
Скупое: «Без вести пропал»...

Здесь время замерло и годы,
Но сердце вздрогнуло опять –
Два слова лишь: «Солдат Володя».
И дата смерти – «45».

И дальше – плиты, плиты, плиты,
И островки цветов, цветов...
Ещё в России не пролиты
Все слёзы матерей и вдов.

А там, в России, – дни и годы
Сто тысяч грустных женских глаз
Всё ждут, наверное, Володю
Уж столько лет, в который раз...

Как много в Венгрии цветов
На площадях, в садах и скверах –
Они как символ и как вера
В безоблачность ребячьих снов.

Они как память и мечты,
Как благодарность павшим,
О каждом, без вести пропавшем,
Поют цветы, шумят цветы...

В БОЛЬНИЦЕ

Дремала няня в полумраке,
Так, сон – не сон, а всякий вздор,
Когда раздался крик: «В атаку!» –
На весь больничный коридор.

Врач так влетел в палату лихо,
Что опрокинул с ходу стул.
Минута, две – и стало тихо,
Лишь кто-то у стены вздохнул...

А утром доктор на обходе,
Присев к больному на кровать,
Сказал: «Иван Петрович, вроде
Ты ночью рвался воевать!»

О чём задумался, печальный,
Среди кладбищенских оград
России-матушки страдальной
Извечный труженик – солдат?!

Давно вниманьем не обласканный,
О чём грустишь ты – о былом?
И «планки» светятся на лацкане,
И бьёт рукав пустой крылом...

Но в сердце боль иглою тонкой
Прожжёт сильнее, чем свинцом,
Когда куражатся подонки
Под сигаретный дым в лицо.

Когда, и горя не изведав,
Хрипит на подлости мастак:
«Кабы не ваша, дед, победа,
Мы жили б, может быть, вот так!»

Вот так: всё было и не стало,
И где времён живая нить?

Вождей снимают с пьедесталов,
А смертных – что и говорить...

Как часто буднями унылыми,
Где вечный сумрак и покой,
Ты тихо плачешь над могилами,
Слегка лицо прикрыв рукой...

РЕКВИЕМ

Браток, налей перед обедом,
Я не вернулся с той весны,
Убитый за день до Победы,
На третий час после войны...

Из жести кружки поднимая,
Коль «горькой» нет, пьём «самопал» –
За всех, кто пал восьмого мая,
Кто до восьмого мая пал...

Я в землю вмят машиной адской,
По мне прошли её плуги
В окопах битвы Сталинградской,
В траншеях Огненной дуги.

Я пойман пулей на излёте,
Сгорел в мучительном огне
К земле на бреющем полёте,
В кипящей танковой броне.

И смерть не выдавила стона
И даже слёз из наших глаз,
Когда открыли мы кингстоны*
И вены лопнули у нас...

Не ведал райские я кущи,
Была тоска моя остра
В чащобах Беловежской пущи
У партизанского костра.

Я не зарыт в могиле братской,
Не сплю в могиле мировой,

* Кингстён – задвижка или клапан, перекрывающий доступ в корабельную (судовую) систему, сообщающуюся с забортной водой. Выражение «открыть кингстоны» означает добровольно утопить судно (например, чтобы не сдавать врагу).

Исторгнут пастью бухенвальдской*,
Иду дождём на мостовой.

Я многолик – солдат Победы,
Дозорный всех дорог войны,
Я слишком многое изведаль,
И в этом нет моей вины...

В любой избе в российской дали
Жива та память о войне:
Кругом медали да медали
И рамки, рамки – на стене...

Я жив, пока живёт на свете
Святая память о войне,
Когда кругом смеются дети,
Не убивайтесь обо мне!

Ты слышишь, там, в дубравах чистых,
Под ветерком, на склоне дня,
Где о любви лепечут листья –
Там поминают и меня...

Налей, браток, налей к обеду
Себе – полней, немного – мне:
За радость светлую Победы!
За всех погибших на войне...

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Лаская гранит обелиска,
Даруя жизнь каждому стеблю,
Струится тепло наших близких,
Собой согревающих землю...

Печатается по материалам сайта «Российский писатель».

* См. примечание на стр. 398.

ПАРЩИКОВА ЛЮДМИЛА / 1951–2015

ФАШИСТ ПРОЛЕТЕЛ*

Нам искони внушали – жизнь бесценна.
А в выжженной, некошеной траве,
внезапно пойман мушкою прицела,
лежит мальчишка – рана в голове.
Тень самолёта гнёт к земле колосья,
и лает пёс на этот чёрный крест,
и обомлел, оглох, обезголосел
укрыть ребёнка не успевший лес.
Стволы берёз, в закате бронзовея,
струят в пространство музыку и свет.
И нет происходящему забвенья.
И объясненья, и прощенья нет...

СОМНЕНИЙ НЕ БЫЛО В ПОБЕДЕ

Сомнений не было в победе.
И всё же новый на рассвете
формировали эшелон,
в котором, может,
каждый третий
был на бессмертье обречён.
И в новой, ладно сшитой форме,
нестрелян и щеголеват,
расхаживая по платформе,
бодрился юный лейтенант.
Его знобило под шинелью,
а дело было по весне...
И на перроне таял снег,
и стаи ранние летели.
Оркестр «Прощание славянки»**
играл.
В теплушке под тальянку
звучали грустные слова.
И трактор мирно полз по тракту,
и матери стеснялись плакать
в канун большого торжества...

* «Фашист пролетел» – картина А.А. Пластова.

** См. примечание на стр. 337.

Я о том, что не врачует время...
В свете законных фонарей
на моей руке сынишка дремлет –
продолженье памяти моей.
Что ему тревожащее снится,
жадно постигающему мир?
Может, невозможность поделиться
Радостью – с блокадными детьми?
Этот долг – кому не лёг на плечи?..
Выросший в заботе и тепле,
Чем заплатишь завтра, человече,
За возможность жизни на земле?
Я о том, как трудно притерпеться
к жизни, где не веком и не днём,
а биеньем собственного сердца
время исчисляется твоё.

*Печатается по книге «Шёл солдат...»
(Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 2005).*

ПОДЛУЗСКИЙ ВЛАДИМИР / 1953–2020

МЕДАЛЬ «ЗА ОТВАГУ»

Когда при Ельцине мир к краху
Катил, дыша и не дыша,
Медаль посмертно «За отвагу»
Отца на кладбище нашла.

За подвиг ратный под Москвою,
Где не без помощи святых
На пару с русской зимою
Огнём он сдерживал блицкриг*.

Запомнил плохо эту битву;
Простой, как всякий лейтенант,
Что под сестринскую молитву
Кропил он кровью медсанбат.

* См. примечание на стр. 171.

– Что говорить. Там многим дачи
Отмерял бешеный свинец.
А слава... нежности телячьи, –
Под рюмку рассуждал отец.

Его комдив тогда к медали
Представил, да не до неё.
Тут вмиг стираются детали,
Как просолённое бельё.

Полвека батька ждал награды,
Как дополнительный талон
На ветеранские услады
В конце свихнувшихся времён.

И не дождался. Комья пали.
И уж когда взошла звезда
Над тихим холмиком печали,
Пришла медали череда.

Вручили маме «За отвагу»,
Как крест отцовский – с-под полы.
И на казённую бумагу
Упали капельки смолы.

Вы не смущайтесь. То сравненье
У мамы стыло на устах.
Ведь вдовьи чёрные поленья
Внутри пылают, как рейхстаг.

В семье осталась от победы
Одна холодная медаль.
И поминальные обеды,
Как чисто русская деталь.

06.05.2016

КИРЗАКИ*

И слеза, и не слеза
Из-под грустных кулаков.
Смачно крякает кирза
Бородатых мужиков.

* См. примечание на стр. 88.

Из-за каждого бугра
Нарастает утром хруп.
Тащит синяя махра
Луком крашенный тулуп.

На конюшню и на стан,
На стакан и пироги
Расшагались неспроста
Скороходы-кирзаки.

Обогнать ходят судьбу
Невесёлые мужи,
Но придётсЯ и в гробу
Сапогам тем послужить.

Раззадорили собак,
В цепь вонзающих клыки.
Исходили в сапогах
Всю Россию кирзаки.

1998

ПОЗДНЯЕВ МИХАИЛ / 1953–2009

В пельменной иль в пивной
исполнимся виной
пред пьяными отцами,
что приняли свой бой
моложе нас с тобой –
ягнятами, птенцами.

Как руки ни дрожат
у хмурых салажат,
обстрелянных под Веной,
под Минском и Орлом,
но, стоя за столом
в пивной или в пельменной,

они вольны! вольны
бранить нас, что войны
мы не видали, стружки

она с нас не сняла,
и как колокола
звонят пустые кружки,

и громом в облаках
в их круглых кулаках
гремят стаканы с красным
портвейновым вином,
и город за окном
становится прекрасным,

ну, прямо как в те дни,
когда сошлись они
к столу в военкомате –
с гармошкой на горбе,
с окурком на губе
и с тройкой в аттестате.

ПИР ПОБЕДИТЕЛЕЙ

И ты был с ними, и ты среди
них сидел сживал – время, вспять! –
так до рассвета среди них сиди,
пока тебя не прогнали спать,
меж мамой в кофточке кружевной
и папой в твидовом пиджаке,
а рядом Боря, ещё живой,
у Лили родинка на щеке.

Тебя забили, как клин, как гвоздь
по шляпку, в те ещё времена,
когда сидел среди них, не гость,
родство запавший, а на
честном пиру, посреди родни,
наследник, псящийся на сход
друзей родителей, во дни
Побед и в ночи под Новый год.

Ах, коммунальный водораздел,
плотина, рухнувшая в горах, –
и ты был с ними, и ты сидел
на табурете на тех пирах,
по их медалям за Кёнигсберг*

* См. примечание на стр. 278.

читать учился, под патефон
их гимнам вторил, но свет померк –
пробило полночь, ты вышел вон.

И, хлопнув дверь, услышал вдруг,
как тихо сделалось за спиной,
и рюмка выскользнула из рук,
и свет подёрнуло сединой.
Вглядишься же в узкий дверной проём,
в ту даль за скатертью голубой,
где мама с папой сидят вдвоём,
склонивши головы над тобой.

ГОСТЬ

Никогда ничего не рассказывал
о проклятой великой войне,
всё молчал да мрачнел, да закусывал,
хоть со всеми, а всё в стороне, –
припозднившийся, с краю усаженный
на какой-то доске, на весу,
на два стула концами положенной.
– Ничего, – бормотал, – не в лесу...

Почему – не в лесу?
Объяснения
отыскать он и сам не умел;
заикался до посинения
и, как скатерть белея, немел.

Немота – это лучшее, лучшее,
что он нажил, дожив до седин.

Впрочем, два незначительных случая
я со слов его помню.

Один:
в сорок втором, севернее Севастополя,
в середине июля, в дьявольскую жару,
он приказал шофёру остановиться.
Во поле –
лейтенант из СМЕРШа, расстёгивающий кобуру,
пьяный и в разбитых очках,

два бойца, похожие на крестьян, с трёхлинейками*,
и пленный румын.

Он сразу понял, в чём дело.
Он был в званье майора.
А румын был ранен в бедро.
И, ведя румына к машине,
он не знал, чего больше бояться:
что румын потеряет сознание или выстрела в спину.

Это – первый случай.
Вот – второй:
в сорок третьем было, в ноябре,
наши уже брали Украину,
Киев был уже освобождён,
он уже был в званье лейтенанта,
и ему, опять-таки в степи,
привелось с людьми остановиться.

Был туман, и выдохшийся взвод –
ветра не было, но взвод шатало –
шёл в тумане, как шагают вброд,
преодолевая лоно вод.
И решили спать, где ночь застала.

Захотелось пить, и он пробил
каблуком чистейший, белоснежный
лёд на луже или омутке.

Лёд был схож с яичной скорлупой,
так же бел и так же захрустел
под ногою. Он упал и пил
долго, долго, долго, и вспотел,
и уснул.
Как только рассвело,
поднял взвод – и не было тумана,
был мороз, и в нескольких шагах –
вмёрзшие в окрепший за ночь лёд
лошадь, ухмылявшаяся странно,
мёртвый глаз вперяя в «рус-ивана»,
фура с кашею и кашевар,
бомбою разорванный на части...

* Трёхлинейка – русская трёхлинейная (7,62 мм) винтовка Мосина образца 1891 г.

Суток семь его рвало. По счастью,
обошлось: он смог и пить, и есть.

Ну так что же это есть – участие?
Что это – бесславье или честь,
знак отличия или безличия,
светлый путь или судная весть?
Я не знаю.

И это незнание
и его, и подобных ему,
и слепящее их сияние,
и зияющую их тьму
заслоняет стеной туманною
от меня и подобных мне.

Он, остывшую кашу манную
колушающий в стороне
по причине болезни язвенной
в День Победы, в чужом доме,
на войну ещё финскую призванный,
он-то знает...

И потому
я, в отличие от кореша ушлого,
на стихах про войну преуспевшего,
войну хлопающего по плечу,
ни о чём из проклятого прошлого
не спрошу у него.
Помолчу.

1984

Печатается по книге «Лазарева суббота» (М.: «Захаров», 2002).

ПОЛЯЧЕНКО ГЕОРГИЙ / 1950–2014

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

«Береги себя», – сына просила,
На прощание перекрестила,
Потянулась шинель застегнуть –
И упала, заголосила,

Будто это мужа могила,
И уткнулась в открытую грудь.

1980

ПОМЕРАНЦЕВ ИГОРЬ / 1948

К-ов готовился к поездке
в Германию несколько лет.
По приезде
он пришёл в полицейский участок
просить политического убежища.
Однако,
услышав немецкую речь,
вышел вон
с металлическим привкусом
во рту.

В послевоенное время такое случалось каждый день:
сын секретаря обкома
или полковника НКВД
играл с сыном отцовского шофёра
папиным пистолетом
и случайно спускал курок.
Был ли это один и тот же мальчик
из неимущей семьи?
Следовало ли опасаться
дружбы с мальчиками из начальства?
Оправдывались ли, таким образом,
наши родители,
что не дружат с начальством?
В конце концов,
неужели генеральские дети
были опасней головорезов из сирот?
Эти вопросы приходят на ум
при встрече со словом
«послевоенный».

Печатается по книге «Стихи. Проза» (Киев: «Факт», 1998).

РАТНЕР АЛЕКСАНДР / 1947

Сорок первый. Июнь. Громыкает война.
На перроне прощаются он и она.
У неё – в пол-лица под глазами круги
И мольба на губах: «Ты себя сбереги!»
И, в любимых глазах видя смертную грусть,
Он заверил её: «Сберегу и вернусь!..»

Кто ответит среди гробовой тишины:
Разве он обманул, не вернувшись с войны?

Басе Фалькович

Услышав о тех, кто погиб на Донбассе,
Всегда вспоминаю о бабушке Басе,
Меня воспитавшей, с рожденья растившей,
От жизни уставшей и всё мне простившей,
И переживавшей великую мýку
По где-то убитому, словно по внуку.
К примеру, убили солдата в Заире*,
И ходит она, вся в слезах, по квартире,
Сочувствуя парню, лишь то о нём зная,
Что смерть принесла ему рана сквозная.
И где бы и с кем бы беда ни случилась,
На идише Басенька Богу молилась,
Какому – неважно, тому, кто поможет.
И голову раненый где-то не сложит,
И кто-то из комы отчаянно выйдет,
И солнце ослепший от взрыва увидит –
Так Бася считала, и Бог её слышал,
Покуда однажды срок жизни не вышел.
И то, что в молитвах шептала обычно,
Теперь говорит она Господу лично.

Печатается по материалам сайта «45-я параллель».

* Заир – название Демократической Республики Конго с 27.10.1971 по 17.05.1997.

РАТУШНЫЙ АЛЕКСЕЙ / 1952

Дед добровольцем на войну,
Увы, не смог попасть.
Конечно, он любил страну,
Имел такую страсть.

Он был душою за народ.
И в том сомнений нет.
Но до войны был странный год.
И в нём исчез мой дед.

Не защищал мой дед Москвы,
Не спас он Сталинград,
Ни Ржев, ни стольный град Невы,
А был бы точно рад!

Но за три года до войны
Прошёл он путь Царя.
Ни ямы той, ни той стены...
Погиб напрасно. Зря.

26.03.1952

ЭТО БЫЛО УЖЕ СО МНОЙ

Барак большой. Вместительный барак.
Барак официальный – для собраний.
Огромная столовая. Для драк!
Просторно и светло. Как в ресторане.

По двадцать уместились на скамьях
В одном ряду. Да и рядов тут двадцать!
Четыреста! Все – как одна семья!
Здесь избранные лагеря садятся.

Событие из ряда вон! Концерт!
Не каждый год случались те спектакли!
Да свадьба у Хозяина! Эксперт
На дочке его женится! Не так ли?

Московские артисты, десять труб!
Оркестру выгружали: видел лично!
Весь вечер здесь в столовой будет клуб!
Концертные из эзков! Им привычно!

Да! Их кормили словно на убой!
Навряд ли зря дают такую пайку!
Три девочки у них! Пойду с любой!
Ну ты разинул пасть! Да без утайки!

Две балерины – ножки напоказ.
Но самая красивая – актриса!
Актриса? Точно? Нужен глаз да глаз!
Ужель мне не уступит эта киса?

Наверно, все за кем-нибудь живут.
И пусть живут! А мне какое дело?
Мы с ней в камерке между делом тут.
Концерт – душе, всё остальное – телу!

Смотри-смотри! Ты видишь? Вон она!
Пристроилась у края за кулисой!
Ох, невысока! Но стройна! Стройна!
И вправду, может быть, она актриса?

Зарежу суку, если мне не даст!
Пусть только выйдет и свой рот откроет!
Кто там заглавный? Пусть им передаст,
Что ей уже нарядный землю роет!

Сначала отдавайся! А потом
Уже иди всей зоне показаться.
Все знают здесь: хозяин я! На том
Вся Колыма! Не вздумай отказаться!

Сначала мне! Ко мне! Сюда! В нору!
В мою общеизвестную дежурку!
Я зону здесь держу! Не даст – сотру
В пыль! В порошок! Оставлю только шкурку!

Когда начнут? Осталось полчаса?
Опять отряд четвёртый где-то трётся!
Ну что, моя красавица-краса!
Сюда! Ко мне! Мне каждая сдаётся!

Что значит «не идёт»? Силком веди!
Заткни все пасти грёбаной бригаде!
Я вырежу ей сиську на груди!
Бегом! Шнуром! Иль хочешь быть в отряде?

Что? Так дерзка? Засунь кулак ей в пасть!
Скажи: её перо уже готово!
Да чтоб с пяти шагов да не попасть?
Пусть только сунется! Я дал всей зоне слово!

Ты сдохнешь, сука! На концерте! Здесь!
Нет смертной казни! Четвертной мы тянем!
Порадуем, с блатных сдувая спесь.
Ужель отпустим сучку и увянем?

Приехала, концертная звезда!
Да ничего! Нам как-то проще матом!
Пока сюда не ходят поезда,
Здесь только перья-пёрышки крылаты!

Так ты её сейчас предупредил?
И что она? Стоит бледнее смерти?
Поди скажи: коль выйдет на концерте,
Увидит мигом пёрышко в груди!

Но завершилась эта суета.
Расселись все по рангу и по месту.
Кто вечером порадует невесту,
Увидит зал, не верящий в Христа.

И зазвучала музыка богов!
Для всей элиты лагерной! Взлетела!
Рассыпалась по склонам берегов,
И зона вся мгновенно опустела!

Сбежались все, кто только это смог,
Застыли возле главного барака,
В который словно звал далёкий рог,
Та музыка ко всем явилась знаком!

Гремели трубы! Бился барабан!
Звучали марши наши боевые,
И каждый становился маршем пьян!
И в каждом отзывались строевые!

Кружился вальс! Про синенький платок
Пел незнакомый посидельцам голос,
И «Болеро» звучало, как Исток,
И подбирался к сердцу звуков полоз.

И вдруг на лагерь пала тишина!
Застыло всё! Исчезли в сердце звуки!
На сцену перед эсками Она
Взошла, как на костёр, скрестила руки.

И зал застыл! В одной руке перо
Предательски неслышно задрожало.
Он ждал его команды, а нутро
Ему шептало: не бросай кинжала!

Она смотрела молча в этот зал.
Она держала паузу! Умело!
Она как будто вышла на вокзал,
Где пуст перрон. На поезд не успела...

Вот, кажется, её уже знобит!
С чего начнёт? Ужели скажет что-то?
И прозвучало страшно: «Я убит!»
Про Ржев, налёт, про роту и болото!

Казалось им, что это – не она.
Она же там осталась. Подо Ржевом.
Под нашим – тем, которому цена
Вся жизнь девчонки этой – Королевы.

Вновь пауза! Смертельна тишина.
Казалось, весь барак пронзился тайной,
И главной тайной стала в нём она,
Когда сказала «Жди меня!» случайно.

И все четыре сотни: «Жди меня!»
Беззвучно, каждый лично, повторили
Все как один! Они не говорили,
Вторили сердцем: «...сядут у огня!»

Вокруг барака тысяча голов
Шептала, повторяя слово в слово,
«И я вернусь!» ... взлетало выше слов
И возвращалось в каждом сердце снова.

Она читала так, как на костре
Читает невинная молитву.
Уже пылает пламя, и на битву
Сестра свой голос отдаёт сестре.

Нет! Не ждала оваций и похвал.
Она взошла на столп, где губят души,
А зал её уже не целовал
Глазами, зал желал внимать и слушать!

Она читала песню про дожди,
И зал рыдал беззвучно и безмолвно,
За окнами шептаний бились волны
И тысяча ээка вторила: «Жди!»

Она умолкла. В мёртвой тишине
Встал самый главный ээк и поклонился.
И зал за ним. И тут оркестр забился
И растворился в звёздной вышине.

Когда уже их вёз грузовичок
По самой страшной Колымы дороге,
Она шепнула мужу:
– Старичок!
Сегодня вы играли, словно боги!
– И ты читала, Маша, словно Бог!

Печатается по материалам сайта «Стихи.ру».

РАХМАТУЛЛИН ВАЛЕРИЙ / 1951

ВДОВА-СОЛДАТКА. 1946

Приезжали они из деревни,
чтоб рубаху купить да тетрадок.
Скоро вновь зажелтеют деревья,
там и в школу – таков уж порядок.
В магазин заходили с сыночком,
на товары и цены глядели.
Доставали рубли из платочка –
небогатые мамины деньги...
Сэкономив чуток на науке,
шли на рынок шальной и горластый,

ведь ещё б леденцов дочурке
да чего-нибудь по хозяйству...
Леденцы в самодельной коробке
покупали они у калеки,
и клеёнку на стол – у торговки.
И от денег – пятак да копейки...
Ничего, из копеек – рублишки.
Скоро будет подмога от сына.
И они поспешали с сынишкой
на попутную, значит, машину.
Толпы нищих у рынка стояли,
как бывает всегда в лихолетье.
Мало кто подносил подаяний,
только мамочка сыпала медью...
И старушка, вся в разных заплатах,
вопросила, терзаема астмой:
«За кого мне молиться, касатка?» –
«За Петра. Чтoб Небесного Царства...»

Печатается по материалам сайта «Русское поле».

БИОГРАФИИ
АВТОРОВ

САЛОМАТИН ВЯЧЕСЛАВ

1951–2015

Вячеслав Иванович Саломатин (16.11.1951, пос. Худайбердинский Аргаяшского р-на Челябинской обл. – 03.01.2015, Коркино Челябинской обл.) в 1969 г. окончил СШ№ 2 в Коркино, в 1978 г. – Свердловский юридический институт (заочно). Несколько лет работал корреспондентом районных и городских газет, а также на заводах по рабочим специальностям. С 1973 г. – солдат срочной службы во внутренних войсках, с 1975 г. – офицер милиции, с 1979 г. – военный журналист армейских газет в Средней Азии, Казахстане, на Урале, в Екатеринбурге, с 1996 г. – майор запаса по выслуге лет. Печатался в коллективных сборниках, журналах и альманахах. Автор книг стихов «Ваш сын и брат» (1992), «Духовной жаждою томим...» (1999), «На особом счету» (2003), «Свеча, горящая впотьмах» (2003).

СИДОРЕНКО ИННА

1946

Инна Анатольевна Сидоренко родилась 10.04.1946 в Крыму, в с. Журавки Кировского р-на. Автор сборника рассказов, романа «Родословная любви», книг стихов «Откровение», «Перезвон», «Колыбель моя Таврида», «Жажда жизни» и др. Живёт в Феодосии.

СИЛКИН ВЛАДИМИР

1954

Владимир Александрович Силкин родился 14.10.1954 в Рязске Рязанской обл. Окончил Рязский дорожный техникум, Новосибирское высшее военно-политическое общеобразовательное училище и Военно-политическую академию. Службу проходил в различных группах войск. Ветеран боевых действий. Автор более 60 книг различных жанров, первая – «Отсюда родина видней» (Владивосток, 1983). Книги «Журавинка», «Три имени» и «Золотое крыльцо» находились в космосе и кругосветных морских плаваниях на парусных учебных судах «Надежда» и «Крузенштерн». Именем В.А. Силкина названа библиотека № 2 в родном городе писателя, литературный салон в Рязском краеведческом музее, Владимир Александрович – почётный гражданин Рязска, почётный краевед Рязского р-на, заслуженный работник культуры РФ.

Воевали отец, Александр Васильевич Силкин; дед по отцовской линии, Василий Владимирович Силкин; дед по материн-

ской линии, Василий Семёнович Толмачёв; тесть, Михаил Васильевич Трифонов. Все живыми вернулись домой.

СИМАКОВ АЛЕКСАНДР

1950–2011

Александр Александрович Симаков (12.08.1950, Пржевальск Иссык-Кульской обл. Киргизской ССР – 10.10.2011, Санкт-Петербург), помня о подвиге деда, воевавшего в Гражданскую, и отца, защищавшего Родину в Великую Отечественную и дошедшего до Будапешта, выбрал военную профессию. После школы поступил в Ленинградское высшее военное училище железнодорожных войск. Через несколько лет получил профессию военного журналиста в Львовском военном институте. В 1975 г. приехал на БАМ, служил редактором армейской газеты в пос. Дипкун Амурской обл. В 1984 г. переехал в Санкт-Петербург. Как поэт печатался в журналах «Смена», «Советский воин», «Молодая гвардия», в коллективных сборниках центральных книжных издательств. Автор книги стихов «Вешки на снегу» (Хабаровск, 1982). Лауреат Премии Амурского комсомола в области литературы.

СИНЕЛЬНИКОВ МИХАИЛ

1946

Михаил Исаакович Синельников родился 19.11.1946 в Ленинграде в семье блокадников – военного журналиста и учительницы русского языка и литературы. Детство провёл в Киргизии. В 1968 г. окончил Ошский пединститут. Два года проработал корреспондентом областной газеты. В 1969 г. поступил в Литературный институт им. А.М. Горького. Работал в «Литературной газете», в журнале «Дружба народов». Преподавал поэзию в Христианском лицее, был проректором Института развития регионального образования, обозревателем газеты «Московские новости». В Институте стран Азии и Африки МГУ преподаёт разработанный им курс «Азия и Африка в русской поэзии». Стихи публиковались в литературных журналах, вошли в антологии русской поэзии XX века и переведены на многие языки мира, отдельными книгами вышли в Черногории и Румынии. Переводчик грузинских, осетинских, персидских, таджикских и других поэтов. Автор более 20 сборников стихов и книг переводов: «Облака и птицы» (1976), «Киргизская рапсодия» (1979), «Незнакомый голос» (1999), «Под сенью кедра» (2004), «Сто стихотворений» (2011) и др. Лауреат множества литературных премий, заслуженный работник культуры Ингушетии.

СИТНИКОВ ВАСИЛИЙ

1951

Василий Харлампович Ситников родился 01.01.1951 в д. Морозовице Великоустюгского р-на Вологодской обл. После школы трудился шлифовальщиком на судостроительно-судоремонтном заводе. Служил в армии. Работал корреспондентом сельхозотдела в редакции газеты «Советская мысль», столяр-станочником на фабрике «Великоустюгские узоры», шлифовщиком в филиале оптико-механического завода. Стихи и проза публиковались в сборнике «Молодые голоса Севера», во всех сборниках Великоустюгского литературного объединения «Северок», в региональном альманахе «Звезда Поюжья», в областном литературном журнале «Вологодский ЛАД», в альманахе «Поэзия» и других изданиях. Автор поэтических книг «Побережья» (1994), «Красный остров» (2002), «Поминальное вино» (2007), «Созвездие волка» (2017), «Колыбельная для страны» (2020). Живёт в Великом Устюге.

СКАРЛЫГИН ГЕННАДИЙ

1950

Геннадий Кузьмич Скарлыгин родился 17.01.1950 в Кемеровской обл. (на станции Промышленной Кузбасской железной дороги), вырос с бабушкой. После восьмого класса учился в Томском геологоразведочном техникуме. Работал начальником сейсмостанции на полуострове Мангышлак, геологом под Читой, в Туве, в Магаданской обл. Отслужив в армии, вернулся в Томск получать высшее геологическое образование. Начал посещать лито «Молодые голоса», оставил политехнический и поступил на отделение журналистики Томского университета. Окончив его в 1981 г., работал в областной газете «Красное знамя» корреспондентом, заведующим отделом, затем в других томских газетах, в 90-е занимался предпринимательством, потом увлёкся издательским делом. В 2005 г. стал членом Союза писателей России, через год – председателем Томского регионального отделения этой организации. С 2007 г. – главный редактор литературного и краеведческого журнала «Начало века». Стихи публиковались в журналах, альманахах и коллективных сборниках, вошли в «Антологию русской сибирской поэзии. XX век». Автор 10 поэтических книг: «Всё унесёт река» (2010), «Утренний человек» (2012), «Ветер скитаний» (2020) и др.

Дед, Пётр Иванович Червов, участник Великой Отечественной войны, пал смертью храбрых.

СКВОРЦОВ ВЛАДИМИР

1954

Владимир Степанович Скворцов родился 25.03.1954 в д. Климовщина Пестовского р-на Новгородской обл. Окончив Богословскую среднюю школу, работал на лесопильно-мебельном комбинате в г. Пестово. После службы в армии учился на факультете журналистики Ленинградского университета им. А.А. Жданова (1975–1980, ныне – СПбГУ), много времени уделял спорту и общественной деятельности. Потом был редактором Выборгской редакции радиовещания, директором подготовительных курсов ЛГУ, заместителем директора международной фирмы «Информпрессервис». С 2009 г. – президент некоммерческого партнёрства поддержки литераторов «Родные просторы», с 2013-го – главный редактор журнала «Невский альманах». Первые публикации появились в 1972 г. на Всесоюзном радио и в районной газете. Печатался в газетах, в журналах «Советский воин», «Аврора», «Крокодил», «Мир», «Новый век» и др. Автор более 10 книг и слов более 40 песен, лауреат литературных премий и конкурсов, удостоен множества наград различных организаций.

СЛАСТНИКОВ НИКОЛАЙ

1955–2018

Николай Павлович Слостников (04.05.1955, д. Писари Тоншаевского р-на Горьковской обл. – 18.07.2018, Кирово-Чепецк Кировской обл.) учился в школе-интернате, в ПТУ, работал на заводе «Красное Сормово», служил в армии. С 1978 г. жил в Кирово-Чепецке. Работал в городских газетах и в областной газете «Вятский край». С 1988 г. был корреспондентом районки. В 1990 г. окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Полтора десятка лет руководил литературным клубом «Поиск». Как поэт печатался с 1979 г. в журналах «Наш современник», «Сельская молодёжь», «Молодёжная эстрада», в альманахе «Истоки», в коллективном сборнике «Родники народные» и других изданиях. Автор книг стихов для детей и взрослых «Крайняя изба» (1989), «Междуречье» (1997), «Возвращенье» (2002), «С днём рожденья!» (2003), «В замкнутом пространстве мироздания» (2004), «Ненаглядная сторона» (2005), «Пчелиная арифметика» (2007), «Новые стихотворения» (2008), «Мне ёжик встретился в лесу», «На перекрёстке» (2011). Похоронен в Кирово-Чепецке на Каркинском кладбище.

СЛЕПНЁВ ИВАН
1948–2018

Иван Иванович Слепнёв (20.02.1948, д. Лопатуха Куньинского р-на Крестовской волости (ныне Псковской обл.) – 19.11.2018, там же) в 1963 г. окончил Долговицкую восьмилетнюю школу. Учился в Ленинградском мореходном училище, работал радистом, начальником радиостанции на судах заграничного плавания Эстонского пароходства, служил на Тихом океане, на острове Русский, потом в редакции флотской газеты. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал в издательствах «Молодая гвардия», «Современник». В 90-х гг. вернулся из Москвы в родные края, жил в Куньинском р-не. Печатался в сборниках «Океан», «Море и флот в поэзии». Автор поэтических книг «Хлеб ожидания» (1974), «Моря кончаются землёй» (1976), «Костёр в океане» (1978), «Вокруг света и дальше» (1981), «Утренняя вахта» (1986), «Гнездо и ветер» (1989) и др. Занимался и переводами. Перевёл книжку тувинского поэта Александра Даржая «Пришла пора» («Молодая гвардия», 1989).

СЛОБОДЧИКОВ ВАЛЕРИЙ
1948–2012

Валерий Александрович Слободчиков (19.07.1948, д. Большая Нижнеилимского р-на Иркутской обл. – 25.01.2012, Барнаул) в 1970 г. окончил исторический факультет Иркутского пединститута, после чего получил распределение на должность директора Заморской восьмилетней школы, но решением Нижнеилимского РК КПСС был направлен в качестве радиоорганизатора в районную газету «Маяк коммунизма», где затем стал заведующим отделом писем. Потом переехал в Барнаул, работал в газете «Молодёжь Алтая». Являлся первым свободно избранным председателем Союза журналистов Алтая, председателем Ассоциации журналистов Сибири. Учредил журнал «Рыболов и охотник Сибири». Печатался в журналах «Алтай», «Наш современник», опубликовал несколько книг прозы.

Отец, Александр Васильевич Слободчиков, – сельский учитель. Войну прошёл от Москвы до Берлина, от рядового до майора.

СМЕРТИНА ТАТЬЯНА
1948

Татьяна Ивановна Смертина родилась 02.12.1948 в с. Сорвижи Арбажского р-на Кировской обл., детство провела на вятском лесоучастке Хомут (Кишкиль). Окончила Сорвижскую среднюю школу и Литературный институт им. А.М. Горького (1974). Стихи начала сочинять и читать с деревенской сцены с пяти лет,

первая публикация состоялась в районной газете. Печаталась в периодике и альманахах, произведения звучали по радио и телевидению. Автор более 20 поэтических сборников: «Ягодиночка» (1976), «Село Сорвижи» (1982), «Венец из ярых пчёл» (1986), «Брусничный огонь» (1987), «Синевластье глаз» (1994), «Край света» (1996), «Призрак розы» (1997), «Анемоны» (1999), «Лунная ящерка» (2000), «Жемчужная душа» (2001) и др., а также книг переводов с персидского, таджикского, башкирского, марийского языков. Лауреат Премии Ленинского комсомола (1985) и множества других литературных наград. Живёт в Москве.

СМЕТАНИН СЕРГЕЙ

1952

Сергей Егорович Сметанин родился 25.05.1952 в Стерлитамакском зерносовхозе (ныне – пос. Октябрьский) Стерлитамакского р-на Башкирской АССР. Окончив школу, поступил на факультет иностранных языков Башкирского университета (1969). Работал преподавателем немецкого языка, переводчиком технической документации на Ашкадарской птицефабрике, станочником Стерлитамакской тарной базы. В 1976 г. переехал в Сургут Тюменской обл., где трудился инженером по технике безопасности на автобазе № 5 «Сибжилстрой», на предприятии «Сиборггазстрой», был дворником в детском саду, редактором АИИК «Северный дом» (Северо-сибирское региональное книжное издательство, 1991–1997), ответственным секретарём журнала «Югра» (1997–1999), инженером по автоматизации и механизации производственных процессов в Сургутском районном узле федеральной почтовой связи, оператором технологических установок в Управлении по переработке газа ОАО «Сургутнефтегаз». С 1977 г. занимался в городском лито «Северный огонёк», с 1990 г. возглавлял его. С 2008 г. живёт в Санкт-Петербурге. Стихи пишет с детства, печатается с 1976 г. в газетах, журналах, коллективных сборниках и альманахах. Автор поэтических книг для детей и взрослых «Созвездье фар» (1993), «Царство речных хрусталей» (1994), «На Сайме» (2002), «Роднее не найду» (2005), «Личная жизнь» (2007), «Поднимающий знамя» (2007), «Имя вселенной» (2008), «Фломастеры» (2010), «Плоды перестройки» (2013) и др., а также книги основ практической поэтики «Лирика для всех» (2002, 2018).

Отец, Егор Фёдорович Сметанин (1925–2011), – участник Великой Отечественной войны, получил ранение под Кёнигсбергом. Два дяди (братья отца) погибли на фронте: один – в Польше под Бреслау, место гибели другого неизвестно.

СМИРНОВ НИКОЛАЙ

1950

Николай Васильевич Смирнов родился 11.11.1950 в д. Коровино Мышкинского р-на Ярославской обл. До 1962 г. жил на Колыме, в Оймяконском р-не Якутской АССР, на золотом прииске им. Покрышкина (ныне – пос. Нелькан), куда отец, отбывший срок по 58-й статье, вызвал семью. После окончания средней школы Н. Смирнов работал в Мышкине Ярославской обл. в районной газете, затем на областном радио в Ярославле. В 1975 г. стал выпускником Литературного института им. А.М. Горького. Жил в Ярославле, был научным сотрудником в музее Н.А. Некрасова в Карабихе. В 1984 г. переехал в Мышкин. Два десятилетия являлся собственным корреспондентом ежедневной областной газеты «Золотое кольцо». Как поэт печатается с 70-х гг. в газетах, журналах и альманахах. Автор сборников стихов «Кладбищенская земляника» (1991), «Невеста в тёмном» (1997), «Световое оконышко» (2004), «Пора моя неподсудная...» (2005) и книг прозы «Повести и рассказы» (2011), «Дева-Книга» (2013), «Шествие образов, или Иное время, иная страна» (2013), «На поле Романове» (2016).

СМОЛИН ЕВГЕНИЙ

1952

Евгений Владимирович Смолин родился 12.06.1952 в с. Ильинское Ивановской обл. Один из самых уважаемых педагогов Аньковской средней школы, в конце 80-х гг. – работник райкома партии, позже – сотрудник районной и областной печати, а затем органов управления муниципального образования. Был редактором районов «Звезда» и «Ивановская газета». Автор книг стихов и прозы «Начало дороги» (1979), «Привал» (2007), «Перепутье», «Попутные строки» (2012). Заслуженный работник культуры РФ (2002), почётный гражданин Ильинского муниципального р-на (2020).

СНЕГИРЁВ НИКОЛАЙ

1950–1999

Николай Александрович Снегирёв (28.06.1950, с. Кочетовка Сеченовского р-на Нижегородской обл. – 04.11.1999, Ардатов Нижегородской обл.) после окончания филологического факультета Мордовского университета (1972) был редактором сразу двух изданий – районной газеты «Маяк» (г. Ардатов) и республиканской молодёжной газеты «Молодой ленинец». С 1988 г. работал в ГТРК «Мордовия», в 1993–1999 гг. – на городской радиостанции «Саранск-радио». Стихи писал с детства, печатался

в журналах «Москва», «Знамя», «Сельская молодёжь» и др. Автор книг стихов и прозы «Поезда» (1977), «Мой тихий край» (1986), «Добрые люди» (1986), «Юбилей» (1993). Посмертно издан поэтический сборник «Утро деревенское моё» (2002). Именем писателя названа улица в Ардатове, в 2002 г. учреждена литературная премия им. Н.А. Снегирёва.

СОБОЛЕВСКАЯ ЛЮДМИЛА

1946

Людмила Васильевна Соболевская (по паспорту – Лабази-на) родилась 05.04.1946 в Бресте, детство провела в г. Вижницы Черновицкой обл. УССР. Из Прикарпатья переехала с семьёй в Ангарск Иркутской обл. После школы стала студенткой литературного факультета Иркутского пединститута, но по семейным обстоятельствам ушла отсюда после первого курса. Через несколько лет поступила в тот же вуз заново – уже на факультет педагогики и психологии. Работала лаборантом на Ангарском нефтехимическом комбинате, заочно училась на библиотекаря. В 1968 г. переехала в Казань, через год – в Капустин Яр Астраханской обл., в 1972 г. вернулась в Ангарск и устроилась в детский сад – была медсестрой, воспитателем, методистом. Двадцать лет отработала на ангарском электромеханическом заводе в газете «Электротехник» – сначала машинисткой, затем корреспондентом. В 90-е гг. трудилась на радио редактором, потом корреспондентом и диктором. Стихи печатались в коллективных сборниках. Автор поэтических книг «Запах клевера» (1994), «Как у света на краю» (1997), «Возвращение к себе» (1998), «Предчувствие на кончике пера» (2009).

СОЗАРУКОВ ЮСУФ

1952–2008

Юсуф Шогайбович Созаруков (20.02.1952, Казахстан – 15.07.2008, Черкесск) в 1957 г. вместе с семьёй переехал в Карачаево-Черкесию. В юности стал увлекаться театром. В 1979 г. окончил театральное-режиссёрское отделение Алтайского института культуры в Барнауле, работал главным режиссёром республиканского Карачаевского драмтеатра. Первая публикация стихов появилась в газете «Молодёжь Алтая», потом печатался в журналах «Октябрь», «Подъём», «Половецкая луна», в альманахах «Поэзия», «Алтай», «Ставрополье», в газете «Литературная Россия», во многих других центральных и местных изданиях. Автор слов государственного гимна Карачаево-Черкесии и поэтических книг «Всей памятью своею» (1981), «Земляки, Современники, Личности» (2004). Посмертно вышел

сборник «Время и мы» (2013). Переводчик, заслуженный деятель искусств Карачаево-Черкесии.

СОЙНИ ЕЛЕНА
1953

Елена Григорьевна Сойни (Бондаренко) родилась 13.04.1953 в Петрозаводске. Окончила филологический факультет Петрозаводского университета. С 1980 г. – сотрудник сектора литературы Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН. В 1983 г. защитила кандидатскую диссертацию в аспирантуре Института мировой литературы им. А.М. Горького, в 2005 г. – докторскую диссертацию. Стихи впервые опубликованы в журнале «Север» в 1976 г. Автор более 70 научных работ и монографий, поэтических сборников «Белые птицы» (1986), «Не забудь меня, солнце» (1993), «И найдётся ветвь» (1997), «Над растаявшим льдом» (2003), а также книг документальной прозы и пьес.

СОКОЛОВ АНАТОЛИЙ
1946–2010

Анатолий Евгеньевич Соколов (21.01.1946, Новосибирск – 19.04.2010, там же) окончил в родном городе пединститут и аспирантуру. Преподавал философию и смежные дисциплины в новосибирских вузах. Кандидат философских наук, доцент. Работал в геологических и геофизических экспедициях в Заполярье. Как поэт печатался в начале 1960-х гг. в местной прессе, затем в журналах «Сибирские огни», «Новосибирск», «День и ночь», в сборнике «Гнездо поэтов». Автор научной монографии «Проблемы духовной онтологии: язык культуры и творчества» (2004) и стихотворных книг «Спартакровский мост» (1990), «Крепость» (2001), «Невразумительные годы» (2004), «Материк» (2006).

СОКОЛОВСКИЙ ГРИГОРИЙ
1946–2011

Григорий Васильевич Соколовский (02.09.1946, с. Богдановка Чернухинского р-на Полтавской обл. УССР – 18.06.2011, Минск) после школы работал в районной газете литературным сотрудником. Срочную военную службу проходил в Краснознаменном Белорусском военном округе в составе 147-й зенитно-ракетной бригады (Бобруйск). Окончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища и редакторское отделение Военно-политической академии им. В.И. Ленина. Последний редактор газеты Краснознаменного Белорусского военного округа «Во славу Родины» и первый

руководитель издания Министерства обороны Республики Беларусь «Белорусская военная газета». Почти 34 года находился в армейском строю. Служил в Воздушно-десантных войсках в редакциях многотиражных газет. В 1979–1980 гг. выполнял интернациональный долг в Афганистане, где вместе с коллективом 1 января 1980 года выпустил в свет газету «Гвардейская доблесть». Автор поэтических сборников «Афганская тетрадь» (1994), «Зарево души» (1995), «В судьбе и сердце», «Счастье земное», «И век с тобою не расстанусь», «Услышь мой голос», «Мозаика чувств» и др., а также песен, музыку к которым написали известные белорусские композиторы. Заслуженный деятель культуры Республики Беларусь, награждён многими медалями СССР и Беларуси.

СОКОЛОВСКИЙ СЕРГЕЙ
1952

Сергей Константинович Соколовский родился 08.11.1952 г. в Москве, где живёт и сейчас. Окончил Киевское высшее танкотехническое училище. Автор стихотворных сборников «Телефон доверия» (1999), «Когда поэзия не в моде» (2000), «Премьера» (2001), «В затонах риска» (2004), «Волшебное зерно» (2005), «Суд офицерской чести» (2006), «Алтарь любви» (2007), «В зеркале времени» (2009), «В новых садах» (2010) и др.

СОКОЛЬНИКОВ АЛЕКСАНДР
1947

Александр Алексеевич Сокольников родился 21.03.1947 в с. Верховенское Качугского р-на Иркутской обл. Мама работала мороженщицей, отец – фронтовик, после войны – директор Качугского маслозавода, в 1949 г. был репрессирован. Будущий поэт рос у бабушки в деревне. После школы поступил на историко-филологический факультет Иркутского университета (1965), занимался в студенческом лито. Работал экспедитором – из Усть-Кута до Тикси возил по воде стратегически важные грузы. Отходил 16 сезонов, побывал на многих северных морях. Стихи пишет с детства, печататься начал в 80-х гг. в областных газетах. Автор поэтических сборников «Свиток одиночества» (1992), «Вне канона» (2007, 2013), «Наречьем облаков рисую ветер» (2020), «Музыка мёда» (2022). Живёт в Иркутске.

СОЛОВЬЁВА ВАЛЕНТИНА

1949

Валентина Борисовна Соловьёва родилась 17.05.1949 в Костроме в семье служащих. В трёхмесячном возрасте оказалась в Калининградской обл. (по месту службы отца, офицера-танкиста), детство провела в Гусеве. В 1971 г. окончила филологический факультет Калининградского университета (ныне – БФУ им. Иммануила Канта). Работала учителем сельской школы, библиотекарем, лаборантом, парикмахером, научным сотрудником областного историко-художественного музея, литературным редактором издательства «Янтарный сказ». Стихи и рассказы регулярно публиковались в районной и областной периодике с начала 60-х гг., позже печатались в журналах «Москва» и «Молодая гвардия». Автор книг поэзии и прозы для детей и взрослых «Шаги» (1966), «Сказки вокруг нас» (1985), «Войти дважды» (1987), «Длинный день» (1988), «Полная корзинка» (1998), «Соломенное чучело» (1998), «У привидения день рождения» (1995), «Удивительные рыбы» (2004). Некоторые произведения переведены на ряд европейских языков, опубликованы в зарубежных изданиях.

СОРОКАЖЕРДЬЕВ ВЛАДИМИР

1946

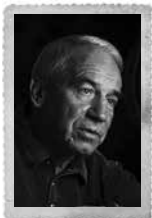

Владимир Васильевич Сорокажердьев (Сорокожердьев) родился 06.07.1946 в Кирове в семье фронтовика Василия Даниловича Сорокожердьева. Детство провёл в вятской глубинке, в с. Богородское, потом жил в г. Кола Мурманской обл. (отца потянуло на Север, на заработки, ходил в море на судах Мурманского тралового флота). В 1971 г. Владимир окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал в Мурманском центре научно-технической информации, Мурманской государственной областной универсальной научной библиотеке. Был учёным секретарём Мурманского отделения Северного филиала Географического общества СССР, внештатным корреспондентом газеты «Комсомолец Заполярья». Сотрудник областной газеты «Мурманский вестник», ответственный секретарь Мурманской областной общественной организации Союза писателей России. Стихи публиковал в различных журналах и антологиях. Первый поэт-мурманчанин, у которого вышла книга стихов в Москве, – дебютный сборник «Нечётные числа» (1975), затем были «Любо-дорого» (1985), «Тайну хранило море» (1996), «Здесь ясен горизонт...» (2007) и др. Автор историко-документальных книг о Севере, в том числе военной тематики, составитель ряда краеведческих изданий. Живёт в Мурманске.

В войне участвовали отец, все три его брата и два брата матери. Старший пропал без вести, младший призван в 17 лет, был зенитчиком, вернулся живым.

СОРОКИН АЛЕКСАНДР

1954

Александр Евгеньевич Сорокин родился в Москве 31.01.1954. Окончил МИИТ и заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького. Преподаёт русский язык и культуру речи в университете МАИ. Живёт в пос. Усово-Тупик Московской обл. Автор книг стихов «Изборник» (2001), «Обратная перспектива» (2005), «Снег тишины» (2009), «Глазами сердца» (2013), «К земле небес» (2016).

СПЕКТОР ВЛАДИМИР

1951

Владимир Давыдович Спектор родился 19.06.1951 в Ворошиловграде УССР (ныне – Луганск, ЛНР). В 1973 г. окончил Луганский машиностроительный институт. После службы в армии работал в родном городе на тепловозостроительном заводе конструктором, ведущим конструктором, пресс-секретарём. Автор 25 изобретений, член-корреспондент Транспортной академии Украины. Был журналистом, главным редактором региональной телерадиокомпании, корреспондентом киевской газеты «Магистраль». С 2002 г. – собкор транспортной газеты Украины «Магистраль», пресс-секретарь ПАО «Лугансктепловоз», главный редактор научно-популярного журнала «Трансмаш», литературного альманаха и сайта «Свой вариант». Опубликовал более 20 книг стихотворений и очерковой прозы: «Старые долги» (1989), «Усталый караул» (1991), «Прямая речь», «Не по Гринвичу отсчитывая час», «Ничего не изменилось», «История любви забытой», «Призрак счастья», «Степень свободы», «Прямо по курсу – жизнь», «В дыхании пространства», «Время предпоследних новостей», «Мальчик с улицы Английской» и др.

Отец во время войны служил во флоте, был старшиной 2-й статьи на торпедном катере, принимал участие в нескольких десантных операциях. Во время высадки десанта на остров Южки получил тяжёлое ранение. После Победы всю жизнь работал в Луганске на тепловозостроительном заводе. Двое дядей погибли на фронте. Один – в 21 год при обороне Брестской крепости в 1941 г., второй – в 22 года при освобождении Белоруссии в 1943 г.

СПИЦЫНА КСЕНИЯ

1954

Ксения Никитична Спицына родилась 02.02.1954 на хуторе Муравли Фроловского р-на Волгоградской обл. Окончила культпросветучилище, затем филологический факультет Саратовского университета. Стихи печатались в коллективных сборниках Нижне-Волжского книжного издательства «Ладони, пахнущие хлебом» (1971) и «Встречи» (1976), в газете «Комсомольская правда», в журналах «Волга», «Сельская молодёжь», «Студенческий меридиан» и др.

СТАВЕР СЕРГЕЙ

1949–2016

Сергей Петрович Ставер (18.02.1949, станция Крутойяр Ужурского р-на Красноярского края – 10.02.2016, Назарово Красноярского края) в 1966 г. окончил Крутойярскую среднюю школу. Служил в армии, заочно учился в Московском народном университете им. Н.К. Крупской на художника-оформителя. В 1967–1989 гг. работал по специальности на предприятиях г. Назарово, потом был частным предпринимателем в сфере дизайна и строительства. Стихи начал писать в 13 лет, впервые их опубликовали в ужурской районной газете «Сибирский хлебороб» в 1965 г. Печатался в журналах и альманахах Москвы, Санкт-Петербурга, Тулы, Челябинска, Оренбурга, Новосибирска, Томска и Красноярска. Автор 13 поэтических сборников: «Каин и Авель» (1990), «Колокола поют» (1994), «А я с судьбой останусь» (1995), «Алконост» (1997), «Вино богов» (2001), «Сердолик» (2003), «Ивашка Хмель» (2009), «Ты прости меня, розовый ветер» (2013) и др.

Отец, Пётр Прокопьевич Ставер (1909–1972), – фронтовик, разведчик, инвалид Великой Отечественной войны. В г. Назарово на гранитных плитах мемориального комплекса высечены имена 18 родственников С. Ставера по линии отца, сложивших голову за Родину.

СТАРШОВ ВЛАДИМИР

1953

Владимир Петрович Старшов родился в 1953 г. в д. Пурыгино Монастырщинского р-на Смоленской обл. Окончил Минское суворовское военное училище и Новосибирское высшее военно-политическое войсковое училище. Служил в Забайкальском военном округе. Автор книг стихов «Добрые я помню имена» (1984), «Берёза в секторе обстрела» (1987), «Красные кони» (1987) и др. Живёт в Иркутске.

СТЕПАНЕНКО МИХАИЛ

1945–2013

Михаил Михайлович Степаненко (24.12. 1945, Новосибирск — 01.05. 2013, там же) служил в Западной группе советских войск в Германии, а вернувшись, долгие годы работал на вертолётном заводе. Как поэт публиковался в журналах «Сибирские огни», «Новосибирск» и др. Участвовал в антологии «Русские стихи 1950–2000 годов». Автор стихотворных сборников «На короткую разлуку» (1995), «Афиан» (2011), «Растрava» и др.

СТОЛЯРЕВСКИЙ АНАТОЛИЙ

1949

Анатолий Георгиевич Столяревский родился 11.02.1949 в одном из рабочих посёлков, позже объединённых в г. Вахрушево Ворошиловградской обл. УССР (ныне – Луганской, ЛНР) в семье шахтёра. Окончив школу, трудился подземным горно-рабочим. В 1968–1970 гг. служил в ракетных войсках ПВО (под Гатчиной). Демобилизовавшись, вернулся на шахту. В 1972 г. поступил на заочное отделение филологического факультета Донецкого университета, в 1975 г. перевёлся в Иркутский университет. Работал монтажником в тресте «Иркутскжилстрой», старшим инспектором отдела кадров треста «Востсибтрансстрой», а после окончания вуза (1978) – учителем русского языка и литературы в СШ № 2. В 1979 г. был переведён в аппарат Иркутского горисполкома. В 1988 г. стал плавильщиком ЭТЦ на Иркутском алюминиевом заводе, где проработал 14 лет. В 1996 г. опубликовал первую книгу, куда вошли традиционные стихи и верлибры, в 1999 г. издал сборник верлибров «Песочное время». Живёт в Иркутске.

СТОЯНОВА ЛЮБОВЬ

1947

Любовь Харитоновна Стоянова (Кузнецова) – поэт и журналист, автор нескольких книг, в том числе «Неопалимая купина» (М., 2007).

СТРУЧКОВА НИНА

1955

Нина Николаевна Стручкова родилась 10.05.1955 в д. Погореловка Моршанского р-на Тамбовской обл. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Работала в издательстве «Молодая гвардия», в журналах «Очаг» и «Сельская новь». Автор книг «Мгновения светлые» (1987), «Жизнь бесконечная» (1990), «Погореловка-страна» (2004), «Хроника Погореловки» (2010, 2020) и множества публикаций в периодических изданиях, коллективных сборниках и антологиях. Живёт в Московской обл. или в тамбовской деревеньке.

«На мою долю после войны отца не досталось. Дядя, Стручков Владимир Николаевич, – фронтовик, артиллерист, брал Берлин, имеет много боевых наград. Уходил в армию в 1940, а с войны вернулся в свою деревню в 1946 году. Он же – тракторист, после Победы убирал хлеб в Германии. Есть о нём рассказ “Дядя Володя” в интернете».

СУВОРОВ АЛЕКСАНДР

1946

Александр Васильевич Суворов родился 09.10.1946 на станции Бира Дальневосточной железной дороги в Еврейской АО, где его отец, сын репрессированного архангельского священника, отбывал срок, а мать, медицинская сестра, исполняла обязанности начальника лагерного госпиталя. В 1947 г. семья переехала в Сыктывкар. Здесь А.В. Суворов окончил среднюю школу, а затем филологический факультет Коми пединститута (1968, с отличием). Работал в князпогостской районной газете «Ленинское знамя», в республиканской газете «Красное знамя» (более 31 года), был редактором художественной литературы в Коми книжном издательстве. Печатался в журналах «Наш современник», «Дальний Восток», «Южный крест», «Север» и др. Автор сборников стихов «Чёрный ящик» (1995), «Память огня» (2002), «Вещий ветер» (2007), «Из одного колодца» (2010), «Сокровенная душа» (2011) и др., известен и как прозаик, драматург, переводчик. Заслуженный работник Республики Коми.

СУДАКОВ ВЛАДИМИР

1952–2021

Владимир Павлович Судаков (19.04.1952, Сортавала Карельской АССР – 10.05.2021, Петрозаводск) окончил историко-филологический факультет Петрозаводского университета. Служил в армии. Работал методистом общества любителей книги, корреспондентом районной газеты, зав. отделом поэзии

и ответственным секретарём журнала «Север». Стихи и проза публиковались в местных, региональных и столичных газетах и журналах, в коллективных изданиях, переводились на карельский, финский и шведский языки. Автор сборников стихов «Тёплая земля» (1985), «Сердоболь» (1987), «Глава рода» (1992), «Твердь» (2003), «Отцовская ложка» (2006), «Куха» (2009) и др. Редактор-составитель более десятка книг других поэтов, антологии «Удержавшийся над бездной». Заслуженный журналист Республики Карелия.

СУРОВЦЕВА ТАТЬЯНА

1946–2017

Татьяна Николаевна Суровцева (11.10.1946, рудник Хапчеранга Читинской обл. – 06.03.2017, Иркутск) с шестого класса жила в Чите, после окончания школы переехала в Иркутск. Будучи сотрудницей международной телефонной станции, окончила библиотечное отделение Иркутского культурпросветучилища (1970), после чего работала в библиотеках города. Выпускница Высших литературных курсов при Литературном институте им. А.М. Горького. Стихи впервые опубликованы в иркутской газете «Советская молодёжь». Автор поэтических сборников «Остров веры» (1982), «Северная песня» (1985), «Крыло судьбы» (1988), «Снежные птицы» (стихи и переводы с французского, 1999), «Жизнь свою начинаю сначала» (2017).

СУСЛОВА АЛЕКСАНДРА

1952

Александра Ильинична Суслова родилась 03.10.1952 в Волхове Ленинградской обл., живёт в Костане (Казахстан). Педагог, отличник образования Республики Казахстан, почётный член Академии педагогических наук Республики Казахстан. Печаталась в казахстанских журналах «Алга», «Зеркало», «Пилот», «Простор», в коллективных сборниках Костаная, в альманахах «Московский Парнас», «Москва поэтическая», «Венок Некрасову», «Экология детства». Автор книг поэзии и прозы «Прикосновение» (2003) и «Рябиновый привкус» (2009), а также сборника стихотворений для детей «Давай дружить» (2012).

Воевали: дед, Михаил Ильич Анохин (солдат, ковочный кузнец ветеринарного лазарета 4-й Украинской армии); брат деда, Антон Ильич Анохин (майор, контрразведчик); брат деда, Дмитрий Ильич Анохин (место гибели неизвестно); дядя, Алексей Михайлович Анохин (погиб в первый месяц войны в районе Бреста); отец, Илья Митрофанович Самохвалов (старший сер-

жант, разведчик артдивизиона 15-й армии); мать, Полина Михайловна Анохина (санитарка госпиталя под Воронежем).

СУТУЛОВ-КАТЕРИНИЧ СЕРГЕЙ

1952

Сергей Владимирович Сутулов-Катеринич родился 10.05.1952 в Петропавловске (Северный Казахстан), вторую часть фамилии взял в память о матери. Окончил школу в Пятигорске, потом филологическое отделение Ставропольского пединститута и сценарный факультет ВГИКа. Автор термина «полллада», многочисленных публикаций в периодике и книг стихов «Дождь в январе» (Ставрополь, 1999), «Азбука Морзе» (2005), «Русский рефрен» (2007), «Полная невообразимость» (2011), «Райский адъ. Лю-блюзы» (совместно с Борисом Юдиным, 2011), «Двѣнадцать – через ять» (2011), «Ореховка. До востребования» (2012), «Ангел-подранок» (в 2 т., 2014), «Выдох на слове LOVE». Главный редактор Международного поэтического интернет-альманаха www.45parallel.net. Соавтор нескольких вокальных циклов, сочинитель песен, лауреат разнообразных премий, конкурсов, фестивалей. Живёт на Северном Кавказе.

Отец, Владимир Иванович Сутулов, служил с октября 1943-го по декабрь 1955-го. Награждён медалями «За победу над Германией», «За боевые заслуги» и др.

СУХАНОВА ВЕРА

1955

Вера Анатольевна Суханова родилась 11.10.1955 в Вязьме Смоленской обл. Окончила факультет иностранных языков Смоленского пединститута (ныне – СмолГУ), долгое время работала старшим научным сотрудником областного музея-заповедника, преподавателем культурологии Смоленской меакадемии, редактором издательства «Русич». Стихи выходили в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Десна», «Русская провинция», «Роман-газета, XXI век», в антологии «Вечерний альбом. Стихи русских поэтов». Автор поэтических сборников «Замысел» (М.: «Молодая гвардия», 1988), «Имя» (1990), «Стихи и переводы» (1996). Широко публикуется в Беларуси, в том числе и в переводах на белорусский язык. Печаталась в Молдове и США. Активно занимается переводами, сотрудничает со столчными издательствами. За 25 лет перевела около 100 книг. Её атлас «Памятные места Смоленщины» (2001) выдержал уже не одно издание. Живёт в Смоленске.

СУХАНОВА ЛЮБОВЬ

1951

Любовь Владимировна Суханова родилась 07.08.1951 в Тверской обл. Работала в сельской школе на Украине, затем в областных и районных СМИ на Брянщине. Как поэт печаталась в местных газетах, в сборниках «На земле Бояна» (2003), «Клинцовские горизонты» (2007). Автор книг стихов «Небо над колыбелью» (2002), «Витраж» (2007), «Последние яблоки» (2009), «Пришельцы из былого» (2012), «Седьмое чувство» (2019). Живёт в Клинцах Брянской обл.

СУХАРЕВСКАЯ ЛЮБОВЬ

1950–2013

Любовь Иосифовна Сухаревская (Асина; 27.03.1950, Анжеро-Сунженск Кемеровской обл. – 27.09.2013, Иркутск) после окончания средней школы поступила на отделение журналистики Иркутского университета. Став его выпускницей, работала в многотиражке Иркутского авиазавода. Потом уехала в Усть-Кут, в районную газету, где возглавляла отдел, освещающий строительство БАМа. Награждена медалью «За строительство БАМа». В течение 20 лет была сотрудницей газеты «Советская молодёжь» («СМ Номер один»). Автор поэтических книг «Тёмный отзвук» (1973), «Послушай сердце» (1979) и «Прямая речь» (2006).

СУХОВСКИЙ ВАЛЕНТИН

1949

Валентин Николаевич Суховский родился 27.08.1949 в старинном северном селе Пезма (Богоявленское) на границе Архангельской и Вологодской обл. в крестьянской семье. После окончания средней школы работал плотником, а потом журналистом в Вельске, Кириллове, Мезени, Великом Устюге, в Сямже, на Виледи, был сотрудником Бюро пропаганды художественной литературы по Коми Республике и Архангельской обл., учился в Архангельском пединституте. Окончив Литературный институт им. А.М. Горького (1988), стал заведующим отделом публицистики журнала «Наш современник», затем являлся корреспондентом различных газет и журналов. Стихи впервые напечатал в 1966 г. в газете «Ленинский путь», с 1976 г. публикует и прозу, в том числе для детей. Автор 21 книги: «Зачин» (1988), «Дали долинные» (1989), «Царевна-Русь» (1993), «Во дни тревог...», «Устои» (1995), «Стезя любви» (1998), «Во имя веры и любви» (2003), «От Пинеги до Берлина» (2004) и др. Живёт в Москве.

СУХОРУКОВ ФИЛИПП
1946–1989

Филипп Иванович Сухоруков (21.02.1946, Новошахтинск Ростовской обл. – декабрь 1989, Ростов-на-Дону) окончил Литературный институт им. А.М. Горького (1970). Был слесарем, журналистом в редакциях газет «Знамя шахтёра» и «Родионово-Несветайский вестник». Автор книг стихов «Зерно добра» (1973), «Добрый дождь» (1983) и «Задумчивая радость» (1990).

СЫТНИКОВА АНТОНИНА
1955

Антонина Семёновна Сытникова родилась 10.07.1955 в с. Дерновое Тростянецкого р-на Сумской обл. УССР. Окончив Харьковский политехнический институт (1979), переехала в Орёл. В течение ряда лет работала инженером на ОСПАЗ. В 2000 г. стала выпускницей Орловской региональной академии государственной службы. Стихи публиковались в московских, орловских и украинских газетах, а также в журналах, альманахах и коллективных сборниках, один из них – четырёхтомное собрание избранных произведений современных орловских писателей, том второй – «Поэзия» (Орёл, 2015). Автор поэтических сборников «Мираж» (1993), «Чаша света» (1995), «Звёздная память» (2009), «Ромашковое поле» (2016) и книжки-раскраски для детей «Умный король» (2015).

ТАМБОВСКАЯ АЛЕКСАНДРА

1949

Александра Ивановна Тамбовская родилась 28.02.1949 в с. Ярлуково Грязинского р-на Липецкой обл. В 1968 г. окончила Лебедянский педучилище, в 1974 г. – отделение журналистики филологического факультета Воронежского университета. Работала вожатой и учителем пения в средней школе Данковского р-на, преподавателем Лебедянского педучилища, корреспондентом газеты «Кировец» Липецкого тракторного завода, газеты «Строитель» треста «Липецкстрой», липецкой областной молодёжной газеты «Ленинец», заведовала отделением писем и занималась культмассовой работой в данковской газете «Заветы Ильича», лебедянской – «Путь Октября», руководила лито в городском клубе «Славянка». В 1999–2010 гг. была сотрудником рекламно-издательского отдела Липецкой областной детской библиотеки, с 2011 г. руководила Липецкой областной организацией Союза писателей России. Как поэт печатается с 1970-х гг. в областных и центральных газетах, журналах, альманахах, коллективных сборниках. Первая книга стихов – «Утренний дождь» – вышла в 1979 г. в Воронеже, затем были «Крылья тополей», «Утро в Лебедяни», «Свеча Богородице», сборник рассказов «Васильки во ржи» и др. Автор-составитель пособий «Духовный мир Бунина» (2000), «Природа Липецкого края в художественной литературе» (2003), биографического справочника «Славные имена земли Липецкой» (2007).

ТАРАКАНОВА ЛАРИСА

1947

Лариса Владимировна Тараканова родилась 28.01.1947 в Закарпатье. В 16 лет опубликовала стихи в газете «Московский комсомолец», в 17 стала победителем Всесоюзного телевизионного конкурса молодых поэтов. В 1971 г. окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Автор стихотворных сборников «Птица воображения» (1971), «Дитя моё» (1977), «Это – я» (1983), «Третье око» (1987), «Поговори со мной» (1989), «Час колдовства» (2004) и др. Живёт в Москве.

Мама, Елена Филипповна, – старший сержант, ветеран войны. В неполных 17 лет прибилась к действующей армии и была зачислена в её состав, отступала до Сталинграда, потом были Кубань, Днепр, Венгрия, Югославия.

ТАРАСОВ НИКОЛАЙ

1947

Николай Антонович Тарасов родился 16.06.1947 в Одессе в семье военнослужащего. Детство и юность провёл в Хабаровске, Новосибирске, Уссурийске, Ташкенте. Отслужив в рядах армии на Сахалине, в 1968 г. вернулся домой, где трудился в ремонтно-строительной бригаде на восстановлении Ташкента, разрушенного землетрясением. Осенью 1970 г. приехал на Сахалин. Окончил заочно филологический факультет Южно-Сахалинского пединститута. С 1979 г. живёт в Южно-Сахалинске. Автор многих книг поэзии и прозы, стихов к песням в нескольких художественных фильмах и телесериале, снятых киностудией им. М. Горького, «Мосфильмом» и компанией «Всемирные Русские Студии», литературного перевода эпоса сахалинских нивхов «Поселение бухты Чёрной земли». Стихи переводились на чешский, эстонский, немецкий, узбекский, японский языки.

ТЕНЯКОВ МИХАИЛ

1953–2006

Михаил Григорьевич Теняков (26.01.1953, пос. Малаховка городского округа Люберцы Московской обл. – 14.03.2006) детство провёл на Смоленщине. Работал в Люберцах на полиграфическом предприятии, первые шаги на поэтическом поприще делал в люберецком лито «Вдохновение». Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Печатался в журналах «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Студенческий меридиан», «Россияне» и во множестве газет, включая «Люберецкую правду» и «Вяземский вестник». Автор поэтических книг «Утренняя земля» (1984), «Глаза» (1990), «Калинов мост» (2004), «Оберег». Наиболее полное собрание сочинений – «Душа незакатная» (М.: «Голос-Пресс», 2007) – вышло посмертно.

ТЕПЛЯШИН АНАТОЛИЙ

1951

Анатолий Алексеевич Тепляшин родился 09.07.1951 в с. Беляевка Оренбургской обл. Раннее детство провёл в с. Гирьял Беляевского р-на. В 1953 г. переехал с родителями в Новотроицк Оренбургской обл., где живёт и сейчас. После окончания средней школы работал на Орско-Халиловском металлургическом комбинате электрослесарем. В 1969 г. был призван в армию. Служил на флоте – в бригаде ракетных катеров в Балтийске, затем работал на рыболовецких судах в Калининграде. В 1975 г. вернулся в Новотроицк, был технологом на заводе хромовых соединений, прессовщиком на заводе силикатных стеновых

материалов, преподавателем русского языка и литературы в вечерней школе и ПТУ, заведующим отделом культуры и литературы в редакции городской газеты «Гвардеец труда». В 1982 г. окончил Литературный институт им. А.М. Горького по специальности «литературная работа». В 1986 г. возглавил городское лито. В 1990 г. стал депутатом городского совета. Как поэт дебютировал в 1966 г., стихи опубликованы более чем в 40 коллективных сборниках и газетах. Автор книг «Открытый океан» (1984), «Вьюжный Урал» (1989), «Горящее озеро» (1994), «Искра во мгле» (1994), «Родник у дороги» (1995). С 2001 г. – автор-составитель литературно-художественного и общественно-политического альманаха «Вечерние огни», книги «Новотроицк: город и люди» (2005). Лауреат нескольких литературных премий.

ТЕРЕНТЬЕВ АЛЕКСАНДР

1947–1996

Александр Николаевич Терентьев (31.03.1947, Аткарск Саратовской обл. – 13.03.1996, Саранск) родился в семье рабочих. В 1969 г. окончил филологический факультет Саратовского университета, в 1973 г. – Литературный институт им. А.М. Горького. Был печатником, библиотекарем, учителем, создателем и руководителем литературной студии «Пегас» при саранском ДК «Строитель» (1982–1996). Автор более 200 публикаций в журналах и альманахах, поэтических книг «Молодость земная» (1978), «Ночная радуга» (1979), «Штормовой шар» (1981), сборника стихов для детей «Шаги» (1987), многочисленных сатирических и юмористических сборников («Сломанный месяц», 1990; «Вельможа и клоун», 1994; и др.), автор и соавтор 18 книг и коллективных сборников переводов мордовских, марийских и кабардинских поэтов. Лауреат Премии комсомола Мордовии. Похоронен в Саранске на городском кладбище № 2.

ТЕРЁХИНА ЛИДИЯ

1950

Лидия Ивановна Терёхина (Дорошина) родилась 23.05.1950 в д. Тучковка Иссинского р-на Пензенской обл. Окончила художественно-графическое отделение Пензенского педучилища, факультет русского языка и литературы Пензенского пединститута. Работала художником-оформителем, учителем, преподавателем вуза, инженером-проектировщиком линий связи, занималась издательским делом. Живёт в Пензе, заведует отделом поэзии журнала «Сура». Публиковалась в различных изданиях областного, регионального, республиканского и зарубежного уровня. Автор 30 книг поэзии и прозы, слов ряда песен

(вышло два диска), руководитель литературных клубов «Берега» и «Я сень».

Участниками Великой Отечественной войны были отец, Иван Кузьмич Терёхин (пехотинец, тяжело ранен под Белгородом, на Курской дуге), мать, Вера Назаровна Середенина (Терёхина; пулемётчица, прошла боевой путь от Воронежа до предместий Берлина, тяжело ранена под Бобровицами), и дядя, Сергей Назарович Середенин (без вести пропал на Калининском фронте).

ТЕРТЫЧНЫЙ ИВАН

1953–2017

Иван Алексеевич Тертычный (05.06.1953, Курская обл. – 10.11.2017, Москва) работал на стройках. Окончив факультет журналистики МГУ (1979), сотрудничал с московскими газетами, был ответственным секретарём и заместителем редактора журнала «Россия молодая», некоторое время исполнял обязанности главреда журнала «К единству!». Автор книг поэзии и прозы «И было утро» (1993), «Рядом» (1997), «Подорожная» (2001), «Когда-нибудь...», «Лунный снег», «Живая даль», «Высшая мера», «Ранний час», «Чёрная бабочка с белой оторочкой», «Безымянная вода», «Зоосад» и др.

В войне участвовали все взрослые на то время родственники. Мать, как и многие женщины, пожилые люди и подростки, в 1943 г. строила рокаду (железнодорожный участок Ржава – Обоянь). Брат отца, дядя Василий, погиб в танковом сражении на Курской дуге. «Младший лейтенант Тертычный В.И.» – есть такая золотая строка среди тысяч других в храме Георгия Победоносца мемориального комплекса на проспекте Победы в Курске.

ТИТОВ НИКОЛАЙ

1947

Николай Иванович Титов родился 29.11.1947 в Ефремове Тульской обл. После окончания школы служил в Москве в дивизии особого назначения им. Дзержинского. С 1973 г. работал в районной газете «Заря» литсотрудником, заведующим отделом, обозревателем. Около 40 лет руководит лито «Родник» при районной газете «Заря». Стихи печатались в журналах «Крокодил», «Приокские зори», еженедельнике «Книжное обозрение», в армейских, областных и районных газетах. Автор поэтических сборников «Зоревый свет Родины» (2009), «Трава прострел» (2017), «Сквозь годы и сердце» (2018), «Путь по России» (2021).

ТИШАЕВА ЛЮДМИЛА

1954

Людмила Георгиевна Тишаева (псевдоним, фамилия по мужу – Черненко) родилась 12.10.1954 в Чугуеве Харьковской обл. УССР. В 1970 г., окончив восемь классов и детскую художественную школу, уехала в Киев для продолжения образования в республиканской художественной средней школе, а затем стала выпускницей факультета архитектуры Киевского художественного института (1973–1980), после чего жила в Днепропетровске. В 1990 г. переехала в Псков, работала в городском педагогическом комплексе учителем ИЗО. Стихи публиковались в коллективных сборниках «Пскова негасимый свет», «На берегах Великой и Псковы», «Весенние ростки», «Опалённые войной» и др. Автор поэтических книг (в том числе для детей) «В росинке – мира отраженье» (2006), «Закатных зорь – недолгие дары» (2009), «Бабушкина азбука» (2010), «За гранью плоскости» (2013), «Дождь на ресницах» (2015), «В школе весело учиться» (2018), «Калейдоскоп судьбы» (2019).

ТКАЧЁВ ВАЛЕНТИН

1946–2007

Валентин Сергеевич Ткачёв (15.09.1946, с. Красноармейское Донецкой обл. УССР – 2007, Рыбница (Приднестровье) – первый редактор альманаха «Ларец» и газеты «Славянский мир», посвящённых творчеству поэтов Приднестровья. 14.05.2011 на здании городской рыбницкой типографии состоялось торжественное открытие памятной доски, посвящённой «талантливому приднестровскому поэту, публицисту и критику Валентину Ткачёву». Здесь он работал в газетах «Ленинское знамя», «Добрый день», «Гомін»... Автор стихотворных книг «Преодоление зимы» (Кишинёв, 1975), «Тяга земная» (1982), «Свет наш насущный» (1987), «Запретный плод» (1990), «Меч любви» (2001), «Гора света», «Нелёгкая стезя. Размышления о литературе, литераторах и литературных нравах».

ТОЛСТОБА ДМИТРИЙ

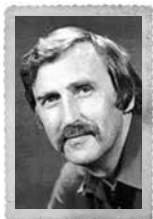
1947–2016

Дмитрий Григорьевич Толстоба (01.02.1947, Калининград – 01.01.2016, Санкт-Петербург) окончил Ленинградский техникум авиационного приборостроения и автоматики, служил в армии, учился в ЛГУ на факультете журналистики. Работал в ЦНИИ «Электроприбор» (1966–1980). На научно-исследовательском судне «Мезень» два раза прошёл Северным морским путём. Как поэт печатался в журнале «Нева», «Аврора», в ленинградском альманахе «День поэзии». Автор книг стихов «Полустанок» (1978), «Жить на земле» (1987), «Весны осенние приметы» (1997). Родными поэта готовится к изданию посмертный сборник его избранных произведений.

ТОПОРОВ ВЛАДИМИР

1950–2008

Владимир Валентинович Топоров (02.06.1950, с. Красная Яруга Курской обл. (ныне – пос. в Белгородской обл.) – 2008, Москва) родился в семье сельских учителей. Детство провёл на Урале, в Пермской области. В середине 50-х гг. Топоровы переехали на родину отцовских предков – в пос. Подберезье под Великим Новгородом, там Владимир и пошёл в первый класс. Окончив школу, уехал в Москву, стал студентом Литературного института им. А.М. Горького (1969–1974). Работал собственным корреспондентом газеты «Нефтеюганский рабочий». Автор десятка книг стихов: «Любит – не любит» (1969), «Подкова счастья» (1972), «Причастность» (1978), «Гул горизонтов» (1986), «Скрипка на рынке» (2001) и др.

ТРОФИМОВ АЛЕКСАНДР

1951

Александр Андреевич Трофимов родился 28.09.1951 в Москве. Получил высшее образование. Работал в редакциях издательств «Советский писатель», «Олма-Пресс» и др. С 1983 г. опубликовал более 30 книг стихов и прозы, работает во многих жанрах. Автор романа о жизни Г.Х. Андерсена «Сын башмачника». Среди рассказов есть полуфантастические: «Фантастический рассказ» (1986), «Почему вы не летаете по ночам?» (1986) – и фантастические: «И аз воздам» (1990), «Пришелец» (1990), «Один из многих дней» (1990), «Сказка» (1990), подборки «Современные сказки» (2001) и «Общежитие неба: Притчи» (2004).

ТРОФИМОВ АНАТОЛИЙ

1947–2005

Анатолий Константинович Трофимов (08.06.1947, с. Пискуновское Отрадненского р-на Краснодарского края – 22.07.2005, Курск) родился в семье сельских медиков. Окончил Ставропольский мединститут (1970). С 1978 г. жил в Курске. Как поэт печатался в районной и краевых газетах Ставрополя, Курска, в альманахе «Полдень». Автор книг стихов «Радостный свет» (1979), «Отголоски лета» (1992), «Невод времени» (1995), «Глагол дубрав» (2005), «Ветра оклик» (2006, посмертно) и др.

Отец, Константин Петрович, – ленинградец. Перед самой войной окончил Кронштадтское военное училище. Служил на флоте. Участник Великой Отечественной, капитан 3-го ранга.

ТУНГУСОВА ТАТЬЯНА

1947

Татьяна Вениаминовна Тунгусова родилась в Яранске Кировской обл. После окончания СШ № 2 поступила на историко-филологический факультет Казанского университета, который окончила в 1969 г. В 1971–2010 гг. была сотрудницей редакции районной газеты «Опаринская искра» (пос. Опарино Кировской обл.), где прошла путь от корреспондента до заместителя главного редактора. Восемь лет проработала в Центральной библиотеке им. Н.А. Яхлакова пос. Опарино, все эти годы возглавляла литературно-музыкальную гостиницу «Струны души» при библиотеке. Редактор интернет-портала «Опаринская сорока». Публиковалась в периодической печати, альманахах и сборниках. Автор книг стихов «Душа не знает выходов» (2004), «Два билета в бабье лето» (2006), «След в след» (2008), «Деревенская невеста» и аудиокниги «Не меняю медь осеннюю на золото», пишет и прозу. Живёт в Советске Кировской обл.

В Великой Отечественной принимал участие отец, Вениамин Павлович Зубарев. За участие в Сталинградской битве награждён орденом Красной Звезды. Воевал также брат отца, Григорий Павлович Зубарев.

ТЫЦКИХ ВЛАДИМИР

1949

Владимир Михайлович Тыцких родился 29.06.1949 в Лениногорске (ныне – Риддер, Казахстан) на рудном Алтае. Окончил Усть-Каменогорское медучилище, Высшее военно-морское политическое училище в Киеве, курсы военных журналистов во Львове. Более 20 лет отслужил на Балтийском и Тихоокеанском флотах. Автор поэтических сборников «Честь флага»

(1984), «Пишу тебе, любимая» (1986), «Встретимся утром» (1987), «Центральный отсек» (1996), «У русского Босфора» (1996), «О чём мечтает пуля» (2002), «Пожалейте бедных фараонов» (2007) и др. Заслуженный работник культуры России. Живёт во Владивостоке.

Дед, мамин отец, Николай Фёдорович Осипов, ушёл на фронт в декабре 1941-го. Сержант, командир отделения. Пропал без вести в 1943 г. Отец, Михаил Сергеевич Тыцких, рядовым-водителем в составе Отдельного автомобильного батальона Ставки Верхового главнокомандования прошёл от Москвы до Карлсхорста, где Германия подписала капитуляцию. Был ранен и дважды тяжело контужен.

ТЮЛЕНЕВ ИГОРЬ
1953

Игорь Николаевич Тюленев родился 31.05.1953 в пос. Новоильинский Нытвенского р-на Пермской обл. Юность провёл в Перми, где окончил строительный техникум. Трудился на заводах военно-промышленного комплекса, был редактором заводского радио и журналистом областных газет. Некоторое время работал в Башкирии. Стихи пишет с 19 лет, впервые их опубликовал в 1976 г. в районной газете г. Белебея (Башкирия). В 1991 г. с отличием окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького (руководитель творческого семинара – Юрий Кузнецов). С 2004 г. – секретарь правления Союза писателей России. Произведения включены в учебные пособия для школьников и студентов вузов. Автор поэтических книг «Братина» (1983), «Кольчуга» (1988), «Огненная птица» (1989), «Небесная Россия» (1993), «Аргунское ущелье» (2001) и др.

УМЫВАКИНА ГАЛИНА

1946

Галина Митрофановна Умывакина родилась 15.10.1946 в Москве в семье офицера-фронтовика. Училась на филологическом факультете Воронежского университета (1964–1969), окончила аспирантуру при нём. В 1970–1986 гг. работала преподавателем русского языка и литературы на подготовительном отделении Воронежского технологического института. Автор поэтических книг «Годовые кольца» (1976), «Прогулка с дочерью» (1983), «Свет моей земли» (1984), «Под небом родины моей» (1987), «Дочерний календарь» (2005), «Воронежские сюжеты» (2006), «Родительская суббота» (2010), «Стихи в дорогу» (2016) и др. Стихи, переводы, статьи, рецензии, воспоминания, вступительные статьи публиковались в региональных и столичных периодических изданиях, в коллективных сборниках и альманахах.

Отец, Митрофан Филиппович Умывакин (1913–2008), на фронте с 28.06.1941. Был сначала политруком танковой роты 25-й общевойсковой армии, с января 1943 г. – корреспондентом газеты «На разгром врага» Первой танковой армии. Дошёл до Берлина. Дядя по линии моей матери, Василий Иванович Солодкий, погиб в боях за Будапешт.

УРУСОВ ВЛАДИМИР

1947

Владимир Глебович Урусов (Верстаков) родился 10.01.1947 в Черняховске Калининградской обл. Окончил Московский горный институт, работал геофизиком на Дальнем Востоке, в Сибири и на Урале, строил Нарымскую и Чиркейскую ГЭС, участвовал в прокладке тоннелей на БАМе, в Коврове, Хабаровске, Северобайкальске и Афганистане. В настоящее время консультант в ЦНИГРИ. Автор сборников стихов «Ровесник мира» (1975), «Ну что, живу...» (1981), «Три любви – три степени свободы», «Медленный ветер» (1982), «Всплеск живой воды» (1986) и др. Жил в селе Мелехове Владимирской обл. Брат поэта Виктора Верстакова. Живёт в Подмосковье.

УСТИНОВ БОРИС

1948

Борис Михайлович Устинов родился в г. Джалал-Абад Киргизской ССР. В 1949 г. семья переехала в г. Белая Церковь Украинской ССР. Окончил танковое военное училище в Киеве, бронетанковую академию им. Р.Я. Малиновского в Москве. Службу проходил в войсках, был преподавателем танковых военных училищ Омска и Киева. Кандидат технических наук, доцент, полковник запаса. Награждён орденом Почёта. Автор поэтических сборников «Волнует жизни суть» (2013) и «Я мысли предаю перу» (2013). Живёт в Кемерове.

ФАРХУДИНОВ ВЯЧЕСЛАВ
1950–2008

Вячеслав Фатхиевич Фархудинов (13.09.1950, Камешков Владимирской обл. – 20.04.2008, Санкт-Петербург) родился в семье военнослужащего, которая в 1953 г. переехала в Киров. Служил в армии (1969–1971), работал слесарем, матросом, грузчиком, корреспондентом газет и радио. В 1979 г. окончил Литературный институт им. А.М. Горького, после чего жил в Москве. Принимал участие в творческих командировках по Сибири, ездил на БАМ. В 1995 г. переехал в Санкт-Петербург. Стихи публиковались в журналах и альманахах. Автор поэтических книг «Вслед за любовью» (1985), «Золотая зима» (1990) и др.

Отец, Фатхи Гелазович Фахрудинов, – участник Великой Отечественной войны, был инженером связи.

ФЁДОРОВ ВЛАДИМИР
1951

Владимир Николаевич Фёдоров родился 31.03.1951 в с. Тас-Тумус Кобяйского р-на Якутской АССР в семье коренных сибиряков, которых в непростое послевоенное время свела судьба в далёкой якутской глубинке. До 60 лет жил на Крайнем Севере, сейчас живёт в Москве, работает главным редактором «Общеписательской литературной газеты». По первой профессии – геолог. Автор более 25 книг различных жанров, в том числе сборников стихов «Звезда в снегу» (1982), «Автограф души» (1986), «Красный ангел» (1991) и др., нескольких повестей, романа «Сезон зверя», ряда научно-популярных изданий о шаманизме, а также более 10 пьес, несколько из них были поставлены на сценах Москвы и Санкт-Петербурга.

ФЕДОСОВА ЛАРИСА
1954

Лариса Александровна Федосова в 1976 г. окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Автор книг «Сердечная глубина» (1985), «Одушевление» (1985), «Ветреное слово» (1988).

ФИГАРЕВ АЛЕКСАНДР

1949

Александр Васильевич Фигарев родился 02.01.1949 в д. Гордеевка Горьковской обл. Окончил библиотечный техникум им. И.В. Шамова и Литературный институт им. А.М. Горького (1976). Работал редактором в Волго-Вятском издательстве (1976–1977), на радио (1977–1980), журналистом в редакциях газет «Земля Нижегородская», «Рабочая жизнь» (1990–1996). Печатается как поэт с 1968 г. Автор книг стихов «Начало» (1969), «Тропа» (1969), «Жаворонок» (1970), «Арабеск» (1998), «В десанте служим мы крылатом» (1970), «Моя Хохлома» (1978), «Рабочий пропуск» (1980), «Жар-птицыно гнездовье» (1994), «Светлые колокола» (1999) и др. Живёт в Нижнем Новгороде.

ФИЛАТОВ ЛЕОНИД

1946–2003

Леонид Алексеевич Филатов (24.12.1946, Казань – 26.10.2003, Москва) детство провёл в Пензе. В 7 лет вместе с отцом уехал в Ашхабад к родственникам, именно там через несколько лет в местной прессе вышли первые его произведения. После школы отправился в Москву поступать во ВГИК на режиссёра, но стал студентом актёрского факультета Щукинско-го училища. Окончив его в 1969 г., начал свой творческий путь в Театре на Таганке. Известный киноактёр, лауреат Государственной премии в области телевидения и кино (1996). С 1993 г. работал на телевидении, вёл цикл документальных программ «Чтобы помнили» об известных в прошлом, но незаслуженно забытых актёрах. С 1960-х гг. писал песни, с 1990 г. публиковал стихи и пародии, в 1996 г. выпустил диск с песнями «Оранжевый кот». Автор книг «Про Федота-стрельца, удалого молодца», «Большая любовь Робин Гуда», «Любовь к трём апельсинам», «Лисистрата», «Театр Леонида Филатова», «Я – человек театральный», «Сукины дети», а также пьес «Пёстрые люди», «Часы с кукушкой», «Художник из Шервудского леса», «Дилижанс», «Ещё раз о голом короле» и песен к нескольким спектаклям. В 2010 г. Правительство Москвы присвоило имя Леонида Филатова школе «Монотон» (ныне – Московский театральный колледж).

Отец, Алексей Еремеевич Филатов, – участник Великой Отечественной войны, сержант, кавалер ордена Славы 3-й степени.

ФИЛИМОНОВ ВЛАДИМИР

1952

Владимир Иванович Филимонов родился 06.02.1952 в районном посёлке Мишкино Курганской обл. в семье сельских учителей. Среднюю школу окончил в с. Сумки Половинского р-на. В 1969 г. поступил в Свердловское высшее военно-политическое танко-артиллерийское училище, после его окончания до 1992 г. служил в вооружённых силах на различных должностях, прошёл путь от заместителя командира батареи по политической части до пропагандиста тяжёлой гаубичной бригады. Работал на Могилёвщине в районной газете «Асіповіцкі край» в должности начальника сельхозотдела. Прожил в Белоруссии около 15 лет. Переехав в родные места, занимался выпуском газеты военного комиссариата области «Служим Отечеству». Ответственный секретарь Курганской областной писательской организации. Автор книг стихов и прозы «Все мы родом из детства» (2003), «Пора цветения» (2003), «Капельки жизни» (2004), «Доброй раніцы, Беларусь!» (2006), составитель двухтомника «Антология зауральских писателей».

ФОКИН ВАЛЕРИЙ

1949

Валерий Геннадьевич Фокин родился 01.01.1949 в с. Пищалье Оричевского р-на Кировской обл. в семье назначенного директором детского дома для детей войны сержанта-фронтовика и воспитательницы. Рядом с детдомовцами и прошло его детство. Служил в армии (1970–1971, Оренбуржье, РВСН), где был сержантом, командиром отделения радиационно-химической разведки. Работал преподавателем, инженером, журналистом. Окончил исторический факультет Кировского пединститута (1970) и семинар Ю.П. Кузнецова Высших литературных курсов (1989–1991). Автор 13 поэтических сборников, книги прозы «Всего-навсего» и документального издания «Вятская гармоника». Живёт в Кирове, а с апреля по октябрь – в лесном посёлке Разбойный Бор Кировской обл.

Отец – фронтовик-артиллерист, прошёл с боями от Вязьмы и Можайска до освобождения Минска и форсирования реки Бerezины. Дядя – лейтенант, командир взвода разведки партизанского отряда «Боевой», погиб в 1942 г. при атаке на фашистский штаб в белорусском местечке Липень, похоронен в братской могиле.

ФОКИН НИКОЛАЙ
1953–1995

Николай Васильевич Фокин (31.05.1953, с. Котельниково Вологодской обл. (ныне – с. Можайское Вологодского р-на) – 03.01.1995, пос. Нюксеница Вологодской обл.), окончив восьмилетку в родном селе, среднее образование получил в школе-интернате Вологды. Трудился слесарем в г. Сокол, потом лесорубом в Архангельской обл., откуда был призван в армию. После демобилизации жил в Краснодарском крае. Вернувшись на Вологодчину, работал газетчиком в строительных бригадах и других организациях. Весной 1983 г. приехал в с. Нюксеница, где проживал до конца жизни, там же выпустил первый сборник стихов – «Посошок» (1993). Презентация второго сборника состоялась 11.10.2002 в районном Доме культуры.

ФРОЛОВ ГЕННАДИЙ
1947–2021

Геннадий Васильевич Фролов (31.01.1947, Курск – 03.05.2021, Москва) детство и юность провёл в Орле, куда семья переехала в начале 1950-х. В 1971 г. окончил Литературный институт им. А.М. Горького, учился вместе с Николаем Рубцовым и Юрием Кузнецовым (был его близким другом). Стихи впервые опубликовал в 1965 г. в газете «Орловский комсомолец», затем печатался в журналах «Юность», «Новый мир», «Наш современник», «Грани», «Мы», в альманахе «День поэзии» и других изданиях. В его переводах выходили книги многих поэтов народов СССР. Автор стихотворных сборников «Сад» (1982), «Месяцеслов» (1987), «Бьющий свет» (1992), «Вавилонская башня» (1992), «Накануне парада» (1993), «Невольные мысли» (1997), «Погост» (2000), «Не своё время» (2011). Жил в Москве, работал в издательствах «Современник», «Советский писатель», в литературных журналах.

ХАРЛАМПЬЕВА НАТАЛЬЯ

1952

Наталья Ивановна Харлампыева родилась 01.09.1952 в с. Маган (пригород Якутска). Окончив историко-филологический факультет Якутского университета (1973–1978), стала корреспондентом якутской газеты «Северная трасса», затем была на партийной работе в Якутском областном комитете КПСС в должностях инструктора сектора печати, секретаря Кобяйского райкома КПСС, заведующей отделом культуры газеты «Кыым». В 1988–1990 гг. – главный редактор Якутского книжного издательства, в 2002–2012 гг. – главный редактор республиканской газеты «Саха сирэ». С 2012 г. – советник главы Якутии по вопросам культуры. Как поэт дебютировала в 1975 г. Автор книг стихов «Аэроплан» (1976), «Ночной полёт» (1980), «Предчувствие счастья» (1981), «Красный подснежник» (1988, Премия комсомола Якутии), «Прозрачный вечер» (1990), «Август» (1994) и др. Народный поэт Якутии (2002), заслуженный работник культуры Российской Федерации (2007).

ХАТЮШИН ВАЛЕРИЙ

1948

Валерий Васильевич Хатюшин родился 13.11.1948 в Ногинске Московской обл. Служил в ракетных войсках в Сибири. Работал на строительстве газопровода «Север – Центр», строил КамАЗ. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. Главный редактор журнала «Молодая гвардия». Стихи, рассказы и статьи публиковались в журналах, в альманахе «Академия поэзии». Первый сборник стихов – «Быть человеком на Земле» (М.: «Современник», 1982). Автор более 30 книг поэзии, прозы, критики и публицистики, в том числе шеститомного собрания сочинений. Живёт в Москве.

Отец, Василий Андреевич Хатюшин, – участник Великой Отечественной войны. Освобождал Украину. В 1942 г. был ранен. Награждён медалью «За отвагу» и орденом Отечественной войны I степени. Мать и бабушка в 1941 г. находились в оккупации в Калужской обл.

ХЛЕБЦЕВИЧ ТАТЬЯНА

1952

Татьяна Вячеславовна Хлебцевич родилась в Дагестане. Училась в Одессе и Куйбышеве. По образованию – техник-гидротехник. По профессии – инженер, журналист, модельер-закройщик. Участвовала в строительстве Чиркейской, Саяно-Шушенской, Майнской, Ташлыкской ГЭС. Автор сборника стихов «Маятник судьбы» (Красноярск: «Кларетиум», 2002). Живёт в Саяногорске (Республика Хакасия).

Отец, Вячеслав Николаевич Хлебцевич 1923 г.р., воевал на фронте добровольцем, дошёл со своей частью до Берлина, освобождал Прагу.

ХЛЫБОВ ВАСИЛИЙ

1951–2020

Василий Петрович Хлыбов (1951, пос. Каркалай Удмуртской АССР – 16.05.2020, Иркутск) после школы трудился на комсомольской стройке бетонщиком. Окончил Московский геологоразведочный институт (1969–1974) и Литературный институт им. А.М. Горького (1983–1986). С 1974 г. жил в Иркутске. Двенадцать лет работал в Сосновской экспедиции, затем в частных компаниях. Автор публикаций в периодике, сборников стихов «Вместо письма» (1984), «Солонцовая охота» (1989), книга прозы «Женщина и вечер» (1997), «Ещё один сезон» (2018).

ХЛЫСТОВ ВАЛЕРИЙ

1946

Валерий Фёдорович Хлыстов родился 18.08.1946 в Казахстане. Детство и юность провёл в с. Казачья Слобода Шацкого р-на Рязанской обл. После окончания отделения электрификации Шацкого техникума механизации сельского хозяйства отслужил в армии. С 1968 г. работал в Рязани на заводе «Центролит», в 1972–1977 гг. – в Сасовских электрических сетях «Мосэнерго». В 1977 г. уехал в Набережные Челны, где трудился на Камском автомобильном заводе и одновременно без отрыва от производства с отличием окончил экономический факультет Московского открытого университета. В апреле 1995 г. вернулся на Рязанщину. Работал экономистом, директором Шацкого кирпичного завода, начальником финансово-экономического отдела ОАО «Рязаньэнерго». С 2013 г. руководит литературным клубом «Проба пера» при Шацкой межпоселенческой библиотеке. Автор 10 книг стихов и прозы, а также сборника песен.

ХОМУТОВ СЕРГЕЙ

1950

Сергей Адольфович Хомутов родился 26.08.1950 в Рыбинске Ярославской обл., где живёт и сейчас. Во время учёбы в полиграфическом техникуме и по его окончании работал в типографиях Сибири и Забайкалья, а после возвращения в родной город – на предприятиях и в газетах. Выпускник Литературного института им. А.М. Горького. Почти 30 лет возглавляет издательство «Рыбинское подворье». Одновременно в 1994–2001 гг. был главным редактором регионального литературно-исторического журнала «Русь». Стихи публиковались в газетах, журналах, антологиях, альманахах и коллективных сборниках. Автор более 30 поэтических книг, изданных в Москве, Ярославле и Рыбинске, первая – «Пускай растёт берёзка» (1979). Заслуженный работник культуры РФ.

ХОМЯКОВ ВЛАДИМИР

1955

Владимир Алексеевич Хомяков родился 15.02.1955 в с. Косиха Алтайского края. Служил в армии. Работает собственным корреспондентом Гостелерадиокомпании «Ока», руководит литературным клубом «Первая строка». Автор двух десятков стихотворных и краеведческих сборников, а также многочисленных публикаций в столичных изданиях. С августа 1958 г. живёт в Сасово Рязанской обл., почётный гражданин этого города.

Отец, Алексей Иннокентьевич, был заместителем командира санитарной роты, воевал на Калининском фронте, в мае 1945 г. находился в составе действующей армии под Берлином. Подполковник медицинской службы в отставке, награждён орденами и медалями. Мать, Александра Ильинична Кузьмина, – труженица тыла. Дед по матери, Илья Петрович Кузьмин, был на фронте старшиной роты, получил ранение под Сталинградом, воевал в брянских лесах. Дядя матери, офицер Николай Матвеевич Фадеев, участвовал в финской и Великой Отечественной войнах. Тесть, Виктор Иванович Озеров, был тяжело ранен незадолго до Курской битвы. Погибли на фронте дяди отца: офицер Пётр Александрович Чеханов (в 1945 г. в Германии) и танкист, сержант Алексей Александрович Чеханов (в 1944 г. в Белоруссии, там и похоронен).

ХОРОХОРИН ВИТАЛИЙ

1947–2014

Виталий Сергеевич Хорохорин (25.03.1947, с. Кирсановка Тоцкого р-на Оренбургской обл. – 2014, там же) в 1966 г. окончил Илекский зоотехникум, после чего работал бригадиром в животноводстве, зоотехником-селекционером, затем стал корреспондентом и литсотрудником районной газеты. Был плотником, каменщиком, рабочим взрывотряда в сейсморазведке, кочегаром, оператором и начальником смены в различных котельных. Дебютировал в 1966 г. в тоцкой районной газете «Авангард» со стихотворением «А где её нет, романтики?». Печатался в альманахах «Истоки» (1977), «Гостиный двор» (2004, 2011), «Башня» (2002, 2004, 2005), в сборниках «И дым Отечества», «Сенокосы» (1984). Автор книг стихов «Холода» (СПб., 2012), «Здравствуй и прощай» (Тоцк, 2012).

ЦЕЛИЩЕВА ГАЛИНА

1952

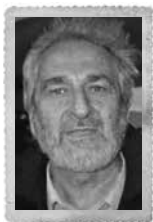

Галина Ивановна Целищева родилась в пос. Согом Ханты-Мансийского р-на Тюменской обл. Окончила Ленинградский пединститут им. А.И. Герцена и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. Автор поэтических книг «Время перемен», «В потоке солнечного ветра», «Серебряный рыцарь», «Звезда любви», публикаций в журналах и антологиях. Живёт в Омске.

Отец, Иван Павлович Поспелов, воевал снайпером 201-й стрелковой Латышской дивизии. Участвовал в боях под Старой Руссой, где был тяжело ранен.

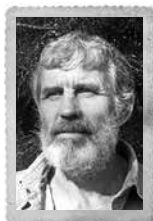

ЧАЙКА НИКОЛАЙ
1950–2010

Николай Николаевич Чайка (08.07.1950, Уссурийск Приморского края – 29.07.2010, пос. Нестерово Рузского р-на Московской обл.) учился в мореходном училище, окончил педагогический и машиностроительный институты. Жил и работал на Дальнем Востоке, в Сибири, на Украине, в подмосковной Рузе, освоил множество профессий (слесарь-сверловщик, инженер НИИ, главный метролог, работник Госприёмки, главный энергетик завода). Никогда не терял связи с родиной, был постоянным участником встреч суворовцев-уссурийцев. Автор поэтических сборников «Цепь» (1990), «Остров Пасхи» (2004), «Оранжевый волк» (2007), а также гимна «Уссурийские витязи». Создатель постоянной мемориальной экспозиции, открытой в Рузском краеведческом музее незадолго до смерти поэта и посвящённой упразднённому Дому творчества писателей «Малеевка».

ЧЕПРОВ СЕРГЕЙ
1951

Сергей Васильевич Чепров родился 24.07.1951 в Бийске Алтайского края, где живёт и сейчас. В 1968 г. окончил там СШ № 18, а в 1973 г. – филологический факультет Бийского пединститута (ныне – Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина). Отслужив в армии, трудился на заводе «Сибприбормаш» рабочим, сборщиком, грузчиком, гальваником. Стихи печатались в газетах, журналах и альманахах. Автор поэтических сборников «Душа моя непутёвая...» (2007) и «Когда болит» (2009).

Отец, Василий Михайлович Чепров, – гвардии старшина третьей Гвардейской механизированной бригады, удостоен боевых наград. Дядя (брат мамы), Александр Яковлевич Малаһнин, погиб на фронте в 1942 г.

ЧЕРКЕСОВ ВАЛЕРИЙ
1947

Валерий Николаевич Черкесов родился 03.03.1947 в Благовещенске Амурской обл. Окончил вечернюю школу, был корреспондентом местных газет. Учился на заочном отделении филологического факультета Благовещенского пединститута. В 1982 г. переехал в Белгород, где живёт и сейчас, работал в редакциях газет. Стихи публиковались во многих столичных и региональных журналах, альманахах, сборниках, антологиях. Автор 20 книг поэзии: «Вечные родники» (1977), «Небо и поле» (1982), «Запо-

ведь» (1989), «Люблю» (1993), «Летописец» (1995), «Непохожие стихи» (1999), «Камни заговорили» (2000), «У светлой реки» (2007) и др., прозы, публицистики и произведений для детей.

Дед, Николай Яковлевич Рюмшин, всю войну был бригадиром путейских рабочих в Сковородино и Благовещенске. Вместе с ним работала его дочь Фаина. Оба награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Отчим, Евгений Андреевич Двоерядкин, служил в Тихоокеанском флоте, был участником десанта на Курильские острова, удостоен орденов и медалей.

ЧЕРНОВ АНДРЕЙ

1953

Андрей Юрьевич Чернов родился 16.11.1953 в Ленинграде, в 1957 г. вместе с семьёй переехал в столицу. Учился во втузе, окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал в журнале «Огонёк» (1988–1990), в еженедельнике «Московские новости» (1990–1992), в газете «Известия» (1992–1993), в журнале «Русская виза» (1993–1994). В 1996–2003 гг. был спецкором «Новой газеты». Автор более 10 книг стихов, первая – «Городские портреты» (1980). Перевёл и прокомментировал «Слово о полку Игореве» (первое издание – М., 1981 г.), выпустил книгу-альбом «Азбука Петербурга» (СПб, 1995), сделал реконструкцию X главы «Евгения Онегина» (Иркутск, 1999). Шекспировский «Гамлет» в его переводе был несколько раз поставлен разными театрами. Пишет о русской литературе и истории. Живёт в Петербурге и Москве, летом – в Старой Ладоге.

Отец – военный историк Юрий Иванович Чернов, фронтовик.

ЧЕТВЕРИКОВА ТАТЬЯНА

1949

Татьяна Георгиевна Четверикова родилась 30.09.1949 в Омске, где живёт и сейчас. В 1977 г. окончила Литературный институт им. А.М. Горького (семинар Н.Н. Сидоренко). Работала корреспондентом в газете «Призыв» Омского р-на. В 1984–1995 гг. заведовала редакцией художественной и детской литературы в Омском книжном издательстве. В 1997 г. начала работать редактором-составителем «Книги памяти жертв политических репрессий». В 2000–2005 гг. была ответственным секретарём Омской областной общественной организации Союза писателей России. Первая публикация состоялась в газете «Молодой сибиряк» в 17 лет. Автор 18 поэтических книг для взрослых и детей: «Мелодия» (1977), «Сестра» (1979), «Ночной снегопад»

(1985), «Портрет на память» (1992), «Романс для осенней гитары» (1997), «Сквозь снегопад» (2002), «После лета» (2007) и др. Заслуженный работник культуры РФ.

ЧЕХОНАДСКИЙ ЮРИЙ

1946–2007

Юрий Николаевич Чехонадский (15.02.1946, Калининград (ныне – Королёв) Московской обл. – 03.07.2007, Москва) окончил Московский инженерно-физический институт по специальности «экспериментальная ядерная физика». Работал старшим инженером в Физическом институте им. П.Н. Лебедева и в Институте общей физики АН СССР. Опубликовал ряд научных статей. В 1980 г. стал выпускником заочного отделения Литературного института им. А.М. Горького. Стихи писал с юности, посещал лито при ЗИЛе. Печатался в антологии «Русская поэзия. XX век». Автор нескольких книг, в течение длительного периода был обозревателем «Литературной газеты». В 2008 г. вышло в свет «Избранное» (поэзия, проза, публицистика). Похоронен в Москве на кладбище «Ракитки».

Отец, Николай Андреевич Чехонадский, оказавшись с самого начала Великой Отечественной войны на Дальнем Востоке в бомбардировочной авиации, выполнял приказ, прикрывая страну от возможного нападения Японии.

ЧИСТЯКОВА НАТАЛЬЯ

1953

Наталья Дмитриевна Чистякова (Мазалецкая) родилась 12.06.1953 в Вологде в многодетной семье. После школы окончила Вологодский политехнический институт, работала инженером-технологом на заводе, в НИИ, в вузе. По месту службы мужа жила на Украине, в Костроме, в Калужской обл. Стихи пишет с 12 лет. Печаталась в литературных журналах, альманахах и сборниках. Автор поэтических книг «Выше облачка птичьего звона» (2004), «Кружевница» (2005), «Северный восход» (2010), «Свет-морозка» (2013), «Звнящий лепесток» (2018), «Розовые тополя» (2019), «Воздух, мечта и дорога» (2020). Составитель ряда стихотворных сборников, автор проекта антологии восьмистиший современной поэзии «Бесконечный свет» (2011, 2015, 2020). Живёт в Балашихе Московской обл.

Отец, Дмитрий Иванович Мазалецкий, в РККА с 1933 г. Война для него началась с первым артиллерийским ударом противника. Служил в Стрелковой дивизии 8-й армии Прибалтийско-

го Особого военного округа. С тяжёлыми боями, неся большие потери, её бойцы отступали. 30.06.1941 в р-не Риги полк попал в окружение. Д.И. Мазалецкий без малого четыре года провёл в немецких лагерях, домой вернулся только в декабре 1945 г.

ЧОЙБОНОВ МАТВЕЙ

1947–2021

Матвей Рабданович Чойбонов (02.10.1947, с. Инзага-туй Джидинского р-на Бурятской АССР – 25.10.2021, Иркутск) в 1972 г. окончил факультет бурятской филологии Бурятско-го пединститута, в 1980 г. получил медицинское образование при Бурятском медучилище, а в 1990 г. стал выпускником высшей учебной духовной буддийской семинарии в Улан-Баторе (Монголия), после чего работал в Иволгинском дацане. Населением Джидинского р-на в 1994 г. был избран настоятелем Сартуул-Гэгэтуйского дацана. Заслуженный работник культуры Республики Бурятия, почётный гражданин Монголии, Республики Тыва, Республики Калмыкия, профессор и магистр народной медицины.

ЧУМАНОВ АЛЕКСАНДР

1950–2008

Александр Николаевич Чуманов (27.08.1950, д. Борки Тюменской обл. – 2008, Арамиль Свердловской обл.) родился в семье учителей, которая в 1959 г. переехала на Урал, в г. Арамиль, где Александр окончил школу и прожил всю жизнь. Был слесарем, электриком, механиком, помощником мастера на суконной фабрике, журналистом, водителем грузовика, реализатором в киоске, помощником депутата Госдумы, сторожем, пожарным, охранником. Автор четырёх сборников стихов и четырёх книг прозы.

ЧУРДАЛЁВ ИГОРЬ

1952–2020

Игорь Валентинович Чурдалёв (21.07.1952, Севастополь – 26.05.2020, Нижний Новгород) родился в семье военного моряка-подводника. Когда отца перевели служить на Крайний Север, родители отправили сына к бабушке в Горький. После школы И. Чурдалёв поступил на филологический факультет Горьковского университета им. Н.И. Лобачевского, но проучился недолго. Служил в стройбате в Сибири. Вернувшись после армии и окончив университет, в 70–80-х гг. работал матросом, водолазом, монтажником кабельных линий связи, механиком по ремонту пишущих машинок, резчиком деревянных фигур для городских дворов, художником-конструктором, дизайне-

ром металлических пряжек на заводе. Публиковал стихи в местной прессе, в коллективных сборниках и в журнале «Юность». В 90-е гг. ушёл в бизнес, потом был директором Нижегородского творческого фонда «Речь». Последние 25 лет жизни наряду с поэзией занимался тележурналистикой – организовал телестудию «Горький НН» и создал ряд знаковых авторских программ. Автор стихотворных книг «Ключ» (1983), «Железный проспект» (1987), «Нет времени» (2002), «Полёт вороны над Окой» (2020).

ЧУРИЛИН ВЛАДИМИР

1955–2003

Владимир Иванович Чурилин (10.02.1955, д. Цыганка Советского р-на Курской обл. – 06.04.2003, Магнитогорск Челябинской обл.) с двух лет жил в Магнитогорске. После окончания средней школы служил в морской пехоте на Дальнем Востоке, затем был студентом Магнитогорского горно-металлургического института (ныне – технический университет). Учился в Литературном институте им. А.М. Горького (не окончил). Скончался после тяжёлой и продолжительной болезни. Похоронен на Правобережном кладбище Магнитогорска. Первая публикация состоялась в газете «Магнитогорский рабочий» в 1971 г. После смерти поэта большая часть его рукописей бесследно исчезла. В 2005 г. усилиями семьи и друзей В. Чурилина в Магнитогорском доме печати издана 300-страничная книга, куда вошли стихи и поэма «Память», а в издательстве «Алкион» в серии «Литература Магнитки. Избранное» вышел сборник стихов «Исповедь».

ШАБАРЕНИНА ТАМАРА

1946

Тамара Михайловна Шабаренина (Корзон) родилась 26.04.1946 в пос. Паника Чусовского р-на Пермской обл. Работала трактористом, поваром, художником-оформителем, заведующей культурным центром молококомбината, сотрудником газеты. Начало литературной деятельности – 1966 г. Как поэт и прозаик печаталась в журналах «Простор», «Оренбургский край», в газетах «Вечерний Оренбург» и «Южный Урал». Автор книги «Уральская прелюдия: очерки и рассказы». Живёт в Уральске (Казахстан).

ШАЛЮГИН ГЕННАДИЙ

1946

Геннадий Александрович Шалюгин родился 06.09.1946 в с. Талызино Горьковской обл. Окончил Арзамасский пединститут. Кандидат филологических наук, доцент, член-корреспондент Крымской академии наук. В 1983–2006 гг. был директором Дома-музея А.П. Чехова. Создатель музеев Чехова в Ялте на даче «Омюр» и на гурзуфской даче писателя. Автор книг, статей и очерков о творчестве А.С. Пушкина, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, М.А. Булгакова, о культуре Крыма. Работает в жанрах: стихи, повести, рассказы, эссе, документальные очерки, научные и критические статьи, публицистика, мемуары. Публиковался в российских журналах, альманахах Украины, Германии, Великобритании, США, Кореи, Турции, Болгарии (более 600 статей и очерков). В 2018 г. издал двухтомник «Крымская Русь». Живёт в Ялте, почётный гражданин этого города.

ШАМАРДИНА ЛЮБОВЬ

1954

Любовь Фёдоровна Шамардина родилась 12.09.1954 в Антраците в Ворошиловградской обл. УССР (ныне – Луганской, ЛНР). В 1973 г. окончила Ворошиловградское культпросветучилище по специальности «хореография». Второе образование – методист по воспитательной работе – получила в Таганрогском пединституте, после чего работала учителем в родном городе. Член Межрегионального Союза писателей Луганщины, член Республиканского Союза писателей ЛНР, член Международного Союза писателей и мастеров искусств, руководитель литературного объединения «Горизонты» (Антрацит). Стихи пишет с юности. Печаталась в альманахе «Территория слова» (Молодогвардейск), в сборниках «Ночь рождения» (ДНР), «Память огненных лет» (ЛНР, ДНР), в книгах творческих переводов. Автор поэтического цикла «Несломленный Антрацит» («Борьба без оружия»,

2016; «Больш», 2017). Лауреат литературных фестивалей и конкурсов.

ШАМСУТДИНОВ НИКОЛАЙ

1949

Николай Меркамалович Шамсутдинов родился 26.08.1949 в с. Яр-Сале Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской обл. В 1980 г. окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Служил в рядах ВВС СССР (1968–1970). Работал монтажником в НГДУ «Юганскнефть», рабочим в геологических партиях, оператором на промыслах, тележурналистом, директором издательства «Берлек» и книготорговой фирмы «Автохтон». Ныне возглавляет Тюменское отделение Союза российских писателей. Автор около 400 публикаций и 52 поэтических книг, первая – «Стихотворения» (Тюмень, 1977). Переводит стихи с абхазского, аварского, грузинского, киргизского, татарского, хантыйского, чеченского языков.

ШВЕЦОВ АЛЕКСАНДР

1951–1999

Александр Сергеевич Швецов (28.06.1951, д. Поповское Вологодской обл. – 07.10.1999, Сокол Вологодской обл.) окончил естественно-географический факультет Вологодского пединститута. Работал на заводах, на стройке, в сельской школе. Литературным творчеством увлекался с детства. Огромную роль в его судьбе сыграл поэт-фронтовик Н.К. Старшинов. Автор стихотворных сборников «Крылатый снег» (1979), «Северные заруби» (1980), «Деревенский дневник» (1982), «Золотое крыльцо» (1993), «Ворожба» (1994), «Холмы» (2001, опубликован посмертно). Лауреат областных поэтических конкурсов и первой премии за лучшую книгу года в серии «Молодые голоса» (1980). Писал и прозу, переводил поэзию с языка коми, занимался литературоведческими исследованиями, многие годы изучал «Слово о полку Игореве». Трагически погиб.

ШЕВЧУК ОЛЬГА

1952

Ольга Викторовна Шевчук (Андрюкова) родилась 28.10.1952 в Караганде Казахской ССР. Окончила Ташкентский политехнический институт и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького (1991). Автор книг поэзии и прозы «Расклёванное яблоко» (1999), «Мой камертон» (2009), «Приметы времени» (2012), «Шальные кони» (поэма, 2014), «Радуга» (2015), «Златая ноша» (Польша, 2016,

на русском и польском языках). «Поцелуй снежинки» (2018), «Неспешно прогуляюсь по Неглинной» (2018), «Ночные мысли» (2019), «Дыханье вечности» (2019), «Два крыла» (2019), «Зов времени» (2022) и др. Стихи переведены на английский, болгарский, польский и узбекский языки. Живёт в Москве.

Отец, Виктор Васильевич Андрюков (1920–1981), был в рядах Красной армии с 1939 г., воевал с первых дней войны на Южном и Украинском фронтах, получил контузию. Принимал участие в войне с Японией. Награждён боевыми орденами и медалями.

ШЕЛЕХОВ МИХАИЛ

1954

Михаил Михайлович Шелехов родился 01.11.1954 в д. Плотница Брестской обл. БССР. Окончил факультет журналистики Белорусского университета (1976), Высшие курсы сценаристов и режиссёров при Госкино СССР (1984) и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького (2001). Работал в журналах, на телевидении, на киностудиях. Автор четырёх поэтических книг, изданных в Москве и Минске (философская и экспрессивная лирика, баллады), сценариев пяти художественных фильмов, поставленных в Москве, Минске и Екатеринбурге («Круглянский мост», «Огненный стрелок», «Шоколадный бунт» и др.), 10 мультфильмов по своим сказкам, а также многочисленных пьес, ориентальных и фантастических романов. Живёт в Минске.

Воевали многие родственники. Отец, Михаил Владимирович Шелехов, с 16 лет – в партизанах. Тяжело раненный в бою, был схвачен карателями и прошёл несколько нацистских лагерей. Бежал, штурмовал Берлин в рядах 5-й ударной армии. Дед по отцу, Владимир Иванович, без вести пропал в 1944 г. во время операции «Багратион». Двоюродный дед, Константин Степанович Шелег, воевал на Халхин-Голе, был начальником поезда-госпиталя до самой победы. Двоюродный дед по линии отца, Нестер Иванович, подпольщик, был замучен в лагере смерти Тростенец под Минском. Двоюродный дядя, Сергей Васильевич Кабердин, был снайпером, оборонял Москву. Дед по линии матери, Александр Иванович Ефанов, кавалерист, раненным попал в плен, оказался в шталагах Италии, освобождён американцами. Брат матери Николай, лейтенант-танкист, погиб на Курской дуге.

ШЕЛУДЬКО ЛЕОНИД

1952

Леонид Николаевич Шелудько родился 16.12.1952 в шахтёрском посёлке Черновские Копи (пригород Читы). В 1975 г.

окончил Томский политехнический институт по специальности «горный инженер-механик». Работал в Казахстане, Забайкалье. С 2004 г. живёт в Томске. Как поэт начал печататься в 1971 г., будучи студентом, в институтской газете «За кадры», потом публиковался в журналах «Сибирские Афины», «День и ночь», «Сибирские огни», «Начало века», «Слово Забайкалья» и др. Автор книг стихов «Дорога через осень» (2005), «Бумажный голубь» (2007), «Рыжий: сто стихотворений» (2009), «Путь» (2016), пишет и прозу (в частности, вышло несколько эссе о сибирских поэтах). Редактор изданной в Томске поэтической серии «Сто стихотворений».

Воевало несколько родственников. Тётя, Анастасия Семёновна Антифорова, встретила войну в Ленинграде, была медсестрой одного из военных госпиталей. Пережила первую блокадную зиму. Женщину с маленькой дочкой вывезли по «Дороге жизни» через Ладожское озеро. Дядя, Владимир Семёнович Антифоров, призван в армию весной 1944 г., служил на одном из Дальневосточных военных аэродромов. Двоюродный брат мамы, Павел Егорович Сиваков, – младший лейтенант, командир сапёрной роты, начал войну 22.06.1941 в Брестской крепости. Двое суток дрался, защищая её. Чудом вырвался, раненный. А потом провоевал до самой победы.

ШЕСТАКОВ ЮРИЙ 1949–2010

Юрий Михайлович Шестаков (13.01.1949, с. Богословка Хомутовского (Боброводворского) р-на Курской обл. – 18.12.2010, Санкт-Петербург) с семи лет жил в Ленинграде. Окончил школу, затем физико-химический факультет Технологического института им. Ленсовета. После стихотворного дебюта в институтской многотиражке «Технолог» (1967) печатался в журналах, альманахах, коллективных сборниках («Огонёк», «Молодая гвардия», «Литературная учёба», «Памир», «Беларусь», «Молодой Ленинград» и др.). В 1986 г. стал лауреатом Премии Ленинградского комсомола в области литературы. В 1992 г. в Мюнхене в альманахе «Вече» (№ 48) была опубликована его поэма «Засадный полк», а вскоре отдельным изданием она вышла и в России. Выпускник Высших литературных курсов при Литературном институте им. А.М. Горького (1993). Автор поэтических книг «В начале дня» (1983), «У солнца на виду» (1986), «Волны земли» (1992), «Засадный полк» (1993), «Пристальное небо» (1998), «Земное притяжение» (2012), «За Незримо Ведущим» (2019), «Нетленная опора» (2021), а также литературных сценариев кинопоэтических лент «В начале было...», «Два

дома», «Возрадуйся!», «Вокруг огня», «Главное чудо» (к/с «Лен-научфильм»). Стихи переводились на болгарский, эстонский, таджикский, киргизский, белорусский языки.

Отец, Михаил Никитович, жил и трудился в Ленинграде с 1932 г. Оборонял блокадный город на Пулковских высотах, воевал на Волховском фронте, водил машину по Ладожскому озеру. После прорыва блокады служил в полковой разведке, награждён орденами и медалями.

ШЕХТМАН МАРК

1948

Марк Борисович Шехтман родился в Таджикской ССР. Окончил школу в Душанбе, получил два высших образования: физико-математическое и филологическое. Кандидатская диссертация и научные интересы связаны с теорией мифа. Работал на литературных кафедрах вузов республики в должности доцента. В 1990 г. из-за начавшейся в Таджикистане гражданской войны эмигрировал в Израиль. Живёт в Иерусалиме. Стихи публиковались в журналах, альманахах и коллективных сборниках. Автор поэтических книг «Неведомое небо» (1983), «Большая Медведица» (1986), «Русский Бог» (2009), «Земляк Армагеддона» (2019) и др.

ШЕШОЛИН ЕВГЕНИЙ

1955–1990

Евгений Петрович Шешолин (09.12.1955, Краслава Латвийской ССР — 28.04.1990, Даугавпилс, Латвия) детство и школьные годы провёл в г. Резекне. Окончил естественно-географический факультет Псковского пединститута (1974–1980). Несколько лет учительствовал в сельских школах Псковской обл. В дальнейшем перебивался временными заработками: был оператором газовой котельной, ночным сторожем и т.п. Одновременно с этим самостоятельно изучал язык фарси, составил сборник избранных переводов великих персидских поэтов, принадлежащих к мусульманской культуре. В 1980-е гг. как автор и соредактор активно участвовал в самиздатовском альманахе «Майя», первый номер которого был издан в США. На родине стихи изредка печатались в газетах, посмертно публиковались в журналах «Литературная учёба», «Советская литература», «Русская провинция». В 1999 г. псковский издательский дом «Стерх» выпустил сборник из 100 избранных стихотворений поэта «Измарад со дна Великой». Трагически погиб.

ШИГИН БОРИС

1952

Борис Владилениович Шигин родился 24.12.1952 в Балашове Саратовской обл. В 1956 г. вместе с семьёй переехал в Пензу, где живёт и сейчас. Окончил историко-филологический факультет Пензенского пединститута им. В.Г. Белинского (1975), Институт повышения квалификации Гостелерадио СССР в Москве (1984). Был учителем в школе, проходил срочную службу в Западной группе советских войск в Германии. 27 лет проработал на областной студии телевидения, пройдя путь от младшего до главного редактора. Главный редактор журнала «Сура». Первая публикация состоялась в 1970 г. в газете «За инженерные кадры». Автор сборников стихов и песен «Моим друзьям» (1992), «Запечатлеть движения души» (1995), «Девятый возраст» (1997), «Новый ковчег» (2000), «Стихотворения и песни» (2003) и др.

Дед, Василий Яковлевич, во время Великой Отечественной готовил политработников. Отец, Владилен Васильевич, работал на военном заводе.

ШИПИЛОВ НИКОЛАЙ

1946–2006

Николай Александрович Шипилов (01.12.1946, Южно-Сахалинск – Смоленск, 07.09.2006) родился в семье офицера-фронтовика (он служил на Дальнем Востоке после войны, когда освободили Курилы), которая вскоре переехала в Новосибирск. Там будущий поэт учился в школе, в авиационном техникуме и в пединституте. Трудовую жизнь начал экскаваторщиком, затем устроился грузчиком на жиркомбинат. Работал артистом хора в театре оперетты, потом ушёл на телевидение, где озвучил своими песнями почти 100 передач. Потом стал полевым рабочим в геодзической партии, строил коровники, трудился в леспромхозах. Был токарем, бетонщиком, штукатуром, монтажником, корреспондентом газеты «Приобская правда». В 1983 г. уехал в Москву, некоторое время жил в Новгороде, с 1991 г. – в Москве и Беларуси. В 1989 г. окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. Работал на телевидении сценаристом, ассистентом режиссёра, режиссёром, был радиокорреспондентом, преподавателем вуза, завотделом отдела поэзии журнала «Литературная учёба», редактором отдела прозы еженедельника «Литературная Россия», секретарём Союза писателей России... Стихи писал с 1963 г., песни на них – с 1965 г. Автор свыше 200 песен, вошедших в золотой фонд русской песенной культуры, двух десятков книг стихов, прозы, переводов («Ночное зрение», 1986; «Пятый ассистент», 1986; «Шарабан»,

1987; «Прощайте, дворяне», 1995; «Эпиграммы», 1996; «Любимые дети державы», 2002; и др.). По его прозе и о нём лично снято несколько фильмов. Лауреат множества литературных премий. Умер, возвращаясь в Минск из творческой поездки по Сибири. Похоронен в д. Валерьяново недалеко от Минска. В июле 2007 г. на Аллее бардов в Новосибирске, которую открывал Н. Шипилов, появилась памятная доска в его честь. Также именем поэта и писателя названа одна из улиц этого города.

ШИШАЕВ БОРИС

1946–2010

Борис Михайлович Шишаев (17.06.1946, пос. Сынтул Касимовского р-на Рязанской обл. – 27.10.2010, там же) родился в крестьянской семье участника Великой Отечественной войны. Учился в Рязанском пединституте, в 1965 г. оставил его и поступил на отделение поэзии Литературного института им. А.М. Горького, которое окончил в 1971 г. Служил в армии, был корреспондентом районной газеты «Новая Мещёра» в г. Клепики Рязанской обл., редактором Рязанского отделения издательства «Московский рабочий», руководил областным лито «Рязания». Как поэт дебютировал в касимовской районной газете в 1962 г. Автор 11 книг прозы и стихов: «Ясная осень» (1977), «Солнечные поляны» (1982), «Миг свиданья» (1984), «Сквозь травы забвенья», «Одинокий свет», «Птицы быстроекрылые мои» и др.), а также семитомного собрания сочинений. Произведения переводились в Польше, Чехословакии, Югославии и других странах. Почётный гражданин Касимовского р-на Рязанской обл. Кавалер медали ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. На родине поэта проводятся литературные праздники «Борис Шишаев собирает друзей» и «Зажжён в сердцах целебный свет». Имя поэта носит Сынтульская поселковая библиотека, в 2016 г. на его доме в родном посёлке установлена мемориальная доска.

ШТУРМИН ГЕННАДИЙ

1950–2023

Геннадий Владимирович Штурмин (04.07.1950 в с. Неверкино Пензенской обл. – 02.02.2023 г. , Кузнецк Пензенской обл.), завершив обучение в школе, работал грузчиком, трактористом. В 1969–1971 гг. служил в армии, награждён медалью «За воинскую доблесть». Демобилизовавшись, поступил на факультет журналистики МГУ, который окончил 1979 г. Был художником-оформителем, учителем рисования и баянистом, литературным сотрудником районной газеты «Знамя Ильича» и корреспондентом большой многотиражки, инструктором ГК КПСС, в 1984 г. стал начальником кузнецкого агентства «Союзпечать». Как поэт дебютировал в 14 лет в районной газете. Печатался в журналах «Советский воин», «Волга», в коллективных сборниках «Волжские зори», «Голос поля» и других изданиях. Автор 16 книг стихов и прозы: «Каждый день – понедельник» (1984), «На деревню к дедушке» (1987), «Високосный час» (1991), «Дикое поле» (2010) и др.

ШУВАЛОВ ПАВЕЛ

1954

Павел Владимирович Шувалов родился 14.05.1954 в Петрозаводске. Трудовую деятельность начал сразу после окончания школы: был почтальоном, слесарем-сантехником, грузчиком, сторожем, дворником, экспедитором. Занимался в лито при газете «Комсомолец», которое вёл Валентин Устинов. Первая публикация стихов состоялась в заводской многотиражке в 1980 г. Печатался в газетах, в журнале «Север», в коллективных сборниках. Автор поэтической книги «Смутный май» (1996).

ШУМИЛОВ ВЛАДИМИР

1954

Владимир Александрович Шумилов родился 07.06.1954 в с. Фроловка Партизанского р-на Приморского края, детство и юность провёл в с. Борисово Крапивинского р-на Кемеровской обл. В 1976 г. окончил Тихоокеанское высшее морское училище им. С.О. Макарова во Владивостоке. Служил в ВМФ на Камчатке, в Приморье. Военный инженер радиосвязи, капитан-лейтенант запаса. Автор более 20 книг прозы и стихов: «Паруса моей жизни» (1995), «Подранок» (1997), «Стреколёт» (1997) и др. Живёт в с. Смолино Кемеровского р-на.

ШУМОВ ЮРИЙ
1954–2005

Юрий Васильевич Шумов (17.05.1954, с. Самойловка Корочанского р-на Белгородской обл. – 2005, Белгород) в 1971 г. переехал в Белгород, где в 1972 г. окончил среднюю школу. Срочную службу проходил в г. Остров Псковской обл. и в Прибалтике. Демобилизовавшись, работал на заводах Белгорода, на Белгородской ТЭЦ. Стихи начал писать ещё в школе. Публиковался в разные годы в нескольких коллективных сборниках, выходящих в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве в Воронеже, в журналах «Наш современник», «Подъём», «Роман-газета XXI век», в альманахе «Светоч» и других изданиях. Автор поэтической книги «Плач» (1993). На его стихи белгородскими композиторами А.Г. Павловым и А.Н. Балбековым написано несколько песен.

ЩУПЛОВ АЛЕКСАНДР

1949–2006

Александр Николаевич Щуплов (03.03.1949, Москва – 02.08.2006, там же) родился в семье рабочих. Окончил исторический факультет Московского пединститута им. В.И. Ленина (1972). Служил в радиоразведке на Дальнем Востоке (1973–1974). Работал в газете «Знамя труда» завода «Москабель» и много-тиражке «Ленинец» (1967–1976), в альманахе «Поэзия» (1975–1979, редактор в отделе переводов), в еженедельнике «Книжное обозрение» и журнале «Столица» (1995–1996), в «Независимой газете» (с 1999 г.) и в «Российской газете» (с 2001 г.). Как поэт дебютировал в «Московском комсомольце» в 1972 г., затем его стихи печатались в журналах «Юность» и «Арион», в альманахе «Поэзия» и в антологии «Строфы века», переводились на польский, португальский, украинский и чешский языки. Автор восьми поэтических сборников: «Первая лыжня» (1976), «Серебряная изнанка» (1979), «Поле боли» (1986) и др., а также романа «Имя тайны» (2004). В последнюю книгу – «Стихи для тех, кто не любит читать стихи» (2006) – вошли избранные произведения за три десятка лет. Жил в наукограде Жуковский Московской обл., умер в больнице после инфаркта. Похоронен в Москве на Котляковском кладбище, в семейном склепе, рядом с бабушкой, Александром Беляевым, чьей фамилией подписывал многие журналистские публикации в «Российской газете».

ЮДИНА АНТОНИНА

1952–2020

Антонина Михайловна Юдина (02.04.1952, Оренбург – 19.10.2020, там же) окончила Всероссийский юридический заочный институт. Более 30 лет работала следователем в Промышленном РОВД Оренбурга. Подполковник юстиции в отставке. Занималась в лито им. В.И. Даля. Как поэт дебютировала в 1966 г. в газете «Комсомольское племя», затем печаталась в коллективных сборниках «Сенокосы», «Багульник» (М.: «Современник»), «И дым Отечества» (Челябинск), в альманахах «Поэзия», «Каменный пояс», «Гостиный двор», в журналах «Литературная учёба», «Литературная Армения», «Советская милиция», в антологиях «Река Урал в русской поэзии», «Русская поэзия XXI век». Лауреат литературной премии им. П.И. Рычкова за книгу стихов «Белые ступени» (2008).

ЮДИНА ВАЛЕНТИНА

1949

Валентина Николаевна Юдина родилась в с. Обшаровка Приволжского р-на Куйбышевской обл. Окончила физико-математический факультет Куйбышевского пединститута и заочно – Московский народный университет искусств. Трудную деятельность начала на Дальнем Востоке учителем математики и музыки. Педагог с большим стажем, отличник народного просвещения. Как поэт и бард впервые выступила в студенческие годы с песней о Куйбышеве. Печаталась в районных и городских газетах, в коллективном сборнике «Серебряные родники», в журналах «Наш современник», «Начальная школа», «Весёлая нотка», «Книжки, нотки и игрушки для Катюшки и Андрюшки», «Сызранская излучина». Автор множества книг стихов и сборников песен: «Заблудилось детство» (2009), «Солдаты Победы» (2010), «Бессонница» (2012), «Другой подход» (2017), «Листок рябины на стекле» (2018), «Дорогое» (2018) и др. Живёт в Сызрани Самарской обл.

ЮЖАКОВА-ХВОРОСТОВА ЛЮДМИЛА

1953

Людмила Вячеславовна Южакова-Хворостова родилась в 1953 г. в Южно-Сахалинске, вернее, в СахЛАГе, где в это время по ложному обвинению отбывала срок её мать (была освобождена и реабилитирована через несколько месяцев после смерти Сталина). Окончила медучилище в Николаевске-на-Амуре, работала в Центральной районной больнице. Была членом местного лито. Печаталась в коллективных сборниках николаевских поэтов, в периодических дальневосточных изданиях. С 2011 г. живёт в Виробиджане. Автор книги стихов «Под знаком Меркурия» (2012).

ЮРЧЕНКО СТАНИСЛАВ

1948

Станислав Георгиевич Юрченко родился 18.06.1948 в Кривом Роге Днепропетровской обл. УССР. В 1966 г. окончил школу в Хабаровске, а затем факультет промышленного и гражданского строительства Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта. В 1971–1973 гг. служил в железнодорожных войсках на строительстве магистрали Ивдель – Обь. Работал мастером, прорабом, главным инженером, начальником Советского строительного-монтажного управления, главным инженером треста «Тюменьлесстрой», главным инженером ООО «Отделстрой». Публиковался в коллективных сборниках и альманахах «Под созвездием кедра» (Советский), «Эринтур» (Ханты-Мансийск), «Чаша круговая» (Екатеринбург), в еженедельнике «Литературная Россия», в журналах «Наш современник», «Югра», «Тюмень литературная», в газетах «Новости Югры», «Путь Октября», «Весть», «Первая Советская». Автор поэтических книг «Причастие» (1992), «Осенний листопад» (1998), «Переулки забытых свиданий» (2000), «Длинная дорога в поднебесье» (2003), «Храм» (2009), «Просто осень» (20013), сборников стихов и прозы «Облака на закате» (2002), «Таёжный родник» (2004), «Потерянный брод» (2005), «Предзимье» (2007), повести «Мост» (2009), сборника рассказов и повестей «Осколки» (2013). Живёт в г. Советский Тюменской обл.

Отец – офицер, военный лётчик, прошёл всю войну, удостоен боевых наград.

ЮШИН ЕВГЕНИЙ

1955

Евгений Юрьевич Юшин родился 25.06.1955 в Озёрах Московской обл. Детство провёл на Оке и на Воже – в рязанской деревне Лужки, школу окончил в Улан-Удэ. Выпускник историко-филологического факультета Бурятского пединститута. В 1976–1977 гг. служил в армии на Северном Кавказе. С 1978 г. был редактором в Центральном Доме культуры железнодорожников г. Москвы, здесь же несколько лет возглавлял лито «Магистраль». В 1986–1999 гг. – руководитель отдела поэзии и заместитель главного редактора, в 1999–2009 гг. – главный редактор журнала «Молодая гвардия». Как поэт дебютировал в 1976 г. в газете «Коломенская правда». Автор 12 книг стихов: «На расстоянии дыхания» (1980), «На весь далёкий путь» (1983), «Душа ведёт» (1987), «Троица» (1991), «Родник небес» (1993), «За околицей рая» (2006), «Божья люлька» (2019) и др. Произведения переведены на сербский, немецкий, французский и болгарский языки. Живёт в Москве.

ЯВЕЦКИЙ ПАВЕЛ

1949

Павел Иванович Явецкий родился 02.12.1949 в с. Белое Алтайского р-на Алтайского края в крестьянской семье. Окончив СПТУ, с 15 лет работал трактористом, разнорабочим в полеводстве, на пилораме. Срочную службу проходил на Дальнем Востоке в мотострелковых войсках. После армии строил железнодорожный мост через Обь в Сургуте Тюменской обл. С 1972 г. живёт в Бийске Алтайского края. Трудился на Бийском олеумном заводе, на предприятии «Спецавтоматика», в ДСК, на заводе «Сибприбормаш», был литературным сотрудником районных газет Алтая, редактором поэзии и прозы журнала «Огни над Бией». Стихи впервые опубликовал в армейской газете, затем печатался в сборниках «Парус», «И снова Слово», «Антология XXI век», в альманахе «Бийск», в журналах «Алтай», «Молодая гвардия», «Врата Сибири», в роман-газете «Двадцать первый век», а также за рубежом. Автор книг «Калины гроздь» (1994), «Тихий свет мой, незакатный» (2000), «Я вернулся в сорок пятом» (2005), «Маятник времён» (2006), «Вера» (2018) и др., автор-составитель двухтомника «Частушки-сберегушки».

ЯКОВЛЕВ СЕРГЕЙ

1950

Сергей Константинович Яковлев родился 11.09.1950 в с. Вороно-Пашня Асиновского р-на Томской обл. в семье сельских учителей. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал в редакциях томских газет, был сторожем, редактором в Западно-Сибирском издательстве, уполномоченным Бюро пропаганды художественной литературы, референтом ректора Томского университета, учителем, преподавателем техникума. Как поэт печатается с 1976 г. Автор книг стихов «Краснопогодье» (1987), «Дикая роза шиповник» (1990), «Бережень» (1997) и др. Член редколлегии журнала «Начало века». Живёт в Томске.

Отец – участник Великой Отечественной, лейтенант, командир автозвода. Войну закончил в Румынии.

ЯКУШЕВА ЛЮБОВЬ

1947–1984

Любовь Борисовна Якушева (16.06.1947, Москва – 10.11.1984, там же) по окончании МГУ преподавала латынь в Первом Московском медицинском институте. Известна как переводчица Сафо, Катулла, Кавафиса, Сефериса, Элитиса, Варналиса, Эйхендорфа и др., причём переводы делала только с оригиналов, не используя подстрочники, поскольку владела латынью, греческим, немецким и английским языками. Автор 250 переводов и нескольких научных статей, работала над монографией «Художественный язык Георгоса Сефериса» (2001). Как оригинальная поэтесса была практически неизвестна, подготовленная ею книга стихов «Лёгкий огонь» вышла посмертно, в 1984 г., переиздана в 1989-м. В 1994 г. опубликована книга «Стихотворения и переводы», затем увидели свет сборники стихов «Не надо уходить» (1997) и «Сокровенное» (1998). Похоронена в Москве на Митинском кладбище (124-й уч.).

ЯНЕНКО СТАНИСЛАВ

1947–1990

Станислав Степанович Яненко (07.06.1947, Барнаул Алтайского края – 02.03.1990, там же) окончил факультет журналистики Иркутского университета. Работал корреспондентом районной газеты, матросом рыболовного флота, помощником бурового мастера на Севере, заместителем директора оленеводческого совхоза, промысловиком в тайге, уполномоченным Бюро пропаганды художественной литературы Алтайского отделения Союза писателей России. Автор поэтических сборников «Сентябрь» (1977), «Завтрашняя память» (1983), «Перед самыми морозами» (1987), «Я – файтер» (1989). Посмертно издана книга стихов «Чувство вины и любви» (1993). Похоронен в Барнауле на Черницком кладбище. В мае 1999 г. на доме № 10 по ул. им. Германа Титова, где проживал поэт, установлена мемориальная доска. В № 1 журнала «Барнаул» за 2002 г. опубликована подборка воспоминаний о нём.

ЯСНОВ МИХАИЛ
1946–2020

Михаил Давидович Яснов (настоящая фамилия – Гурвич, 08.01.1946, Ленинград – 27.10.2020, Санкт-Петербург) в 1970 г. окончил вечернее отделение филологического факультета Ленинградского университета. Параллельно работал в издательстве – прошёл путь от грузчика до старшего редактора. После окончания вуза занимался художественным переводом, писал стихи для детей. Известные произведения: «В гостях у свино-завра», «Чучело-мяучело», «Мамонт, Папонт и остальные». Автор шести поэтических сборников и многочисленных книг стихов для детей, а также переводов из французской поэзии (Верлен, Рембо, Аполлинер, Превьер и др.). Посмертное издание – «Единожды навсегда: Избранные стихотворения, 1965–2015» (М.: «Время», 2017).

Отец, Давид Иосифович Гурвич, – уроженец Минска, участник Финской компании и Великой Отечественной войны.

ДОПОЛНЕНИЯ К КНИГАМ
X, XI

АВЕРЬЯНОВ АЛЕКСАНДР

1947

Александр Иванович Аверьянов родился 01.12.1947 в пос. Ракитянка г. Медногорска Оренбургской обл. Учился в Орском пединституте. Работал журналистом на Орской студии телевидения (1969), в газетах «Оренбургский рабочий» (с 1970 г.), «Южный Урал» (1979), «Волга-Урал» (1990). Был первым редактором еженедельника «Оренбургская неделя». Печатался в журналах «Вопросы литературы» (1982), «Литературная учёба» (1987), в региональных издательствах, в альманахе «Башня» (2001), в сборниках «И с песней молодость вернётся» (1999), «Категория жизни», «На своей земле» (1982). Автор книг стихов и прозы «Вслед за некрасивой» (1998) и «Здравствуй, сиреневый город!» (1999), а также нескольких аудиодисков, самый известный – «От вокзала до Урала». Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Оренбурге.

АГАЛЬЦОВ СЕРГЕЙ

1954

Сергей Александрович Агальцов родился 02.01.1954 в пос. Сарай Рязанской обл. В 1961 г. переехал в рабочий посёлок Ухолово, где живёт и сейчас. Окончил Рязанский пединститут. Работал учителем на Дальнем Востоке, в Рязанской области, тележурналистом в Туркмении, редактором в издательстве «Современник» в Москве. Как поэт печатался в журналах «Новый мир», «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Роман-журнал XXI век», в альманахах «Поэзия» и «День поэзии», других периодических изданиях. Автор стихотворных сборников «Утренний просёлок» (1984), «Шиповник» (1986), «Русская печаль» (2002), «Лирика» (2006), «Думы на родине» (2008) и др. Произведения включены в антологию «Русская поэзия. XX век» и «Антологию русского лиризма. XX век».

АДЖИБЕКОВ ХАДЖИСМЕЛЬ

1953

Хаджисмель (Александр) Солтанович Аджибеков родился 17.05.1953 в ауле Красный Восток Малокарачаевского р-на Карачаево-Черкесии. В 1976 г., окончив Пятигорский пединститут иностранных языков, получил направление в Тувинскую АССР. Был учителем немецкого и английского языков, директором школы, сотрудником газеты «Коммунизм алашара» («Свет коммунизма»). В 1981 г. переехал в Крым и в течение года работал воспитателем детско-юношеского санатория в Евпатории. В 1982 г. стал штатным сотрудником Карачаево-

Черкесской телерадиокомпани. Занимается издательской деятельностью, сбором легенд и преданий абазин, переводами. Первая поэтическая публикация состоялась в 1985 г. в коллективном сборнике «Цветы жизни». Автор книг стихов и прозы «Белая грива» (1985), «Когда просыпаются Стожары» (1989), «Очаг мудрецов» (1994) и др. Лауреат премии Президента Карачаево-Черкесской Республики в области литературы искусства (2008). Живёт в Черкесске.

АХМАДИЕВ НУР
1946–2021

Нур Гарифович Ахмадиев (псевдоним – Нур Ахмади; 14.12.1946, д. Асеево Азнакаевского р-на Татарской АССР – 25.08.2021) окончил факультет татарского языка и литературы Казанского университета (1965–1970). Работал учителем в д. Сарлы, вторым секретарём Азнакаевского райкома ВЛКСМ, в редакции газеты «Маяк». Выпускник высших литературных курсов при Литературном институте им. А.М. Горького (1985). С 1984 г. жил в Альметьевске, работал в школе буровых кадров. В 1987–1993 гг. возглавлял Альметьевское отделение Союза писателей Республики Татарстан. 15 лет руководил корпоративной газетой «Хазинэ» ОАО «Татнефть». Автор двух десятков книг для детей и взрослых на русском и татарском языках и четырёхтомного собрания избранных сочинений. На его стихи написано более 130 песен. Депутат Альметьевского горсовета (1980–1994), почётный нефтяник ОАО «Татнефть» (2004), заслуженный деятель культуры Республики Татарстан. Печатался с 1970 г. в районных изданиях, в республиканских газетах и журналах. Похоронен в родном селе.

БАЗУТАЕВ ЮСУФ
1948–1993

Юсуф Минатуллаевич Базутаев (10.09.1948, селение Дюбек Табасаранского р-на Дагестана – 23.02.1993, там же) окончил Литературный институт им. А.М. Горького. В 1975–1991 гг. был редактором республиканской редакции вещания ГТРК «Дагестан» на табасаранском языке. Первые публикации появились в 1967 г. на страницах районной газеты «Зори Табасарана», затем печатался в коллективных сборниках и альманахах. Первый сборник стихов – «Весенний дождь» – вышел в свет на родном языке поэта в 1976 г., затем были «Древо жизни», «Беспкойство», «Язык любви», «Волшебная тропинка из детства», «Трудится сердце», «Мгновение жизни», «Я – не ангел» и др. Автор пьесы «Крепость», поставленной на сцене Табасаранского народного театра. Трагически погиб. Во дворе дюбекской СОШ им. Ю. Базутаева установлен памятник поэту.

БАЛАКИРЕВА НАДЕЖДА
1951–2012

Надежда Александровна Балакирева (05.08.1951, с. Овинец Осташковского р-на Тверской обл. – 16.05.2012, Барнаул) училась в Московской ветеринарной академии. Работала на оборонном заводе, на швейной фабрике, в воинской части. В 1975 г. поступила в Литературный институт им. А.М. Горького. После его окончания жила в Горно-Алтайске, заведовала литературной частью Горно-Алтайского национального драмтеатра. Затем переехала в Барнаул, где много лет проработала редактором Алтайского книжного издательства. Стихи впервые были опубликованы в 1976 г. в газете «Литературная Россия», позже печатались в газетах «Звезда Алтая» и «Молодёжь Алтая», в журналах «Литературная учёба», «Алтай», «Барнаул». В 1990 г. в Алтайском книжном издательстве вышел поэтический сборник «Прощание с озером». Похоронена в Барнауле на Черницком кладбище, квартал № 67. С мая 2017 г. могила Н. Балакиревой взята под охрану Алтайской краевой общественной организацией охраны памятников истории.

БЕШЕНКОВСКАЯ ОЛЬГА
1947–2006

Ольга Юрьевна Бешенковская (17.07.1947, Ленинград – 05.09.2006, Штутгарт, ФРГ) в 1967 г. окончила экстерном факультет журналистики ЛГУ. Служила в заводской многотиражке, с 1980 г. работала кочегаром, слесарем. Занималась в поэтическом кружке у Давида Дара. Первая публикация состоялась

в сборнике стихотворений юных поэтов «Час поэзии» (М., 1965). Была литературным секретарём Л.Я. Гинзбург, оставила воспоминания о ней. Печаталась в неподцензурных ленинградских журналах «Часы», «Обводный канал» и др. Входила в творческое объединение «Клуб-81» (1981–1988). С 1992 г. жила в Германии. В 1998 г. стала инициатором и редактором литературного журнала «Родная речь». Писала стихи и эссе на русском и немецком языках. Являлась заместителем главного редактора литературно-художественного журнала русских писателей Германии «Родная речь».

ГЛУШАКОВ ЕВГЕНИЙ

1947

Евгений Борисович Глушаков родился 10.06.1947 в Москве в семье военнослужащего. Окончил Московский физико-технический институт по специальности «экспериментальная ядерная физика». Работал в Обнинском физико-энергетическом институте, преподавал в педколледже, был тренером по футболу в юношеском спортклубе «Чертаново», руководит детским футбольным клубом «Добрыня» (г. Видное Московской обл.), выступает с лекциями, посвящёнными русской поэзии, пишет пьесы на библейские темы, занимается журналистикой. Автор книг «Спасение» и «Жёны непорочны», а также сборников стихов «Млечный путь» (1983), «Ясный огонь» (1985), «Российские колокола» (1988), «Сын человеческий, или Жизнь Иисуса Христа» (1990) и др.

ГРЕЧКО ОЛЬГА

1947–1998

Ольга Павловна Гречко (Маслова; 29.06.1947, Пенза – 05.12.1998, Москва) родилась в семье военнослужащих. Окончила МОПИ (1971). Работала в Университете дружбы народов им. П. Лумумбы. Несколько лет прожила в США. Как поэт печаталась с 1979 г. в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Москва», «Форум» и др. Автор стихотворных сборников «Земли и неба круг» (1986) и «Лазурный сад» (1997). Похоронена в Москве на Хованском кладбище (Центральная территория, 15-й уч.).

ГУСАКОВ АЛЕКСАНДР

1950–2010

Александр Александрович Гусаков (05.03.1950, Барановичи Белорусской ССР – 16.07.2010, Петрозаводск) в юности занимался боксом, был чемпионом Брестской области. Окончив Ленинградское арктическое училище, работал в Беломоро-Онежском пароходстве (Петрозаводск). Печатался в газетах и журналах, в коллективных сборниках, в том числе в сборнике стихов «Трилистник» (1980) вместе с карельскими поэтами Алексеем Ливановым и Дмитрием Свинцовым. Подготовил рукопись книги «Письма без конвертов», но так её и не выпустил.

ДОБРОЛЮБОВА ЕКАТЕРИНА

1949–2005

Екатерина Васильевна Добролюбова (07.12.1949, пос. Юрино Марийской АССР – 07.10.2005, Магнитогорск) в 1966 г. окончила десятилетку и по комсомольской путёвке отправилась на строительство Магнитки. Окончила рабфак Магнитогорского металлургического института (ныне – технический университет), после чего стала студенткой строительного факультета этого вуза. В 1969 г. из-за болезни матери вернулась на родину. Была организатором районного радиовещания, поступила на факультет журналистики Казанского университета. В качестве медсестры участвовала в боевых действиях в Афганистане. В 1984 г. вернулась в Магнитогорск. Работала в газетах. Как поэт дебютировала в прессе Марийской АССР, будучи школьницей. Автор стихотворных сборников «Между Волгой и Уралом» (1983) и «Поворот к дождям» (1991). Посмертно в серии «Литература Магнитки. Избранное» вышла книга стихов «Я легко ухожу» (2006).

ДУДА ИВАН

1951

Иван А. Дуда родился в с. Борочичи Маневичкого р-на Вольнской обл. УССР. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор книг стихов «Разлинованная тетрадь. Фрагменты» (2003), «Планы на осень» (2006). Лауреат премии им. Бориса Пастернака в особой номинации «Поздний дебют» (2003). Живёт в Санкт-Петербурге.

ЗАГРЕБИН НИКОЛАЙ
1950

Николай Иванович Загребин родился 09.04.1950 в Астрахани, где живёт и сейчас. По профессии – художник-оформитель, выпускник Астраханского художественного училища им. П.А. Власова. Стихи публиковались в журнале «Сура», в коллективных сборниках, альманахах, газетах. Автор поэтических сборников «Начало конца», «Бессонница», «Был не напрасно», «Незримая река», «Безвременье».

КОНДАКОВА НАДЕЖДА

1949

Надежда Васильевна Кондакова родилась 17.01.1949 в Оренбурге. В 1973 г. окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Заведовала отделом поэзии в журнале «Октябрь». Первая публикация состоялась в 1967 г. Печаталась в журналах, альманахах и сборниках. Автор более десятка книг стихов: «День чудесный» (1975), «Дом в чистом поле» (1981), «Стрела» (1983), «Кочевье» (1986), «Инкогнито» (2001), «Житейское море» (2014) и др. Переводит с балкарского, украинского, азербайджанского, польского и других языков, известна и как драматург. Живёт в Москве.

МАКСИМЕНКО ТАТЬЯНА

1952

Татьяна Дмитриевна Максименко родилась 05.06.1952 в пос. Адагум близ станции Варениковская Крымского р-на Краснодарского края. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Как поэт печаталась в журналах «Смена», «Литературная учёба», «Работница», «Юность», «Поэзия», «Сахар», «Таврия литературная» и др., а также в альманахах, коллективных сборниках и антологиях «Строфы века» (под редакцией Е. Евтушенко), «Поэзия. Век XXI» и др. Автор 10 книг стихов. Живёт в г. Жуковском Московской обл.

МАКСИМОВА РУФИНА

1947

Руфина Сергеевна Максимова родилась 22.04.1947 в Минусинске Красноярского края в семье врача. Когда будущей поэтессе исполнился год, мама переехала с ней в Феодосию и стала работать в поликлинике порта. С 1972 г. Р. Максимова четверть века была корреспондентом городской газеты «Победа». Именно там ещё в 1962 г. она впервые опубликовала свои стихи, затем печаталась в журнале «Брега Тавриды» и в 19 коллективных сборниках Крыма, Украины, Феодосии. Автор поэтических книг «Из прошлого» (2005), «Заложники» (2005), «Я отпускаю их» (2006), «Прикосновение» (2006), «Срез времени» (2006), «Кто победил войну» (2010), «Братья наши меньшие» (2010), составитель и участник сборника произведений феодосийских поэтов «Рассвет» (1990). Живёт в Феодосии.

МАКСИН ЮРИЙ

1954

Юрий Михайлович Максин родился 13.08.1954 в д. Плосково Череповецкого р-на Вологодской обл. в семье сельских учителей. В 1977 г. окончил физический факультет Московского пединститута. Шесть лет работал учителем. С 1983 г. живёт в Устюжне Вологодской обл., работает в редакции районной газеты «Вперёд», занимается литературным творчеством. Как поэт печатался в центральных журналах, в областных газетах «Красный Север», «Русский Север». Автор сборников стихов «Разорванный свет» (1997), «Тихой жизни круг» (2000), «Который час сегодня на Земле?» (2004), «Навеки твой...» (2006), «Плавающий берег» (2013) и др.

МАКШАНОВ ВИКТОР
1953–2010

Виктор Николаевич Макшанов (07.11.1953, с. Закопы Каменского р-на Тульской обл. – 05.06.2010, с. Мечнянка Октябрьского (ныне – Ефремовского) р-на Тульской обл.) детство провёл в с. Мечнянка, откуда родом был его отец. Окончил Ступинскую среднюю школу, а затем школу радиомехаников (1971). Служил на Балтийском флоте. После демобилизации стал учителем физкультуры Мечнянской восьмилетней школы, потом уехал в Тулу, трудился на машиностроительном заводе им. Рябикова, часто ездил в командировки, побывал во многих городах нашей страны. Выпускник заочного отделения исторического факультета Тульского пединститута им. Л.Н. Толстого (1980). В 1988–1996 гг. – директор Мечнянского Дома культуры. Много лет проработал учителем истории и географии Мечнянской школы, основал там краеведческий музей. Стихи печатались в газетах «Заря», «Страж Балтики», «Тульский литератор».

МАЛЫШЕВ АЛЕКСАНДР
1948

Александр Константинович Малышев родился 10.11.1948 в Калининграде, где живёт и сейчас. В 1967 г. окончил политехникум по специальности «промышленное рыболовство». После практики в рыболовецком колхозе работал матросом на судах прибрежного лова. Отслужив в Севастополе на Краснознаменном Черноморском флоте, снова стал матросом, потом мастером добычи, старшим мастером добычи, флагманским специалистом на рыболовных траулерах. В 1979 г. без отрыва от производства окончил историко-филологический факультет Калининградского университета. В 90-х гг. работал в Народной Республике Ангола, в Мурманской морской фирме «СААМИ», в ООО «Паргус» (г. Светлый Калининградской обл.). Был начальником цеха ЗАО «Альмак», управляющим производством ООО «Кофтов и К», занимал другие руководящие должности. В настоящее время – член общественного совета при Калининградской областной Думе, председатель совета КРОО «Союз ветеранов рыбной промышленности», председатель правления Балтийской писательской организации СП России. Почётный работник рыбной промышленности Калининградской области. Литературным творчеством занимается с юности, автор семи поэтических книг, в том числе сборника стихов разных лет «С поэзией по жизни» (2012).

МЕДВЕДЕВА ТАИСИЯ

1948

Таисия Александровна Медведева (Пашкова) родилась в посёлке шахты № 18 Щёкинского р-на Тульской обл. С 1950 г. жила в Щёкино. Окончив десятилетку, была старшей вожатой, учителем в Шахтёрской, а потом в Казначеевской школе Щёкинского р-на. Выпускница Тульского пединститута (ныне – ТГПУ) им. Л.Н. Толстого по специальности «педагогика и методика начального обучения». С 1980 г. – учитель начальных классов в СШ № 20 и СШ № 14 г. Щёкино. В 1989 г. переехала в с. Пришня Щёкинского р-на, где работала учителем, главой администрации села, заместителем директора школы. Стихи и рассказы пишет с юности. Печатается в местной прессе, а также в коллективных сборниках Москвы и Тулы, в журналах «Подъём», «Среда» и др. Автор трёх книг, первая – «Прощание с сентябрём» (2009).

МЕНЬШИКОВА ЭММА

1955

Эмма Петровна Меньшикова родилась 20.07.1955 в Шяуляе Литовской ССР. Окончив филологический факультет Латвийского университета по специальности «русский язык и литература» (1979), жила в Тарту (Эстония), в 1980–1984 гг. работала в университетской библиотеке, в школе, в детском саду. Вернувшись в Шяуляй, служила в армии (1984–1994), потом переехала в с. Доброе Липецкой обл. Была редактором отдела районной газеты «Знамя Октября», с 1998 г. работала в редакции районной газеты «Новая жизнь» г. Усмани Липецкой обл., основала литературную студию «Родники» в этом городе, затем стала редактором отдела областной «Липецкой газеты». Как поэт печаталась в региональной и российской прессе («Подъём», «Литературная Россия», «Роман-журнал XXI век», «Молодая гвардия», «Всероссийский сборь»), в коллективных сборниках. Автор книг стихов «Когда-нибудь...» (1999), «Открыт мой дом» (2004), «Крестный путь, голгофская дорога» (2006), «Дыханье бытия» (2009) и др. Лауреат нескольких литературных премий и конкурсов. Живёт в Липецке.

МИРОНОВ ВЛАДИМИР
1946–2005

Владимир Константинович Миронов (30.10.1946, д. Озеро Семёновского р-на Нижегородской обл. – 02.04.2005, Семёнов Нижегородской обл.) с 1957 г. жил в г. Семёнове. Работал слесарем-монтажником, фрезеровщиком на арматурном заводе. Первые стихотворные публикации в местной прессе относятся ко времени его срочной службы в армии на Дальнем Востоке. Печатался в горьковских (нижегородских) районных и областных газетах, во всесоюзном альманахе «Поэзия». Автор книг стихов «Российские сквозняки» (1991), «Воля» (1996), «Под знаком Скорпиона» (2000), «Чёрный ворон на белом снегу» (2005), «О жизни и любви» (2006), посмертно вышел сборник «Я... вернусь!» (2011). Похоронен в Семёнове на Дьяковском кладбище.

МИТРОХИН ВАЛЕРИЙ
1946

Валерий Владимирович Митрохин родился 16.08.1946 на Керченском полуострове, в д. Арпач Ленинского р-на Крымской АССР (ныне этого населённого пункта не существует). Жил в д. Яркое, в с. Ильичёве. Окончил Ильичёвскую восьмилетнюю школу, а потом Керченскую школу-интернат № 1 (1965), после чего два года работал в колхозе и внештатно сотрудничал в местных газетах. Выпускник историко-филологического факультета Крымского пединститута им. М.В. Фрунзе (1967–1971). Был инспектором по работе с подростками на Симферопольском кожевенно-обувном комбинате, сотрудником газет «Крымский комсомолец», «Советский Крым» (Ялта), издательства «Таврия», руководителем областной литературной студии при обкоме ЛКСМУ, редактором ГТРК «Крым», собственным корреспондентом по Крыму «Российской газеты», «Парламентской газеты» (1997–1999). Первая публикация – стихотворение в газете «Керченский рабочий». Автор сборника стихов «Дорога» (1976), книги очерков о БАМе «Улькан, улица Крымская» (1977), сборников прозы и поэзии «Степное эхо» (1979), «Медовый месяц май» (1981), «Искорень» (1982), повести «Автостоянка» (1985), романа «Колыбель» (1985), сборников «Замана» (1986), «Дня грядущего портрет» (1986), «Побережье» (1989), «Дороже денег» (1991). Его книги издавались в Крыму, Киеве, Москве, Баку, Ташкенте, Софии и Берлине. Учредитель и главный редактор литературно-художественного, общественно-политического журнала «Симферополь» (2009). Живёт в Бахчисарае (Крым).

МОРОЗОВ ЕВГЕНИЙ
1955

Евгений Николаевич Морозов родился 23.08.1955 в д. Коробейниково Костромского р-на Костромской обл. в крестьянской семье. После прохождения срочной военной службы в пограничных войсках Краснознамённого Северо-Западного пограничного округа окончил экономический факультет Костромского сельхозинститута, затем очную аспирантуру. Работал на должностях профессорско-преподавательского состава экономического факультета данного вуза, заведующим кафедрой экономической кибернетики Костромской сельхозакадемии. Стихи публикуются в газетах, журналах, литературных альманахах, коллективных сборниках. Автор поэтических книг «Добром чтоб вспоминали люди» (2004), «Коробейники» (2005), «У реки, у речки» (2006), «Черёмухов цвет» (2007), «Напутствие» (2010), «Мелодии души» (2013), «По волнам памяти» (2016), «Варакушка» (2019) и др. Живёт в Костроме.

МУСОНОВА ЛЮДМИЛА
1948–2014

Людмила Николаевна Мусонова (урождённая Макаровец; 08.06.1948, Архангельск – 04.08.2014, Котлас Архангельской обл.) в юности жила в Вельске Архангельской обл., затем переехала с семьёй в пос. Коряжма для участия во Всесоюзной комсомольской стройке Котласского целлюлозно-бумажного комбината, на котором затем работала, окончив Архангельский лесотехнический институт (1971). Публиковаться начала в 1970 г. под фамилией Макаровец. С 1977 г. жила в Котласе, печаталась под фамилией Мусонова. В разные годы вела литературнички в «Двинской правде» и в «Вечернем Котласе». Стихи публиковались в газетах «Котласский бумажник», «Ленинский путь», «Двинская правда», «Вечерний Котлас», в коллективных сборниках и альманахах. Автор поэтических книг «Меты памяти» (1980), «Корни» (1984), «Вполголоса» (1998), «Верность» (2001), «Бесчеловечные стихи» (2002), «Сожжённый путь» (2002), «Избранное», «Годовое кольцо». Составитель антологии котласской поэзии «Ветер жизни».

НИКОЛАЕВА ОЛЕСЯ

1955

Олеся Александровна Николаева (настоящее имя – Ольга) родилась 06.07.1955 в Москве в семье поэта А.М. Николаева. В 1979 г. окончила Литературный институт им. А.М. Горького (семинар Евгения Винокурова), с 1989 г. ведёт там семинар поэзии, доцент. Стихи пишет с семи лет, прозу – с 15, печатается с 1972 г. Произведения переведены на английский, итальянский, китайский, немецкий, французский, японский и другие языки. Автор нескольких книг стихов и прозы.

НИКОНОВА ЛЮБОВЬ

1951–2012

Любовь Алексеевна Никонова (03.01.1951, с. Владимировка Безенчукского р-на Куйбышевской (ныне – Самарской) обл. – 04.05.2012, Новокузнецк Кемеровской обл.) окончила факультет русского языка и литературы Новокузнецкого пединститута. Работала учителем в с. Ваганово Промышленновского р-на Кемеровской обл., научным сотрудником литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского в Новокузнецке. Долгое время руководила новокузнецким городским лито «Гренада», литературными студиями «Фесковские литераторы», «Зёрнышко», «Созвездие лиры», «Берег». Автор более 20 книг стихов (первая – «Скрипичный ключ»; Кемерово, 1974) и прозы, а также литературоведческих эссе о творчестве кузбасских поэтов и писателей (В. Бурмистрова, С. Донбая, В. Мазаева, В. Баянова, Н. Колмогорова и др.). Почётный работник общего образования РФ. 28.01.2020 Новокузнецкий горсовет присвоил имя Любви Никоновой библиотеке «Веста» в Орджоникидзеvском р-не города.

ПАВЛОВ ЮРИЙ

1950

Юрий Сергеевич Павлов родился 15.06.1950 во Владимире, где живёт и сейчас. Детство и школьные годы провёл в Суздале. Окончив факультет русского языка и литературы Владимирского пединститута (1972), учительствовал в сельской школе, затем был на комсомольской и партийной работе. Выпускник Горьковской высшей партийной школы (1987) и Российской академии государственной службы при Президенте РФ. Печатался в коллективных сборниках и альманахах, в журналах «Православный воин», «Наш современник» и «Родная Ладога», в еженедельнике «Литературная Россия», в газетах «Знамя», «Советская Россия» и др. Автор девяти книг поэзии и прозы: «В прощальный праздник листопада» (1993), «Минута молчания» (1995), «В краю берёзовых рассветов» (1997), «Под небом Отчизны» (2017) и др.

ПАРЩИКОВА ЛЮДМИЛА

1951–2015

Людмила Юрьевна Парщикова (23.03.1951, Грязи Липецкой обл. – 21.05.2015, там же) после окончания Грязинского профтехучилища № 14 работала чертёжником-конструктором на заводе «Гидравлика», затем в книготорговле. В 90-е гг., будучи литературным консультантом в областной газете «Ленинец» (позднее – «Молодёжный вестник»), активно помогала молодым начинающим литераторам. Первая публикация состоялась в грязинской районной газете «Ленинская искра», когда поэтессе было всего 11 лет. В 1965 г. её направили на областной литературный семинар в г. Усмань, стихи начали выходить в областной прессе. Печаталась в газете «Литературная Россия», в журналах «Москва», «Подъём», «Волга», в альманахе «Гудаловка» («Родники липецкие»). Автор поэтических сборников «Только жизнь» (Воронеж, 1981), «Перекрёсток» (Воронеж, 1985), «Повод для встречи» (Липецк, 2002), «Многоotchие» (М., 2013).

ПОДЛУЗСКИЙ ВЛАДИМИР

1953–2020

Владимир Всеволодович Подлузский (05.06.1953, с. Рохманово Брянской обл. – 11.11.2020, Сыктывкар, Республика Коми) родился в потомственной учительской семье. С отличием окончил Санкт-Петербургский университет, Северо-Западную академию госслужбы и Брянский сельхозинститут. Печатается с 15 лет. Его стихи постоянно публикуются в «Нашем современнике», выходили в таких изданиях, как «Роман-журнал XXI век», «Север», «Мир Севера», «Нижний Новгород», «Литера-

турная Россия» и др., вошли в «Антологию русской поэзии XXI век» и «Антологию военной поэзии». Автор четырёх поэтических книг и романа в стихах «Тарас и Прасковья» (2012).

ПОЗДНЯЕВ МИХАИЛ

1953–2009

Михаил Константинович Поздныев (01.02.1953, Москва – 09.10.2009, там же) окончил филологический факультет Московского областного пединститута (1975). Учительствовал на Дальнем Востоке. Служил в армии на Крайнем Севере (1976–1977). Работал в литературной редакции Всесоюзного радио, в журналах «Сельская молодёжь», «Столица», «Огонёк», газетах «Семья», «Общая газета». Одновременно с литературной деятельностью нёс послушание чтеца и иподиакона в одном из московских храмов. Как поэт печатался в журналах «Новый мир», «Вестник Европы», «Октябрь», «Знамя». Лауреат премий журналов «Знамя» и «Новый мир». Автор сборников стихов «Белый тополь» (1984) и «Лазарева суббота» (посмертно, 2002).

ПОЛЯЧЕНКО ГЕОРГИЙ

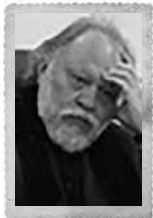
1950–2014

Георгий Георгиевич Поляченко (1950, Рига – 31.12.2014, Москва) окончил Московскую государственную консерваторию им. П.И. Чайковского и Литературный институт им. А.М. Горького. С 1988 г. был постоянным художественным руководителем и директором ежегодных Международных фестивалей православной музыки в Москве и России, а также в странах Европы и США. Много лет являлся руководителем оргкомитета музыкального форума «Золотой витязь». Главный редактор радио «Радонеж». Автор нескольких стихотворных сборников.

ПОМЕРАНЦЕВ ИГОРЬ

1948

Игорь Яковлевич Померанцев родился 11.01.1948 в Саратове. Рос в Забайкалье и Черновцах (Украина). Окончил романо-германский факультет Черновицкого университета. Был учителем сельской школы в Карпатах, техническим переводчиком в Киеве. В 1978 г. эмигрировал в Германию. С 1980 г. занимается радиожурналистикой, работал в Русской службе Би-би-си, с 1987 г. – на «Радио Свобода». С 1995 г. живёт в Праге. Редактор и ведущий радиожурнала «Поверх барьеров». До эмиграции стихи публиковались в журнале «Смена», в самиздате

выходили стихи и повесть «Читая Фолкнера» (журнал «Синтаксис», № 5, 1979). Автор нескольких поэтических сборников, а также прозы и эссе, радиопьес «Любовь на коротких волнах», «Любимцы господина Фабра», «Вы меня слышите?», «Баскская собака», кинопроектов «Время истекло», «Шов. Психолог на войне», «Холмс и Хармс», «Сапог», «Площадь Украина» и др.

РАТНЕР АЛЕКСАНДР

1947

Александр Григорьевич Ратнер родился 10.10.1947 в Днепропетровске УССР (ныне – Днепр, Украина), где живёт и сейчас. Окончил Днепропетровский металлургический институт и аспирантуру при Всесоюзном научно-исследовательском трубном институте (ВНИТИ). Учёный-металлург. Лауреат Премии Ленинского комсомола в области науки и техники. Первая поэтическая публикация состоялась в 1963 г. в газете «Днепровская правда». Печатался в журналах «Смена», «Юность», «Дружба народов», «Москва», «Радуга», «Пионерия», «Барвинок», «Живой Журнал», «Січеслав» и др., в «Литературной газете» и в 20 коллективных сборниках. Автор 26 книг стихов (в том числе двух для детей) и пяти – прозы. В его переводах вышло семь книг классической и современной украинской поэзии.

РАТУШНЫЙ АЛЕКСЕЙ

1952

Алексей Алексеевич Ратушный родился 26.03.1952 в г. Агробазы Хабаровского края. Мама его числилась как Федотова Михайла, или проще – Маша. Они с отцом (аранжировщик, капельмейстер, создатель оркестров, играл на всех инструментах и сам писал музыку) выступали в одной концертной бригаде и ездили с концертами по лагерям. А. Ратушный рос в Свердловске. Педагог-исследователь, разработчик новых технологий. Чаще всего его тексты связаны с музыкой. Бард. Автор более 100 книг. Живёт в Урае Тюменской обл.

РАХМАТУЛЛИН ВАЛЕРИЙ

1951

Валерий Николаевич Рахматуллин родился 11.04.1951 в Мелеузе Башкирской АССР. С детских лет мечтал учиться в Москве и стать журналистом, но поступил в Уфимский авиационный институт, позже учился в Уфимском нефтяном институте. Был в армии – служил два года офицером в Азербайджане. После демобилизации приехал в Белебей (Республика Башкортостан), где живёт и сейчас. Работал в нефтегазодобывающем управлении «Аксаковнефть». Первое стихотворение написал после полёта Юрия Гагарина в 1961 г., в десятилетнем возрасте, с 1980-х гг. печатается в городских и республиканских газетах. Автор поэтических сборников «Карточный домик» (1993), «Метеорит» (1996),

«Рябиновая гроздь: Венок сонетов» (1999), «На грани фола» (1998), «Где зимуют раки» (1999), «Любовная лирика» (2000), «У осенней черты» (2000), «Созвездие Гончих Псов» (2002).

МЕЖДУ БУДУЩИМ И ПРОШЛЫМ – ВЕЧНОСТЬ... ПАМЯТИ

Антология посвящена одной из важнейших тем русской литературы XX века – теме Великой Отечественной войны в лирике и эпике поэтов СССР и России.

Эти произведения являются не только ценнейшим поэтическим собранием, но также историческим источником и биографическим документом. В антологии «Война и Мир» – Имена. Здесь – Судьбы. Здесь – Поэты. Одно имя за другим... Их творчество требует своего законного места в памяти потомков и только благодаря этому – филологического анализа.

Знакомые и незнакомые поэты, и каждый – со своим голосом и интонациями стихов. Собрание стихотворений для антологии только первоначально казалось делом несложным. В прежние, советские годы почти каждое пятилетие выходили небольшие книги и многотомные труды, собранные уважаемыми людьми, на профессионализм которых можно смело положиться и сегодня. Жаль, что по-настоящему авторских сборников было немного: большинство книг были переизданиями себе подобных предшественниц с небольшими изменениями в текстовом блоке и списочном составе поэтов.

Ситуация с почти полным уничтожением в России библиотечного и архивного фонда вынудила нас подходить к формированию авторского состава антологии иначе. Стало понятно, что пройдёт ещё десяток лет – и будущим поколениям будет просто негде достать ещё доступные нам сейчас книги умерших в провинциальной глубинке поэтов-фронтовиков. А значит, будут забыты сотни людей, чья писательская судьба для Родины не может и не должна стать проходящей. Поэтому мы старались дать максимально точную биографическую информацию о каждом включённом в антологию авторе. Парадокс, но в книгах, изданных при жизни поэтов, составители порой не считали необходимым указывать не только их год рождения, но даже отчество.

Через семь десятилетий после Великой Победы и более четверти века после исторического катаклизма, вызванного разрушением СССР, взгляд на многие литературные факты и явления того периода (фельетоны, стихи-отклики, частушки, юморески), первоначально считавшиеся сиюминутными, отвлекающими от главного, изменился. Эти «второстепенности» стали теперь картинкой эпохи, которая никогда уже не повторится.

Следует помнить, что фронтовое поколение нельзя считать неким монолитом. Оно не было единым, как любое поколение людей с разными взглядами, чувствами, судьбами, и прежде всего потому, что оно включало в себя несколько

(в демографическом смысле) поколений людей, лично формировавшихся в разных исторических условиях. Распространена точка зрения, что принадлежность к поколению победителей определяется не возрастом, а участием в битве за свободу и независимость Отечества на фронте и в тылу. Война в той или иной степени «отметила» всех, кому пришлось её пережить и тем более в ней участвовать, какими бы разными ни были эти люди, к какой бы возрастной категории ни принадлежали.

Значимо и другое: спустя столько десятилетий судьба каждого из этих авторов оказалась накрепко спаяна с их произведениями, а что ещё знаменательнее – произведения всех поэтов можно считать одной большой летописью страны и народа. Война не дала «нового Пушкина», а дала «коллективного гения».

У этого «коллективного гения» есть две человеческие составляющие: поэзия мужчин и поэзия женщин. Чуть ли не единственный раз в мировой поэзии получилось ещё полнее выразить тему через составляющие единство части: фактографичность строк авторов-мужчин и сильную эмоциональность стихов женщин. Поэты-мужчины насыщали свои произведения фактами из боевых событий, в которых они участвовали, а творчество женщин представлено в основном фрагментами будничных ситуаций. Фронтная и тыловая лирика поэтов с поразительной, присущей только женскому восприятию чувственностью передаёт личные впечатления и переживания. Их лирические герои не всегда героически выглядят, но героизм души, преобладающий в характерах, превосходит всё внешнее. Женский тон изображаемых событий в военных декорациях придаёт произведениям особое своеобразие в раскрытии «неженской» военной тематики.

Нам бы очень хотелось, чтобы стихи о Великой Отечественной войне разбудили самосознание каждого ныне живущего, как когда-то война объединила массы городского и сельского населения в поколение, которое назвали военным. Война поставила каждого человека, не только поэта, в новые отношения с историей и народом. Исключив из антологии того или другого автора, мы бы изъяли неповторимый мемуарный образ Великой Отечественной войны.

Антология русской поэзии XX–XXI веков о Великой Отечественной войне – это мощный вклад в историческую сокровищницу. Тема войны будет продолжена нами, но в последующих томах она востанет корнями в мирное время, обретёт голоса последующих поколений. Ещё и поэтому мы и назвали антологию «Война и Мир».

Борис ЛУКИН,

9 мая 2016 г.

*Печатается в сокращении,
полный вариант читайте в книгах V–VIII.*

ВЕЧНОСТЬ... ПАМЯТИ

Антология русской поэзии XX–XXI веков о Великой Отечественной войне «Война и Мир» продолжена четырьмя новыми книгами проекта в канун празднования 75-летия Великой Победы. Теперь антология вращается своими корнями в мирное время. Книги VI–IX наполнены голосами поэтов, родившихся с 1927 по 1945 год, – поколения детей победителей.

Произведения «отцов» (авторов первых пяти книг) в первую очередь опирались на опыт военных действий; помимо патриотических чувств, пронизывающих эти стихи, в них сквозит сожаление о потерянных в боях и в тылу товарищах и близких.

Творчество детей войны – это голос особый. В их рядах – и малолетние участники сражений, воевавшие в составе партизанских отрядов и воинских подразделений, и работавшие в тылу и в эвакуации на заводах, в колхозах, есть и те, кто эти грозные годы прожил в оккупации или был вывезен на работы в Германию, оказался узником концлагеря. Впечатления военного детства и послевоенной поры стали основными темами стихов.

Канувшая в Лету советская эпоха во многом помогла в составлении данной антологии. Благодаря планомерной работе Союза писателей СССР у большинства поэтов регулярно выходили книги, которые распространялись по всей стране. Именно эти издания и стали основой материала, представленного в VI–IX книгах нашего собрания.

Низкий поклон краеведам, создавшим музеи на родине выдающихся земляков, всем равнодушным людям, способствовавшим увековечению памяти писателей, присвоению их имён улицам и библиотекам, учреждению литературных премий.

Архангельск и Мурманск, Севастополь, Вологда, Санкт-Петербург, Кисловодск, Ессентуки, Евпатория, Донецк, Южно-Сахалинск, Брянск, Смоленск, Таганрог, Краснодар, Ижевск... – не перечислить здесь всех городов и населённых пунктов, жители которых активно участвовали в подготовке издания.

Новые книги дополнены общим списком монументов, размещённых на обложках. В IX томе (авторы с 1927 по 1945 г.р.) есть раздел «Дополнения», где представлены избранные произведения поэтов, чьи имена не вошли в предыдущие тома. При этом раздел «Дополнения» к первым пяти книгам (авторы по 1927 г.р.) за годы разросся до полноформатного тома, поэтому он будет издан по итогам работы над всем объёмом нашей антологии, содержание которой теперь уже должно составить 18 томов.

Больше тысячи авторов из деревень и городов национальных республик и автономий легендарного СССР смогли отразить особенности переживаний почти каждой социальной группы огромной советской страны.

Память этого поколения наполнена не только трагизмом личной жизни, стихи чаще всего посвящены не военным действиям участников Великой Отечественной, а военной поре в тылу и трудным годам послевоенной жизни. Боль сиротства, долгое ожидание возвращения (вопреки всему) после Победы отцов, сочувствие материнскому вдовству и собственное одиночество в мире, послевоенный голод, вкус скудного мирного хлеба – ещё одно биографическое дополнение ко всем грозным военным картинам... И это дополнение – неискажённое, непредвзятое, из первых рук, фактическое, опирающееся на прожитое конкретным поэтом и его окружением. Для авторов последующих поколений такой жизненной точности в стихах достичь будет невозможно.

Этим и важно освоение новым поколением военной темы. Её развитие за счёт взгляда со стороны гражданского, а не боевого опыта, взгляда человека с абсолютно другим жизненным опытом позволило поэтам вскрыть новые болевые стороны лика войны.

Произведения, включённые в новые книги, позволяют ещё глубже понять, как выдержали советские люди эту беду, как осилили, за счёт каких резервов духа одолели. Стихи ещё раз показывают, что этими резервами оказались неожиданные для захватчиков качества победителей: доброта, отзывчивость на чужую боль, бескорыстие, полная самоотдача в труде, беззаветная преданность Родине, жалость к поверженному противнику, вера в свой народ и его высшее предназначение, целеустремлённость, глобальное понимание смысла жизни.

Каждый раз, когда я беру в руки очередную книгу со стихами о войне, выпущенную другими редакторами, мысленно благодарю собравших её людей. Особенно трепетно открывать издания, вышедшие в самый тяжёлый для страны период, когда враг был только-только отброшен от Москвы. Вот, например, книга «Родина», опубликованная в ОГИЗ в 1942 году с подзаголовком «Сборник высказываний русских писателей о Родине», в которой представлены не только стихи, но и цитаты из прозы, личной переписки, публицистических статей и очерков авторов. А их состав впечатляет: от безымянного автора «Слова о полку Игореве» до Маяковского.

Прочитал и понял: а ведь наша антология – тоже собрание высказываний русских поэтов о Родине. Потребность в этих стихах с каждым годом будет расти, потому что в них – правда времени, правда прошлого, без которой невозможно будущее.

До сих пор ведётся работа поисковых отрядов на местах боевых действий, впервые со времён окончания войны в Солецком районном суде Новгородской области был признан геноцид советского народа со стороны фашистских захватчиков, издано и обнародовано на специальном сайте 23 тома архивных документов «Без срока давности» из архива Нюрнбергского трибунала, открываются военно-исторические музейные комплексы на местах сражений (мне посчастливилось в 2020 году посетить «Самбекские высоты»

в Таганроге, «Осетровский плацдарм» на Дону, Ржевский мемориал советскому солдату в Тверской области, Музейный комплекс Героя Советского Союза Зои Космодемьянской «Зоя» в Петрищеве Московской обл. и лично убедиться в грандиозности возведённых мемориалов)... То есть работа по увековечению памяти о тех событиях возрождается по всей стране. Надеюсь, что наша антология займёт своё место во всенародных трудах по борьбе с откровенной ложью и замалчиванием правды о Великой Отечественной.

Читатель может воочию убедиться в значимости изданного в антологии «Война и Мир» материала, который теперь окончательно закреплён в литературном процессе и истории нашей Отчизны.

*Борис ЛУКИН,
14 ноября 2020 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

С

САЛОМАТИН ВЯЧЕСЛАВ / 1951–2015	7
СИДОРЕНКО ИННА / 1946	7
СИЛКИН ВЛАДИМИР / 1954	8
СИМАКОВ АЛЕКСАНДР / 1950–2011.....	10
СИНЕЛЬНИКОВ МИХАИЛ / 1946.....	15
СИТНИКОВ ВАСИЛИЙ / 1951	17
СКАРЛЫГИН ГЕННАДИЙ / 1950.....	18
СКВОРЦОВ ВЛАДИМИР / 1954.....	21
СЛАСТНИКОВ НИКОЛАЙ / 1955–2018.....	22
СЛЕПНЁВ ИВАН / 1948–2018	26
СЛОБОДЧИКОВ ВАЛЕРИЙ / 1948–2012.....	27
СМЕРТИНА ТАТЬЯНА / 1948.....	28
СМЕТАНИН СЕРГЕЙ / 1952	29
СМИРНОВ НИКОЛАЙ / 1950	34
СМОЛИН ЕВГЕНИЙ / 1952.....	35
СНЕГИРЁВ НИКОЛАЙ / 1950–1999.....	38
СОБОЛЕВСКАЯ ЛЮДМИЛА / 1946	40
СОЗАРУКОВ ЮСУФ / 1952–2008	41
СОЙНИ ЕЛЕНА / 1953.....	42
СОКОЛОВ АНАТОЛИЙ / 1946–2010.....	45
СОКОЛОВСКИЙ ГРИГОРИЙ / 1946–2011	45
СОКОЛОВСКИЙ СЕРГЕЙ / 1952.....	47
СОКОЛЬНИКОВ АЛЕКСАНДР / 1947.....	48
СОЛОВЬЁВА ВАЛЕНТИНА / 1949.....	50
СОРОКАЖЕРДЬБЕВ ВЛАДИМИР / 1946	51

СОРОКИН АЛЕКСАНДР / 1954.....	59
СПЕКТОР ВЛАДИМИР / 1951.....	62
СПИЦЫНА КСЕНИЯ / 1954.....	64
СТАВЕР СЕРГЕЙ / 1949–2016.....	65
СТАРШОВ ВИКТОР / 1953.....	72
СТЕПАНЕНКО МИХАИЛ / 1945–2013.....	74
СТОЛЯРЕВСКИЙ АНАТОЛИЙ / 1949.....	74
СТОЯНОВА ЛЮБОВЬ / 1947.....	75
СТРУЧКОВА НИНА / 1955.....	76
СУВОРОВ АЛЕКСАНДР / 1946.....	79
СУДАКОВ ВЛАДИМИР / 1952–2021.....	81
СУРОВЦЕВА ТАТЬЯНА / 1946–2017.....	87
СУСЛОВА АЛЕКСАНДРА / 1952.....	88
СУТУЛОВ-КАТЕРИНИЧ СЕРГЕЙ / 1952.....	90
СУХАНОВА ВЕРА / 1955.....	92
СУХАНОВА ЛЮБОВЬ / 1951.....	94
СУХАРЕВСКАЯ ЛЮБОВЬ / 1950–2013.....	94
СУХОВСКИЙ ВАЛЕНТИН / 1949.....	95
СУХОРУКОВ ФИЛИПП / 1946–1989.....	98
СЫТНИКОВА АНТОНИНА / 1955.....	99

Т

ТАМБОВСКАЯ АЛЕКСАНДРА / 1949.....	102
ТАРАКАНОВА ЛАРИСА / 1947.....	104
ТАРАСОВ НИКОЛАЙ / 1947.....	105
ТЕНЯКОВ МИХАИЛ / 1953–2006.....	110
ТЕПЛЯШИН АНАТОЛИЙ / 1951.....	110
ТЕРЕНТЬЕВ АЛЕКСАНДР / 1947–1996.....	114
ТЕРЁХИНА ЛИДИЯ / 1950.....	117
ТЕРТЫЧНЫЙ ИВАН / 1953–2017.....	119
ТИТОВ НИКОЛАЙ / 1947.....	121
ТИШАЕВА ЛЮДМИЛА / 1954.....	125

ТКАЧЁВ ВАЛЕНТИН / 1946–2007	125
ТОЛСТОБА ДМИТРИЙ / 1947–2016	126
ТОПОРОВ ВЛАДИМИР / 1950–2008	127
ТРОФИМОВ АЛЕКСАНДР / 1951	129
ТРОФИМОВ АНАТОЛИЙ / 1947–2005	130
ТУНГУСОВА ТАТЬЯНА / 1947	130
ТЫЦКИХ ВЛАДИМИР / 1949	133
ТЮЛЕНЕВ ИГОРЬ / 1953	145

У

УМЫВАКИНА ГАЛИНА / 1946	149
УРУСОВ ВЛАДИМИР / 1947	157
УСТИНОВ БОРИС / 1948	158

Ф

ФАРХУДИНОВ ВЯЧЕСЛАВ / 1950–2008	162
ФЁДОРОВ ВЛАДИМИР / 1951	162
ФЕДОСОВА ЛАРИСА / 1954	165
ФИГАРЕВ АЛЕКСАНДР / 1949	166
ФИЛАТОВ ЛЕОНИД / 1946–2003	168
ФИЛИМОНОВ ВЛАДИМИР / 1952	171
ФОКИН ВАЛЕРИЙ / 1949	182
ФОКИН НИКОЛАЙ / 1953–1995	190
ФРОЛОВ ГЕННАДИЙ / 1947–2021	193

Х

ХАТЮШИН ВАЛЕРИЙ / 1948	196
ХЛЕБЦЕВИЧ ТАТЬЯНА / 1952	203
ХЛЫБОВ ВАСИЛИЙ / 1951–2020	205
ХЛЫСТОВ ВАЛЕРИЙ / 1946	207
ХОМУТОВ СЕРГЕЙ / 1950	208
ХОМЯКОВ ВЛАДИМИР / 1955	210

ХОРОХОРИН ВИТАЛИЙ / 1947–2014 214

Ц

ЦЕЛИЩЕВА ГАЛИНА / 1952 215

Ч

ЧАЙКА НИКОЛАЙ / 1950–2010..... 218

ЧЕПРОВ СЕРГЕЙ / 1951..... 218

ЧЕРКЕСОВ ВАЛЕРИЙ / 1947 222

ЧЕРНОВ АНДРЕЙ / 1953 233

ЧЕТВЕРИКОВА ТАТЬЯНА / 1949 236

ЧЕХОНАДСКИЙ ЮРИЙ / 1946–2007..... 241

ЧИСТЯКОВА НАТАЛЬЯ / 1953..... 242

ЧОЙБОНОВ МАТВЕЙ / 1947..... 244

ЧУМАНОВ АЛЕКСАНДР / 1950–2008..... 245

ЧУРДАЛЁВ ИГОРЬ / 1952–2020 246

ЧУРИЛИН ВЛАДИМИР / 1955–2003 247

Ш

ШАБАРЕНИНА ТАМАРА / 1946..... 257

ШАЛЮГИН ГЕННАДИЙ / 1946..... 259

ШАМАРДИНА ЛЮБОВЬ / 1954..... 263

ШАМСУТДИНОВ НИКОЛАЙ / 1949..... 263

ШВЕЦОВ АЛЕКСАНДР / 1951–1999 276

ШЕВЧУК ОЛЬГА / 1952 277

ШЕЛЕХОВ МИХАИЛ / 1954..... 279

ШЕЛУДЬКО ЛЕОНИД / 1952..... 282

ШЕСТАКОВ ЮРИЙ / 1949–2010..... 283

ШЕХТМАН МАРК / 1948..... 291

ШЕШОЛИН ЕВГЕНИЙ / 1955–1990..... 295

ШИГИН БОРИС / 1952 295

ШИПИЛОВ НИКОЛАЙ / 1946–2006..... 298

ШИШАЕВ БОРИС / 1946–2010	303
ШТУРМИН ГЕННАДИЙ / 1950–2023.....	304
ШУВАЛОВ ПАВЕЛ / 1954	306
ШУМИЛОВ ВЛАДИМИР / 1954	309
ШУМОВ ЮРИЙ / 1954–2005	312

Щ

ЩУПЛОВ АЛЕКСАНДР / 1949–2006.....	316
-----------------------------------	-----

Ю

ЮДИНА ВАЛЕНТИНА / 1949	319
ЮЖАКОВА-ХВОРОСТОВА ЛЮДМИЛА / 1953.....	321
ЮРЧЕНКО СТАНИСЛАВ / 1948	323
ЮШИН ЕВГЕНИЙ / 1955.....	331

Я

ЯВЕЦКИЙ ПАВЕЛ / 1949	333
ЯКОВЛЕВ СЕРГЕЙ / 1950	333
ЯКУШЕВА ЛЮБОВЬ / 1947–1984	335
ЯНЕНКО СТАНИСЛАВ / 1947–1990.....	337
ЯСНОВ МИХАИЛ / 1946–2020	342

А

АВЕРЬЯНОВ АЛЕКСАНДР / 1947.....	348
АГАЛЬЦОВ СЕРГЕЙ / 1954	349
АДЖИБЕКОВ ХАДЖИСМЕЛЬ / 1953.....	350
АХМАДИЕВ НУР / 1946–2021	350

Б

БАЗУТАЕВ ЮСУФ / 1948–1993.....	353
БАЛАКИРЕВА НАДЕЖДА / 1951–2012.....	354
БЕШЕНКОВСКАЯ ОЛЬГА / 1947–2006	355

Г

ГЛУШАКОВ ЕВГЕНИЙ / 1947.....	357
ГРЕЧКО ОЛЬГА / 1947–1998	359
ГУСАКОВ АЛЕКСАНДР / 1950–2010	361

Д

ДОБРОЛЮБОВА ЕКАТЕРИНА / 1949–2005	363
ДУДА ИВАН / 1951	364

З

ЗАГРЕБИН НИКОЛАЙ / 1950.....	366
------------------------------	-----

К

КОНДАКОВА НАДЕЖДА / 1949	369
--------------------------------	-----

М

МАКСИМЕНКО ТАТЬЯНА / 1952	372
МАКСИМОВА РУФИНА / 1947	375
МАКСИН ЮРИЙ / 1954.....	377
МАКШАНОВ ВИКТОР / 1953–2010	378
МАЛЫШЕВ АЛЕКСАНДР / 1948	379
МЕДВЕДЕВА ТАИСИЯ / 1948.....	380
МЕНЬШИКОВА ЭММА / 1955	383
МИРОНОВ ВЛАДИМИР / 1946–2005	386
МИТРОХИН ВАЛЕРИЙ / 1946	386
МОРОЗОВ ЕВГЕНИЙ / 1955.....	389
МУСОНОВА ЛЮДМИЛА / 1948–2014.....	395

Н

НИКОЛАЕВА ОЛЕСЯ / 1955	396
НИКОНОВА ЛЮБОВЬ / 1951–2012.....	397

П

ПАВЛОВ ЮРИЙ / 1950.....	398
ПАРЩИКОВА ЛЮДМИЛА / 1951–2015.....	408
ПОДЛУЗСКИЙ ВЛАДИМИР / 1953–2020	410
ПОЗДНЯЕВ МИХАИЛ / 1953–2009	412
ПОЛЯЧЕНКО ГЕОРГИЙ / 1950–2014.....	416
ПОМЕРАНЦЕВ ИГОРЬ / 1948	417

Р

РАТНЕР АЛЕКСАНДР / 1947.....	418
РАТУШНЫЙ АЛЕКСЕЙ / 1952.....	419
РАХМАТУЛЛИН ВАЛЕРИЙ / 1951	423

На обложках размещены

МОНУМЕНТЫ МУЖЕСТВА И СЛАВЫ

Книга I

«ВОИН-ОСВОБОДИТЕЛЬ»

Монумент в берлинском Трептов-парке. Скульптор – Е.В. Вучетич, архитектор – Я.Б. Белопольский, художник – А.А. Горпенко. Открыт 8 мая 1949 года. Высота скульптуры – 12 метров, вес – 70 тонн. Монумент «Воин-освободитель» является символом победы советского народа в Великой Отечественной и Второй мировой войне, а также освобождения народов Европы от нацизма.

Книга II

«РОДИНА-МАТЬ ЗОВЁТ!»

В мае 1959 года под руководством скульптора Е.В. Вучетича на Мамаевом кургане в Волгограде началось сооружение памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы». 15 октября 1967 года состоялось торжественное открытие памятника. Высота статуи – 85 м вместе с мечом, 52 м – без меча.

Книга III

«СТОЯТЬ НАСМЕРТЬ»

Монумент воина-защитника, собирательный образ которого имеет внешние черты маршала В.И. Чуйкова, командующего 62-й армией. Скульптура находится в Волгограде на Мамаевом кургане. Площадь, на которой воздвигнут памятник, символизирует самые тяжёлые моменты Битвы под Сталинградом. У основания – надписи: «За Волгой для нас Земли нет», «Стоять насмерть», «Ни шагу назад!», «Не посрамим священной памяти», «Каждый дом – это крепость». Данные слова стали внутренним убеждением всех защитников города.

Книга IV

МОНУМЕНТ ГЕРОИЧЕСКИМ ЗАЩИТНИКАМ ЛЕНИНГРАДА

Открыт 9 мая 1975 года к 30-летию Победы в Великой Отечественной войне. Авторы – народные художники СССР С.Б. Сперанский, В.А. Каменский и М.К. Аникушин. В зале, расположенном под монументом, на площади 1200 кв. м размещены документы и экспонаты, связанные с блокадой Ленинграда. Там же демонстрируются два документальных фильма, карта героической Битвы за Ленинград. Зал оформлен двумя мозаичными панно – «Блокада» и «Победа».

Книга V

«РОДИНА-МАТЬ»

Скульптура расположена на Пискарёвском мемориальном кладбище. Скульпторы – В.В. Исаева и Р.К. Таурит. На месте массовых захоронений жителей блокадного Ленинграда и воинов-защитников города в период с 1945 по 1960 год по проекту архитекторов А.В. Васильева и Е.А. Левинсона был возведён мемориальный комплекс, его торжественное открытие состоялось 9 мая 1960 года.

Книга VI

«МУЖЕСТВУ, СТОЙКОСТИ, ВЕРНОСТИ КОМСОМОЛЬСКОЙ»

Памятник создан в честь комсомольцев Севастополя. Они не только воевали в боях в первые годы Великой Отечественной, но и принимали активное участие в восстановлении города после войны. Композицию составляют солдат с оружием в руках, раненый матрос и девушка-санитарка. Их фигуры сделаны из органического стекла, стилизованного под бронзу. При установке в 1963 году у подножия монумента заложили капсулу с посланием будущим поколениям.

Книга VII

МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС «КЛЯТВА»

Монументальная скульптурная композиция в г. Краснодаре (Украина) находится на площади имени «Молодой гвардии» и является частью мемориального комплекса «Клятва», состоящего из братской могилы и памятника. Он изображает момент клятвы подпольщиков-комсомольцев – членов штаба «Молодой гвардии»: Олег Кошевой, Ульяна Громова, Иван Земнухов, Сергей Тюленин и Любовь Шевцова клянутся бороться с врагом. Комплекс создан ворошиловградскими скульпторами В.И. Агибаловым, В.И. Мухиным, В.Х. Федченко и киевским архитектором А.А. Сидоренко. Монумент торжественно открыт 12 сентября 1954 года.

Книга VIII

«ЗОЕ – БЕССМЕРТНОЙ ГЕРОИНЕ СОВЕТСКОГО НАРОДА. 1923–1941 гг.»

На 85-м километре Минского шоссе, на пересечении трассы Москва – Минск с Московским большим кольцом, воздвигнут памятник Зое Космодемьянской – первой женщине, удостоенной посмертно звания Героя Советского Союза во время Великой Отечественной войны. Скульпторы – О.А. Иконников и В.А. Фёдоров, архитектор – А.М. Каминский. Дата установки – 1957 год.

Книга IX

МЕМОРИАЛЬНЫЙ МОНУМЕНТ «ГЕРОЯМ АДЖИМУШКАЯ» (КЕРЧЬ)

Мемориальный ансамбль сооружён у одного из входов в Центральные Аджимушкайские каменоломни. Он представляет собой двухпилонную многофигурную композицию. На лицевой стороне пилонов – горельефные многофигурные скульптурные композиции, изображающие защитников каменоломен – советских воинов, партизан и местных жителей. Монумент был открыт в 1982 году. Авторами являются украинские скульпторы Е.Е. Горбань и Б.Е. Климушко.

За эскиз мемориала архитектор С.Н. Миргородский был награждён золотой медалью студии Грекова.

Книга X

МЕМОРИАЛ «ЗАЩИТНИКАМ СОВЕТСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ» («АЛЁША»)

Расположен на окраине Мурманска, возвышаясь над городом и Кольским заливом на 173 метра. Памятник был заложен 17 октября 1969 года, к его возведению приступили в мае 1974-го, а к 30-летию разгрома немецко-фашистских войск в Заполярье – 19 октября 1974 года – состоялось открытие монумента. Инициатором сбора средств на его сооружение стал коллектив плавмастерской «Резец». Проект комплекса был разработан архитектором И.А. Покровским и скульптором И.Д. Бродским. 9 мая 1975 года в мемориальном комплексе прошло торжественное перезахоронение останков Неизвестного солдата и был зажжён Вечный огонь, перенесённый к подножию «Алёши» от памятника 6-й Героической батарее. В октябре 2004 года, к 60-й годовщине победы советских войск в Заполярье, мемориал дополнила аллея памятных плит городов-героев. Под ними находятся капсулы с землёй из этих городов.

Книга XI

МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС, ПОСВЯЩЁННЫЙ ПАМЯТИ СОВЕТСКИХ СОЛДАТ, ПАВШИХ В БОЯХ ПОДО РЖЕВОМ В 1942–1943 ГОДАХ В ХОДЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Возведён на месте ожесточённых боёв Ржевско-Вяземской операции по инициативе ветеранов Великой Отечественной войны Российским военно-историческим обществом при поддержке Союзного государства, Министерства культуры РФ, Правительства Тверской области и Музея Победы. Создан исключительно на народные пожертвования. Открыт 30 июня 2020 года.

Книга XII

МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС «БЕЗЫМЯННАЯ ВЫСОТА»

Военно-исторический мемориал и музей открыты 9 мая 1980 года в Куйбышевском районе Калужской области. Проект мемориала создан архитектором Е.И. Киреевым, скульпторы памятника – братья А.Д. и Н.Д. Шербаковы. Бессмертному подвигу 18 воинов-сибиряков посвящена песня композитора В.Е. Баснера на слова поэта М.Л. Матусовского «На безымянной высоте». Название этой песни и определило название музейного комплекса, состоящего из памятника павшим воинам, землянки в три наката и музея.

Литературный фонд «Дорога жизни»

ВОЙНА И МИР

АНТОЛОГИЯ:

Великая Отечественная война (1941–1945) в русской поэзии XX–XXI вв.
В 18 книгах

Книга XII (Дети; С–Я, авторы с 1946 по 1955 г.р.)

Идея проекта
Мизгулин Дмитрий Александрович

Руководитель проекта
Мизгулин Дмитрий Александрович

Главный редактор, редактор-составитель
Лукин Борис Иванович

Технический редактор, корректор
Денисова Виктория Викторовна

Редактор
Рыбакова Валентина Александровна

Вёрстка
Евменова Анастасия Анатольевна

ISBN 978-5-6049330-5-3

9 785604 933053

Подписано в печать 26.06.2023. Формат 60x84/16
Бумага «Колор Файн». Печать офсетная,
гарнитура PT Serif. Печ. л. 18. Тираж 900 экз.
Заказ № 3787

Отпечатано в типографии «Любавич»
Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, 9
Телефон/факс: 8 (812) 603-25-25, 8 (812) 333-96-06